

№1 - 2010

ISSN 2181-032X

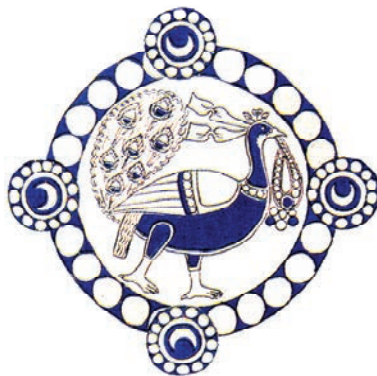
О'ЗБЕКИСТОН АРХЕОЛОГИЯСИ

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

О'ЗБЕКИСТОН RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI
Y. G'ULOMOV NOMIDAGI ARXELOGIYA INSTITUTI
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ Я. ГУЛЯМОВА

О'ЗБЕКИСТОН АРХЕОЛОГИЯСИ

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

№ 1

Самарканд - 2010

O'ZBEKISTON ARXEOLIGIYASI - ARXEOLIGIYA UZBEKISTANA

Главный редактор

Темур Ширинович Ширинов

Заместитель главного редактора

Амриддин Эргашевич Бердимуратов

Ответственный секретарь

Мухтор Хасанович Пардаев

Редакционная коллегия:

к.и.н. Р. Абдиримов	к.и.н. К. Абдуллаев
проф. Н.А. Аванесова	к.и.н. Ш.Т. Адьлов
к.и.н. А.А. Анарбаев	к.и.н. Т.Дж. Аннаев
к.и.н. С.Р. Баратов	к.и.н. Г.И. Богомолов
д.и.н. М.Х. Исамиддинов	к.и.н. Ф.А. Максудов
д.и.н. Б.Х. Матбабаев	к.и.н. Ш.Р. Пидаяев
к.и.н. У.В. Рахманов	к.х.н. М.А. Реутова
к.и.н. В.Д. Рузанов	к.и.н. К. Сабиров
к.и.н. Б.К. Сайфуллаев	к.и.н. С.С. Суёнов
к.и.н. Н.У. Холматов	к.и.н. М. Хужаназаров

Редакционный совет:

акад. АН РУз А.А. Аскарлов
акад. АН РУз Ю.Ф. Буряков
проф. Ф. Грене (Франция)
акад. РАН А.П. Деревянко (Россия)
проф. М.Дж. Джуракулов
акад. АН РУз У.И. Исламов
д.и.н. М.Ш. Кдырниязов
акад. АН РУз А.Р. Мухамеджанов
проф. К. Рапен (Швейцария)
акад. АН РУз Э.В. Ртвеладзе
д.и.н. А.С. Сагдуллаев
доктор С. Страйд (Англия)
д.и.н. Р.Х. Сулейманов
проф. У. Такао (Япония)
д.и.н. Т.К. Ходжайов (Россия)
к.и.н. Г. Ходжаниязов
проф. К. Шимчак (Польша)
д.и.н. В.Н. Ягодин

ARCHAEOLOGY OF UZBEKISTAN

Editor-in-chief

Temur Shirinovich Shirinov

Deputy Editor

Amriddin Ergashovich Berdimuradov

Secretary

Muhtor Hasanovich Pardayev

Editorial Board:

Dr. R. Abdirimov	Dr. K. Abdullaev
Prof. N.A. Avanesova	Dr. Sh.T. Adylov
Dr. A.A. Anarbaev	Dr. T.J. Annaev
Dr. S.R. Baratov	Dr. G.I. Bogomolov
Prof. M.H. Isamiddinov	Dr. F.A. Maksudov
Prof. B.H. Matbabaev	Dr. Sh.R. Pidaev
Dr. U.V. Rahmanov	Dr. M.A. Reutova
Dr. V.D. Ruzanov	Dr. K. Sabirov
Dr. B.K. Sayfullaev	Dr. S.S. Suyunov
Dr. N.U. Holmatov	Dr. M. Hudjanazarov

Editorial Council:

Academician A.A. Askarov
Academician Yu.F. Buryakov
Prof. F. Grenet (France)
Academician A.P. Derevyanko (Russia)
Prof. M.D. M.D. Djurakulov
Academician U.I. Islamov
Prof. M-Sh. Kdymiyazov
Academician A.R. Muhammedjanov
Prof. C. Rapen (Switzerland)
Academician E.V. Rtveldadze
Prof. A.S. Sagdullaev
Dr. S. Stride (UK)
Prof. R.H. Suleymanov
Prof. U. Takao (Japan)
Prof. T.K. Hodjayov (Russia)
Dr. G. Hodjaniyazov
Prof. K. Shimchak (Poland)
Prof. V.N. Yagodin

Журналимизнинг қадрли ўқувчилари ва бўлғуси муаллифлари!

Мана қўлингизда “Ўзбекистон археология”си журнаlining илк сони. Бу янги журналнинг мақсади Ўзбекистон археологиясига оид фундаментал мақолалар, тезкор илмий хабарлар ва ҳамкорликдаги халқаро экспедициялар натижасида қўлга киритилган янгиликларни чоп этишдан иборатдир. Ўзбекистон археологияси, айниқса Мустақиллигимиз даврида катта ютуқларга эришди, олимларимизнинг илмий мақолалари, монографиялари республикамиз ва хорижий мамлакатларда кўп нусхаларда нашр этилди, шунга қарамасдан, ҳозирга қадар ўзбек археологларининг махсус илмий журнали йўқ эди. Биз Мустақиллигимизнинг 19 йиллиги арафасида “Ўзбекистон археологияси” журнаlinи мунтазам равишда нашр этишга жазм этдик.

Журналимиз таҳририят кенгаши, журналда Ўзбекистон археологиясининг энг сўнги янгиликларини, узоқ йиллар давомида ўтказилган тадқиқотларнинг умумлашма илмий хулосаларини, шунингдек археология билан уйғунлашган антропология, палеонтология, нумизматика, этнография, тарихий топонимика ва эпиграфикага оид мақолаларни нашр этишни ҳам мўлжалламоқда. Журналнинг ҳар бир сониде археологияга оид янги китобларнинг илмий таҳлили, симпозиумлар, конференция ва анжуманлар ҳақидаги маълумотларни чоп этиб боришни ният қилганмиз.

Журналимизнинг “Ёш тадқиқотчи минбари” номли рукнида археология соҳасига энди кириб келаётган ёш тадқиқотчиларнинг мақолаларига ҳам кенг ўрин бериши мўлжалланган. Зеро, ёш олимларнинг дастлабки мақолаларини журналимизда чоп этилиши уларнинг фан олдидеги маъсулиятларини янада оширади, деб ўйлаймиз.

Азиз ўқувчилар! Сиз журналимизнинг биринчи сони билан танишиб чиқдингиз! Марҳамат қилиб, энди, Сиз азизларда пайдо бўлган фикр ва эътирозларни, чоп этилган мақолалар ҳақидаги танқидий фикрларни бизга билдирсангиз бағоят хурсанд бўлардик. Чунки, Сизнинг холис фикрларингиз, доно маслаҳатларингиз журналимизни янада ўқимшли ва фойдали бўлишига хизмат қилади. Бизнинг мақсадимиз, Республикамизда шунчаки яна бир янги журнал нашр қилиши эмас, балки Ўзбекистон археологияси фани ютуқларини жаҳонга ёйилишига, унинг равнақига хизмат қиладиган, археологияга оид янги маълумотларни халқимизга етказиб берадиган журнал нашр қилишидир.

Сиз билан журнал орқали бўладиган кейинги учрашувларимиз ҳам хайрли бўлишига, Сиздан ҳар томонлама кўмак олишимизга ишонамиз.

Журнал бош муҳаррири, профессор: Т.Ш. Ширинов

ЎЗБЕКИСТОНДА АРХЕОЛОГИЯ ФАНИНИНГ ШАКЛЛАНИШИ ВА РИВОЖЛАНИШИ ТАРИХИДАН

© 2010. Т.Ш. Ширинов, А.Э. Бердимуродов, М.Х. Пардаев
СамДУ, ЎзР ФА Археология институти

“Телескоп астрономияда коинот жисмларини кўриш имкониятини қанчалик оширган бўлса, археология фани ҳам ўтмишнинг чексиз уфқларини кўришни шу даражада кенгайтди. Микроскоп биология фанида организмлар қобиқларини жуда кичик хужайралар ташкил этишини кашф этканидек, археология ҳам тарихшуносликда ўтмишни ўрганиш имкониятларини юзлаб қарра оширди”.

Г. Чайлд

Археология фани дунё миқёсида катта тарихий тақдирга эга, ўз шаклланиш ва тараққиётининг узоқ йўлини босиб ўтган ижтимоий гуманитар фан соҳасидан биридир. Манбалардан маълумки, инсоният антик даврдаёқ қадим ўтмиш тарихга, моддий маданият ва санъат намуналарини ўрганишга қизиқа бошлаган (Фукидид, Павсоний, Плиний...). Юнон файласуфи Платон (Афлотун) ўз асарида “археология” атамасини мил. авв. IV асрдаёқ “қадимги даврларда ўтган воқеалар” маъносида ишлатган. Милoddан аввалги VI асрда Вавилон ҳукмдори Набониднинг қадимги жойларда қазилар ўтказгани, Қадимги Римда ҳам мунтазам қидирув қазилмалари олиб борилгани ҳақида маълумотлар мавжуд. Демак, археология фан сифатида шаклланиш жиҳатидан бошқа соҳаларга нисбатан анча ёш бўлсада, унинг мукаддима илдизлари узоқ тарихий даврларга бориб тақалади.

Қадимги тарих ва санъат намуналарига бўлган қизиқиш ўрта асрларда бир қадар пасайган. Лекин XIV-XVI асрлардаги Европа “Уйғониш даври”да кўхна осори – атиқалар ва антик давр маданияти, айниқса, тасвирий санъатига бўлган қизиқиш қайтадан кучайган. “Уйғониш даври” ҳайкалтарошлари, рассомлари узоқ антик даврда ўтган ҳамкасблари ижоди таъсирида ва ҳатто уларга тақлид қилган ҳолда ўз асарларини ярата бошлаганлар. Натижада, ўша давр жамиятининг муайян табақаси, аслзодалар орасида қадимги дунё, айниқса антик даврга оид асл нусха осори – атиқаларни тўплаш, кенг миқёсда “коллекциячилик” ишларини йўлга қўйиш одат тусига кирган. Бу ҳолат ўз навбатида, XVII асрда режасиз асосда, хазина қидириш илинжида кўп сонли қазув ишларини ўтказила бошлашга ва катта миқдордаги археология ёдгорликларини йўқ бўлиб кетишига сабаб бўлган.

Ғарбий Европада кечган жараёнлар сингари Россияда ҳам кўхна ашёларга бўлган қизиқиш анча эрта XVII асрдан бошланган. XVIII асрнинг иккинчи ярмига келиб Россия дворянлари ўртасида антик даврнинг санъат асарлари ва умуман моддий маданияти намуналарига бўлган эҳтиёж жуда кучайиб кетган. Шу сабабли, скиф мозорқўрғонлари, Қрим ярим оролидаги қадимги юнон полис – шаҳарлари, Босфор подшоҳлигига қарашли кўхна ёдгорликлар аёвсиз равишда қазиб очила бошлаган.

Бу давр “археологияси”, асосан қимматбаҳо металлдан ишланган ашёлар, мумтоз санъат намуналарини қўлга киритишни мақсад қилиб олган. Сабаби, бундай осори – атиқаларни бозори чакқон бўлиб, уларни Европа мамлакатларидаги аукционларда, музейлар ва шахсий коллекционерларга яхши нархларда сотиш мумкин эди. Энг ачинарлиси, асосий мақсади моддий манфаат кўриш бўлган ушбу “тадқиқот”ларнинг на илмий, на услубий жиҳатларига эътибор берилган. Маълумотларга кўра, XIX аср ўрталарида биргина граф А.С. Уваров томонидан қисқа муддат ичида юзлаб мозорқўрғонлар қазиб очилган ва ундаги моддий маданият намуналари талон-тарож қилинган. Бу пайтда, юқорида таъкидланганидек, қазув-қидирув ишлари билан асосан, бой-бадавлат, аслзода одамлар шуғулланган ва ҳақли тарзда мазкур давр изланишлари “дворянлар археологияси” номи билан тарихга кирган.

Маълумки, бу даврларда, яъни XVIII асрнинг охири XIX асрнинг биринчи ярмида Туркистонда қадимги жойларда, кўхна маконларда, қазув ишлари олиб бориш одат тусига кирмаган. Бу ҳолатни маҳаллий аҳолининг маънавий, руҳоний дунёқараши билан изоҳлаш мумкин. Зеро, ўлканинг руҳоний ҳаётида устувор бўлган ислом аҳкомлари, шариат қоидалари бўйича кўхна жойлар, муқаддас қадамжойлар, қадимий қабристонлар ва маконлар ўрнини қазиб, марҳумлар руҳини безовта қилиш “гуноҳи кабир” ҳисобланган. Лекин ушбу фикрлар ўша замонларда Туркистон ўлкаси аҳолисида ўз ўтмиш тарихига, қадимий аждоқлардан қолган моддий маданият намуналарига қизиқиш, улар ҳақида муайян билим, илмий тушунчалар батамом бўлмаган деган ғайри илмий маънони бермайди. Бинобарин, Туркистон ўлкаси подшо Россияси қўшинлари томонидан истило қилиниб, ундаги мавжуд учта хонлик вассал давлатларга айлантирилгандан сўнг, XIX асрнинг 70-йилларидан бошлаб ўлка халқларининг ўтмиш тарихи ва маданиятини фаол тарзда ўрганишга киришган рус мутахассислари, ушбу тадқиқотларнинг муваффақиятли амалга ошиши учун маҳаллий аҳолининг пешқадам зиёлилари, илғор фикрловчи уламолари билан ҳамкорлик алоқаларини ўрнатганлари ҳақида аниқ маълумотлар мавжуд.

Ўша даврларда Россия ижтимоий гуманитар фанининг дарғалари ҳисобланган Н.И. Веселовский, В.В. Бартольд, Е.Ф. Каль, А.Н. Самойлович ва кўплаб бошқа таниқли олимлар ўзларининг Туркистон бўйича ўтказган тадқиқотларида маҳаллий ўлкашунослар, коллекционерлар ва қадимият ҳаваскорларидан катта амалий кўрсатмалар, қимматли йўл-йўриқ, маслаҳатлар олганликларини, ўз хотира ва ҳатто илмий асарларида бот-бот таъкидлаганлар.

Самарқандлик ҳаттот, мусаввир Мирзо Қосимов “юз юзининг сайқали” бўлган шаҳардаги мавжуд маҳобатли меъморий ёдгорликларнинг “нақши – нигори”дан маҳорат билан нусха олиш ва уларни тўплаш билан машғул бўлган. Шунингдек, у Жиззах яқинидаги Илон ўтти дараси қоясига Мирзо Улуғбек ва Абдуллахон II томонидан битилган тарихий тош лавҳадан ҳам нусха кўчирган. Мирзо Қосимов ўзининг юқорида таъкидланган суратлар тўплами билан 1886 йилда Тошкентда ўтказилган Туркистоннинг хунармандчилик ва саноати кўрғазмасида қатнашган ва махсус мукофотга сазовор бўлган (Садыкова, 1975. 45 с.).

Тошкентлик савдогар Акрам Асқаров ўзининг кўп сонли, турли даврларга оид қадимий ашёлар коллекцияси билан шуҳрат қозонган. У Н.И. Веселовский раҳбарлигида Туркистонда ўтказилган қазув-қидирув тадқиқотларида бир неча марта қатнашган. Н.И. Веселовскийнинг таърифига кўра, Акрам Асқаров, айниқса

қадимги тангаларни йиғишда катта тажрибага эга бўлган, у аксарият ҳолларда тангалардаги ёзувни беҳато ўқиган, зарб қилинган шахри ва санасини тўғри аниқлаган. Акрам Асқаров коллекцияси ўз даври учун нафақат катта илмий қимматга эга, балки унинг коллекциячилик саъй - ҳаракатининг ўзи ўша давр учун Туркистон зиёлилари фаолиятидаги нодир ҳодиса ҳисобланган.

Туркистонга илмий мақсадда келган таниқли олимлар биринчи навбатда ўз ишларини Акрам Асқаров коллекцияси билан танишишдан бошлашар эди. У ўша пайтда Туркистонда энди куртак отаётган археология фанининг фаол иштирокчиси, ташкилотчиси ва ижрочиларидан бири бўлиб шаклланган.

Маълумотларга қараганда, таниқли рус шарқшуноси, археолог олим, проф. Н.И. Веселовский (1848-1918) Туркистонга қилган дастлабки илмий сафари пайтида, тақдир уни Акрам Асқаров билан учраштиради. Афросиёб ва унинг атрофидаги ёдгорликлар, Бухоро, Сирдарё, Фарғона вилоятларидаги тарихий обидаларни ўрганишда Акрам Асқаров унга катта ёрдам беради. Акрам Асқаровнинг маҳаллий аҳоли билан тезда тил топишиши, кўхна ёдгорликлар ҳақидаги билими, айниқса археологияга оид асосий, таянч ёдгорликларнинг жойлашган ўрнини аниқ топиб бериши Н.И. Веселовский тадқиқотлари муваффақиятининг гарови бўлиб хизмат қилади ва у қазув тадқиқотлари жараёнида ҳақли тарзда машҳур олимнинг ўнг қўлига айланади.

Акрам Асқаровни нафақат кўхна осори-атиқалар йиғувчи коллекционер, балки биринчи ўзбек ҳаваскор археолог сифатида ҳам эътироф этиш мумкин. Бу борада Н.И. Веселовскийнинг Акрам Асқаровни Туркистон археологияси ривожига қўшган ҳиссасини тақдирлаш ҳақидаги “Рус Археология жамияти” комиссиясига ёзган тақдимнома хати диққатга сазовордир. Тақдимномада муаллиф Акрам Асқаровнинг коллекциячилик ва археологик қазув ишларда кўрсатган фаолиятини юқори баҳолаб қуйидагиларни ёзади: “Туркистон ўлкасида қадимги ашёлар билан савдо қилувчилар кўплаб учрайди, рус коллекциячилари ҳам аксарият ҳолларда бундай савдодан фақат фойда кўриш мақсадида иш олиб борадилар. Лекин Акрам Асқаров археология билан фаол тарзда қизиқсада, ундан моддий фойда кўришни ўйламайди, аксинча археологиянинг ривожини учун ўз ҳисобидан ҳақ тўлайди... Сирдарё, Фарғона вилоятлари ва Бухоро амирлигига уюштирган археологик сафарларимда шахсан мен учун у жуда катта хизмат қилди, унинг ёрдамисиз кўп нарсани билмас ва муваффақиятга эришмас эдим” (Лунин, 1964, 231-232 с.). 1887 йилда “Рус Археология жамияти” Акрам Асқаровни “Археология ривожига қўшган ҳиссаси учун” кичик кумуш медал билан мукофотлайди. Ўша давр матбуотининг берган хабарига кўра, у “ўз даврида туркистонликлардан чиққан машҳур, нодир археологик буюмлар йиғувчи ва Париждаги илмий археология жамиятининг аъзоси эди” (“Туркестанские ведомости”, 1912, №46).

Акрам Асқаров вафоти арафасида (вафоти 1891 й.) ўз коллекциясини давлатга топширишни ва давлат одамлари саъй – ҳаракати туфайли илм-фанга хизмат қилишини таъминлашни васият қилган. Ушбу васиятга кўра, унинг коллекциясидан 504 та танга, жумладан, 5 та олтин, 321 та кумуш, 178 та мис танга Туркистон генерал-губернатори А.Б. Вревскийнинг шахсан кўрсатмаси билан Император Эрмитаж музейига топширилган (Лунин, 1964, 233-246 с.).

Туркистон ўлкаси қадим тарихи ва маданияти ўрганилишининг яна бир жонкуяри, самарқандлик ўзбек, таниқли коллекцияси ва ўлкашунос Мирза Абдулла Бухорий, аслида иккинчи гильдияли савдогар бўлиб, ўз даврининг илғор фикрловчи зиё-

лиларидан эди. У узоқ йиллар давомида қадимги ашёларни йиғиш ва уларни ўрганиш билан шуғулланган. 1880 йилларда ўлка археологияси билан шуғулланишни бошлаган Н.И. Веселовский Мирза Абдулла билан алоқа боғлаган, ҳамкорлик ишларини бошлаган, коллекциясини кўздан кечириб, ундан 1202 та қадимий ашё, хусусан, 11 та олтин, 77 та кумуш, 951 та мис танга, 18 та муҳр, 6 та одам ва ҳайвонларнинг тош ҳайкалчаси ва бошқа намуналарни олган.

Мирза Абдулла Бухорий кейинги даврдаги ўз фаолияти туфайли оддий қадимги ашёлар йиғувчисидан маҳаллий ўлкашунос, нумизмат ва ҳаваскор археолог даражасига ўсиб чиққан. Ушбу фикрларнинг тўғрилигини унинг “Рус Археология жамияти” комиссиясига ёзган хатидаги “барча фаолияти фан ва жамият фойдаси, маҳаллий аҳолида қадимги осори-атиқалар ҳақида муайян билим ва тушунчалар ҳосил қилиш учун бағишлангани” ҳақидаги маълумотдан ҳам билса бўлади (Муминов, 1957, 116 с.).

Россиядаги октябрь давлат тўнтаришигача бўлган давр Ўрта Осиё археологиясини ўрганишда маҳаллий зиёлилар вакилларининг ҳам хизматлари эътиборга сазовор бўлган. Туркистон халқлари қадимиятини ўрганиш ҳаваскорларидан яна бири самарқандлик ҳаттот Мулла Қози ибн Мулла Абдурашид ўғли Абу Саид Маҳсум эди. Самарқанддаги Шайбонийхон мадрасасида мударрис бўлиб фаолият кўрсатган бу уламо ҳақида Н.И. Веселовский – “Мирза Абу Саид Маҳсум тимсолида Самарқанднинг энг ўқимишли, мусулмон адабиёти билимдонларидан бири билан танишишга мушарраф бўлдик”- деб эътироф этган эди (Лунин, 1966, 177 с.).

Машҳур шарқшунос олим В.В. Бартольд ҳам Абу Саид Маҳсум билан шахсан таниш бўлган ва ундан Султон Шохруҳ Мирзо замонидан Шайбонийларнинг сўнгги вакиллари ҳукмронлигига қадар даврга тегишли турли ёрликлар, ҳужжатлар, вақфномаларни олган (Бартольд, 1904, 219 с.).

Ҳаттотлик санъатини мукаммал эгаллаган Абу Саид Маҳсум Самарқанддаги меъморий обидалар, хусусан Гўри-Амир ва Шоҳи-Зинда макбаралари қабртошлари ёзувларидан усталик билан нусха кўчирган. Унинг кўчирган нусхаларидан Н.И. Веселовский, В.А. Крачковская, А.А. Семёнов каби таниқли шарқшунослар ўз илмий тадқиқотларида кенг фойдаланишган (Лунин, 1969, 178-180 с.).

XX асрнинг биринчи ўн йиллиги охирларида В.Л. Вяткин раҳбарлигида Улуғбек расадхонаси қолдиқларини топиш мақсадида ўтказилган қидирув-қазув ишлари катта муваффақиятга эришади. В.А. Шишкин таърифи билан айтганда, ... “қазув ишлари Ўрта Осиё халқлари маданиятининг дурдона ёдгорликларидан бири, дунё миқёсидаги кашфиёт, рус ва чет эл илмий нашрларида катта мунозара ва муҳокамаларга сабаб бўлган Улуғбек расадхонасининг очилиши билан ниҳояланади” (Шишкин, 1953. 5 с.).

Маълумотларга қараганда, дунё миқёсида шов-шувга сабаб бўлган ушбу кашфиётни очилишида Абу Саид Маҳсумни ҳам хизматлари катта бўлган. Ўтган асрларда битилган вақф ҳужжатларини синчиклаб ўрганган, ундаги маълумотларни оғзаки ҳолда, авлоддан – авлодга ўтиб келаётган этнографик маълумотлар, афсоналар билан солиштирган, тасодифий топилмалар қайд этилган жойларни ҳисобга олган Абу Саид Маҳсум В.Л. Вяткинга расадхона жойлашган тепаликни аниқ кўрсатиб берган.

Абу Саид Маҳсумнинг Туркистон ўлкаси археологияси ва шарқшунослиги ривожига қўшган ҳиссаси рус олимлари томонидан рўйи – рост тан олинган ва тақдирланган. 1909 йилда Ўрта ва Шарқий Осиёни ўрганиш комитети уни расадхо-

на очилишига муносиб ҳисса қўшган, В.Л. Вяткиннинг фаол ёрдамчиси сифатида 100 рубль пул мукофоти билан тақдирлайди. Абу Саидни мукофотлаш тўғрисида В.В. Бартольд ёзган тавсияномада... “В.Л. Вяткин берган маълумотга қараганда, Улуғбек расадхонаси ўрнини аниқлашда ва уни қазиб очишда Абу Саидни фикрлари ва кўрсатган амалий ёрдами ғоят қимматли бўлган” деган сатрлар мавжуд (Лунин, 1967, 182 с.).

Дарвоқе, Абу Саид Маҳсумнинг юқорида баён қилинган фаолиятини, шунингдек, Абу Тоҳирхожа Самарқандий қаламига мансуб “Самарийа” асарини 1899 йил В.Л. Вяткин томонидан рус тилида, 1904 йил Н.И. Веселовский томонидан форсийда нашрдан чиқарилишидаги катта хизматлари эътиборга олинса, рус ҳукумати унинг илмий ва ташкилотчилик фаолиятини анча камтарона баҳолаган деб эътироф этиш мумкин. Лекин таъкидлаш жоизки, археология ривожига қўшган муносиб ҳиссаси учун кичик кумуш медаль билан мукофотланган тошкентлик ҳаваскор археолог Акрам Асқаровдан сўнг (1887 й.), бу Туркистон археологияси тарихидаги навбатдаги қувончли воқеа эди.

Абу Саид Маҳсум Улуғбек расадхонаси очилганидан сўнг, бироз вақт ўтиб, 1910 йилда вафот этади. Оғир хасталикка учраган Маҳсум умрининг сўнгги кунларига қадар Афросиёбда В.Л. Вяткин ўтказаятган қазишма ишлари жойига бориб турган.

Бу даврда Етгисув вилоятида яна бир ҳаваскор маҳаллий археолог Турди Мирғиёзов ҳам қазишмалар ўтказган, у ўн олти йил мобайнида қадимий археологик ашёларни тўплаш билан шуғулланган. Ўзбекистон Давлат Марказий архив фондида унинг археолог А.А. Диваевга ёзган расмий хати сақланиб қолган. Ушбу хатда у Тўқмоқ тумани атрофида сақланиб қолган қадимги ирригация тармоқлари ва кўҳна шаҳар харобалари, унда ўзи бошчилигида ўтказилган қазув ишлари, антиқа топилмалар ҳақида хабар беради. Турди Мирғиёзов катта ачиниш билан мазкур кўҳна шаҳар иморатлари ва миноралари ғишлари маҳаллий аҳоли томонидан аёвсиз равишда ташиб кетилаётганини қайд этади. -“Биз бу ҳақда Вернийга учта телеграмма жўнатдик, лекин ҳеч қандай жавоб олмадик. Яна уч йил ўткандан сўнг мазкур ноёб минорадан ҳеч вақо қолмайди. Қисқа қилиб айтганда, Туркистон археологлари бу ердаги кўҳна ёдгорликларни ўз назоратларига олмас эканлар, фан ва тарих учун зарур бўлган обидаларнинг барчаси йўқ бўлиб кетади, келгуси авлодлар эса бунинг учун бизни лаънатлайдилар” - деб ёзади Турди Мирғиёзов (Садыкова, 1975, 51-52 с.).

Юқоридаги маълумотлардан кўриниб турибдики, XIX асрнинг сўнгги чорагида бошланган Туркистон археологиясини ўрганиш ишларида маҳаллий зиёлилар вакиллари ҳам қатнашиб, муайян малака ва тажрибаларни тўплаш бошлашган.

Холислик нуқтаи – назардан қайд этиш лозимки, 1895 йилда Тошкентда В.В. Бартольд ташаббуси билан ташкил этилган Туркистон Археологияси ҳаваскорлари тўгараги ҳам ўлка қадимшунослигини ўрганишга муайян ҳисса қўшган илмий – жамоатчилик ташкилоти сифатида тарихда қолган. Амалда 1917 йилгача фаолият кўрсатган тўгаракнинг асосий вазифаси Туркистон ўлкасидаги қадимий ёдгорликлар, шарқ қўлёзмалари, тарих, адабиёт, табобатга оид нодир китоблар, нумизматика ва этнографияга оид топилма ва коллекцияларни қайд қилиш, ҳисобга олиш ва ўрганишдан иборат эди.

Маълумки, Туркистон халқлари қадим тарихини ўрганиш билан дастлаб ўз даврининг таниқли шарқшунослари, қадимшунослари В.В. Бартольд, Н.И. Веселовский, М.С. Андреев, А.А. Диваев, Н.С. Ликошин, Н.Г. Маллицкий, Н.П. Остроумов, В.Л. Вяткин, А.А. Семёнов каби атоқли олимлар шуғулланганлар ва уларнинг акса-

рияги тўғаракка аъзо бўлганлар. Тўғарак аъзолари томонидан Туркистон ўлкаси тарихи, маъмурий тузуми бўйича ўрта аср шарқ қўлёзма манбалари, маҳаллий халқ афсоналари, мақоллари, маталлари, урф-одат ва фольклорга оид материаллар тўпланиб ўрганишга киришилган бўлсада, аслида бунинг замирида Россия империясининг ўлкада ўз мустамлакачилик бошқарув режимини мустаҳкамлаш сиёсати ётар эди. Шу ўринда машхур тарихшунос В.В. Бартольднинг қуйидаги—“...шарқ халқлари бизнинг маданиятимиз устунлигига шундагина ишонадиларки, қачонки биз уларни, улар ўзларини билганларидан яхшироқ билишимизга тан берсалар”-деган сўзлари бу борадаги айни ҳақиқатни баён қилади (Бартольд, 1963, 607-608 с.). Чунки истибдодга солинган муайян халқ тарихини, тилини, урф-одати ва маънавий дунёсини ҳар томонлама ўргангандагина уни қарамликда сақлаш ва бошқариш осон бўлишини подшо Россияси маъмурлари яхши билишар эди. Шунинг учун ҳам, Туркистон Археологияси хаваскорлари тўғараги илмий жамоатчилик асосида тузилган ташкилот бўлсада, унинг молиявий маблағлари Туркистон генерал-губернаторлиги хазинасидан ва ҳатто айрим ҳолларда, В.В. Бартольднинг шахсий сўровномалари асосида Россия императори хазинаси томонидан таъминланган. Ўз навбатида, тўғарак аъзолари ўлкадаги мавжуд нодир қўлёзмалар, моддий маданият намуналарини Россияга жўнатишга яқиндан кўмаклашганлар.

Шунга қарамасдан XIX аср охири XX аср бошларидаги Туркистон ўлкасида олиб борилган археологик изланишлар Ўзбекистон тарихшунослиги учун муҳим аҳамиятга эга бўлди. Ўрта Осиё аҳолисининг, жумладан ўзбек халқининг қадимий моддий маданият ёдгорликлари ўрганилишига дастлабки қадамлар қўйилди.

Ушбу жараёнларда маҳаллий халқнинг илғор зиёлилари, ўз ватанининг ўтмиш ёдгорликлари билан қизиқувчи Мирзо Қосимов, Акрам Асқаров, Мирзо Абдулла Бухорий, Абу Саид Маҳсум, Турди Мирғиёзов каби қадимги осори-атикалар, чақатангалар тўпловчи хаваскор ўлкашунослар ва археологларнинг илк намоёндалари шаклланди.

XIX асрнинг охири XX аср бошларида Туркистонда ўтказилган археологик тадқиқотларда В.В. Бартольд, В.Л. Вяткин, Н.И. Веселовский, Н.Ф. Ситняковский, А.А. Зимин каби археологлар фаол қатнашдилар. Бу даврда Туркистон археологияси бўйича етарли даражада қадимги моддий маданият намуналари йиғилган бўлсада, лекин уни даврлаштириш, “хронологик шкала”ларини яратиш ишида катта муаммолар мавжуд эди. Археологик ашёларни даврлаштириш тахминий асосда, содда усулда, кенг даврий саналар билан белгиланар, хусусан топилмалар, асосан “мусулмонликкача” (“домусульманский”), “мўғулларгача” (“домонгольский”), “темурийлар даврига оид” (“тимуридский”) каби атамалар билан аталиб, шу тарзда ёдгорликларнинг даврий санаси қайд қилинар эди.

Бу даврда ўтказилаётган археологик қазув тадқиқотларининг илмий натижаларини ўлка қадим тарихини ўрганишга, уни тўлдиришга йўналтириш махсус муаммо сифатида қўйилмаган Зеро, тадқиқотчилар археологик қазув ишларида тарихий ёзма манбалар маълумотларидан кенг фойдаланган бўлсаларда, бунга катта аҳамият беришмаган (Труды отдела истории культуры и искусства Востока, 1940, 53 с.).

Шунингдек, бу даврда Туркистон археология ёдгорликларини қазिश методикаси ҳам тўла-тўқис ишлаб чиқилмаган бўлиб, бунинг асосий сабаби, ўлка археология ёдгорликларининг ўзига хослиги, қадимий меъморий иншоотларнинг асосан паҳса ва хом ғиштдан қурилганлиги эди. Воҳаланки, бу пайтда Россия империясининг бошқа ўлкаларида, хусусан қадимги меъморий иншоотлар, асосан тошдан ва пишган

ғиштан қурилган Қора денгиз ва Кавказ орти археология ёдгорликларида ўтказилаётган қазув тадқиқот ишлари нисбатан муваффақиятли олиб борилмоқда эди.

Ўзбекистонда археология фани асосан XX асрнинг 20-30 йилларида ўзининг шаклланиш босқичини ниҳоясига етказди. Бу даврда В.Л. Вяткин Афросиёб шаҳар харобасини (1925; 1929, 1930 й.), Б.П. Денике қадимий Термизни (1926-1927 й.), М.Е. Массон Оҳангарон водийсининг айрим ёдгорликларини (1925-1928 й.), Айритом харобаларини (1932-1933 й.) қазиб ўргандилар. 1930 йилларда кенг кўламда қазилган ишларини А.Ю. Якубовский Зарафшон водийсида (1934, 1939 й.), М.Е. Массон қадимий Термизда (1936-1938 й.), В.А. Шишкин Тали-Барзуда (1936-1939 й.), Варахшада (1937-1939 й.), С.П. Толстов ва Я.Ф. Ғуломов кўҳна Хоразм воҳасида (1937-1950 й.), А.П. Окладников Тешиктош ва Мачай ғорларида (1938-1939 й.), В.В. Григорьев Қовунчитепа харобаларида (1934-1937 й.) олиб бордилар. Тўпланган археологик материаллар Ўзбекистон тарихини ниҳоятда қадимийлигини исботлади, уни даврлаштиришда муҳим манба бўлиб хизмат қилди, янги археологик маданиятлар – Калтаминор, Тозабоғёп, Амиробод, Қовунчи маданиятлари ўрганилиб фан муомаласига киритилди. Натижада, Бактрия, Хоразм, Суғд тарихий – маданий ўлкаларида қадимги даврлардан бошлаб ўзига хос маданий ҳаёт бунёд этилганидан фан олами воқиф бўлди. Айниқса, 1938 йилда ўтказилган тадқиқотлар натижасида, Тешиктош ғоридан неандерталь типига одам, “хомо сапиенс” скелетини топилиши Ўзбекистон археологиясидаги буюк кашфиёт ҳисобланиб, бу дунё олимларида катта қизиқиш уйғотди. Ушбу кашфиёт орқали Ўзбекистон диёри ҳам ер юзидан антропоген жараёнлари содир бўлган муҳим, энг қадимий масканлардан бири эканлиги фан оламида эътироф этилди (Мухаммаджонов, 2000, 434 б.).

Ўзбекистонда археология фанини ривожлантиришда Ўрта Осиё Давлат университетида Археология кафедрасини очилиши (1940 й.), ЎзФА қошида дастлаб Археология бўлимини, сал ўтиб тарих ва археология институтини ташкил этилиши (1943 й.), республикада қадимшунос мутахассисларни, айниқса маҳаллий кадрларни тайёрлашда катта аҳамиятга эга бўлди. Археология кафедрасида таҳсил олган талабалардан кўплари истиқболда, нафақат Ўзбекистон, Ўрта Осиё, ёки собиқ Иттифоқ давлатлари, балки, дунё миқёсида таниқли археолог бўлиб етишдилар. Кафедрада таҳсил олган Б.А. Литвинский, В.М. Массон, В.И. Сарияниди, Ю.Ф. Буряков, Э.В. Ртвеладзе, О.Б. Обельченко, Б.Д. Кочнев, Р.Ҳ. Сулаймонов, А.С. Сағдуллаев, С.Б. Лунина, Г.В. Шишкина, Ш.Р. Пидаяев, Б.А. Турғунов ва кўплаб бошқа мутахассислар археология фани тараққиётига муносиб ҳисса қўшдилар.

Ўтган асрнинг 30-40 йилларидан бошлаб археологияга маҳаллий кадрлар кириб кела бошлади. Бу жараёнларда “биринчи қалдирғоч” вазифасини ўтаган Я.Ф. Ғуломовнинг босиб ўтган ҳаёти йўли, илмий педагогик фаолияти ва илмий мероси ўзидан кейинги авлод ўзбек археологлари учун юксак намуна вазифасини ўтади.

Я.Ф. Ғуломовнинг илмий фаолияти кўп қиррали бўлиб, унинг диққат марказида Ўзбекистон тарихи ва археологиясининг асосан уч йўналиши муаммоларини ўрганиш турар эди. Булар: Ўзбекистоннинг қадимги даврлардан ҳозирги кунларгача бўлган суғорилиши тарихи; Ўзбекистоннинг уруғ жамоа тузуми археологияси ва тарихи, Ўрта Осиёнинг қадимги даврлардан октябр давлат тўнтаришигача бўлган тарихи. Ушбу илмий муаммоларни ҳал қилиш учун Я.Ф. Ғуломов республикамизнинг катта қисмида фаолият кўрсатган, бир қанча йирик археологик қидирув экспедицияларига бошчилик қилди. Натижада, Хоразм цивилизациясининг асосий тош

тамали бўлиб хизмат қилган ирригация тармоқларини ўрганилиши, неолит даврига оид Дарвозақир макони, Замонбобо қабристонини очилиши, Зарафшон ва Қашқадарё ҳавзаларидаги тош даври ёдгорликларини, Жиззахнинг шимолий–ғарбидан мажусийлар тош қурбонгоҳи (дольмен)ни топилиши, Тошкент воҳасидан Оби-Раҳмат, Фарғона водийсидан палеолит, мезолит, неолит, бронза ва машҳур Қува Будда ибодатхонасини очилиши каби муҳим кашфиётларнинг барчаси аллома Я.Ғ. Ғуломов номи билан боғлиқ бўлди. Айниқса, ўтган асрнинг 50-70 йилларида Я.Ғ. Ғуломов улкан илмий тадқиқот ишлари ва педагогик фаолияти билан илмий жамоатчиликнинг диққат марказида турди, таҳсинига сазовор бўлди (Ширинов, Пардаев, Мирзааҳмедов, 1998. 5 б.).

Фаннинг бирор соҳасида биринчилардан бўлиш, ҳам шарафли, ҳам маъсулиятли ишдир. Я.Ғ. Ғуломов ҳам биринчи ўзбек археолог олими, академиги бўлишдек шарафга, маъсулиятга мушарраф бўлди ва ўзбек археологиясини жаҳон фани даражасига кўтарилишига муносиб ҳисса қўшди. Я.Ғ. Ғуломовнинг улуғ хизматларидан бири Ўзбекистон археологияси фанига маҳаллий ёшларни жалб қилиш, уларни юксак малакали мутахассис сифатида шакллантириш ишларига бош-қош бўлишдан иборат бўлди.

Археология фани тадқиқотларининг баъзи бир ўзига хос хусусиятларини, хусусан ушбу соҳа мутахассисининг йил давомида маълум муддат оиласидан, яқин кишиларидан узоқда, экспедицияларда юриши каби ҳолатлар, бундан тахминан 50-60 йиллар муқаддам фан остонасида турган маҳаллий ёшларни иккилантирар, шу боис уларда тўғри қарор қабул қила олмаслик ҳолатлари учраб турарди. Шу сабабли, археология фанига маҳаллий ёшларни жалб қилиш масаласида юзага келган сезиларли даражадаги узилишлар, ўша даврларда кун тартибида турган маҳаллий кадрлар масаласининг долзарб муаммоларидан бири эди. Ўзбекистонда археология фанининг келажак равнақини ҳисобга олган Я.Ғ. Ғуломов бу борада ҳам баракали фаолият, амалий саъй-ҳаракат кўрсатди. Атрофига ёш, истеъдодли мутахассисларни йиғди, уларга турли давр ва ижтимоий тузумлар тарихи, моддий маданиятига оид диссертация мавзуларини белгилади, қазув–қидирув экспедицияларини ташкил қилди ва энг асосийси барча имкониятларни ишга солган ҳолда, ушбу ёшларни собиқ иттифокнинг машҳур археология марказларидан ҳисобланган, Москва, Санкт-Петербург, Новосибирскдаги илмий-тадқиқот масканлари аспирантураларига ўқишга киришларига кўмаклашди.

Я.Ғ. Ғуломовнинг кўп сонли шогирдларидан бири, академик А.Р. Муҳаммаджоновнинг таъкидлашича, бу даврларда устоз – “Ўзбекистон билимдон археолог кадрларга муҳтож” – дейишни канда қилмаган (Ширинов, Пардаев, Мирзааҳмедов, 1998, 6 б.).

Ушбу саъй – ҳаракатларнинг натижаси ўлароқ, 1950-1970 йилларда тарихчи ва археологларнинг ўзига хос “Ғуломов мактаби” дунёга келди ва айнан унинг замирида юртимизда “ўзбек археологияси мактаби”га асос солинди. Ушбу “мактаб”нинг вакиллари билан бўлмиш ЎзР ФА академиклари – А. Асқаров, А. Муҳаммаджонов, Ў. Исломов, Ю. Буряков, профессорлар – М. Қосимов, Т. Мирсоатов, Р. Сулаймонов, М. Жўракулов, А. Абдуҳамидов, М. Исоқов, М. Мамбетуллаев, М.Х. Исомиддинов, фан номзодлари – И. Аҳроров, Ў. Алимов, А. Анарбаев, Ж. Мирзааҳмедов, С. Анорбоев каби етук мутахассислар Ўзбекистонда археология фани тараққиётига катта ҳисса қўшдилар. Ушбу олимларнинг аксарияти ҳозирги кунда ҳам баракали илмий ижод билан шуғулланмоқда. 1988 йилдан бошлаб ЎзР ФА Археология институти

улуғ аллома, археолог Я.Ғ. Ғуломов номи билан аталади.

Ўзбекистон археологиясидаги кадрлар бўйича муваффақиятли тарзда амалга оширилган тезкор чора-тадбирлар ўзининг ижобий натижасини кўрсата бошлади. 1940-1950 йиллардан бошлаб, Ўрта Осиё, хусусан Ўзбекистонда археология ёдгорликларини районларга, тарихий–маданий воҳаларга бўлиб ўрганиш жорий этилди ва бу борада Термиз археологик комплекс экспедицияси, Хоразм археология–этнография экспедицияси, Моҳандарё археология экспедицияси, Қашқадарё археология–топография экспедицияси, Помир–Олой ва Помир-Фарғона экспедициялари катта ҳажмда, муваффақиятли тадқиқотларни ўтказдилар.

1950 йилларда Ўзбекистон археология экспедицияси отрядлари Тошкент воҳасидаги кўчманчи-чорвадор халқларга тегишли мазоркўрғонларни (Т. Аъзам-хўжаев), Замонбобо чўл-дашт бронзасига оид қабристонни (Я. Ғуломов), илк ўрта асрларга тааллуқли Болаликтепа ёдгорлигининг меъморий иншоотлари ва ундаги нодир деворий суратларни (Л.И. Альбаум) ва бошқа ёдгорликларни ўрганишга киришди.

Ўтган асрнинг 60-йилларида эса Я.Ғ. Ғуломов раҳбарлигидаги Моҳандарё экспедициясининг махсус отряди Зарафшоннинг куйи оқимида мил. авв. IV-II минг йилликка мансуб 60 дан ортиқ неолит ва бронза даврига оид манзилгоҳлар, Учтут чакмоқтош конлари, Мўминобод қабристони (А. Асқаров, М. Қосимов, Ў. Исломов, Т. Мирсоатов), Самарқанд макони (Д.Н. Лев, М. Жўракулов), Бухоро, Самарқанд, Жиззах воҳаларининг Канпирак девори, Сармишсой ва Такатош қоятош суратлари (Х. Муҳамедов, Ж. Кабилов, А. Муҳаммаджонов), Чуст бронза даври қишлоғи харобаси (В. Спришевский), Далварзинтепа (Ю.А. Заднепровский), Холчаён (Г.А. Пугаченкова) каби археологик обидаларда кенг кўламда қазилар, тадқиқотлар олиб борди.

Бу даврда Тупроққалъа, Варахша, Афросиёб, Болаликтепа, Кува каби олиймақом ҳукмдорларга мансуб шаҳарлар, саройлар ва ибодатхоналарнинг ўрганилиши, Самарқанд ва Муғ қалъасидан қадимий суғд, Хоразмдан хоразмий ёзувларнинг топиллиши, антик ва илк ўрта асрларга оид тасвирий санъат намуналарини очилиши, Ўзбекистон маданияти, айниқса антик даврлардан бошлаб юксак даражага кўтарилганини кўрсатди (Муҳаммаджонов, 2000, 434-435 б.).

1970 йилда Ўзбекистон ҳукуматининг махсус қарори билан Самарқанд шаҳрида Ўзбекистон Фанлар Академиясининг Археология институти ташкил этилди ва натижада, қазув–қидирув тадқиқотлари кўламини янада кенгайтириш имконияти яратилди. Археология институти ташкил этилгандан бошлаб унга республикада ўтказиладиган археологик тадқиқотларга илмий методик жиҳатдан раҳбарлик қилувчи марказ мақоми ва барча моддий маданият ёдгорликларида олиб бориладиган изланишлар учун рухсатнома (“Очиқ варақа”) бериш ва уни назорат қилиш ҳуқуқи берилди.

Археология институти ўз тадқиқотларини ЎЗР ФА Қорақалпоғистон бўлими, Санъатшунослик институти, Тарих институти, ЎЗМУ, СамДУ ва бошқа илмий муассасалар билан мувофиқлаштирган ҳолда олиб бориши натижасида, 1970-1980 йилларда Ўзбекистоннинг деярли барча вилоятларида кенг қамровли археологик кузатув ва қазув тадқиқотлари ташкил этилди. Натижада, Ўзбекистон тарихининг қадимий тош асрдан то сўнгги ўрта асрларгача бўлган даврларига мансуб кўплаб нодир ёдгорликлар, камёб моддий маданият намуналари топилди. Хусусан, Сурхондарё, Бухоро, Самарқанд, Тошкент, Фарғона вилоятларида – Тешиктош, Амир Те-

мур, Омонкўтон, Кўтирбулок, Кўлбулок, Оби–Раҳмат, Хўжакент, Қапчиғой, Селунгур, Обишир, Қоратоғ, Хўжамазгил (М. Қосимов, Ў Исломов, Р. Сулаймонов, Н. Тошкенбаев, М. Хўжаназаров,) каби қадимги тош даври ғор маконлари ҳамда Хоразм чўлларида янги тош ва бронза даври маконларининг (А. Виноградов, М. Итина) ўрганилиши, илмий жамоатчилик томонидан Ўзбекистоннинг тош даври археологияси учун катта илмий ютуқ сифатида эътироф этилди. Бу ёдгорликлардан олинган моддий маданият топилмалари энг қадимги аҳолининг турмуш тарзи, хўжалиги манзарасини тиклаш имкониятини яратди ва Ўзбекистон тарихи учун муҳим ашёвий манба бўлиб хизмат қилди. Айниқса, Ўзбекистоннинг жанубий туманларида илк металлсозлик кашф қилинган даврларга оид дастлабки ўтроқ деҳқончилик қишлоқлари ва шаҳармонанд турар – жойлар харобалари, хусусан Сополлитепа, Жаркўтон, Бўстон, Миршоди, Бандихон, Қизилтепа каби ёдгорликларни очиб ўрганилиши (А. Асқаров, Т. Ширинов, А. Сағдуллаев) қадимги Бактрия цивилизациясининг шаклланиши, тараққиёт давлари ва ушбу воҳада илк шаҳар маданияти пайдо бўлиши асосий жараёнларини кузатиш имконини берди.

Ўрта Осиё, хусусан Ўзбекистон ҳудудида кечган шаҳарсозлик маданияти тарихи бўйича махсус тадқиқотлар Самарқанд, Бухоро, Тошкент, Сурхондарё, Қашқадарё, Жиззах, Хоразм вилоятлари, Фарғона водийси ва Қорақалпоғистон ҳудудидаги кўҳна шаҳар ёдгорликларида олиб борилди. Бу борадаги тадқиқотлар, айниқса, қадимий шаҳарлар ўрни – Афросиёб, Ерқўрғон, Қанқа, Эски Термиз, Далварзинтепа, Бухоро, Пойкенд, Ахсикент, Поп, Хива, Миздахқон, Қалиятепа, Қўрғонтепа (Х. Ахунбобоев, М. Исомиддинов, Р. Сулаймонов, Ю. Буряков, Г. Богомоллов, Ш. Пидаев, Ш. Раҳмонов, Г. Пугаченкова, Э. Ртвеладзе, А. Муҳаммаджонов, Ж. Мирзааҳмедов, Ш. Одилов, А. Анарбаев, И. Аҳроров, Б. Матбобоев, М. Мамбетуллаев, М. Туребеков, А. Бердимуродов, М. Пардаев, А. Грицина) каби ёдгорликларда олиб берилган археологик қазув тадқиқотлари жуда самарали бўлди ва шаҳарсозликнинг ривожланиш босқичлари ва янги қирралари ўрганилди. Археология институтида 1959 йилдан “Ўзбекистон моддий маданияти тарихи” (История материальной культуры Узбекистана) 2002 йилдан “Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар” (Археологические исследования в Узбекистане) йиллик тўпламлари нашр этилиб, уларда Республикамиз ҳудудида олиб борилаётган археологик тадқиқотларнинг умумлашма илмий хулосалари бериб борилади. 2010 йилдан эса мазкур “Ўзбекистон Археологияси” (Археология Узбекистана) илмий журнали чоп этила бошланди.

Ўзбекистонда археологиянинг ривожини унга турдош бўлган фан соҳаларидан бири антропология тараққиётига ҳам сезиларли, ижобий таъсир кўрсатди. Хусусан, Зарафшон, Хоразм, Сурхондарё ва Сирдарё воҳалари, Фарғона водийсида кўшма ҳолда олиб борилган археологик ва антропологик изланишлар натижасида, Ўрта Осиё, жумладан, Ўзбекистон заминидан қадимдан яшовчи аҳолининг асосий антропологик типларини, уларнинг шаклланиш тарихини ёритишга имкон яратилди. Бу масалаларни ёритишда Т. Ходжайов ва К. Шониевнинг ҳиссалари салмоқли бўлди (Муҳаммаджонов, 2000, 435 б.).

Ўзбекистон археологияси фанида узоқ йиллар мобайнида ўтказилган фундаментал тадқиқотлар натижаларини том маънода ўзбек халқи тарихи билан боғлаш мамлакатимиз мустақилликка эришган дастлабки йиллардан бошланди.

Мустақилликнинг дастлабки давларидан бошлаб халқимизнинг қадим ўтмиши, шонли тарихи, аجدодларимиздан қолган нодир маданий меросни илмий ўрганиш,

уни асраш бўйича янгича ёндашув, талаб ва вазифалар давлат миқёсида кун тартибига кўйилди. Айниқса, Ўзбекистон Президенти И.А. Каримовнинг 1998 йилда республикамизнинг бир гуруҳ етакчи тарихчи, археологлари билан ўтказган учрашуви ва ушбу учрашув натижаси ўлароқ, Республика Вазирлар Маҳкамасининг “ЎзР ФА Тарих институти фаолиятини такомиллаштириш тўғрисида” чиққан қарори истиқболда, тарихчи, археологлар томонидан ўтказиладиган тадқиқотларнинг дастури амали бўлиб хизмат қилди. Мазкур қарорнинг қадимги тарих, хусусан археологияга оид бандларидаги вазифалардан келиб чиққан ҳолда, Археология институтида “Ўзбекистонда Археология фанини ривожлантириш концепцияси” ишлаб чиқилди. Икки бўлимдан иборат ушбу концепциянинг I қисмидаги Ўзбекистоннинг жаҳон цивилизацияси тизимидаги аҳамиятли ўрни, дунё тамаддунига қўшган улкан ҳиссаси, эришилган археологик кашфиётлар орқали асосланган. Шунингдек, мазкур қисмда Ўзбекистон археологиясининг келгусидаги истиқболли вазифалари белгиланган. Концепциянинг II қисмида қадимги даврлардан темурийлар давригача ўзбек давлатчилиги ва цивилизациясининг пайдо бўлиши, шаклланиши ҳамда ривожланиш босқичларининг асосий хусусиятлари, даврий чегаралари, тараққиёт ва инкироз даврлари, уларни ўрганишнинг асосий йўналишлари белгилаб берилган. Концепция яратилган кундан бошлаб ўзбек археологиясининг бугунги кундаги бош мақсади, халқимизнинг ўтмиши ҳақидаги ҳаққоний манзарани яратиш, унинг энг қадимги даврлардан темурийлар замонигача бўлган бой тарихини жаҳон тарихидан ажратмаган, унга қарама-қарши қўймаган ҳолда ўрганиш, Шарқ билан Ғарб ўртасидаги мулоқотларга катта хизмат қилган ўзбек халқининг жаҳон маданияти хазинасига қўшган ҳиссасини кўрсатиш ва Марказий Осиё халқлари маданияти, давлатчилигини шаклланишида аجدодларимизнинг хизматларини аниқлашдан иборат бўлди (Ширинов, 2001, 11 б.). Бунинг натижасида, ўзбек давлатчилигининг пайдо бўлиши илдизлари, ривожланиш босқичлари ва тараққиёти даражасига доир илмий тадқиқотлар амалга оширилиб салмоқли ютуқларга эришилди.

Мустақиллик йилларида ниҳоятда фаоллашган тадқиқотлар кўлами ва уларнинг илмий самараси туфайли, Ўзбекистон археологияси дунё илм-фани даражасига кўтарилди. Бундай натижа эса, ўз навбатида, Ўзбекистон археологияси учун дунёдаги етакчи археология марказлари билан илмий ҳамкорлик ўрнатишга, тенг асосда халқаро шартномалар тузишга замин яратди. Айни пайтда, Ўзбекистон ҳудудида - Австралия, АҚШ, Германия, Италия, Испания, Польша, Россия, Франция, Япония каби давлатларнинг археолог олимлари билан ҳамкорликда, халқаро миқёсда, археологик тадқиқотлар олиб борилмоқда.

Ўзбекистон археологияси ҳозирги пайтда миллат манфаати, унинг маданий – маънавий ҳаёти, мустақиллик ғоялари талаб ва истакларидан келиб чиққан ҳолда фаолият юритмоқда, фанга хизмат қилмоқда. Белгили таваллуд ёшлари нишонланган Аҳмад ал-Фарғоний, имом Мотурудий, имом ал-Бухорий, Бурҳониддин Марғиноний, соҳибқирон Амир Темур, Мирзо Улуғбек каби улуғ салафларимизнинг илмий мероси, улар яшаб ўтган давр маданияти тараққиётини ўрганишда, Самарқанд, Бухоро, Қарши, Шаҳрисабз, Хива, Термиз, Тошкент, Марғилон сингари қадимий шаҳарларимизнинг муборак тарихий саналарини расман аниқлашда, ўзбек археологиясининг хизматлари бекиёс бўлди. Ушбу юбилей тантаналарини БМТнинг махсус бўлими ЮНЕСКО шафелиги остида ўтказилиши, сўнгги деярли 20 йил давомида мамлакатимизда олиб борилган археология фани изланишларининг нақадар серқирра ва сермахсул бўлганлигидан далолат берди. Бунга қадим тарихи-

мизни ҳар томонлама, чуқур ўрганиш учун давлатимиз ва юртбошимиз томонидан кўрсатилаётган ғамхўрлик, яратилган шарт-шароитлар асосий тамал тоши бўлганлигини ва ана шу омиллар сабабли Ўзбекистон археологияси ривожланиб дунёга танилганлигини алоҳида таъкидлашга бурчлимиз. Зеро, юртбошимиз таъкидлаганларидек, "...мана шу муътабар юртимиздаги ер ости хазиналаридан, асрлар давомида сукутга чўмиб ётган шахристонлардан топилган археологик ашёлар, ноёб тасвирлар ва ҳали очилмаган, ўз сирларини пинҳон сақлаб келаётган чўлу биёбонлар, ҳеч шубҳасиз, бугун биз яшаётган тупроқда қадим-қадим замонлардан бошлаб буюк маданият ва санъат ривожланганини тасдиқлайди".

Фойдаланилган адабиётлар:

- Каримов И.А. Жайхун соҳилидаги абадий шаҳар // Хавфсизлик ва тинчлик учун курашмоқ керак. Асарлар, 10-том. Тошкент, Ўзбекистон, 2002.
- Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан // ЗВОРАО. Т. XV, С.-Пб., 1904 .
- Бартольд В.В. Сочинения. Т. 1. Москва, 1963.
- Веселовский Н.И. История Императорского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846-1896 гг. СПб., 1900.
- Лунин Б.В. О нумизматической коллекции узбекского собирателя древностей Акрама Аскарва (по архивным данным) // ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, Фан, 1964.
- Лунин Б.В. Самаркандский любитель древностей и каллиграф Абу Саид Махзум // ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, Фан, 1966.
- Муминов И.М. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX – начала XX вв. Ташкент, Госиздат, 1957.
- Мухаммаджонов А. Археология // Ўзбекистон миллий энциклопедияси. Тошкент, Ўзбекистон миллий энциклопедияси. 2000.
- Садькова Н. Музейное дело в Узбекистане. Ташкент, Фан, 1975.
- Труды отдела истории культуры и искусства Востока. Москва, 1940.
- Туркестанские ведомости. 1912, № 46.
- Ширинов Т.Ш. Ўзбекистонда археология фанини ривожлантириш концепцияси // ЎММТ. 32-сон. Тошкент, Фан, 2001.
- Ширинов Т.Ш., Пардаев М.Х., Мирзааҳмедов Ж.К. Академик Я.Ф. Фуломовнинг ҳаёт йўли ва илмий мероси // ЎММТ. 29-сон. Самарқанд, Сугдиёна, 1998.
- Шишкин В.А. Обсерватория Улугбека и её исследование // Труды Института истории и археологии АН УзССР. Т. 5. Ташкент, 1953.

ЯХЁ ҒУЛОМОВ ИЛМИЙ ФАОЛИЯТИНИНГ АСОСИЙ ЙЎНАЛИШИ БОРАСИДА

(Академик Яхё Ғуломов таваллудининг 100 йиллигига бағишланади)

© 2010. А.Р. Мухаммаджонов

Жорий йил май ойининг дастлабки куни Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси ижтимоий фанлари жамоатчилиги умрини фанга, археологик изланишлар, Ватани ва ўзбек халқининг узоқ ва яқин ўтмиши, хусусан хўжалиги, маданияти ва маънавиятининг ноёб кадриятларини излаб топишга ва уларни кенг кўламда тадқиқ этишга бағишлаган забардаст олим ва бағри кенг устоз Яхё Ғуломов таваллудининг юз йиллигини кенг кўламда байрамона нишонлади.

Яхё Ғуломов 1908 йил 1 май куни Тошкент шаҳрининг Шайхонтахур даҳасида жойлашган Оқмасжид маҳалласида мадраса мударриси оиласида дунёга келди. Бўлажак бўстоншунос олимнинг отаси Ғуломхон махдум ўша вақтларда Тошкентнинг машҳур Хожа Аҳрор мадрасасида мукаррирлик (мударрис халифи-ўринбосари) вазифасини ўтар эди. Оналари эса мактабдор бўлиб уйларида бошланғич савод мактабини очиб, маҳалла қизларига ўқиш-ёзишни ўргатар эди. Ота ва оналарининг саводхонлиги, хусусан волидалари Сорахон отининг мактабдорлиги туфайли Яхё Ғуломов "Саводи ибтидо" (дастлабки билим)ни олган эдилар. Шу боисдан бўлса керак, болаликлари тўғрисида сўз юритган чоғларида Яхё ака "устози аввалимдир волидам, ҳисоби "абжод" саводида" деган сатрларни баён этган эдилар.

Мактабни битиргач, Яхё Ғуломов аввал Тошкентдаги Ўзбек таълим институтида (УЗИНПРОС) (1923-1926), Самарқандда очилган ўзбек давлат педагогик академиясида (1927-1930) билим олди. Бўлат Солиев, Мусо Саиджонов, Василий Лаврентьевич Вяткин, Абдурауф Фитрат ва бошқа ўз даврининг билимдон олимларидан сабоқ олди. Айниқса, проф. Б. Солиевнинг "Марказий Осиё тарихи" бўйича ўқиган маърузалари қадимги ва ўрта аср муаллифларининг асарларидан, шарқ кўлёмаларидан олинган бой маълумотлар асосида тузилган бўлиб, Я. Ғуломов учун қадимги Турон, Улуғ Туркистон халқлари тарихидан берилган дастлабки илмий билимлар эди. Буюк Туркистоннинг қадимги тарихига бўлган қизиқиш Яхё Ғуломовни ўша пайтларда Самарқандда археологик қазишлари билан шуҳрат топган шарқшунос олим ва ўлкашунос археолог В. Вяткин билан яқинлаштирди.

В. Вяткин ўзбек, тожик ва форс тилларини яхши биларди. Олим XV-XVI асрларда вайрон бўлиб, тепа шаклини олган Улуғбекнинг машҳур расадхонаси ўрнини аниқлаб, излаб топган ва уни қазиб ўрганган эди.

Кичик ҳажмда бўлса-да, Афросиёбда археологик қазишмалар олиб бориб, унинг сирларини очишга кўл урган ҳаваскор археологлардан эди. У "Мусулмон шарқи тарихи" курси бўйича лекциялар ўқирди. В.Вяткин Самарқандда тарихий ёдгорликларни сақлаш кўмитасининг раиси ҳам эди. Ўша йилларда Яхё Ғуломов В. Вяткиндан археология фани бўйича дастлабки сабоқлар олди ва унинг Афросиёбда олиб бораётган қазиш ишлари билан танишди. Хуллас Самарқанднинг Ўзбекпед-академиясидаги таҳсил Яхё Ғуломовнинг келажакда тарихшунос ва археолог бўлиб

етишишида асос бўлди. Бу даврда "Туркистон археология хаваскорлари тўғарагининг" фаолияти, Русия археология жамиятининг илмий тўпламларини синчиклаб ўрганди.

"Лекциялар, кабинетдаги суҳбатлар, музей, Афросиёб ва турли тарихий жойларга қайта-қайта бирга боришимиз натижасида В. Вяткин мени ўз йўлига сола олди, бироқ бу мендаги бурилиш анча кечикиб содир бўлди, чунки 1931 йилда мен В.Вяткиндан ажраб Тошкентга қайтдим ва устозимни қайта кўра олмадим" деб хотирлаган эди Яҳё Ғуломов.

Самарқанд таҳсили тугаб мустақил илмий тадқиқотлар даври бошланди. Бу даврда Ўзбекистон Халқ Комиссарлари Совети ҳузурида тарихий ёдгорликларни сақлаш ва илмий ўрганиш республика қўмитаси - "Узкомстарис" ташкил этилиб, унга архитектура ёдгорликларини сақлаш билан бир қаторда, Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар олиб бориш иши ҳам юклатилган эди.

1933 йилда Я. Ғуломов шу қўмитага, аввал илмий ходим, сўнгра унинг илмий котиби қилиб тайинланди. Я. Ғуломов Самарқанд, Бухоро, Хива, Шахрисабз, Термиз ва Тошкентдаги нодир меъморий обидаларни сақлаш ва уларни ўрганиш юзасидан илмий тадқиқотлар олиб бориш билан бирга археологик экспедицияларда ҳам қатнашди.

Илк бор у 1933 йилда М.Е. Массон бошчилигида Термиз, 1934 йилда эса А.Ю. Якубовский раҳбарлигида Давлат Эрмидажи ва "Узкомстарис" томонидан уюштирилган Зарафшон экспедициясида қатнашди. Бу даврда Я. Ғуломов дала шароитида археологик қидирув ишларини ташкил этиш, қайд этилган ёдгорликлар устида дастлабки тадқиқотлар ўтказиш бўйича салмоқли тажриба орттирди.

Мустақил археологик тадқиқотларини Я. Ғуломов илк бор 1936 йилда қадимги Хоразм ерларида хаваскор археолог дўсти Турди Мирғиёсов билан биргаликда бошлади. 1937 йилда унинг гуруҳига археолог А.И. Тереножкин ва архитектор Б.Н. Засипкинлар жалб этилди.

Қадимги Хоразм ерларида сақланиб қолган сон-саноксиз археологик ёдгорликлар, бу кўҳна ўлкани қачонлардир оби ҳаёт билан таъмин этган кўҳна суғориш тармоқларининг қуруқ ўзанлари ва атрофда сочилиб ётган турли-туман археологик топилмаларни ўрганар экан, Я. Ғуломов дехқончилик хўжалигининг асоси ҳисобланган суғориш тарихи билан жиддий шуғулланишни бош масала деб ҳисоблаган эди. Чунки Ўрта Осиёнинг қадимги маданият масканларидан бири ҳисобланган Хоразмнинг ўзлаштирилиб обод этилиш тарихи, қадимги маданияти ва бу ўлка аҳолисининг ижтимоий-иқтисодий муносабатлари билан боғлиқ бўлган қатор масалаларга аниқлик киритиш учун Хоразмнинг суғорилиш тарихини босқичма-босқич синчиклаб ўрганиш лозим эди. Бунинг учун катта куч билан кенг кўламдаги тадқиқотларни амалга ошириш зарур эди.

1937 йилнинг кузида собиқ Иттифоқ Фанлар академияси қошида Хоразм археологик экспедицияси ташкил этилди. Унга С.П. Толстов раҳбар этиб, Ўзбекистон Фанлар комитетидан эса Я. Ғуломов унга ёрдамчи қилиб тайинланди. Ўша йилдан бошлаб Я. Ғуломов Хоразм моддий маданият обидаларини чуқурроқ тадқиқ этишга киришди. Даставвал у бой материаллар асосида "Хива ва унинг ёдгорликлари" мавзuida номзодлик диссертациясини ёқлади.

Сўнгра у илмий изланишларини кенг кўламда давом эттириб, Амударё этакларида сунъий суғоришнинг вужудга келиши ва суғорма дехқончилигининг ривожланиш тарихини ўрганишга киришди. Хоразм экспедициясининг кенг кўламли изла-

нишларида фаол қатнашди.

Кўп йиллик археологик тадқиқотлар, Шарқ қўлёзма асарлари таҳлили асосида Хоразмнинг 4-4,5 минг йиллик ижтимоий ва иқтисодий тараққиётини тўлиқ акс эттирган йирик илмий иш юзага келди. Бу тадқиқот Я. Ғуломовнинг "Хоразмнинг суғорилиш тарихи" мавзуида 1950 йили ёқланган докторлик диссертациясининг асосини ташкил этди. Олим бу илмий ишда Хоразм археологик экспедицияси тадқиқотлари натижаларидан изчил фойдаланди.

1957-1959 йилларда рус ва ўзбек тилларида нашр этилган Я. Ғуломовнинг "Хоразмнинг суғорилиш тарихи" номли икки асарида Хоразмнинг 3,5 минг йилдан ошиқроқ даврни ўз ичига олган суғорилиш тарихи даврма-давр талқин этилган. Я.Ғуломов Амударё этаклари ҳавзасини археологик ёдгорликларини синчиклаб текшириш асосида дельта тармоқларининг тошқин сувларидан ҳосил бўлган лиманлар (қўлмаклар) бўйларида суғорма деҳқончиликнинг пайдо бўлиш жараёнини жуда жонли тасвирлаган. Унинг ёзишича, тошқинларнинг тасодифий ва беқарорлиги туфайли Хоразмнинг қадимги илк деҳқонлари уларга батамом тобе бўлиб, ҳар фаслда доимо қулай қўлмаклар ахтариб тошқинлар орқасидан кўчиб юрган. Деҳқончиликнинг кўчма характерда бўлиши сабабли Хоразмнинг қадимги деҳқонлари тошқинлардан ҳосил бўлган қўлмак ва тармоқлар бўйида ярим ертўла шаклида қурилган энгил-елпи чайлаларда яшаган. Улар кўрғонли қишлоқлару қалъалар бино қилишни ҳали билмаган.

Хоразмнинг қадимги суғорилган ерларида топиб текширилган улкан қалъалар ҳамда йирик суғориш тармоқлари эса мил.авв. I минг йилликнинг ўрталарида Хоразмда содир бўлган ижтимоий ва иқтисодий муносабатларнинг тараққиёти билан ҳамбарчас боғлиқ бўлган. Я. Ғуломов фикрича, мустабид подшоликларнинг ташкил топиши йирик суғориш тармоқларини барпо этишда ҳал этувчи омиллардан бири бўлган. У магистрал каналлар қуришга, дарё қирғоқлари бўйлаб дамбалар кўтаришга ва турли-туман сув иншоотларини яратишга аҳолини сафарбар этиб, ҳашарлар уюштирган.

Ўзбек ва рус тилларида чоп этилган "Хоразмнинг суғорилиш тарихи" китобида муаллиф воҳанинг ирригация техникаси ва сув хўжалиги масалаларига катта ўрин беради. Унда антик даврнинг ниҳоятда кенг ва саёз тошқин каналларидан то ўрта асрларнинг кўп тармоқли сершоха суғориш тизимининг системаларигача ҳамда навард-фашиналардан қурилган тўғонлардан то чиқир (чархпаррак)ларгача Хоразм ирригация техникасининг тарихий тараққиёти батафсил тасвирланган. Я. Ғуломов Хоразм воҳаси сув хўжалигини тартибли сақлаб туришда ҳашар ишларининг аҳамияти ҳақида тўхтар экан, суғорма Шарқнинг барча мамлакатларида бўлганидек ўтмишда Хоразмда ҳам суғориш иншоотлари ҳукмрон табақа қўлида меҳнаткаш деҳқон аҳолисини эзиш қуроли бўлиб хизмат қилганини алоҳида таъкидлаб ўтади.

"Хоразм тарихида кўпдан-кўп маълумотлар борки,-деб ёзади Я. Ғуломов, - бу фактлар сув тармоқларининг зўрлик қуролига, кучлиларнинг кучсизлар устидан ҳукмронлик қилиш қуролига айланганлигини кўрсатади"

Ирригациянинг ривожланиши ва инқирозга юз тутиш масалаларида ўтроқ деҳқон ва кўчманчи чорвадорларнинг сиёсий, иқтисодий ва маданий алоқаларининг аҳамияти тўғрисидаги Я. Ғуломовнинг фикрлари, айниқса диққатга сазовордир. "Ҳеч шубҳасиз, деҳқончилик аҳолиси эса фақат воҳа билан чўл бир-бири билан яқиндан алоқа боғлаб қудратли давлат тузган ҳолдагина ривожланган, ирригацияни кенгайтира бориб, воҳани ҳимоя қилишга қодир бўлган шаҳарлар қура олган", деб ёзади у.

Я. Гуломовнинг "Хоразмнинг суғорилиш тарихи" асари, жамоатчилик томонидан юкори баҳоланди. Давлат Эрмитажнинг директори, собиқ Иттифоқ Фанлар академиясининг академиги, меҳнат қаҳрамони Б.Б. Пиотровский "Яҳё Гуломовнинг Ўрта Осиёнинг хўжалик ҳаётининг асоси ҳисобланган суғориш соҳасидаги тадқиқотлари ҳақиқатан ҳам, ниҳоятда буюқдир", - деб ёзган эди. Унинг тадқиқотларига санкт-петербурглик машҳур олим томонидан берилган бу юксак баҳо аввало тарих ва археология соҳасида Яҳё Гуломовнинг йирик олим сифатида эътироф этилишини, қолаверса ўзбек археологиясининг улкан ютуғини кўрсатар эди. Бу ютуқ, шубҳасиз, узоқ йиллар давомида олиб борилган тинимсиз фидокорона меҳнатнинг ва ҳаётда орттирилган улкан тажрибаларнинг самараси эди.

Хуллас, Яҳё Гуломов асарларининг умумий талқинидан аён бўлишича, устознинг илмий фаолиятида асосий эътибор ва тарихшунослик фани йўналишлари бўйича кенг кўламда амалга оширилган тадқиқотлар суғорма деҳқончилик ва унинг асоси ҳисобланган ирригация ҳамда сув хўжалигини ташкил топиши тарихини ўрганишга йўналтирилган. Тарих фанида энг долзарб бўлган мазкур мавзу ҳали кенг кўламда жиддий тадқиқ қилинмаган эди. Қолаверса Ўрта Осиё, хусусан Ўзбекистон аҳолисининг ижтимоий-иқтисодий ва маънавий-маърифий ҳамда маданий ҳаёти тарихи билан боғлиқ тарихий жараёнлар мазкур ишлаб чиқарувчи хўжалик-суғорма деҳқончилик ва унинг асоси ҳисобланган суғориш иншоотларининг барпо этилиши билан бевосита боғлиқ эди. Чунки суғорма деҳқончилик ва сув таъминоти одамзотни умр бўйи ишончли ва тўйимли емакликлар ва ичимликлар билан таъминлаб, уни поклаган ва кийинтирган. Бундай мўъжизакор хўжаликнинг амалиёти кишиларни бир-бирига яқинлаштириб, уларни жамиятга, аввал эл, элат ва халққа сўнгра миллатга уюштирган. Катта-кичик сув манбалари боғланиб, дарё водийлари ва даштлик ерлар ўзлаштирилган. Обод воҳаларда қишлоқ ва шаҳарларнинг сони ортиб, илк давлатлар ташкил топган, улар ўртасида ўзаро савдо ва маданий алоқалар ўрнатилган.

Мана шундай ўта хилма-хил тарихий жараёнларни яхшигина англаган устоз улкан суғорма Шарқнинг асосий қисмларидан ҳисобланган Ўрта Осиё, хусусан Ватанимиз Ўзбекистон аҳолисининг ижтимоий-иқтисодий ва маданий-маънавий ҳаёти тарихида суғорма деҳқончилик, ирригация ва сув хўжалигини ташкил этилиши ва ривожининг беқиёс ҳаётий моҳиятини Хоразм ва Бухоро воҳалари суғорилиш тарихини ўрганиш асосида фанда ёзма манба, археологик ва этнологик маълумотлар орқали илмий асослаб берди. Шу билан бир қаторда Тошкент, Самарқанд, Сирдарё, Жиззах, Қашқадарё ва Сурхондарё вилоятларининг обод этилиш тарихини изчил ўрганиш мақсадида қатор шоғирдлар етиштириб мазкур тарихшунослик йўли бўйича ўз мактабига асос солди.

Шубҳасиз, суғорма деҳқончилик, ирригация ва сув хўжалигини ташкил этилиши ва унинг ривожланиш босқичлари тарихини жиддий тадқиқ этган устоз Яҳё Гуломов, мазкур илмий йўналиш кўп асрлик Ўзбекистон тарихини мавжуд манбаларга асосланган кўп жилдлик ҳаққоний мажмуасини яратишда долзарб бош мавзу эканини илмий асослаб тарихшунослик фани ривожига салмоқли ўз ҳиссасини қўшди.

Мақола «Ўзбекистонда ижтимоий фанлар»
журналининг 2008 йил № 3 сонидан олинди.

НУР БУХАРСКИЙ

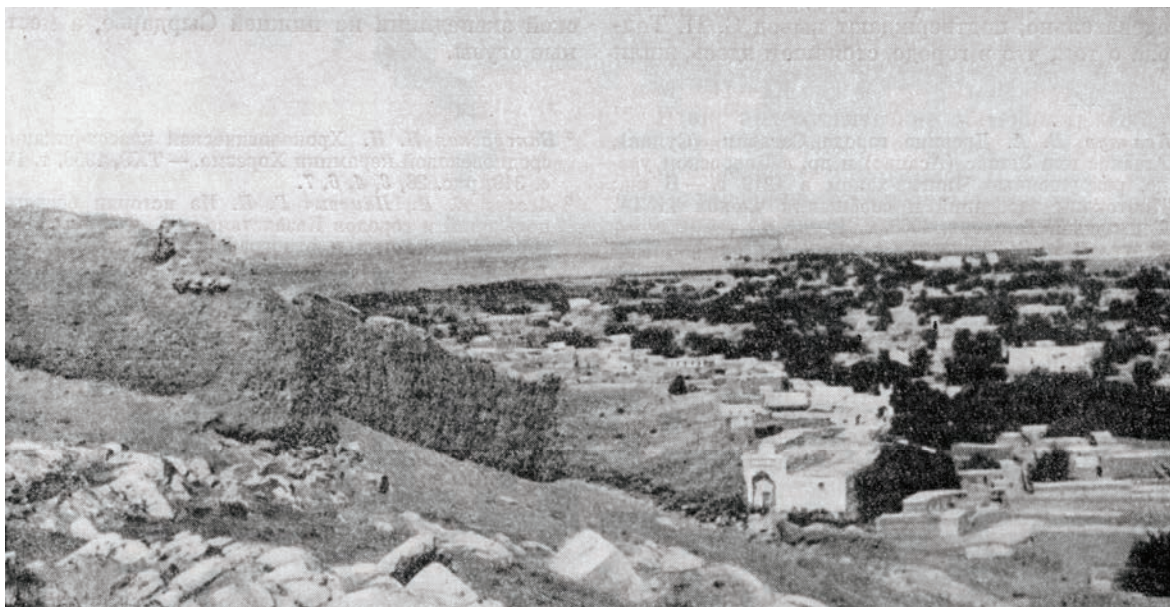
© 2010. Я.Г. Гулямов

Нуратинский хребет мощной стеной прикрывает территорию древнего Согда и Бухарского оазиса от знойных песков Кызылкумов. В далеком прошлом доступ в долину Зеравшана был возможен лишь через горное ущелье Илан-Отты у г. Джизака и через Нур (Нурата). Поэтому и Джизак и Нур как важнейшие торговые узлы и военно-стратегические пункты издревле были защищены мощными укреплениями.

Северные склоны Нуратинского хребта, обращенные к бесконечным просторам Кызылкумов, изобилуют многочисленными саями, по которым текут родниковые воды. Благодаря последним в ущельях и перед ними возникли селения, жители которых занимаются земледелием и животноводством. В ущельях, расположенных на юго-восток от Джизака, до центра Фаришского района Янгикишлак (60 км) живут узбеки, а к западу от этого райцентра до г. Нурата проживают таджики. Образ жизни и хозяйство у них в основном одинаковы при незначительных локальных особенностях.

Селения расположены по склонам основного сая, внутри ущелья. Жилища сложены основательно, из камня и балок. У входа в каждое ущелье возвышается небольшой бугор - остаток древнего или раннесредневекового небольшого укрепления, где некогда стоял дозорный отряд, выставленный обитателями ущелья.

В глубине ущелья на высоких скалах, недоступных для всадников, были устроены каменные ограды, защищавшие местных жителей во времена набегов иноземных полчищ или отрядов грабителей.

Рис. 1. Нур Бухарский. Вид на западную часть города

В 15-20 км к северу от подножия хребта параллельно ему проходит большая древняя степная дорога, соединявшая Бухару через Нурата с областями Южного Казахстана, Семиречьем и т.д. В свое время на Сырдарье недалеко от Чардара имела благоустроенная переправа. Оттуда путь на запад лежал через степь. На каждом 30-м километре был устроен укрепленный рабат с колодцем. Развалины этих рабатов отлично сохранились. Изучение их показывает, что они в основном имели размеры 60х60 м и строились из сырцового кирпича. Оборонительную функцию рабата наглядно подчеркивают хорошо укрепленный единственный вход и мощные башни по стенам. Судя по археологическому материалу, рабаты эти были построены в VI-VII вв.

Именно по этой дороге прошла на Бухару армия Чингисхана, а в мирные времена ею пользовались торговые караваны, послы, путешественники.

Нур (Нурата) - крайний город на севере Бухарской области, отсюда на север и северо-восток до низовий Сырдарьи простираются степи и пески Кызылкумов.

Как населенный пункт Нур возник на большом роднике, вытекающем из-под скалистых бугров к югу от города. Обильные воды родника тут же образуют небольшой водоем (18х10 м), откуда весь город снабжается проточной водой.

Родник этот жители Самаркандской и Бухарской областей считают чудом природы и издревле почитают его как святыню, а отсюда название - Нурата. Термин «ата» означает святыню: например, Алма-Ата, Авлия-Ата (Джамбул), Дарганата, Джигербендата и т.п.

Интересно отметить такой типичный этнографический момент в быту нуратинцев, как культ рыб. Рыба (маринка) в очень большом количестве водится как в главном водоеме, так и в городской арычной сети. Никто из нуратинцев и приезжих не смеет ловить, трогать, пугать рыбу, так как в народном убеждении укоренилась вера в ее неприкосновенность. Посетители главного родника обязательно ради забавы приносят с собой лепешки, зерно или иные продукты. Тысяча рыб кидается на брошенный кусок и начинается борьба за овладение им.

Водоем и родник с юга прикрывают развалины Нурской крепости, а с остальных сторон его окружают остатки жилых и культовых зданий, где в прежние времена шейхи принимали верующих и устраивали торжественные молитвы.

За ансамблем этих развалин начинается город, утопающий в зелени. Сеть арыков несет прозрачные воды Нурского родника через все городские дворы, обеспечивая население чистой питьевой водой и влагой для полива дворовых насаждений - тутовых деревьев, яблонь, виноградников и др. (рис. 1).

В некоторых местах арыки выведены на улицу, протекают по ее краю на протяжении 1-2 м, а затем уходят под забор соседнего двора. Это было сделано для прохожих, проезжих и их животных.

Шахристан Нура (около 500х500 м) был огражден мощной стеной и имел одни основные ворота в середине северной стены. К настоящему времени город давно уже вышел за пределы былых городских земель. Древние стены его снесены во многих местах. Воды городских арыков были выведены на территорию северного пригорода, где горожане занимались садоводством и бахчеводством.

В древности Нурский оазис вместе с городом был окружен оборонительной стеной. Почти квадратная в плане (примерно 7х7 км), она имела единственный въезд на северной стороне, против городских ворот. Стена была сложена из пахсы. Ныне она сохранилась на высоту до 170 см в виде оплывшего вала, ширина которого дос-

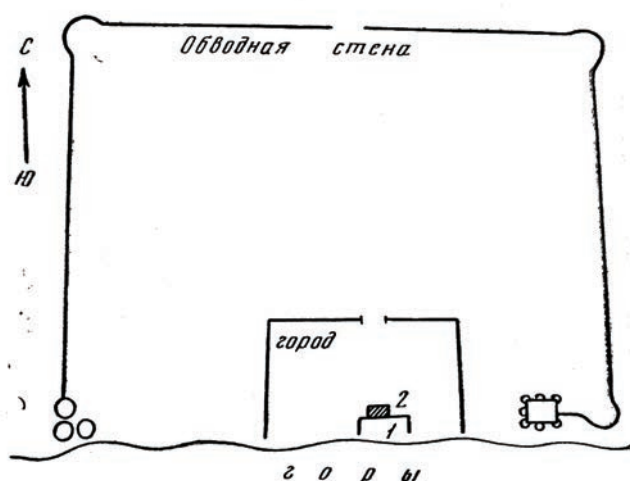

Рис. 2. Схема укреплений Нура
1 — крепость, 2 — водоем

оружиями, откуда можно было отстреливать неприятеля. Восточная стена тоже не доведена до скал и почти на том же расстоянии от гор, что и западная, круто поворачивает на запад, прикрывая удобопроходимые места. Приближаясь с востока к основной крепости Нур, она образует довольно мощное укрепление типа рабата с толстыми стенами и башнями по углам и в стенах. Земли внутри оборонительной стены использовались под пашни и лишь местами - под пастбища.

За стеной к северу начинается степь с узкими зелеными полосами миниатюрных оазисов, возникших благодаря кяризам. Последние представляют собой цепь колодцев, воды которых соединяются между собой под землей, а затем выводятся на дневную поверхность. Подножия Нуратинского хребта изобилуют близкими выходами подземных вод и удобны для сооружения кяризов. Издревле бухарские богачи занимались сооружением и эксплуатацией кяризов. Для проведения необходимых работ покупали рабов. По рассказам местного мираба, в прошлом число кяризов в Нуратинских степях достигало 360; некоторые из них состояли из 24, 28, 32 колодцев.

Кяризы как объекты частной собственности продавали и сдавали в аренду. История кяризной сети в этом районе еще не изуче-

тывает 15-16 м. На поворотах стены видны следы угловых башен (рис. 2).

Любопытно устройство южной части оборонительной стены, где она должна была упереться в скалы. Как известно, во время сильных дождей вода со скал по небольшим ущельям устремляется вниз, образуя мощные селевые потоки. Они могут смыть любое земляное сооружение. Поэтому строители не довели стену до самых скал и линии стока воды. Западный отрезок стены оканчивается примерно в 200 м от скал и завершается тремя круглыми со-

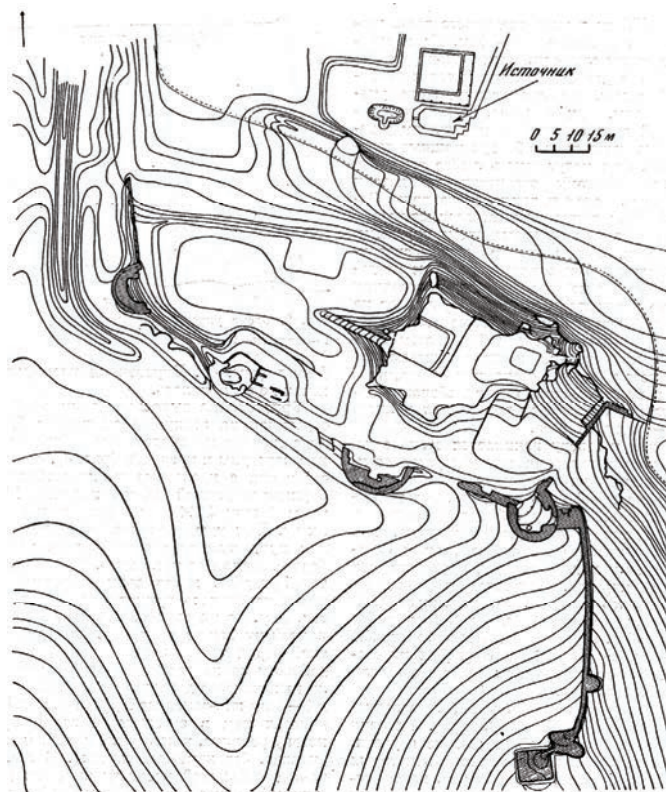

Рис. 3. План развалин крепости Нур-ата

Рис. 4. Цитадель крепости Нура

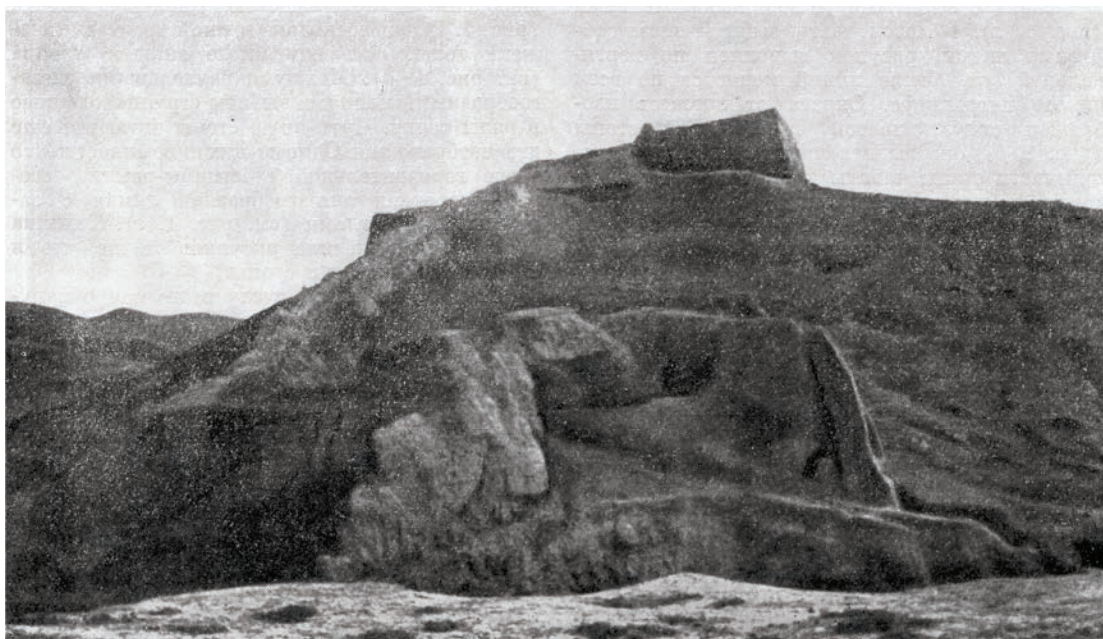
на. Говорят, что хронограммы названий некоторых кяризов, как «Зулим», «Зулфикар»¹, подсказывают даты их сооружения. В настоящее время действует лишь часть кяризов. Колхозы предпочитают применять современную насосную систему орошения.

Нур как вторые после Джизака ворота в Бухарский и Самаркандский оазисы отличался своими укреплениями. Возведенные на южной границе города, на склонах голых скалистых бугров, они возвышались непосредственно над родником, так что последний вытекал из-под крепости (рис. 3). Его русло обложено рваным камнем. Крепость была вытянута с востока на запад с таким расчетом, чтобы охватить берег западной ложбины. Размеры ее 210x120 м. С юга стены крепости имели полукруглые башни (рис. 4). Внутренняя планировка крепости не сохранилась.

Оригинальна выносная башня крепости, построенная на вершине скалистого бугра, откуда хорошо просматривались близкие и дальние подступы к крепости (рис. 5). Башня была соединена с крепостью коридорообразным сооружением длиной 120 м и шириной 16 м. Размеры башни 26x26 м, она имела мощные стены. Высокую обороноспособность защитникам придавало то обстоятельство, что родник берет начало под крепостью. По рассказам жителей города, место выхода родника из-под земли находилось примерно в середине крепости. Там, по их словам, под плоской каменной плитой имелся спуск к воде. Наш археологический отряд на практике убедился в правдоподобности таких рассказов. При осмотре развалин небольшого дорожного укрепления Хушанг в 6-8 км юго-западнее Нурата местный пастух показал нам в середине развалин проход к истоку родника, к нему вела каменная лестница (правда, без каменной плиты). В сел. Газгон из-под небольшой крепости вытекает довольно мощный родник. При земляных работах колхозники наткнулись на каменные плиты и обнаружили под ними лестничный спуск к родни-

¹Зулим - 970 г. хиджры - 1560 г. н.э.; Зулфикар - 1112 г.х. - 1700 г. н.э.

Рис. 5. Выносная башня

ку.

Таким образом, обитатели крепости Нура были достаточно обеспечены водой.

Крупный родник в безводной степи, безусловно, очень рано (возможно, еще в первобытные времена) способствовал появлению здесь стоянок и поселений.

Археологические раскопки в Нуре не производились, хотя объект в этом отношении весьма привлекателен. Предварительный осмотр показал, что верхние слои крепости сильно потревожены. Среди подъемного археологического материала попадаются предметы различных периодов, начиная с ранней античности. Кладки стен изобилуют следами перестроек, ремонтов и реставрации.

Время возникновения Нура как города или крупного поселения остается пока неизвестным. Как большое поселение Нур впервые упоминается известным автором истории Бухары Мухаммедом Наршахи. Он называет Нур в числе других древнейших крупных селений, возникших еще до основания Бухары.

До начала XX в. Нур (Нурата) был пограничным со степью торгово-ремесленным городом с мощной крепостью, где сидел бек, ставленник бухарского эмира. Главная улица города начиная от городских ворот представляла собой крытый рынок, окруженный торговыми и ремесленными лавками; туда открывались даже ворота многочисленных караван-сараев, где останавливались купцы с товарами. Здесь при активном участии бека велась торговля (главным образом оптовая) зерном, кожей, сухофруктами, шкурами каракульских овец, мануфактурой, обувью, скотом и т.п. Хотя в административно-политическом отношении Нур считался бухарским владением, в экономическом он тяготел к Самарканду.

Таковы некоторые историко-топографические и этнографические данные о Нурате, краткий обзор которых, как мы надеемся, вызовет живой интерес специалистов к глубокому археологическому и этнографическому изучению Нура.

Переиздано со сборника «Этнография и археология Средней Азии»
Издательство «Наука» Москва, 1979 г.

МАҚОЛАЛАР

ПУБЛИКАЦИИ

ГРОТ ОБИ-РАХМАТ И ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЛИТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© 2010. Р.Х. Сулейманов

Национальный университет Узбекистана

В 2012 году исполняется 50 лет со дня открытия уникальной по своей значимости палеолитической стоянки – грота Оби–Рахмат. Стоянка была открыта экспедицией под руководством Я.Г. Гулямова при обследовании строящегося Чарвакского водохранилища в районе селения Буржи-мола в юго-западных отрогах Тянь-Шаня, в 100 км к востоку от Ташкента. Материалы Оби-Рахмата ответили на целый ряд вопросов палеолита Центральной Азии, и вместе с тем, поставили ряд кардинальных проблем.

Нашу краткую статью следует начать с замечания о том, что по мере накопления коллекций каменных индустрий эпохи палеолита в различных районах Евразии, все более выясняется картина длительного преемственного развития локальных палеолитических индустрий и культур, сохранявшие свои традиционные особенности на протяжении десятков, а то и сотен тысячелетий. В процессе автохтонного развития культуры различные группы ранних гоминид осваивая различные экологические ниши разнообразных географических регионов Евразии, развивали разнообразные стратегии адаптации и выживания, отражающейся на особенностях техники и типологии каменных орудий. Причиной редких инновации и явлений аккультурации были крупные миграции праисторических людей, обусловленные климатическими и экологическими изменениями. Крупнейшим явлением этого порядка, имевшим трансконтинентальные масштабы, было расселение первых гоминид из Африки, далее следующими по значимости считаются распространение ашельской культуры и раннего хомо сапиенса, опять же из Африки в Евразию.

Очень редкие находки останков самих древних гоминид, оставивших вышеупомянутые коллекции каменных индустрии, обычно представлены отдельными фрагментами костей. Намеренные захоронения неандертальцев и ранних хомо сапиенсов также очень редки. Но и редкие палеоантропологические находки показывают относительную самостоятельность развития физического типа человека по сравнению с его материальной культурой. Наиболее явственно это проявляется при становлении хомо сапиенса, что сопровождалось переходом от среднепалеолитической техники изготовления орудий к верхнепалеолитической.

Наиболее ранние находки костей современного типа человека обнаружены в Южной и Восточной Африке (150-120 тыс. лет), более поздним временем они датируются на Ближнем Востоке (около 70 тыс. лет). Они отличаются сохранением ряда архаических черт своей морфологии. Показательными в этом отношении оказались последние находки костей древних гоминид в Центральной Азии, из грота Оби-Рахмат в Узбекистане и Денисовой пещеры в Российской части Алтайский гор.

Сначала исследования грота Оби-Рахмат носили предварительный характер. Полевыми работами руководил аспирант Института истории и археологии АН Узбекистана С. Насриддинов. Консультантом раскопок был известный антрополог и археолог М.М. Герасимов, я работал на раскопе лаборантом. В 1962-63 годы была осуществлена попытка вскрытия рых-

лых отложений горизонтально по всей поверхности грота. Когда был убран мягкий гумусированный средневековый слой, выяснилось, что древние культурные отложения очень плохо сохранились на западной половине площадки грота, так как близ западного края грота скала была прорезана руслом ручья, и в юго-западном углу площадки грота находился небольшой водоем, в который устремлялась струя водопада упомянутого ручья. Как показали раскопки, водоем периодически заливал и часть восточной площадки грота.

Затем, была заложена продольная траншея на западной половине площадки грота длиной 10 м, шириной 1 м (тр. 1), у входа в грот на южном краю площадки была заложена поперечная траншея длиной 9 м, шириной 2 м (тр. 2). Обе траншеи были вскрыты на глубину до 1 м. Траншея 2 ожидаемых результатов не дала, так - как отложения ее состояли из позднейших золисто-гумусных горизонтов с кусками известняка. В центре траншеи был заложен шурф на глубину до 10 м, в нем также не было плейстоценовых отложений.

Но в траншее 1 были вскрыты сохранившиеся культурные отложения с большим количеством каменных изделий и разбитыми костями животных. Западнее тр. 1 был начат раскоп на площади нескольких квадратных метров.

Я продолжил раскопочные работы в Оби-Рахмате с 1964 г. в качестве аспиранта, при этом материалы раскопок 1962-1963 гг. оказались недоступны мне по независящем от меня обстоятельствам.

В процессе раскопок полевых сезонов 1964-1965 гг. основное внимание было уделено изучению стратиграфии. В тр. 1 было выявлено, что общая мощность культурных отложений грота достигает 10 м. Вся толща культурных отложений с массой находок *in situ* была подразделена на 21 литологических слоя серого или светло-коричневого цветов. Часть культурных слоев была нарушена средневековым подземным ходом, который сначала мы приняли за промоину. Нижняя часть культурных отложений (15-21 слою) была вскрыта на ограниченной площади. Полученные коллекции каменных орудий имели гомогенный характер, они свидетельствовали, что перед нами единая палеолитическая индустрия сохраняющая свой традиционный облик на протяжении десятков и более тысячелетий.

При обработке массовых археологического материалов Оби-Рахмата нами была осуществлена успешная попытка применения статистических методов (Сулейманов, 1972). Установлено, что индустрия Оби-Рахмата входит в широкий круг пластинчатых индустрий Ближнего Востока и Центральной Азии, с примесью дисковидной и леваллуазской техник расщепления камня. Изредка были отмечены веерообразные и ортогональные нуклеусы характерные для клектонской техники расщепления. Для типологии орудий Оби-Рахмата характерны ретушированные пластины и удлиненные остроконечники, резцы, много пластин с подтеской концов, они были квалифицированы как струги и скобели для обработки дерева. Есть скребла, концевые скребки встречаются очень редко, как и их массивные формы.

Но самое главное, весь этот инвентарь от слоя к слою на протяжении 10 м претерпевает постепенную эволюцию. Систематически уменьшается процент нуклеусов для снятия отщепов, увеличивается процент нуклеусов для снятия призматических пластин. Уменьшается процент скребел и ретушированных отщепов, постоянно растет процент верхнепалеолитических типов орудий, включая комбинированные образцы.

Индустрия всех слоев Оби-Рахмата была разделена снизу-вверх на 5 последовательных хронологических комплексов. Нижний комплекс А был квалифицирован как финал среднего палеолита; второй – Б квалифицирован как переходный комплекс от среднего к верхнему палеолиту; верхние комплексы – В, Г, Д квалифицированы в качестве верхнепалеолитической стадии развития индустрии грота Оби-Рахмат.

На основе сходства технических и типологических показателей материалы грота Оби-

Рахмат были объединены с индустриями таких стоянок как Тешик-Таш, подъемные материалы с поверхностей адыров юго-западной Ферганы, грота Ходжикент; под названием оби-рахматской культуры. К этой же группе примыкают подъемные материалы собранные А.П. Окладниковым и В.А. Рановым в районе строительства Кайрак-Кумской ГЭС (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962). Эти материалы были квалифицированы авторами как леваллуа-мустье. Кайрак-Кумские местонахождения являются продолжением находок среднепалеолитических местонахождений с адыров юго-западной Ферганы.

Подсчет долей среднепалеолитических и верхнепалеолитических типов орудий, а также отщепов и пластин показал, что среди этих комплексов разные проценты элементов среднего и верхнего палеолита. Это дало возможность выстроить их в хронологической последовательности от архаического Тешик-Таша к стоянкам южной Ферганы, далее располагались коллекции Ходжикента, самым последним и развитым комплексом оказались материалы Оби-Рахмата (Сулейманов, 1972).

Раскопки Оби-Рахмата были продолжены нами и в сезонах 1968-1969 гг., впоследствии эти материалы были переданы для обработки в Институт археологии АН Узбекистана Т. Гречкиной. Далее в течении нескольких сезонов грот изучали сотрудники Института археологии Т. Оманжулов и К. Крахмаль. Все эти материалы хранятся в Институте археологии и еще не получили своего исчерпывающего анализа и публикации.

В 1998 г. совместная Узбекско-Российская экспедиция под руководством А.П. Деревянко продолжила раскопки на Оби-Рахмате. При этом тр. 1 была расширена и превращена в раскоп, на значительной площади были вскрыты самые нижние слои грота, они дали многочисленные коллекции изделий из камня. Важно то что часть ранее выделенных нами наиболее толстых слоев были подразделены на более тонкие уровни обживания. Анализ этих материалов подтвердил, что индустрия нижних слоев относится к той же культурной традиции, что и в верхних слоях. Подтверждены наши выводы о том, что индустрия Оби-Рахмата фиксирует переход от среднего палеолита к верхнему. Но А.П. Деревянко считает, что слои XIV-I следует квалифицировать как верхний палеолит, все нижние слои относятся им к переходной стадии. С этими выводами можно только согласиться, так как они подтверждены большим количеством новых находок из самых нижних слоев грота (Деревянко и др., 2004).

Что касается хронологии обживания грота, мы в свое время опираясь на корреляцию рыхлых отложений грота с террасами р. Чаткал, и относили время обживания его к Q² и Q³, или к концу WI-началу WII. По образцам костей животных из слоя VII и куску травертина с уровня нижних слоев В.В. Чердынцевым были получены соответственные даты 44±1 тыс. л. и 125±16 тыс. л. (Чердынцев, 1969). По представлениям 60-х гг. XX вв. вторая дата мне представлялась невероятно заглубленной. Но большая серия радиоуглеродных и урановых дат полученных за последние годы из грота показали, что Оби-Рахмат действительно мог обживаться в интервале 100–40 тыс. л. (Ринн П. Дж. и др., 2004). При этом, изложенные в этом сообщении результаты датировок слоев Оби-Рахмата по радиоуглероду с IV по XVI слои колеблются в интервале от 10 до 48 тыс. лет, даты же полученные по торий-урановому методу слоев VII-XII все колеблются в пределах 90±5-8 тыс. л. Все это заставляет сомневаться в адекватности радиоуглеродных датировок. Часть датировок явно замоложена, это образцы, давшие 19700, 9750, 18600, 28800, 23150 лет. Остальные даты колеблются в интервале 40–45 тыс. лет. Этот методический радиоуглеродный метод не способен замерять более древний возраст. Фактически такой же разброс по костям и травертину выявили и исследования

В.В. Чердынцева сорок лет назад. Видимо, результаты датировок по урану ближе к истине.

Первая сенсационная находка нескольких костей человека Оби-Рахмата была обнаружена из XVI слоя в 2003 г. Там же, в поле при участии археологов, антропологов и палеозоологов, эта уникальная находка зубов и костей черепа подростка была обсуждена и материалы были опубликованы (Глантз и др., 2004). Основные заключения антропологов свелись к тому, что этот индивид сочетал в себе особенности строения черепной коробки хомо сапиенса с архаическими признаками строения пирамиды височной кости. Зубы были очень крупные. Этот индивид представлял собой переходную форму от архантропа к хомо сапиенсу, что вполне соответствует переходной стадии индустрии грота Оби-Рахмат. В одной из последних работ А.П. Деревянко, посвященной проблеме перехода от среднего палеолита к верхнему палеолиту в Азии, эта находка предположительно датирована 56-54 тыс. л. (Деревянко, 2009. С. 76). Это усредненная цифра между датами Оби-Рахмата, полученными радиоуглеродным и торий-урановым методами. Выше мы отмечали, что радиоуглеродный метод определения даты Оби-Рахмата не вызывает доверия. Полагаем, что возраст человека из Оби-Рахмата около 90 тыс. лет.

В литературе уже неоднократно отмечалось, что обширные степные и пустынные равнины Северной Африки, Ближнего Востока и Центральной Азии являлись зоной глобальных контактов προϊсторической ойкумены. Давно известно, что аналогичные процессы перехода среднепалеолитических индустрий в верхнепалеолитические протекали и на побережье восточного Средиземноморья. Не один десяток лет ведутся споры о таксономической принадлежности и судьбах, т.н. прогрессивных неандертальцев или ранних хомо сапиенсов из пещеры Схул, живших в то же время, что и человек Оби-Рахмата.

Развитие техники расщепления и типологии орудий на Ближнем Востоке шло синхронно и приблизительно тем же путем, что и в Оби-Рахматской культуре (Монигал, 2001; Менгин, Бар-Иозеф, 2002).

В свете древней хронологии человека Оби-Рахмата заключение о том, что люди из пещеры Схул представляли собой индивидов африканской популяции, которая была уничтожена местными неандертальцами и не могла проникнуть далее на север и не оставила потомства, выглядит ошибочным (Кауфман, 2002. С. 59). Не исключено, что они тоже были автохтонными жителями Палестины. Следует отметить, что дискуссии сторонников мультирегионального процесса сапиентации со сторонниками африканского происхождения современного человека вовсе не исключают возможности широких и постоянных процессов метисации между различными группами древних людей.

В Европе, с ее пересеченным ландшафтом и густыми лесами интенсивность контактов древних людей была более слабой, что вело к длительному сохранению традиций различных вариантов своих среднепалеолитических индустрий, а также более долгому сохранению неандертальского типа человека. Допускается, что хомо сапиенс вместе с ориньякской культурой распространяется с востока вдоль русла Дуная до центральной Европы. Предполагается, что это приводит к трансформации среднепалеолитических индустрий в переходные индустрии: шательперрон, селетьен, альтмухлиан и др. (Raposo L., 2000).

В последнее время, после крупных открытий на Алтае, где так же прослежен автохтонный процесс перехода от среднего палеолита к верхнему, дискутируется вопрос о центральноазиатском происхождении ориньякской культуры (Отт, Козловский, 2001;

Утмайер, 2002). При этом, многослойные пещерные памятники Алтая, помимо богатых коллекций каменной индустрии, очень близкой индустрии Оби-Рахмата, содержат и отдельные кости древних гоминид. Они квалифицированы как принадлежащие ранним хомо сапиенсам (Деревянко, 2009). В отличие от Оби-Рахматской культуры все памятники алтайских индустрий содержат тщательно отесанные листовидные бифасы.

Недавнее сообщение американского журнала «Nature» о результатах анализа митохондриального ДНК кости человека из XI слоя Денисовой пещеры, который датируется 40-35 тыс.л. и содержит культуру верхнего палеолита (Деревянко и др., 1998. С. 40-42), звучит неправдоподобно. Согласно анализу, эта кость принадлежит архаической форме гоминид, сложившихся миллион лет назад, задолго до первых неандертальцев и хомо сапиенсов. Что это, ошибка или факт? Если это факт, то он не укладывается в стройную картину сложения хомо сапиенса и его верхнепалеолитической культуры изложенную выше. Мог ли современник гейдельбергского человека, доживший до последнего оледенения, иметь верхнепалеолитическую культуру? Но если эта кость часть охотничьей добычи хомо сапиенса, который жил в Денисовой пещере, тогда где же индустрия этого представителя архаических гоминид? Возможно, эта кость была переложена из нижних слоев пещеры Денисова.

Использованная литература:

- Сулейманов Р.Х. Статическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, «Фан», 1972.
- Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов // Труды Ин-та истории АН Тадж. ССР, т. 33. Душанбе, 1962.
- Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Ринн П.Дж., Исламов У.И. Каменная индустрия грота Оби-Рахмат // Грот Оби-Рахмат. Новосибирск, 2004.
- Чердынцев В.В. Уран 243. М., 1969.
- Ринн П.Дж., Вагнер Дж. Д.М., Патчетт П. Дж., Славинский В.С. Радиоуглеродное и урановое датирование отложений грота Оби-Рахмат // Грот Оби-Рахмат. Новосибирск, 2004.
- Глантз М., Виола Б., Чикишева Т. Новые останки гоминидов из грота Оби-Рахмат // Грот Оби-Рахмат. Новосибирск, 2004.
- Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования Homo Sapiens Sapiens в Восточной, Центральной и Северной Азии. Новосибирск, 2009.
- Монигал К. Пластинчатые индустрии нижнего, среднего и начала верхнего палеолита в Леванте // АЭ-АЕ, 2001, 2.
- Менгин Л., Бар-Иозеф О. Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита Леванта: последовательная или прерванная линия развития? // АЭАЕ, 2002, 3.
- Кауфман Д. Вопросы преемственности эволюции человека современного анатомического типа на материалах Леванта // АЭАЕ, 2002, 4.
- Roposo L. The Middle – Upper Paleolithic Transition in Portugal // Neanderthals on the Edge: Papers from a Conference Marking the 150th Anniversary of the Forbes Quarry Discovery, Gibraltar, Eds. C.B. Stringer, R.N.E. Barton, J.C. Finlayson – Exeter, Oxbow Books, 2009.
- Отт М., Козловский Я.К. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // АЭАЕ 2001, 1.
- Утмайер Т. Ориньяк, человек современного типа и проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в Северной Азии: взгляд из Центральной Европы // АЭАЕ 2002, 1.
- Деревянко А.П. и др. Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. Материалы международного симпозиума к 90-летию А.П. Окладникова. Новосибирск, 1998.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОЛИТА УЗБЕКИСТАНА

© 2010. Б.К. Сайфуллаев

Институт археологии АН РУз

Систематические научные исследования палеолита Узбекистана берут свое начало с открытия знаменитого грота Тешик-Таш в 1938 году (Окладников, 1940. С. 128; 1940а. С. 132). С тех пор на территории Узбекистана открыты и исследованы десятки не менее интересных памятников, относящиеся к разным этапам эпохи палеолита. Древнейшим из этих стоянок является пещера Сельунгур, находящаяся в Ферганской долине (Исламов, 1984. С. 15). Своеобразием индустрии Сельунгура является сочетание в нем бифасов с кливерами, что определено как особенность азиатского ашеля. Другой раннепалеолитический памятник Узбекистана – нижние слои Кульбулака (Касымов, 1990. С. 17), на территории Ташкентского оазиса, также имеет серию грубо оббитых бифасов. Кроме того, хотя и в единственном экземпляре, бифас-лиманд был обнаружен при зачистке самого нижнего слоя Кызылалмы (Анисюткин, Исламов, Крахмаль, Сайфуллаев, Хушваков, 1995. С. 24), неподалеку от Кульбулака.

Таким образом, можно предположить, что в раннем палеолите на территории Узбекистана в основном существовали бифасиальные индустриальные технокомплексы.

Что касается среднепалеолитических памятников, то здесь преобладают леваллуазские, в широком смысле понятия, леваллуа Аман-Кутана (Лев, 1956. С. 7), Кутурбулака, Оби-Рахмата и др. (Кривошапкин, Анойкин, Милютин, Сайфуллаев, 2002. С. 14) и зубчатые варианты (среднепалеолитические слои Кульбулака) (Касымов, 1990) индустрий. Однако, в отношении техника-типологии наборов индустрий, в хронологическом плане большинство из среднепалеолитических памятников Узбекистана представляет собой середину или вторую половину данной эпохи. Видимо, неандертальцы, появившиеся 100 000 лет тому назад на территории Западной Европы, продвигались постепенно по берегам Средиземноморья и потребовалось 40-50 тыс. лет пока они дошли до территории Узбекистана. Если это действительно так, то на территории Узбекистана проживали развитые неандертальцы.

Для выделения своеобразия палеолита Узбекистана нами исследовались палеолитические памятники открытого типа долины реки Зарафшана и верхние слои Кульбулака в Ташкентском оазисе из чего можно выделить их нижеследующие особенности:

1. Формы заготовок и качество используемого сырья сильно повлияли на развитие техники обработки камня. Первобытные племена палеолита Узбекистана жили в условиях дефицита хорошего качественного сырья. Во время существования верхних слоев Кульбулака кремни коричневых и серых тонов были в изобилии в окрестностях памятника. Но эти кремни нельзя назвать высококачественными, так как они поверхностные и большинство из них имели внутренние дефекты, которые заставили первобытных мастеров менять ориентацию нуклеусов или отбросить их.

Попадались иногда качественные кремни без дефектов, но они предельно срабатывались. В наборе индустрии Кутурбулака наряду с другими породами сырья имеются очень малые количества изделий из галечного кремня. Но нуклеусы из кремней сильно сработанные и бессистемные. Видимо, из-за дефицита кремня кутурбулаццы расщепляли его при помощи какой-либо системы, но тогда, когда нуклеус истощался, расщепления производились бессистемно, в целях получения как можно больше кремневых, т.е. более качественных и режущих сколов.

2. Каменные изделия, характерные для ранних этапов палеолита, такие как чоперы, чоппинги, дисковидные нуклеусы и т.п. продолжают существовать наряду с более поздними типами изделий? Например, в наборе индустрии позднепалеолитических памятников долины р. Зарафшана наряду с верхнепалеолитическими изделиями имеются и галечные орудия (Джуракулов, 1987. С. 57). Когда речь идет о палеолитических памятниках открытого типа Узбекистана, таких как Кутурбулак, Зирабулак, Кульбулак и Самаркандская стоянка, ответ на вышеупомянутый вопрос может быть двояким. Или индустрии палеолита Узбекистана являются традиционными или же их артефакты перемещены с разновременными материалами.

Кроме того, археологические материалы из большинства этих памятников обнаружены непосредственно у водного источника. Если учесть палеоклимат эпохи плейстоцена, то котловины этих источников часто наполнялись селевыми потоками, и соответственно в этих местах было сыро, если не болотисто, что могло затруднить жизнь людям эпохи палеолита.

Исходя из вышесказанных соображений, можно предположить, что палеолитические люди с вышеупомянутых памятников переселились на склоны близлежащих холмов, строя полуземлянки. Такое расположение жилищ было удобным: во-первых, в этих местах не удерживались дождевые воды и было более сухо; во-вторых, склоны холмов являлись стратегически более удобны, отсюда первобытные люди могли наблюдать окрестность стоянки за объектами охоты, так как это было жизненно необходимым; в-третьих, родники обычно являлись местами, куда приходили утолить жажду также и хищные животные, которые могли представлять опасность. Для хозяйственных нужд и питья они приходили к источнику, но жили, как было отмечено выше, видимо, на склонах близлежащих холмов. Следовательно, весь археологический материал вышележащих холмов со временем скатывался в котловину родника, но уже в перемещенном состоянии.

3. В технокомплексах открытых стоянок позднего палеолита Узбекистана почти отсутствуют изделия из кости, хотя они имели место в деятельности современного человека (хomo сапиенс сапиенса). Об этом свидетельствует наличие резцов в коллекциях, но видимо, из-за суровых климатических условий они не сохранились.

4. Исследования последних лет показывают на переотложенность или же перемешанность культурных напластований у отдельных палеолитических стоянок открытого типа на территории Узбекистана (Ранов, Несмеянов, 1973. С. 72). Например, послойный анализ индустрии верхних слоев Кульбулака не дал эволюционных изменений, а наоборот, материал третьего слоя типологически оказался более развитым, чем у вышележащих двух слоев. Это напрямую указывает на перемешанность археологического материала в этих верхних трех слоях. Эволюционные изменения не наблюдаются и во всех пяти «культурных слоях» Кутурбулака (Ташкенбаев, Сулейманов, 1980. С. 77), а в Зирабулаке каменные изделия перемешались даже со средневековой керамикой (Гречкина, 1990. С. 13).

5. Техничко-типологические анализы показывают, что для позднего палеолита Узбекистана характерна техника расщепления через твердый отбойник и через костяной посредник. Отжимная техника, появившаяся в Европе в эпоху позднего палеолита, в Узбекистане появилась немного позже, в эпоху мезолита.

Таким образом, палеолитические культуры Узбекистана, наряду со сходством с культурами сопредельных территорий, имеют своеобразные особенности, сложившиеся в связи с особенностями палеоэкологических условий эпохи плейстоцена.

Использованная литература:

- Анисюткин Н.К., Исламов У.И., Крахмаль К.А., Сайфуллаев Б.К., Хушваков Н.О.* Предварительные исследования долины реки Ахангаран за 1994 г. Санкт-Петербург, 1995.
- Гречкина Т.Ю.* Некоторые итоги исследования Зирабулакской палеолитической стоянки // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
- Джуракулов М.Д.* Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита Средней Азии. Ташкент, 1987.
- Исламов У.И.* Первая нижнепалеолитическая пещерная стоянка в Ферганской долине // ОНУ. №8. 1984.
- Касымов М.Р.* Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана // Автореф. дисс. докт. ист. наук. Новосибирск, 1990.
- Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Милютин К.И., Сайфуллаев Б.К.* Новые исследования в гроте Оби-Рахмат за 2001 г. // ИМКУ, вып. 33. Самарканд, 2002.
- Лев Д.Н.* Древний палеолит в Аман-Кутане (исследования 1953-1954 гг.) // Труды Узбекского Гос. ун-та. Новая серия. Вып. 61, 1956.
- Окладников А.П.* Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. (Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш) // СА. Вып. 6. 1940.
- Окладников А.П.* Первобытный человек Узбекистана // Наука и жизнь. № 1. 1940а.
- Ранов В.А., Несмеянов С.А.* Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
- Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х.* Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980.

К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ КУЛЬБУЛАКА

© 2010. Н.О. Хушваков

Музей истории материальной культуры г. Шахрисабза

В изучении истории эпохи камня, в том числе, позднего палеолита во многих случаях основным источником информации о нашем далеком прошлом являются обработанные человеком каменные орудия труда. Благодаря усилиям археологов - исследователей эти артефакты информируют о жизни наших предков, отдаленных от нас интервалом времени в несколько десятков тысячелетий. Технотипологическое исследование индустрий палеолита является одним из важнейших моментов в изучении первобытной истории. Более того, именно в их разгадке кроется культурно-материальное состояние, уровень концептуального мышления, хозяйственно-экономическая деятельность людей эпохи палеолита. Результаты такого рода исследований во многом зависят от методики исследований. В последнее время в Узбекистане успешно используется технотипологическая методика исследования, разработанная во Франции и принятая в мировой практике (Сайфуллаев, 2003. С. 18).

В силу постоянного совершенствования методов археологических исследований, значительного расширения имеющейся информационной базы по палеолитическим объектам Узбекистана и создания широких обобщающих культурно-хронологических схем развития каменных индустрий региона, все это заставляет на новом, современном уровне, проводить анализ материалов из памятников, уже давно ставших классическими. В этом отношении большой интерес для палеолитоведения представляют верхние слои классического для всей Центральной Азии, по словам академика В.М. Массона, памятника Кульбулак.

Впервые памятники этого времени были открыты в 1962 году в окрестностях селений Самарчук и Аблык юными краеведами-археологами г. Ангrena под руководством О.М. Ростовцева. По их информации, палеолитический отряд Института археологии АН РУз неоднократно обследовал юго-восточные склоны Чаткальского хребта. В результате полевых работ были обнаружены стоянка Кульбулак и несколько кремнеобрабатывающих мастерских. Последние расположены на правом берегу р. Ангрен у палеогеновых и меловых пород в тех местах, где выходы сырья прорезаются горными ручьями – Кызылалмасай, Гыштсай, Карабагсай и др. В этих мастерских найдено большое количество каменных изделий, характеризующих деятельность первобытного человека, в том числе, позднепалеолитического (Касымов, 1972. С. 12-14).

В современной литературе существуют несколько довольно противоречивых мнений о характере процессов осадконакопления и возможной переотложенности как литологических горизонтов, выделенных в стратиграфических разрезах Кульбулака, так и содержащихся в них каменных артефактов.

По мнению М.Р. Касымова, суть стоянки Кульбулак состоит в том, что – это многослойный памятник, содержащий ашельские, мустьерские и позднепалеолити-

ческие культурные слои, расположенные друг над другом и знаменующие собой переходный период от ашеля к мустье и от мустье к позднему палеолиту (Касымов, 1990. С. 40). В.А. Ранов и С.А. Несмеянов указали, что мустьерские каменные орудия попали в котловину древнего родника по руслу Джарса с селевыми потоками, а поэтому все они переотложены (Ранов, Несмеянов, 1973. С. 26). С этим не согласен Н.К. Анисюткин: «Изделия переносились на небольшое расстояние, вероятно, в пределах стоянки», т.е. кремневые изделия из нарушенного слоя не были принесены извне с большого расстояния, а перемещались в пределах палеолитического поселения. Если принять во внимание присутствие в разных мустьерских слоях окатанных предметов, то, вероятно, не исключено наличие на памятнике и иных слоев, в той или иной мере деформированных (Анисюткин и др., 1995. С. 16-18).

В отношении первых трех слоев, В.А. Ранов видит только один единственный накопленный в соответствии с рельефом родниковой впадины. «Его и вышерасположенные культурные слои автор раскопок считает верхнепалеолитическими. Более древние горизонты, которые он датирует мустьерским временем, не видны. Следует отметить, что отдельные участки этих культурных слоев выделены по разным признакам: местами по зольным пятнам, но часто по наличию орудий каменного века. Однако артефакты встречаются и между слоями. Очевидно, данные слои выделены весьма условно. Это подтверждается и тем, что культурный слой VI пересекает подошву слоя зеленых глин и частично проводится уже внутри нижележащих осадков. Следовательно, он не может считаться одновозрастным образованием на всем своем протяжении. Вероятно, это относится ко всем культурным слоям, начиная с четвертого» (Ранов, Несмеянов, 1973. С. 26).

Это сомнение подтверждается разнородностью встреченного здесь археологического материала. Так, наряду с мустьерскими орудиями, в коллекции присутствуют гораздо более мелкие изделия верхнепалеолитического облика. При этом мустьерский материал более патинизирован, а иногда окатан. Очевидно, история захоронения мустьерских и верхнепалеолитических изделий неодинакова. Одновременное изготовление столь разнородных орудий сомнительно.

З.А. Абрамова соглашается полностью с М.Р. Касымовым в вопросе выделения позднепалеолитической кульбулакской культуры, отличной от ходжагорской, самаркандской и каракамарской культур (Абрамова, 1984. С. 307-308).

Таким образом, местонахождение Кульбулак не перестает давать ценнейшую информацию для изучения палеолита Средней Азии. Результаты его изучения с самого начала были предметом научных дискуссий. Поэтому накопился ряд проблематичных вопросов, требующих надлежащего разрешения. Мы стараемся решить этот вопрос через технико-типологический анализ каменного инвентаря и определить состав сырья.

В качестве сырья для выделки каменных изделий на Кульбулаке использовались восемь пород камня, залегающих в районе Кызылалмы и поймах реки Ахангаран. Сырьевой состав этих изделий верхних (I-III) слоев Кульбулака состоит из нижеследующих пород.

Самой качественной породой в районе каменной индустрии верхних слоев Кульбулака является более прозрачный коричневый кремнь, которому в первом и третьем слоях отдавалось большее предпочтение. Во втором слое коричневый кремнь занимает второе положение. Но во всех слоях последующие позиции занимают по порядку: кремнистый известняк, яшма, глинистые и кремнистые сланцы,

№	Тип сырья	I слой		II слой		III слой	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	Коричневый кремль	734	65,1	125	30,4	703	41,6
2	Серый кремль	229	20,3	137	34,3	653	38,6
3	Кремнистый известняк	95	8,4	78	17,5	168	9,9
4	Яшма	46	4	34	11,3	82	4,8
5	Глинистый сланец	12	1	7	1,2	43	2,5
6	Кремнистый сланец	4	0,35	4	1	23	1,4
7	Кварцит	4	0,35	5	1,5	12	0,8
8	Кварц	3	0,26	6	2,8	6	0,4
ВСЕГО:		1127	100	396	100	1690	100

кварцит и кварц. Удивителен тот факт, что встречающиеся кремни в верхних слоях Кульбулака происходят из Кызылалмасая, изделия из яшмы аналогичны с материалами Джарсая, а кремнистые известняки происходят исключительно из Гиштсая и т.п.

Это значит, что наши исследования перспективны в том плане, что материалы местонахождений в окрестностях Кульбулака должны обследоваться в тесном контакте с материалами стоянки Кульбулак. Видимо родник Кульбулак находился в самом центре котловины данной местности и поэтому все палеолитические материалы из окрестных холмов вместе с селевыми потоками смывались в эту котловину. Кроме того, кульбулакцы жили в условиях дефицита хорошего качественного сырья. Это прослеживается, прежде всего, по технике расщепления. Коричневые и серые кремни приносили на стоянку, выходы которых расположены на холмах выше родника, в виде крупных отщепов. Расщепление этих заготовок осуществлялось различными способами. Первый способ - расщепление производилось со стороны плоского и широкого вентрала с торца заготовки. При этом ударная площадка не подправлялась, в виду того, что габаритную заготовку нужно было держать в искривленном положении, которое образовало соответствующий угол для раскалывания. Второй способ - когда габариты нуклеусов уменьшались, начиналась подправка скошенных в тыл ударных площадок. Третий способ расщепления проводился по продольной оси заготовки со стороны вентрала, который образовывали нуклеусы типа комбева. Кроме того, во всех трех слоях Кульбулака доминировал униполярный пластинчатый способ расщепления. Но дефекты, находящиеся внутри кремней, сильно мешали развитию этой системы, что привело к изменению ориентации ядрищ, образующей ортогональный, двуплощадочный и многоплощадочный нуклеусы. Надо отметить и тот факт, что в руки мастеров Кульбулака попадались и кремни хорошего качества, без каких-либо внутренних дефектов.

Нуклеусы из подобных пород обрабатывались до предела. Но когда ядрища истощались, их невозможно было расщеплять с помощью какой-либо системы. В целях получения как можно большего количества заготовок, на последней стадии эти нуклеусы расщеплялись бессистемным образом. Об этом свидетельствуют хорошо сохранившиеся бессистемные нуклеусы исключительно из кремней. Они имеются в коллекциях всех трех слоев Кульбулака. Что касается техники леваллуа, то она не была чуждой для мастеров Кульбулака. Образцы этой техники в каждом слое составляют в среднем 2-3%. С развитием позднепалеолитической техники обработки

камня техника леваллуа повсеместно постепенно исчезает, но в палеолите Узбекистана она продолжает существовать в малом количестве.

Известно, что для выделки леваллуазских изделий требуется изобилие хорошего качественного сырья, так как эксперименты показали, что для того чтобы получить один желаемый леваллуазский отщеп, в отходы выбрасываются в среднем 60 отщепов. Видимо, из-за дефицита качественного материала кульбулакцы не могли позволить себе такую «роскошь». Другие породы камней приносились на стоянку в виде продолговатых галек, затем снимались «шапки», т.е. край гальки образовывался скошенным образом, а затем расщепления проводились параллельным или же субпараллельным образом. Иногда эти гальки использовались в качестве отбойника (Хушваков, 2008. С. 23).

Анализ наборов индустрий верхних трех слоев Кульбулака показал, что по всем технико-типологическим данным, третий слой более развитый, чем два вышележащих. Это наблюдается, прежде всего, в наборе нуклеусов. Прогрессирующие конусовидные типы ядрища для микропластин обнаружены только в третьем слое. Такое наблюдается и среди орудий, например, скребки третьего слоя выполнены более изящно, чем в наборе вышележащих слоев. Кроме того, в третьем слое обнаружены микроскрепки ногтевидной формы.

Все эти данные позволяют усомниться в инситуности верхних слоев Кульбулака и согласиться с мнением, высказанным В.А. Рановым и С.А. Несмеяновым. Это говорит о том, что территория Узбекистана была активной зоной в отношении тектонических явлений в эпоху плейстоцена, что первобытные люди в эпоху палеолита жили не рядом с водным источником, а на некотором расстоянии от него, на склонах холмов. Такое расположение стоянок было стратегически удобным. Это обеспечивало безопасность людей от природных явлений и хищных животных. Исходя из вышесказанных соображений, верхние слои Кульбулака являлись, скорее всего, местонахождением, или горизонтом находок, а не стоянкой людей эпохи позднего палеолита.

Использованная литература:

1. Сайфуллаев Б.К. Палеолит долины реки Зеравшана и Северо-восточных Кызылкумов. Дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 2003.
2. Касымов М.Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане // МИА, № 185. М., 1972.
3. Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Новосибирск, 1990.
4. Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
5. Анисюткин Н.К., Исламов У.И., Крахмаль К.А., Сайфуллаев Б.К., Хушваков Н.О. Предварительные исследования долины реки Ахангаран за 1994 г. Санкт-Петербург, 1995.
6. Абрамова З.А. Поздний палеолит азиатской части СССР. Палеолит СССР: М., 1984.
7. Хушваков Н.О., Сайфуллаев Б.К. О позднем палеолите Узбекистана (по материалам технико-типологических исследований верхних (I-III) слоев Кульбулака) // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, 2008.

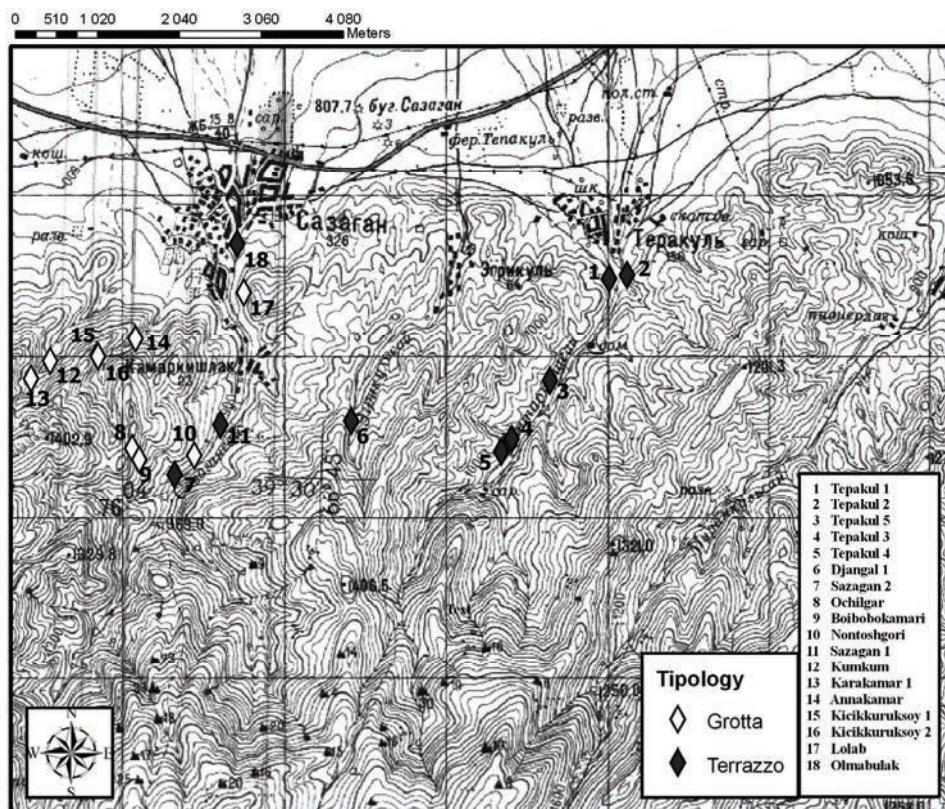
ОЧИЛҒОР МАКОНИ ТАДҚИҚОТИНИНГ ДАСТЛАБКИ НАТИЖАЛАРИ ХУСУСИДА

© 2010. Н.Ў. Холматов

Самарқанд Давлат университети

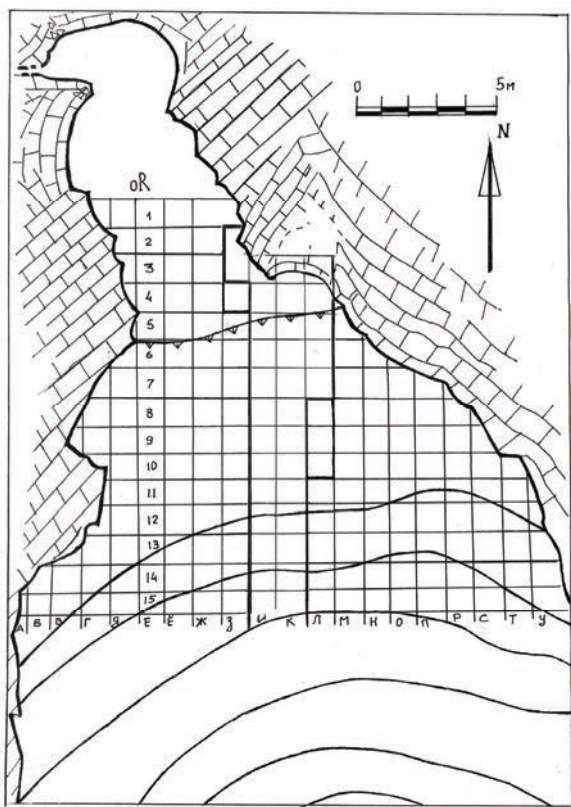
Зарафшон воҳаси Марказий Осиё миқёсида қадимги маданият марказларидан бири ҳисобланади. Шу маданият тизимидаги тош асри жамоалари тарихига бағишланган тадқиқотлар натижалари ҳам муҳим ўрин тутди (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966; Виноградов, 1981; Джуракулов, 1987; 1992; Тошкенбаев, Сулейманов, 1980; Джуракулов, Холматов, 1991; Холматов, 2007; 2008). Бу борада Ўрта Зарафшон воҳаси тош даври ёдгорликлари аҳамияти беқиёс. Бу минтақа мезолит-неолит ёдгорликларининг ўрганилиши Қоратепа тоғ массиви шимолий ёнбағридан ўз сувини воҳа томон оқизиб чикувчи йирик сойлар (Оҳалик, Миранқул, Терақул, Эгриқулча, Сазағон, Оқсой каби) ён қайирлари ва ён дараларидаги ғор, унгурлари билан боғлиқ бўлиб, улар Самарқанд давлат университети археологик экспедицияси ходимлари томонидан ўтган асрнинг 60-йиллари иккинчи ярмидан то ҳозирги кунга қадар тадқиқ этиб келинмоқда. Мазкур изланишларнинг дастлабки натижаси сифатида Ўзбекистон археологияси фанида неолит жамоалари моддий маданиятига тегишли бўлган «Сазағон маданияти» нинг илмий асосланганлигини келтиришимиз мумкин (Джуракулов, Холматов, 1991, 123-б.). Кейинги йиллардаги тадқиқотлар жараёнида бу минтақада нафақат неолит даври жамоалари, балки мезолит ва ҳатто палеолит даври жамоалари ҳам яшаб, ўзига хос маданият соҳибкорлари бўлишганлиги аниқланди. Шунингдек, Сазағонсой ва унга қўшни сойлар ён дараларида амалга оширилган археологик қидирув ишлар жараёнида 30 дан ортиқ ибтидоий одамзод яшаганлиги эҳтимоли бўлган ғор ва ўнгирлар археологик харитага олинди ва улардан Лолабғор, Қоракамар, Очил ғор маконларидан бевосита ибтидоий маданият излари топилганлиги, мазкур ҳудудни тош асри жамоалари маданиятини ўрганишда истиқболли эканлигини кўрсатди (Холматов, 2006. 24-35 бб.; 2006а, 24-39 бб.; 2008, 40-52 бб.). Янги кашф этилган ёдгорликлар тадқиқоти бир томондан, мазкур «микровоҳада» кишилиқ тарихи тош асри тараққиётининг барча босқичларида (палеолит, мезолит, неолит) одамзод яшаб ворисийлик асосида ўзига хос маданият яратилганлигини аниқлашга имконият берган бўлса, иккинчи томондан, мазкур жамоалар нафақат йирик сойлар ён қайирларини, балки шу сойлар ён дараларида жойлашган ғор ва ўнгирларни ҳам ўзларига макон қилиб яшаганликлари ўз исботини топди. Қуйидаги сатрлар ғор, ўнгир типидagi маконлар жумласидан бўлган Очил ғор макони тадқиқотининг дастлабки натижаларини ёритишга бағишланган.

Очил ғор макони Сазағонсой ён дарасида жойлашган (1-расм). Самарқанд давлат университети археологик гуруҳи ходимлари томонидан 2003 йилда амалга оширилган археологик қидирув ишлари жараёнида кашф этилиб, ёдгорликда тадқиқот ишлари 2004 йили қисман, 2005 йилдан ҳозирги кунга қадар эса мунтазам равишда амалга оширилиб келинмоқда. Тадқиқотлар жараёнида ғорнинг ички ва унинг олд

1 - расм. Қоратена (Ўрта Зарафшан) тош даври ёдгорликлари харитаси

қисми майдон сатҳлари репердан эътиборан квадратларга бўлиниб, маконнинг умумий плани, унинг вертикал ва горизонтал кўриниши ўлчамлари маълумотлари олинди (2-расм). Ёдгорлик илк тадқиқотларининг натижалари қисман адабиётларда ёритилган (Холматов, 2006. 220-225 бб.). Ҳозирги кунда ёдгорликнинг И, К, Л, М, Н, О, П - 4-13 квадратлар сатҳи (58 м²) тўлиқ, Ё, Ж, З - 1, 2, 3, 4 ва М, Н, О - 14-16 квадратлар сатҳида эса қисман маданий қатлам 10 сантиметрли горизонтлар асосида ўрганилиб, баъзи квадратлар сатҳида маданий қатлам қалинлиги 2,0 м горизонтгача кузатилди (И-7, 8; К-7, 8, 9, 10 квадратлар мисолида). Тадқиқот жараёнида Очил ғорнинг геологик жойланиши ҳолати, стратиграфияси макон маданий қатламларини классификациялаш муаммоларига доир фактлар ҳамда қизиқарли археологик манбалар қўлга киритилди. Хусусан, қуйидаги стратиграфик маълумотлар олинди (юқоридан пастга қараб) (3-расм): 1. Ер устки сатҳ қисми, чимли қатлам. 2. чли оҳактош бўлақлари учровчи қия ҳолатдаги ювилган қатлам. 3. Юқори ва пастки чегаралари якқол кўриниб турувчи кумоқ тупроқли қатлам. 4. Пастки чегаралари якқол кўриниб турувчи оқимтир рангли тупроқли қатлам. Кейинги қатлам билан чегарадош жойларда антик даврга оид ашъвий манбалар синиклари учрайди. 5. Шағал тошларнинг майда бўлақлари учровчи нисбатан қорамтир рангли тупроқли қатлам. 6. Юпқа тупроқли линзалар учровчи кумоқ тупроқли қатлам. Қатламда ювилган оҳактош бўлақлари мавжуд. Лекин, қатламнинг иккала чегараси ҳам якқол билиниб турибди. 7. Қорамтир рангли кумоқ тупроқли қатлам. Қатламнинг пастки қисмида 3x4 см.ли ўлчамда бўлган учли оҳактош бўлақлари учрайди. Қатламнинг юқори қисмида оқ-саримтир рангли кумоқ тупроқли линзалар мавжуд.

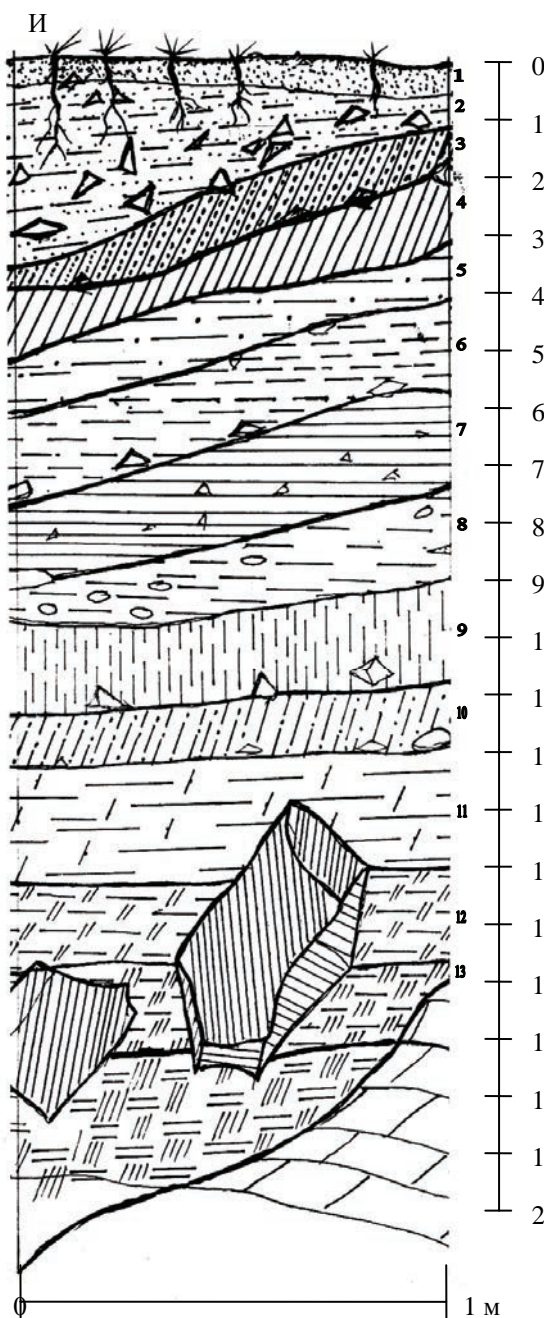

2-расм. Очилгор макони умумий плани

ўлчамли оҳактош бўлаклари учрайди. Бу бўлақлар ғор оғиз қисми шифтидан кўчиб тушган бўлиши мумкин. 10. Майда оҳактош ва шағал бўлаклари учровчи нисбатан қорамтир рангли кумоқ тупроқли қатлам. 11. Учли оҳактош бўлаклари учровчи оқимтир рангли кумоқ тупроқли қатлам. 12. Йирик ашёвий манбалар учровчи қорамтир кулранг рангли кумоқ тупроқли қатлам. Бу қатламнинг иккала чегараси ҳам аниқ кўришиб турибди. 13. Моғор босган оҳактош бўлаклари учровчи, нисбатан қорамтирроқ рангли кумоқли қатлам.

Археологик ашёлар тош буюмлар, сопол буюм парчалари, ҳайвон, парранда суяк қолдиқлари (соҳа мутахассислари томонидан ўрганилмоқда), чиғанок, тошдан ясалган зеб-зийнат каби предметлардан иборат бўлиб, жами 4000 га яқин, шундан 1006 тасини бевосита тош буюмлари ташкил этади. Тош буюмлар чакмоқтош, чакмоқтошли-сланец, халце-

Бу қатламда мавсумий сув оқими йўллари излари ҳам кўришиб турибди. 8. Қорамтир рангли кумоқ тупроқли қатлам. Пастки чегаралари хира, чаплашиб кетган. Бу қатламнинг пастки чегара жойларида оҳактош ҳамда диоритли-шағалтош бўлаклари учрайди. 9. Нисбатан қалин 20-30 см.ли қатлам ҳисобланиб, бу қатламнинг пастки чегара жойларида ашёвий манбалар, 30-50 см

3-расм. Очилгор макони. Стратиграфия

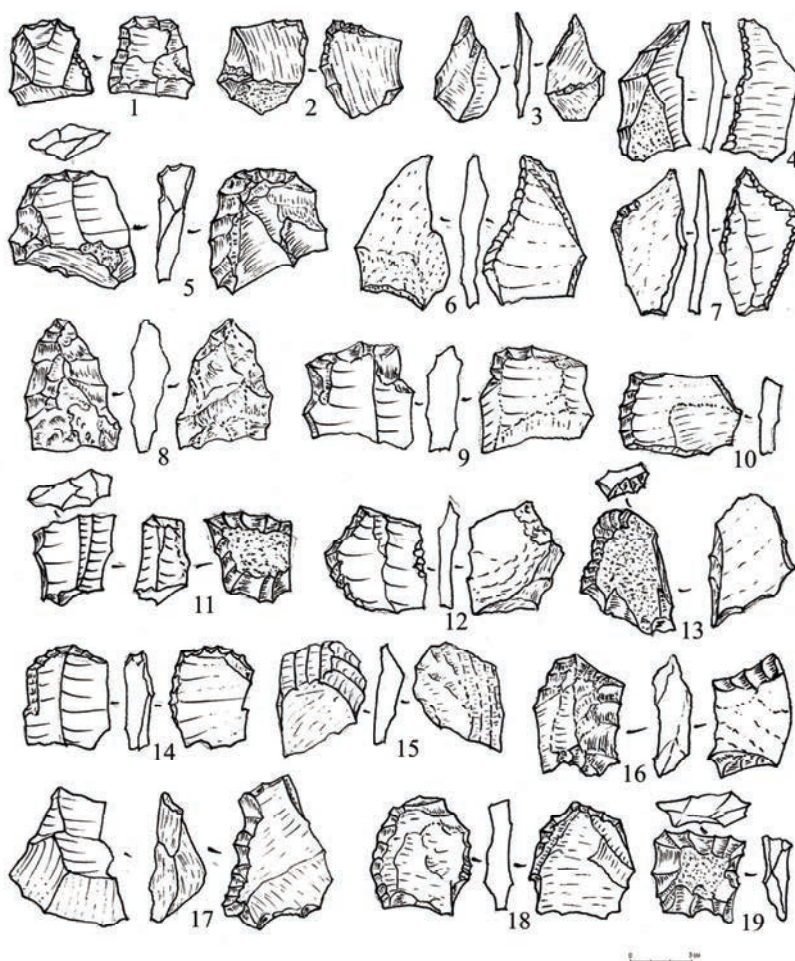

дон, кварц каби тоғ жинсларидан тайёрланганлиги маълум бўлди. Макон тош индустрияси отщепли-парақали бўлиб, парақали қисмида микропарақалар салмоғи юқорирак, қайроқтошли элементлар ҳам мавжуд (учириндилар - 692 та 68,8% парақалар эса - 280 та 27,8% ни ташкил этади).

Тош буюмларни типологик жиҳатдан куйидаги гуруҳларга бўлиш мумкин (1-жадвал): 1. Ишлов берилмаган парақалар. 2. Ишлов берилмаган отщеплар. 3. Тош ўзаклари ва тошни йўниш билан бевосита алоқадор бўлган тош буюмлар. 4. Парақалардан ясалган қуроллар. 5. Тош учриндиларидан ясалган қуроллар. 6. Қайроқтош қуроллар. 7. Плиткасимон қирғичлар. 8. Ёрғучоқлар (4-расм).

Тош буюмлар коллекциясида қайта ишлов берилмаган предметлар салмоғи (420 дона—41,7%, шундан 365 донаси тош учириндилар—86,9%, 55 донаси эса парақалар ҳисобланади—13,1%) кўпроқ бўлиб, улар тошни йўниш жараёнида учиб кетган ишлаб чиқариш чиқиндиларидан иборат. Улар аниқ бир шаклга эга эмас. Парақалар ичида микропарақалар ҳам бўлиб, ён қирралари жуда ўткир ва шу ҳолатда уларнинг аксарияти турмушда ишлатилганлиги эҳтимоли бор. Тош ўзаклари ҳамда тошни йўниш билан боғлиқ бўлган тош буюмлари 33 нусха (3,1%) бўлиб, уларнинг 21 донаси яхши ишлов берилган тош ўзаклари ҳисобланади. Тош ўзаклари ўз шакли ва ишлов берилиши услуби ҳамда парақалар учириб олиниши жиҳатлари бўйича турлича. Хусусан, дисксимон тош ўзаклари (2 дона); призмасимон кўринишдаги, бир ёки икки иш майдонига эга бўлган бир ёки икки тарафидан парақалар учириб олинганлиги излари бўлган тош ўзаклари (9 дона), конуссимон кўринишидаги бир иш майдонига эга бўлган тош ўзаклари (6 дона); қаламсимон тош ўзаклари (2 дона); микротош ўзаклари (2 дона) топилган. Бу тош ўзаклари макон тош индустрияси ўзига хос хусусиятларини аниқлашда муҳимдир.

Очил ғор макони тош қуроллари типологик таҳлилини баён этишдан олдин маданий қатламининг таркибий элементлари борасида тўлақонли маълумотга эга бўлиш

4-расм. Очилғор макони. Тош қуроллари

1- жадвал

Тош буюмлар типлари	Жангал 1	Тепакул 3	Тепакул 4	Очил гор макони				
				2004	2005	2006	2008	2009
Ишлов берилмаган отшеллар	295	244	121	4	282	48	16	15
Ишлов берилмаган парақалар	83	75	81	3	27	19	1	5
Шу жумладан микропарақалар	15	46	39	1	11	7	-	1
Тош ўзаклари:	2	9	3	1	12	4	2	2
Дисксимон	-	-	-	-	1	1	-	-
Қаламсимон	-	-	-	-	2	-	-	-
Призмасимон	1	6	2	-	7	-	-	2
Конуссимон	1	3	1	1	1	2	2	-
Микротош ўзаклари	-	-	-	-	1	1	-	-
Тошни йўниш билан боғлиқ бўлган тош буюмлари	13	16	20	-	11	-	-	2
Жами	393	344	225	8	332	71	19	24
Парақадан ясалган қуроллар:								
Елка қисмининг иккала ён томони бўйича ишлов берилган парақалар	6	5	2	1	45	6	2	4
Шу жумладан, микропарақалар	5	3	2	-	9	5	-	-
Елка қисмининг бир ён томони бўйича ишлов берилган парақалар	13	12	3	2	24	16	-	3
Шу жумладан, микропарақалар	6	7	3	-	7	7	1	-
Астар қисмининг иккала ён томони бўйича ишлов берилган парақалар	8	8	1	-	17	-	-	1
Шу жумладан, микропарақалар	6	4	-	-	3	-	-	-
Астар қисмининг бир ён томони бўйича ишлов берилган парақалар	10	9	1	-	13	9	-	-
Шу жумладан, микропарақалар	5	6	1	-	3	2	1	-
Ён томонлари бўйича қарама-қарши ҳолатда ишлов берилган парақалар	2	2	2	-	9	-	-	-
Ён томонлари тўбланиб ўтмасланган ҳолатда ишлов берилган парақалар	1	2	1	-	7	-	-	-
Уч кесим қисми бўйича ишлов берилган парақалар:								
Қийиш ҳолатда	1	-	1	-	3	3	-	-
Тўғри ҳолатда	1	-	1	-	2	1	-	-
Ён қирралари бўйича ишлов берилган чуқурчаларига эга бўлган парақалар	3	3	2	-	7	4	-	-
Шу жумладан, микропарақалар	2	2	1	-	2	2	-	-
Геометрик шаклдаги қуроллар: трапеция	-	-	-	-	-	1	-	-
Парақанинг устки кесим қисмида иш майдонига эга бўлган қирғичлар	1	-	2	-	1	-	-	-
Тешгич қуроллар	-	-	2	-	12	-	-	-
Қовурғасимон парақалар	-	-	-	1	-	-	-	-
Арханк кўринишга эга бўлган энли парақалар	1	2	3	-	20	9	-	-
Жами	47	43	21	4	160	49	4	8
Отшедан ясалган қуроллар								
Турли иш майдонига эга бўлган қирғичлар:	8	8	6	1	34	10	-	11
жумладан тик иш майдонига эга бўлган қирғичлар					5			
Турли ён томонлари бўйича иш майдонларига эга бўлган отшеллар	30	28	26	3	85	44	1	9
Понасимон қуроллар	4	13	4	-	6	5	-	4
Рандасимон қуроллар	-	-	4	-	3	2	-	-
Икки ён томони бўйича ишлов берилган ўқ ёй учлари	3	1	-	-	2	-	-	-
Тешгич қуроллар	7	4	4	-	5	3	-	-
Кескич қуроллар	-	-	3	-	3	2	-	1
Қайроқтош қуроллари	4	1	18	3	8	5	-	1
Плиткасимон қирғич қуроллари	2	1	-	-	-	-	-	-
Ёргучоқлар	1	2	4	-	2	-	-	-
Икки юз қисми силликланиб иш майдони ҳосил қилинган болта қуроли	-	-	-	-	1	-	-	-
Микро чоппер қуроли	-	-	-	-	1	-	-	-
Йирик ҳажмли ушатгич қуроли, бўлақлари	-	-	-	-	2	-	-	-
Кварц	-	-	-	-	-	56	-	14
Жами	59	58	69	7	152	127	1	40
ЖАМИ	499	445	315	19	644	247	24	72

учун казиш жараёнида квадратлар сатҳида горизонтлар бўйича қайд этилган ўчоқлар, суяк уюмлари тўғрисида маълумот беришни ўринли деб ҳисоблаймиз. Хусусан, К-5, ҳамда К-6 ва К-7 квадратлар чегараси доирасида 0,6-0,8 м горизонтда иккита ўчоқ қолдиғи ҳамда И-6 ва И-7 квадратлар чегараси доирасида мазкур горизонтдан диаметри 40-60 см бўлган ва қалинлиги 20-25 см.ни ташкил этувчи, фақат йирик шохли ҳайвонларга тегишли суяклар уюми қайд этилди. Ўчоқ кули ва унинг доирасида ўчоқнинг тўлиқ тузилиши имконини бермайдиган 3-4 дона харсанг тош бўлаклари ҳамда ўчоқлар атрофидан бир нечта сопол буюм парчалари (неолит), тош буюмлар топилди. Кейинги тадқиқотларда яна бешта ўчоқ қолдиқлари аниқланди: 1-ўчоқ Ж-2 квадратнинг репер нуктасидан 29 см чуқурликда бўлган ўчоқ қолдиғи ҳисобланиб, ундан қорамтир кул қолдиғи, ёнидан эса бир неча ҳайвон суяги ҳамда тартибсиз ҳолда ётган бир нечта тош бўлаклари топилди; 2- ўчоқ Ж-2, 3 - квадратлар сатҳи билан боғлиқ бўлиб, унинг жойланиш ҳолати ғорнинг тубидан келаётган харсанг тошнинг тугаган жойи билан боғлиқ, яъни шу харсангга улашган ҳолда топилди (репер 69). Ўчоқнинг ўлчамлари узунаси - 67 см, эни - 32 см. Унинг чегараси 6-7 см қалинликда бўлган ёйсимон чизик билан аниқ, равшан кўриниб турибди. Ўчоқ доирасида қайроқтош бўлаги, тишсимон ишлов берилган, чақмоқтошдан ясалган тош қурол (?), бир неча куйган ҳайвон суяги қолдиғи топилди. Ўчоқ қолдиғи қалинлиги 18-24 см. Ўчоқ жойлашган горизонтдан ҳайвон суяқларининг кичикроқ уюми топилган бўлиб, у йирик шохли ҳайвон калла чаноғининг бир қисми, тишлари билан биргаликда жағ суяги бир бўлаги, қовурға, илик суяқлари қолдиқларидан иборат. Шу квадратнинг ўчоқ жойлашган горизонтидан бутун парақа қуроли топилди. У жигар рангли чақмотошдан ясалган бўлиб, икки ён томони елка қисми томон кертув усулида яхши ишлов берилган. Шунингдек, бу жойдан иккита алоҳида ҳолатда кичикроқ ўлчамда тартибсиз ҳолда ётган ҳайвон суяги қолдиқлари уюми топилиши ҳам аҳамиятлидир; 3-ўчоқ Ж-4,3- квадратлар сатҳида кузатилган бўлиб, бу ҳам ғор тубидан чўзилиб келаётган харсанг тошнинг тугашида жойлашган (репер 108). Ўчоқ билан боғлиқ маданий қатламдан яхши, нақшли сопол буюм парчалари, кўплаб ҳайвон суяқлари қолдиқлари чиқди; 4-ўчоқ М-8 квадрат сатҳида харсанг тошнинг тугаши жойи билан боғлиқ ҳолда учратилди (репер 175). Ўчоқ атрофидан бир нечта ҳайвон суяги қолдиқлари топилди. Шу маданий қатлам билан боғлиқ кўшни квадратлардан 4 дона ишлов берилмаган отшеп, бир нечта неолит сопол буюми парчалари топилди; 5-ўчоқ Ж-4 квадратнинг жанубий девори кесмасида кўриниб турибди. Тадқиқ этилган ўчоқлар ғор тубидан асл, табиий ҳолда чўзилиб келган харсанг тошнинг тугаган қисми билан улашган ҳолда жойлашганлиги маълум қонуният билан боғлиқдек хулоса чиқаришга имкон беради. Ҳайвон суяқлари уюми масаласига келганимизда суяклар тана тузилиши бўйича эмас, балки тартибсиз ҳолда ётибди. Худди шундай тузилишда ва кўриниш ҳолатида иккинчи суяклар уюми 2005 йилги тадқиқотда янги очилган И-6 ва К-6,7 квадратлар чегараси доирасидан ҳам топилган эди. Бу икки суяклар уюми жойланиши ҳолатлари ёнма-ён (оралиғи 1 м чамаси) ва чуқурлик горизонтлари ҳам бир хил. Бу жуда муҳим, агар уларни ҳайвон суяқлари қолдиқларини махсус чиқиндилар ташланадиган хўжалик чуқурчасида тўпланган десак, бу чуқурнинг чегара излари стратиграфияда кузатилмайди. Шу ўринда баъзи адабиётларда суяк уюмлари ҳайвон суяқларини ўчоққа ўтин сифатида ишлатилганликдан қолган қолдиқлар, баъзиларда эса илик суяклардан турар жойларни қоронғида ёритиш воситасида фойдаланилганлиги тўғрисида маълумотлар борлигини айтиш лозим.

Очил ғор макони тадқиқоти жараёнида қизиқарли илмий кузатишлар гувоҳи бўлди. Хусусан, аънавий 10 см.ли горизонтлар асосида маданий қатлам очилганида қазимланнинг 0,7-0,8 м.ли горизонтдан эътиборан тош буюмлар чиқа бошлади ва энг муҳими шу горизонтдан бошлаб, яъни тош буюмлар билан биргаликда неолит сопол буюмлари парчалари ҳам учратилди. Ушбу сопол парчаларнинг баъзилари неолит даврига оид бўлмаслиги ҳам мумкин, лекин ибтидоий жамоаларга қарашли қўлда ясалган идишлар парчалари эканлиги аниқ. Бир нечта сопол буюм парчаларида тўғри чизиқли, тирноқ излари кўринишидаги нақшлар учратилди. Бу кўринишдаги сопол парчалари Сазоғон 2, Жангал 1, Теракул 3,4 маконлари тадқиқотида топилган (Джуракулов, Холматов, 1991, 76-77 б., 34-расм; 2008, 40-52-бетлар, 16-расм). Таъкидлаш жоизки, Очил ғор маконининг 1,4-1,5 м.ли горизонтдан бошлаб сопол буюм парчалари қайд этилмайди. Фақат тош буюмлар, ҳайвон суяги қолдиқлари, чиғаноклар топилди. Бу айнан шу горизонтдан бошлаб неолит давридан олдинги давр маданий қатлами жойлашганлигини билдирувчи муҳим факт ҳисобланади.

Юқорида зикр этганимиздек, энди 2,0 м.ли маданий қатламнинг таркибий элементлари тўғрисида маълумотларга эга бўлиш учун археологик манбаларнинг қазилари жараёнида горизонтлар бўйича тарқалиши, яъни горизонтлар бўйича топилиши масаласига тўхталамиз. Буни И-5; К-5; И-6; К-6; И-7; К-7; И-8; К-8; И-9; К-9; И-10; К-10 квадратларининг горизонтлари бўйича топилган манбалар мисолида таҳлилини келтирамиз. 1,0-1,2 м горизонтгача бўлган тадқиқот натижалари юқорида қайд этилган мақоламизда келтирилган (Холматов, 2006, 222-223 бб.). Шу сабабли кейинги 1,0-1,2-1,8-2,0 м горизонтлари маданий қатлами бўйича амалга оширилган тадқиқот натижаларини кўриб чиқамиз (бунда биз иккита ўн сантиметрли горизонт топилмаларини биргаликда таҳлил этдик).

1,0-1,2 метр горизонт. И-5; К-5 квадратлар майдон сатҳлари кўп қисми ғор шифтидан кўчиб тушган харсанг тош билан қопланган. Шу сабабли кўп майдон сатҳида археологик қазилари ишларини ўтказиш имкони бўлмади. Фақатгина И-5 квадратнинг жанубий-ғарбий қисмида тупроқли қатлам бўлиб, бу жойдан қуйидаги археологик манбалар қўлга киритилди: жигар рангли чакмоқтошдан ясалган бутун ҳолатдаги парақа қурол топилди. Бу парақа қурол ўз шакли ва ишлов берилиши услуби бўйича калтаминор жамоалари қуролларига жуда ўхшаш; 1 дона яхши ишлов берилган парақа қурол (баъзи хил жиҳатлари билан ўқ ёй учига ҳам ўхшаб кетади, лекин бу турдаги қурол эмас); 2 дона ишлов берилган ёрғучоқ тошлари; яхши ишлов берилган отшепдан ясалган қурол (бу тош қуроли ўз шакли ва ишлов берилиш услуби бўйича тош бигизга ўхшайди); 2 дона ишлов берилмаган отшеплар; 1 дона неолит сопол буюми парчаси (нақшсиз); суякдан ясалган бигиз қуроли топилган. Шунингдек, ушбу квадратдан 1 дона нефрит тошидан ясалган, силлиқланган иш майдонига эга бўлган, лекин унча йирик бўлмаган ўлчамда тош болта топилди. Бу турдаги қуроллар тош даври жамоалари турмушида учраб туради. Баъзи соҳа тадқиқотчи олимлар мазкур типдаги топилмаларни у ёки бу жамоалар (қабилалар, уруғлар) нинг авлоддан авлодга ўтадиган муқаддас топинадиган предмети деб ҳам ҳисоблашадилар. Бу топилма ўз мазмун, моҳияти билан ноёб топилма ҳисобланади; И-7 квадрат майдон сатҳидан ҳам қизиқарли археологик манбалар қўлга киритилди; 1 дона нақшли неолит буюм парчаси; понасимон қурол, бутун ҳолатда икки ён тарафлама ишлов берилган, Калтаминор жамоалари тош қуролларига ўхшаш парақа қурол, 3 дона ишлов берилмаган отшеплар, 1 дона ишлов берилмаган парақа

куроли топилди.

Қазилманинг кейинги **1,2-1,4 горизонтдан** И-6, К-6, К-7 квадратларни ҳисобга олмаганда нисбатан камроқ археологик манбалар топилди. К-6 квадрат майдон сатҳида йирик шохли ҳайвон суяклари чиқиши ҳолати давом этди ва суяк уюми ён қисмидан қуйидаги археологик манбалар топилди: 2 дона қайроқтош куроли бўлаги, 4 дона ён томонларига ишлов берилган отщепдан ясалган тош қуроллари, 1 дона яхши ишлов берилган микропарақа, 5 дона ишлов берилган отщеплар, 3 дона кварцит бўлаклари каби ашёвий далиллар қўлга киритилди; К-7 квадратдан эса 1 дона яхши ишлов берилган қовурғасимон парақа куроли, 1 дона отщепдан ясалган қирғич куроли, 8 дона ишлов берилмаган отщеплар топилди.

Қазилманинг **1,4-1,6 метр горизонти** археологик манбаларга бой бўлди. К-5 квадрат майдон сатҳи ёппасига харсанг тош билан қопланган. И-6 квадрат майдон сатҳида тартиб билан 6 дона ўртача ўлчамда бўлган тошлар териби қўйилган; К-6 квадрат сатҳида эса бу горизонтга келиб ҳайвон суяклари уюми қайта учрамайди. И-9; К-9 ва айниқса И-10; К-10 квадратларидан моддий-маданият намуналари жуда кам топилди. Аксинча, бу горизонтнинг И-7; К-7; И-8; К-8 квадратлари жуда кўп археологик манбалар берди. Хусусан, К-8 квадрат майдон сатҳидан 71 дона тош буюмлар, хусусан, тош ўзаклари, архаик кўринишдаги парақа куроли, қадама қурол, отщепдан ясалган қирғичлар ва ҳ.к. ҳамда 1 дона яхши ишлов берилган суякдан ясалган бигиз топилди. Сопол буюм парчалари учратилмади. Қолган И-7; И-8; К-7 квадратларнинг ҳар биридан элликка яқин ва ундан ортиқ тош буюмлар, хусусан, понасимон қуроллар, архаик кўринишидаги парақалар, парақа ва отщепдан ясалган тешгич қуроллар, қирғичлар, тош ўзаклари каби ашёлар топилди.

Қазилманинг **1,6-1,8 метр горизонти** ҳам археологик манбаларга бой бўлди. Лекин, бу горизонтда И-5 квадрат сатҳидан майда ушатовчан бўлган қорамтир рангли завтоши ёппасига чиқди. И-6, К-6 квадратлардан ҳам шундай хусусиятга эга бўлган завтоши учратилди, лекин улар устида юпқа қалинликда тупроқли қатлам бўлганлиги учун бу жойдан археологик ашёлар топилди; К-6 квадрат сатҳидан 2 дона ишлов берилмаган отщеплар; И-6 квадратдан эса 1 дона яхши ишлов берилган отщепдан ясалган қирғич қурол, 1 дона понасимон қурол, 8 дона ён қирралари бўйича турлича услубда ишлов берилган отщеп қуроллар қўлга киритилди. И-9, 10; К-9, 10 квадратлар сатҳларидан йирик ўлчамли харсанг тошларнинг учратилиши қазиш ишларини бироз қийинлаштирди, лекин улар ораликларидаги тупроқ қатламларидан муҳим археологик топилмалар олинди: И-9 квадратдан 3 дона ишлов берилмаган отщеплар, 2 дона микропарақалар, 1 дона ҳайвон суяги қолдиғи чиқди; К-9 квадратдан 2 дона ишлов берилмаган отщеплар топилди; И-10 квадратдан 1 дона қирғич қурол; 2 дона тош ўзаги бўлаклари; 3 дона микропарақалар; 4 дона оқ рангли кварцит буюмлар чиқди; К-10 квадратдан эса 2 дона ишлов берилмаган отщеп буюмлари топилди. Таъкидлаш жоизки, худди олдинги горизонт каби бу горизонтнинг ҳам И-7, 8; К-7, 8 квадратлари майдон сатҳларидан яна кўплаб археологик манбалар топилди. И-7 квадрат сатҳидан 21 дона; К-7 квадратдан 26 дона; И-8 квадратдан 24 дона; К-8 квадратдан эса 43 дона тош буюмлар қўлга киритилди. Бу манбалар ичида 5 дона яхши ишлов берилган конуссимон, призмасимон кўринишдаги тош ўзаклари, микрочоппер; 10 дона яхши ишлов берилган қирғич қуроллар, понасимон қуроллар, тешгич қуроллар, 9 дона яхши ишлов берилган кварц қуроллари, ишлов берилган микропарақалар, парақалар, қайроқтош қуроллари мавжуд. Шунингдек, бир нечта ҳайвон суяги қолдиқлари топилди.

Қазилманинг **1,8-2,0 метр горизонтидан** топилган археологик манбалар ўз шакли, ишлов берилиши услублари бўйича архаик кўринишни намоён этди. И-5, 6, 9, 10; К-5, 6 квадратлар майдон сатҳи ёппасига харсанг тош билан қопланган. К-9 квадратлар майдон сатҳидан чиқиб қолган харсанг тошларнинг ён қисмида, яъни тошлар оралиғидаги тупроқли қатламдан археологик топилмалар топилди. Бу горизонтдан топилган археологик манбалар жуда қизиқарли ва уларнинг типологик таҳлили куйидагича: 1 дона йирик ўлчамли тош ушатгич, ҳамда шу функцияни бажариш билан боғлиқ бўлган тош бўлаклари, архаик кўринишдаги палеолит жамоаларига хос парақа қуроллар, қовурғасимон парақа қуроллар, қайроқтош қуроллари, дисксимон кўринишдаги нуклеус, конуссимон шаклдаги нуклеуслар, қадама қурол, дисксимон қирғич қуроллар, ишлов берилмаган отщеплар, парақа қуроллар мавжуд. Шунингдек, 10 дан ортиқ ҳайвон суяги қолдиқлари ҳам топилди. Юқорида зикр этилганидек мазкур квадратларда 1,8-2,0 м горизонти маданий қатлами имконият даражасида ўрганилди.

Кўриб турганингиздек, археологик топилмаларнинг квадратлар горизонтлари бўйича топилишининг таҳлили баъзи хулосаларга келиш имконини беради. Аниқроғи, маконнинг қайси горизонтларидан эътиборан тош даври жамоаларига тегишли манбалар чиқиши, тош қуролларининг горизонтлар бўйича тош асри тарихий тараққиёт босқичлари нуктаи назаридан динамикасини кузатиш, ўчоқларнинг горизонтлар бўйича жойланишини аниқлаш, неолит сопол буюмларининг қайси горизонтлардан эътиборан чиқабошлагани ва қайси горизонтдан эътиборан неолит сополларининг учрамаслиги, архаик элементларни мужассамлаштирган тош қуроллари қайси горизонтлардан эътиборан чиқабошлаши каби масалаларнинг ечимини берди. Шу нуктаи назардан, тош қуролларининг горизонтлар бўйича тарқалиши ҳамда уларнинг типологик таҳлили макон тош қуролларини 2 та комплексга ажратиш имконини берди. 1-комплексга – қаламсимон, призмасимон, микрошош ўзаклари, елка ва астор қисмининг бир ёки икки ён қирраси бўйича ишлов берилган парақа қуроллари, микропарақа қуроллари, ён қирраларида ишлов берилган чуқурчаларга эга бўлган парақа қуроллари, геометрик шаклдаги қуроллар, икки ён томони бўйича ишлов берилган ўқ ёй учлари; отщепдан ясалган қирғичлар, тешгич, кескич қуроллари; плиткасимон қирғичлар, қайроқтош қуроллари, силлиқланган иш майдонига эга бўлган болта қуролларини киритишимиз мумкин. Таъкидлаш жоизки 1-комплекс қуроллари топилган горизонтлар билан неолит сопол буюмлари парчаларининг топилиши бир-бири билан боғлиқ ҳолда вужудга келган маданий қатламга тегишлидир. (0,7-1,4 м горизонтлар). 2-комплекс тош қуроллари – парақа ва микропарақа қуроллари, ён қирраси тўмтоқланиб ўтмасланган ҳолатда ишлов берилган парақалар, устки кесим қисми бўйича қийшиқ ва тўғри ҳолатда ишлов берилган парақа қуроллари, парақа қирғичлар (устки кесим қисмида ёйсимон иш майдони бор). Қовурғасимон парақалар, архаик кўринишга эга бўлган энли парақалар, тешгич қуроллар, понасимон қуроллар, рандасимон қуроллар, микрочоппер, йирик ҳажмли ушатгич қуроллари, дисксимон қирғичлар, тик иш майдонига эга бўлган қирғичлар, ён томонига ишлов берилган отщеп қуроллари, йирик ўлчамли ушатгич қуроллар, дисксимон, конуссимон, призмасимон тош ўзакларидан иборат. Бу қуроллар топилган горизонтлардан сопол буюм парчалари топилмаган (1,4-2,0 м горизонтлар). Мазкур комплекслар тош қуроллари индустриясида бир томондан Ўрта Осиё тоғ минтақаси, иккинчи томондан пасттекислик минтақаси мезолит-неолит жамоалари моддий маданиятига хос элементлар

мужассамлашган. Фикримизча, 2- комплекс тош қуrollари ўз индустрияси бўйича нисбатан қадимийроқ бўлиб, улар Ўрта Осиё тоғ минтақаси мезолит ва ҳатто сўнгги палеолит жамоаларига тегишли ёдгорликлар тош қуrollарига ўхшаш. Шу сабабли, Очил ғор макони маданий қатламлари даврини аниқлашда баъзи тош қуrollарнинг Ўрта Осиё микёсида яхши ўрганилган мезолит, неолит даври жамоаларига тегишли бўлган ёдгорликларда учратилганлиги тўғрисидаги маълумотларга мурожаат этиш ўринли деб ҳисоблаймиз. Бу фактни тик иш майдонига эга бўлган қирғич қуrollар (высокие скребки), понасимон қуrollар борасида қўлга киритилган маълумотлар билан асослашга ҳаракат қиламиз. Хусусан, А.П. Окладников Туркменистон ҳудуди Красноводск яқинидаги юқори палеолит чакмоқтош устахонаси, Жабал ғор макони 5а, 7, 8- маданий қатламларида бу турдаги қирғич қуrollарнинг борлигини эътироф этиб, уларни «ён қисми бўртиб чиққан тик иш майдонига эга бўлган отщепдан ясалган қирғич қуrollари» деб атаган (Окладников, 1953, 52 б.; 1956, 148, 184, 190, 195 бб., 89, 3; 113, 6, 7, 8; 116, 4-расмлар). Г.Е. Марков ҳам ўз тадқиқотларида Дам-Дам-Чашма 1 макони 3,5 маданий қатламлари, Дам-Дам-Чашма 2 макони 4 (юқори) маданий қатламида ушбу қуrollар учраши тўғрисида маълумот келтиради (Марков, 1966, 109, 110, 113 бб., 4,7-расм; 1981, 45, 49 бб., 5, 89; 7, 17-расмлар). Жойитун, Калтаминор неолит жамоалари моддий маданияти тадқиқотида «тик иш майдонига эга бўлган отщепдан ясалган қирғич қуrollари» учратилмаганлиги тўғрисида маълумотлар бор. Фақатгина А.В. Виноградов Қават-7 макони қуrollари орасида бу турдаги қирғичлар гарчи оз сонли бўлса-да борлиги тўғрисида маълумотлар келтирган, холос (Виноградов, 1968, 101 б., 48, 15-17, 19, 20-расмлар). Қуйи Зарафшон воҳаси Чорбақти мезолит маконлари моддий маданиятида бу турдаги қирғичлар мавжуд (Холматов, 2007, 27-44 бб.; 9, 10-расмлар). Самарқанд юқори палеолит макони тадқиқотчилари Д.Н. Лев, М. Жўрақуловлар ҳам ўз изланишларида макон тош қуrollари орасида ушбу турдаги қирғичлар борлиги тўғрисида маълумот беришади (Лев, 1972. 23 б.; Джурақулов, 1987. 30, 31, 76, 85, 122 бб.). Ў. Исломов Обишир маданияти ўзига хос хусусиятларини ўрганар экан, отщепдан ясалган тик иш майдонига эга бўлган қирғичларни алоҳида тип сифатида ажратади ва бунда иш майдони тиклигини 60 градусдан кам бўлмаган қирғичларни инобатга олади (Исламов, 1980, 57, 88, 89, 104, 119 бб.). Шунингдек, тадқиқотчи Мачай, Қўшилиш каби мезолит даври жамоаларига тегишли бўлган маконлар моддий маданиятида ҳам ушбу қирғич қуrollари борлигини алоҳида қайд этади (Исламов, 1975. 60 б., 19, 2; 20, 3, 11-расмлар; 1982. 83 б., 21, 3, 11-расмлар). Ў. Исломов, В.И. Тимофеевлар Марказий Фарғона неолит жамоалари маданияти тадқиқотида бу маданият учун мазкур қирғичлар хос эмаслиги, лекин Фарғона пасттексислик ҳудудидаги мезолит даври жамоаларига тегишли маконлар (Итаккала 1, 2, Аччикўл, 7, Янгиқадам 21, Тайпок 5, 13 каби) тош қуrollари орасида учраши тўғрисида қизиқарли илмий фактларни келтиради (Исламов, Тимофеев, 1986. 22, 25, 37 бб., 4-расм 11, 12, 24; 21-расм 20, 21, 30; 112-118 бб.). В.А. Ранов ўз тадқиқотида Тожикистон ҳудуди тош даври жамоалари моддий маданиятига тегишли бўлган Ошхона, Шугнов макони 1-маданий горизонти, Тутқовул макони 3-маданий горизонтида мазкур типдаги қирғичлар мавжудлиги борасида маълумот беради (Ранов, 1961. 23, 29 бб., 6-расм; 1973. 54, 58 бб.; Ранов, Коробкова, 1971. 143, 144 бб., 5-расм). А.П. Окладников ҳам Чил-Чор-Чашма макони тош қуrollари орасида шундай қирғич қуrollари борлигини қайд этган (Окладников, 1958. 52 б., 28, 9-расм). Демак, юқорида келтирилган фактлардан келиб чиқиб, қуйидаги фик-

ларни келтиришимиз мумкин: 1. Отщепдан ясалган тик иш майдонига эга бўлган қирғич қуроллари Ўрта Осиёнинг неолит даври жамоалари моддий маданиятига қараганда мезолит, юқори палеолит даври жамоалари моддий маданиятига тегишли қурол экан; 2. Бу турдаги қуроллар Ўрта Осиёнинг пасттексислик минтақаси тош асри жамоалари моддий маданиятига нисбатан, тоғ ва тоғ ён бағри сўнгги палеолит, мезолит даври жамоалари моддий маданиятига хос қурол эканлиги маълум бўлди. Понасимон қуроллар масаласига келганимизда Самарқанд макони, Шугнов ёдгорлиги тадқиқоти жараёнида бу турдаги қуроллар топилган (Джуракулов, 1987. 77, 124 бб.; Ранов, 1973. 54 б.). Шунингдек, Обишир 1-V, Мачай, Бешкент 1-4, Ошхона, Тутқовул (2-горизонти) каби ёдгорликлар тадқиқотида ҳам мазкур турдаги қуроллар қайд этилган (Исламов, 1975. 66, 93 бб., 23-расм, 14, 15; 1980. 130, 133 бб.; Ранов, 1961. 23, 29 бб., 6-расм; Ранов, Коробкова, 1971. 141-142 бб., 32-расм). Юқорида зикр этилган икки хил тош қуроли ҳақидаги маълумотлар ҳамда шу комплекс бошқа тош қуроллари типологик таҳлиliga таянган ҳолда Очилғор макони тош қуролларининг 2-комплекси тош асри мезолит даври жамоалари моддий маданиятига тегишли деган фикрни билдиради.

Очилғор маконининг тадқиқоти қуйидаги дастлабки хулосалар чиқариш имконини беради:

1. Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ён бағрида шу кунгача кишилиқ тарихи тош даври жамоалари моддий маданияти тадқиқотида палеолит (Олмабулоқ макони), мезолит (Сазағон 1, Қоракамар) ҳамда неолит (Сазағон 2, Жангал 1, Тепакул 3, 4, Лолаб) жамоаларига тегишли маконлар кашф этилиб, мазкур жамоалар моддий маданиятига тегишли илмий жиҳатдан муҳим манбалар қўлга киритишга эришилган. Очилғор макони кашф этилиши ва унинг тадқиқоти натижалари бу кашфиётларни янада бойитган ҳолда ўз навбатида бу минтақа учун ғор типидagi ёдгорликлар тадқиқотини бошлаб берди ва энг муҳими маконнинг кўп маданий қатламли ёдгорлик эканлиги аниқланди. 2. Очилғор макони тош индустриясининг ўзига хос хусусиятлари, тош қуролларининг типологик таҳлили горизонтлар бўйича қўлга киритилган тош қуролларни иккита комплексга ажратиш имконини берди: 1-комплекс тош қуроллари неолит жамоаларига тегишли деб ҳисоблаймиз ва улар топилган горизонтлардан неолит сополи парчалари топилган ҳамда тадқиқ этилган ўчоқлар ҳам шу горизонтлар билан боғлиқ эканлигини таъкидлаймиз. 2-комплекс тош қуроллари, яъни понасимон қуроллар, тик иш майдонига эга бўлган отщепдан ясалган қирғичлар, дисксимон қирғичлар, архаик кўринишдаги парақа қуроллари, конуссимон, дисксимон кўринишдаги тош ўзаклари ва микрочопперлардан иборат бўлиб, уларни мезолит жамоаларига тегишли ва ўз индустриясида сўнгги палеолит даври жамоалари (Самарқанд макони) тош индустриясининг баъзи элементларини анъанавий тарзда мужассамлаштирган. Шу нуқтаи назардан, тош қуроллари типологик таҳлили (1- ва 2-комплекс), тош қуролларининг горизонтлар бўйича тарқалиши фактлари, неолит сопол идишлари парчаларининг учраши каби омилларга таянган ҳолда Очилғор макони неолит(устки) ва мезолит (пастки) жамоаларига тегишли маданий қатламларга эга эканлиги ҳақидаги хулосани беради.

3. Очилғор маконининг кўп маданий қатламли бўлиб чиқиши, сўзсиз, мазкур минтақада тош даври жамоалари моддий маданиятининг келиб чиқиш илдизларини маҳаллий илдизга боғлаш (Олмабулоқ - ўрта палеолит; Самарқанд макони - сўнгги палеолит; Чорбақти, Қоракамар, Сазағон 1, Очилғор-мезолит; Сазағон 2, Лолаб, Жангал 1, Тепакул 3, 4-неолит), маданиятнинг автохтон эканлигини айтиш имкони-

ни беради.

4. Очилғор маконининг келгуси тадқиқоти натижалари шубҳасиз, Ўрта Зарафшон воҳаси мезолит, неолит даври жамоалари, тарихи, моддий маданиятининг янги қирраларини ойдинлаштирувчи манбалар беради.

Фойдаланилган адабиётлар:

- Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // ТХЭ, т. XIII. – М.: Наука, 1981.
- Виноградов А.В.* Неолитические памятники Хорезма // МХЭ, вып. 8. М., 1968.
- Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. – Ташкент: Фан, 1966.
- Джуракулов М.Д.* Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент, 1987.
- Джуракулов М.Д.* Каменный век бассейна Зарафшана. Самарканд, 1992.
- Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У.* Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. Ташкент, 1991.
- Исламов У.И.* Обиширская культура. Ташкент, 1980,
- Исламов У.И.* Пещера Мачай. Ташкент, 1975.
- Исламов У.И.* Стоянка Кушилиш. У истоков древней культуры. Ташкент, 1982.
- Исламов У.И., Тимофеев В.И.* Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент, 1986.
- Лев Д.Н.* Итоги работ археологического отряда Самаркандского госуниверситета в 1966 г. // Труды СамГУ, нов. сер., вып. 218, Самарканд, 1972.
- Марков Г.Е.* Грот Дам-Дам-Чашма-2 в Восточном Прикаспии // СА, 1966, № 2.
- Марков Г.Е.* Памятники первобытности в Восточном Прикаспии-Грот Дам-Дам-Чашме 1 // Вестник МГУ, сер. 8. История, 1981.
- Окладников А.П.* Древнейшие археологические памятники Краснодарского полуострова // Труды ЮТАКЭ, т.11. Ашхабад, 1953.
- Окладников А.П.* Пещера Джебел—памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды ЮТАКЭ, т. 7. Ашхабад, 1956.
- Окладников А.П.* Исследования памятников каменного века Таджикистана // МИА, № 66, 1958.
- Ранов В.А.* Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1958 г. // Труды АН Таджикистана, т. 17, 1961.
- Ранов В.А.* Шугноу—многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р. Яксу // АРТ, вып.10, 1973.
- Ранов В.А., Коробкова Г.Ф.* Туткаул многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА, № 2. М., 1971.
- Тошкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х.* Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980.
- Холматов Н.Ў.* Коратепа тоғ массиви шимолӣ ён бағри ғор типідағи маконларнинг ўрганилиши тарихидан // Археология, қадимғи дунё тарихи ва этнография масалалари. Илмий мақолалар тўплами. Самарқанд, 2006.
- Холматов Н.Ў.* Коратепа тош даври жамоалари моддий маданияти (Ўрта Зарафшон воҳаси) // ЦММТ, № 35. Тошкент, 2006.
- Холматов Н.Ў.* Очилғор макони тадқиқотлари // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар 2004-2005 йиллар, 5-сон, Тошкент, 2006.
- Холматов Н.У.* Мезолит и неолит Нижнего Зарафшана. Ташкент, 2007.
- Холматов Н.Ў.* Ўзбекистон неолит жамоалари моддий маданияти. Тошкент, 2008.

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ ДОБЫЧИ ОЛОВА В УЗБЕКИСТАНЕ

© 2010. В.Д. Рузанов

Институт археологии АН РУз

Проведённые в 40-60-х годах прошлого столетия в Зирабулак-Зиаэтдинских горах геологические разведки установили наличие промышленных запасов олова в Узбекистане. Одновременно они же предоставили возможность провести первоначальное научное изучение древней добычи олова на ряде здешних рудников. Сведения о древних разработках в Карнабе, Лапасае, Чангалли, Кочкарлы, Кермине и других месторождениях олова данного горнорудного района стали известны археологам нашей республики. В 1946 г. это рудное проявление и другие зирабулак-зиаэтдинские рудники обследовал Б.А. Литвинский. Итогом работы учёного стала интересная статья о древней добыче олова в Узбекистане (Литвинский, 1950). Приведённые в ней археологические материалы опровергли, высказанное некоторыми археологами, мнение об использовании в древнем периоде местными литейщиками только импортного олова и оловянных бронз. Согласно этой версии источником олова для металлургических очагов Восточной Евразии и севера Центральной Азии служили месторождения касситерита на Алтае и в Нарынских горах. Именно отсюда, как считают специалисты древней евроазиатской металлургии, поступало олово в металлообрабатывающие центры Южной Сибири, Урала, Казахстана и Средней Азии, в том числе Узбекистана (Черников, 1949; Черных, Кузьминых, 1989).

Среди исследователей были и противники данной точки зрения. Так, М.Е. Массон (1947) полагал, что древние кузнецы Узбекистана пользовались преимущественно оловом местных источников. Как видим, проведённые геологами разведки в Зирабулак-Зиаэтдинских горах и археологические обследования здешних касситеритовых месторождений подтвердили правомерность, высказанного М.Е. Массоном, предположения об эксплуатации местных месторождений и рудопроявлений олова в древности (1).

Сведения о карнабском и других оловорудных месторождениях Зирабулак-Зиаэтдинских гор (Литвинский, 1950; Рузанов, 1979) привлекли внимание не только среднеазиатских исследователей (Гулямов и др., 1966; Кузьмина, 1966), но и специалистов дальнего зарубежья. Заравшанские рудные источники олова, хотя и краткой строкой, из-за их в то время слабой археологической изученности, прозвучали в публикациях учёных Германии, Франции, США и Индии (Chakrabarti, 1979, p.70; Moorey, 1985, p.130; Stech, Pigott, 1986, p. 44; Berthoud et aut., 1989, p. 208).

Почему специалисты древнейшей металлургии проявляют особый интерес к олову и медно-оловянной бронзовой индустрии? Как сегодня, так и в древности олово было необходимым металлом в быту наших предков. В средние века из чистого олова отливали посуду, пуговицы и разные украшения. Этот металл использовали в керамическом производстве для получения глазури, которые широко применялись для облицовки стен дворцов, мечетей и других древних строений государственного значения. Но чаще всего олово использовалось в качестве легирующей примеси к

меди для получения оловянных сплавов. Такие сплавы, как правило, обладают высокими литейными качествами в сравнении с чистой медью. Олово в составе бронзы делает её твёрдой, что очень важно для орудий труда и оружия. Бронзы с содержанием олова до 20% имитируют золото; отлитые из них изделия приобретают золотистый оттенок. Если в сплав добавить ещё больше олова, то он становится светлым, похожим на серебро. Вообще сам факт использования оловянных бронз в эпоху раннего металла признаётся исследователями как прогрессивный, указывающий на высокий технологический уровень металлообрабатывающего производства.

Другой аспект, привлекающий внимание исследователей, заключается в вопросе - где находились рудные источники олова для металлургии Центральной Азии эпохи бронзы? Эта проблема, имеющая межрегиональное значение, до сих пор остаётся загадкой. К примеру, откуда завозилось олово для производства древневосточных культур Ирака, Египта, Ирана, Пакистана и Индии. Многие исследователи высказали мнение о том, что таким источником могли служить касситеритовые месторождения и рудопроявления Афганистана (Moorey, 1985, p. 128; Stech, Pigott, 1986, p. 44-47; Muhly and ath., 1991, p. 209; Pigott, 1999, p. 117; Reiter, 1999, p. 167). Данная версия базируется на косвенных свидетельствах: синхронным с иракской и иранской металлообработкой появлением в этом регионе оловянных бронз; регулярным их использованием на юге страны; географической близостью местной рудной базы к древневосточным цивилизациям; установленной в эпоху бронзы торговлей *Liuris Lazuli* источников Афганистана. Прямые же доказательства, свидетельствующие об эксплуатации афганских рудников в эпоху бронзы, отсутствуют.

До недавнего времени в какой-то степени сходная ситуация складывалась и для древней металлообработки Узбекистана. О том, что добыча олова на территории нашей республики велась в эпоху средневековья уже было доказано Б.А. Литвинским. Этот же вывод подтверждают и спектральные анализы цветного металла из средневековых памятников, расположенных в бассейне реки Заравшан (Рузанов, 1999; 2007). Найденные в них металлические предметы изготовлены из разных типов бронз на медной основе, среди которых преобладают сплавы с намеренной добавкой олова. При этом коллекции изделий из Заравшанских памятников выглядят богаче оловосодержащими сплавами, нежели металлические комплексы памятников других культурно-исторических областей Узбекистана.

Те же спектроаналитические исследования выявили оловянные сплавы искусственного происхождения в более древних изделиях, которые употребляли поселенцы оазисов заравшанского бассейна в середине-второй половине II тысячелетия до нашей эры, т.е. на 1500-2000 лет ранее. И опять мы наблюдаем широкое распространение оловянных бронз на этой территории (Рузанов, 1990; 1994; Ruzanov, 1998). Конечно, данный факт говорит в пользу версии разработки заравшанских касситеритовых месторождений в эпоху бронзы. Однако этих сведений явно недостаточно для выяснения источников олова. Необходимо было привести археологическое обследование хотя бы больших месторождений касситерита для получения неоспоримых доказательств их эксплуатации в это время.

Как свидетельствуют геологические данные, Зирабулак-Каратюбе-Заравшанская горная зона характеризуется наличием богатой оловянной рудной базы: здесь геологи зафиксировали около 40 рудных объектов с более или менее большим скоплением касситерита, представленные коренным и россыпным типами. В заравшанской металлогенической провинции касситеритовые месторождения располагаются

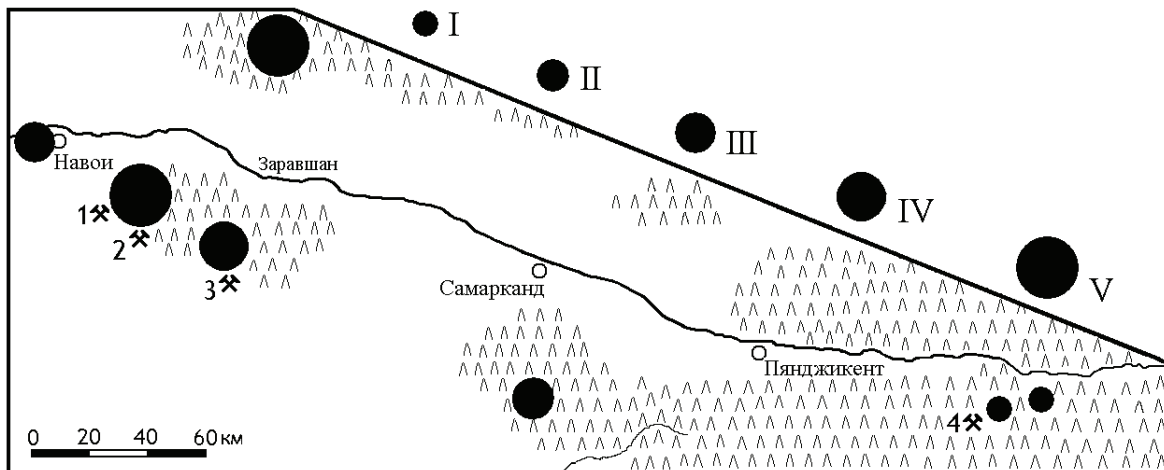

Рис. 1. Карта-схема расположения касситеритовых месторождений и рудопроявлений в бассейне р. Заравшан на территории Узбекистана и Таджикистана. Условные обозначения: I – 1 рудопроявление; II – 2-3; III – 4-6; IV – 7-9; V – 10-11; ✂ – месторождение, эксплуатировавшееся в эпоху поздней бронзы: 1. Карнаб, 2. Лапас, 3. Чангали, 4. Мушистон.

в Зирабулак-Зиаэтдинских, Нуратинских и Каратюбинских горах Узбекистана, а также верховьях р. Заравшан на территории Таджикистана (рис. 1).

Из рудных источников олова Зирабулак-Зиаэтдинского горнорудного района большой интерес представляют месторождения Карнаб, Лапас, Чангалли, Кочкарлы, Семизкудук и Кермине. Особое внимание геологи обратили на месторождение Карнаб, отличающееся от других оловянных рудопроявлений своими весьма большими размерами. Геологическое изучение данного объекта, открытого в 1944 году, было начато в 1945 году и велось с некоторыми перерывами по 1979 год. С 1951 года производилась отработка Карнабского месторождения. В настоящее время добыча олова там прекращена.

С учётом вышесказанного в качестве объекта для обследования археологи выбрали тоже месторождение Карнаб. В 1997-1999 годах узбекско-немецкой археологической экспедицией были проведены широкие и масштабные археологические комплексные изыскания этого рудного проявления олова и его округи (2).

Карнабское касситеритовое месторождение находится в Пахтачийском районе Самаркандской области в западной части Зирабулакских гор на высоте 400-500 м над уровнем моря. Ближайшим населённым пунктом является селение Карнаб, находящееся в 1,5 км к западу от месторождения. Рудные жилы на Карнабе относятся к кварцево-касситеритовой формации. Минералогический состав рудных тел разнообразен. В него входят кварц, арсенопирит, пирит, серицит, турмалин, сфалерит, галенит, хлорит, альбит, реже карбонат. Касситерит присутствует в виде рассеянной вкрапленности, редких цепочек и прожилков. Зерна касситерита имеют, белую или коричневую в массе окраску. Размеры зерен варьируют в пределах от 0,2 до 0,5 см, редко более. Среднее содержание олова в рудных жилах колеблется от 0,3 до 0,5%. Иногда концентрация олова достигает 4% (выработки группы №1).

Процессы окисления в рудных жилах месторождения Карнаб играют незначительную роль. Зона окисления разная и зависит от глубины уровня подземных вод, раздробленности и рассланцевания пород. Максимальная глубина, на которой за-

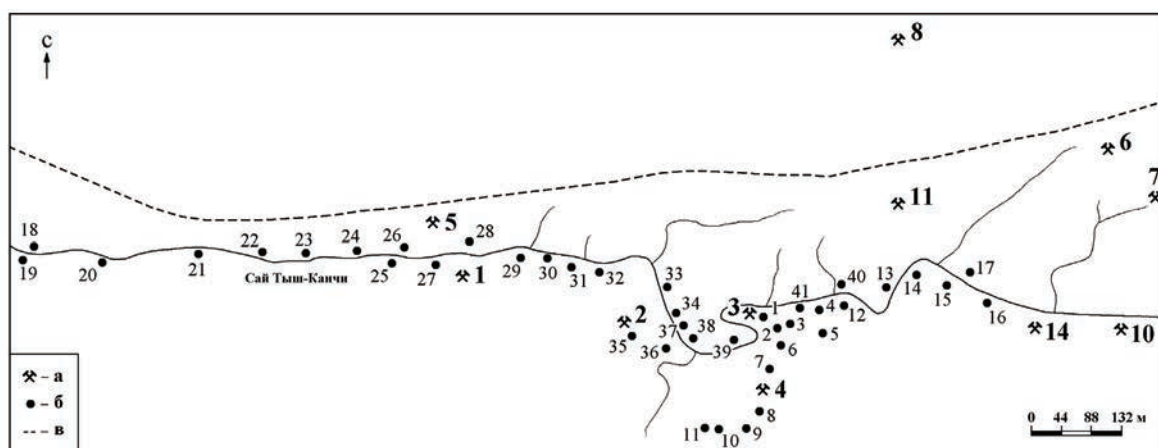
канчивается процесс окисления основного сульфидного минерала арсенопирита, равна 15-16 м.

Геологические каналы вскрыли на Карнабе многочисленные следы древней добычи руды. Они были разбиты геологами на 20 групп, каждая из которых состоит из 3-7 выработок (3). В результате, по средним подсчётам, их общее количество достигает 90-100.

Наиболее интенсивной древней отработке подверглись рудные жилы, лежащие вдоль русла сая Тыш-Канчи в западной, центральной и восточной части месторождения (рис. 2). Именно здесь встречаются значительные по масштабу работ древние выработки. Одна из них, находящаяся в центре месторождения и получившая название «Большой карьер», имеет сегодня вид впадины длиной 140 м, шириной 25 м и глубиной 3 м от дневной поверхности. По мнению геологов, этот карьер образовался в результате разрушения подземных выработок, поэтому поверхность на данном участке просела.

Наиболее распространены на месторождении Карнаб щелевидные карьеры. Их длина колеблется от 15 до 80 м, иногда достигает 100 м. Ширина и глубина карьеров зависела от мощности рудной жилы и уровня подземных вод. Обычно ширина древних врезов на поверхности варьирует от 0,5 до 2,5 м, суживаясь в забое до 0,2-0,5 м и углубляясь на 1-10 м. Иногда можно встретить выработки глубиной 18 м. Вместе с карьерами на месторождении встречаются штольни и подземные камеры. Некоторые выработки сочетают два типа – щелевой карьер, переходящий в подземную камеру или штольню.

Древние горняки, искавшие руду в Зирабулак-Зиаэтдинских горах, были хорошо знакомы с минералами олова. На поверхности скальных отложений Карнаба они не раз замечали светлые и коричневые кристаллики касситерита. Эти находки, скорее всего, вначале были обнаружены в русле сая Тышканчи, прорезавшего месторождение с востока на запад, воды которого в течение многих веков окатывали камни и отполировывали каменные берега с проступавшими на них зёрнами касситерита. Встреченная на каменном дне или берегу сая небольшая жилка с кристалликами касситерита, по мере её разработки, становилась всё более мощной, в результате

Рис.2. Карта расположения групп древних выработок и шурфов на месторождении Карнаб. Условные обозначения: а – группа древних выработок; б – шурф; в – автодорога. Примечание. Схема карты сделана Я. Черны.

чего маленькая щель превращалась в глубокую скальную полость в виде подбоя. Именно такую выработку глубиной более 10 метров можно встретить в центральной части Карнабского месторождения. Там же в центре рудника, но чуть дальше к западу от этой выработки, на одной из возвышенностей левого берега сая Тышканчи, расположилась ещё одна древняя выработка, правда, другого - карьерного типа, которая поражает своими огромными размерами.

За три полевых сезона узбекскими и немецкими археологами на руднике Карнаб были обследованы 4 выработки (4). В их числе, изученная автором, выработка, входящая в группу выработок №3. Данная выработка проходит в 10-12 м южнее русла сая Тышканчи, пересекающего месторождение с востока на запад. Она представляет собой систему из трех щелевых карьеров, в одном из которых на раскопанном участке встречена небольшая штольня. Наш раскоп пришелся на место стыка карьеров, уходящих на запад, юго-запад и восток. Условно они были обозначены как западный (А), южный (Б) и восточный (В) (рис. 3). Судя по рельефу, длина карьеров варьирует от 9 до 40 м, ширина – от 0,5 до 4 м.

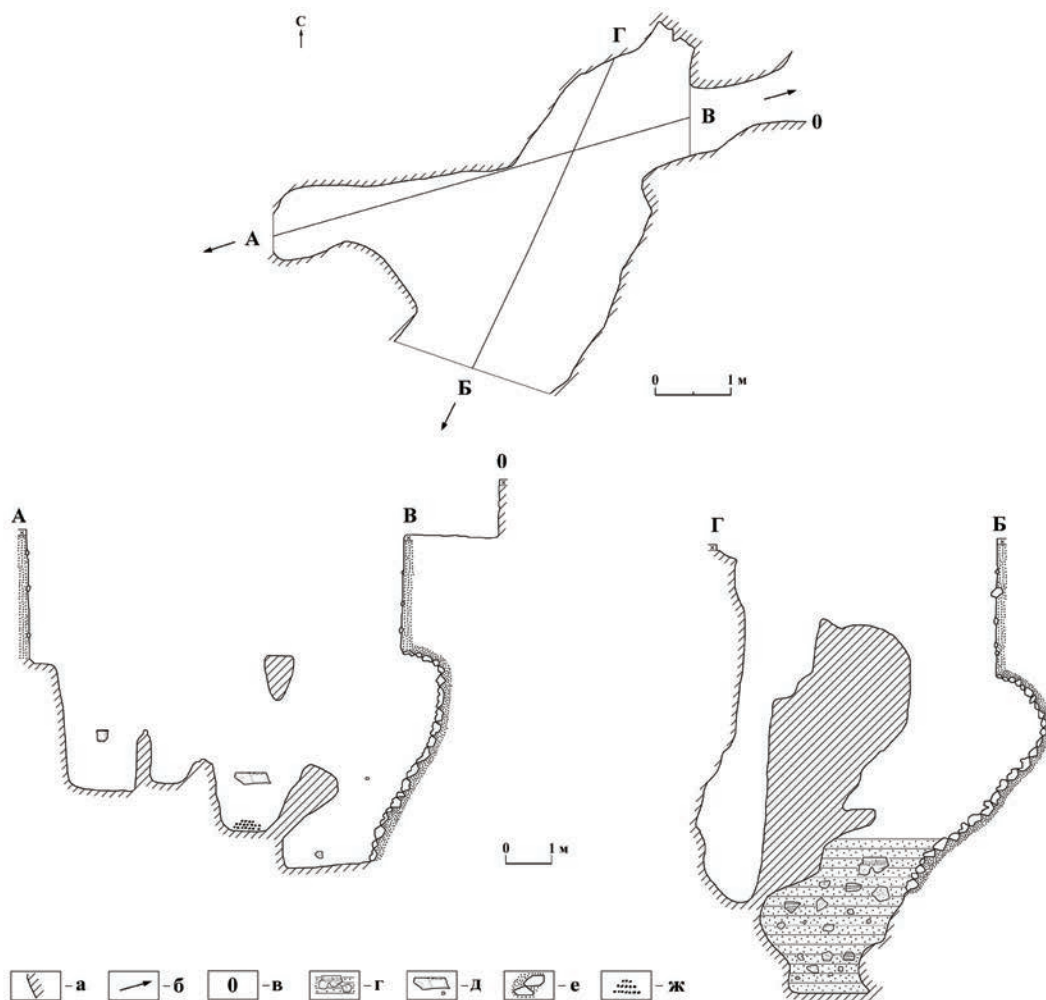
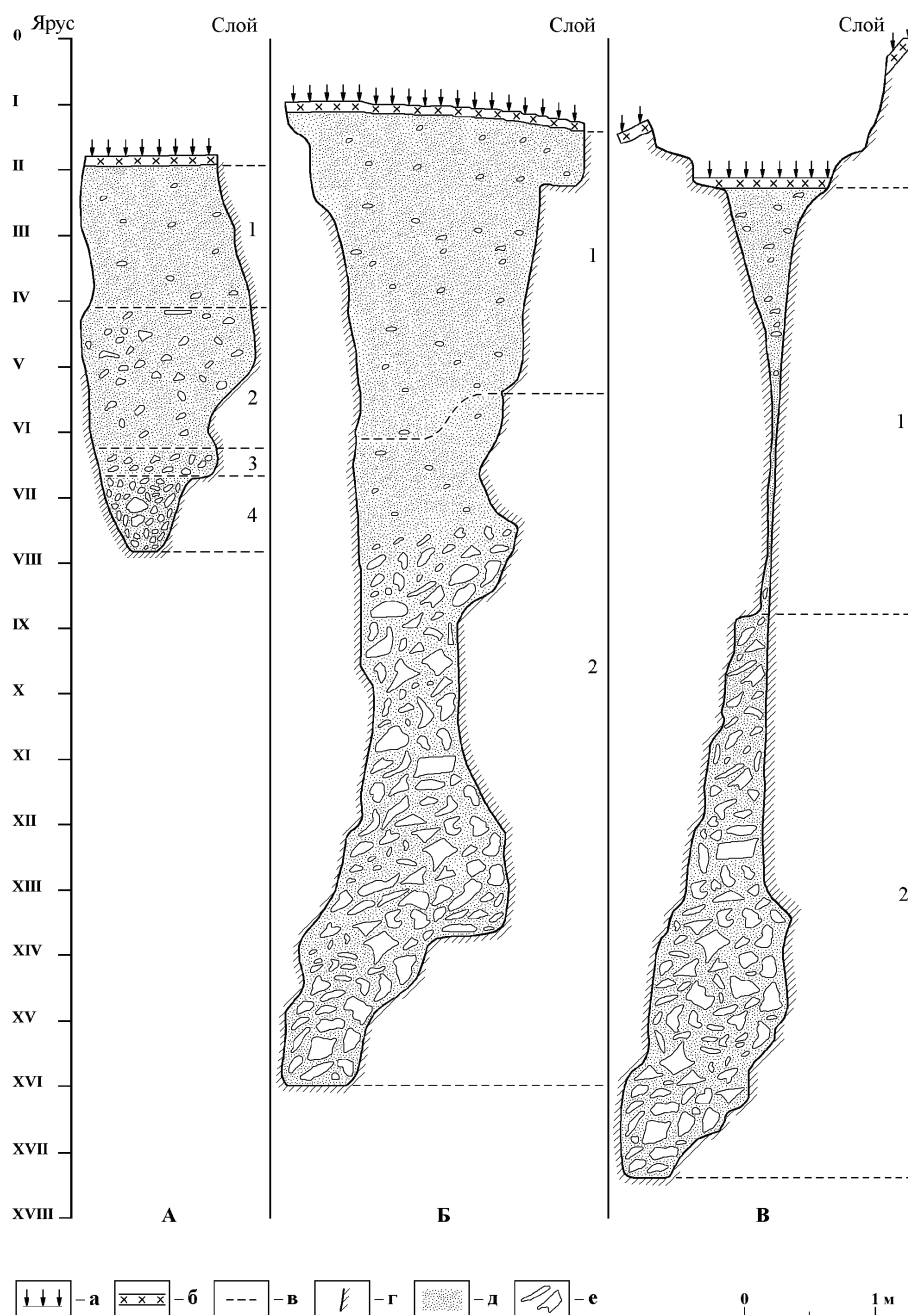

Рис. 3. План и разрезы древней выработки группы № 3.

Условные обозначения: а – стенка выработки; б – направление ответвлений выработки; в – нулевая отметка; г – жидкий раствор глины черного цвета с керамикой эпохи бронзы; д – керамика раннего железа; е – пустая порода с глиной; ж – древесный уголь.

В результате раскопок установлена следующая стратиграфия (рис. 4) (5). Так, на западном ответвлении (А) выработки, раскопанном в длину 3,4 м, толщина культурных отложений достигает 3,1 м. Здесь выявлено 4 слоя, различающиеся цветом глины и степенью густоты включений камней.

В южной части ответвления (Б) выработки, раскопанного в длину на 4,6 м, толщина культурных отложений равна 7,5 м. Здесь были выявлены 2 слоя, содержащих глину светло-коричневого и чёрного цвета с камнями разных размеров.

Рис. 4. Стратиграфические разрезы ответвлений (А, Б, В) древней выработки группы № 3. Условные обозначения: а – дневная поверхность; б – дерновый слой; в – граница слоя; г – стенка выработки; д – глина; е – пустая порода.

На восточном ответвлении (В) выработки, раскопанном в длину на 0,4 м и глубину 8,4 м, также было установлено два слоя с глиной светло-коричневого и коричневого цвета.

Карьеры, щели, штольни и камеры в скальной породе карнабские горняки проби-вали каменными орудиями, которые в большом количестве были собраны в древних выработках. Так, при раскопках только одной из выработок группы №3 найде-но более 1300 целых экземпляров и фрагментов каменных орудий. Преимущественно это молоты, кайла и молотки. По определению немецкого геолога И. Лутца, сырьем для орудий служили мрамор, известняк, пегматит и аплит.

Каменные молоты имели разную – прямоугольную, трапециевидную и эллипсо-видную – форму (рис. 5:1-10). От других орудий они отличались большим весом, который порою достигает 3,5 кг. В средней части по периметру орудия горняки пропиливали одну или две бороздки, за которые молот подвязывался к рукояти. Кайла (рис. 5:11, 12) имели суженный рабочий край и расширенную пятку. Вес та-ких орудий равнялся или был чуть более 1 кг.

Каменные молотки, в отличие от молотов, весили в два раза меньше (до 1,8 кг). В этом виде орудий можно выделить три типа: 1) с круглым сечением тулова, с рас-ширенным рабочим краем и суженной пяткой (рис. 6:1-8); 2) с круглым сечением тулова, с суженным рабочим краем и расширенной пяткой (рис. 6:9, 10); 3) с упло-щенным прямоугольным сечением тулова, имеющим полукруглые углы, выемки на боковых гранях, равные по длине рабочим краем и пяткой (рис. 6:11-18). Молотки данных типов, как и молоты, имели рукоять.

Все эти орудия древний горняк использовал как при добыче кусков породы, со-держащей минералы олова, так и во время первичного обогащения руды.

Для более тщательной сортировки руды использовались молотки весом 0,86-1 кг

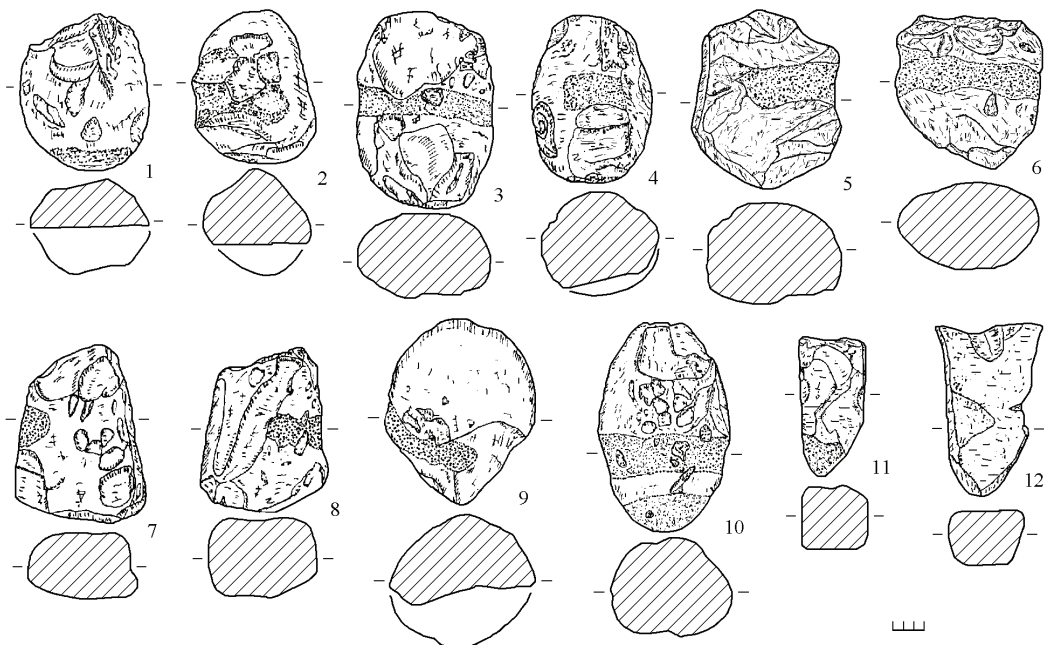

Рис. 5. Карнаб. Каменные орудия для добычи оловянной руды.

Примечание. 1-11 – изделия из древней выработки группы № 3.

12 – случайная находка на поверхности древних выработок группы № 4

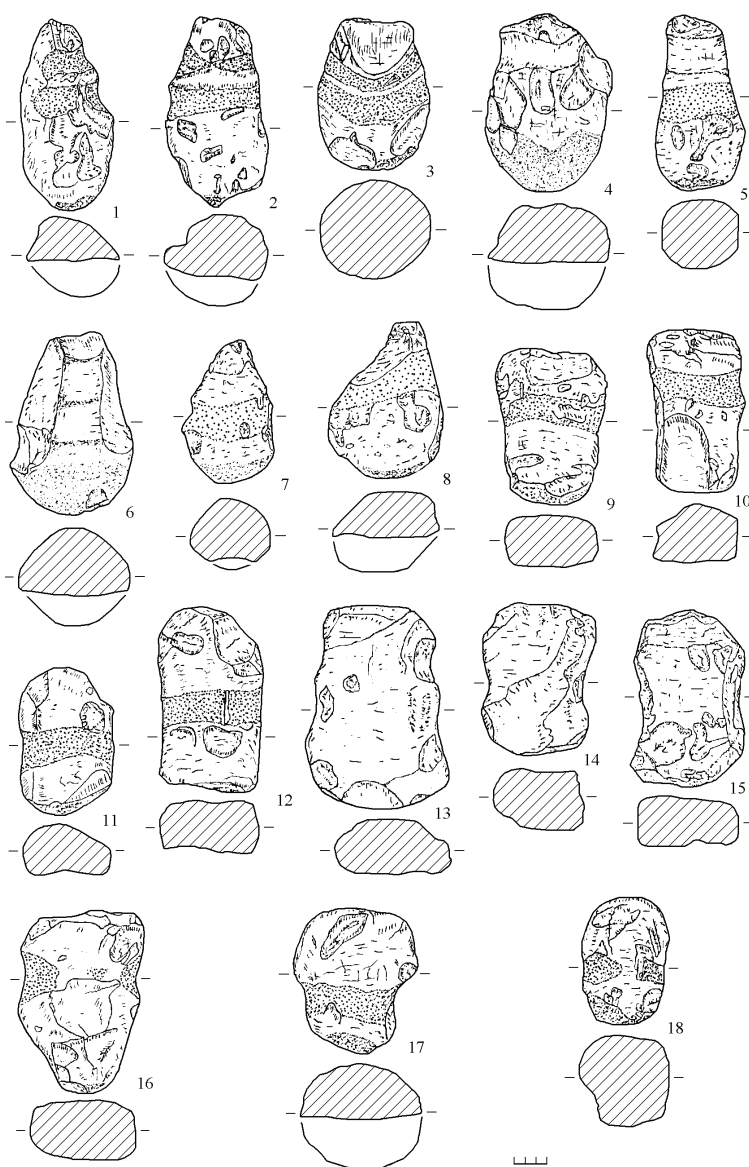

Рис. 6. Карнаб. Каменные орудия для добычи оловянной руды. Примечание. 1-12, 15-18 – изделия из древней выработки группы №3. 13, 14 – случайные находки на поверхности древних выработок группы № 4

и чашами (рис. 8). Все сосуды сделаны вручную. Некоторые из них сформованы на матерчатом шаблоне. Сосуды изготавливались из глиняного теста с растительными добавками и песчаным отощителем. Обжиг посуды плохой, очевидно, костровый. Поверхность сосудов обычно имела грязно-серый или серый цвет. В основном сосуды толстостенные. Но иногда встречаются фрагменты тонкостенной посуды. Снаружи стенки сосудов обычно заглаживались и грубо ложились.

Эта керамика датировала нашу выработку VI-V веками до нашей эры. Более раннюю дату - VIII век до нашей эры - определил радиоуглеродный анализ древесного угля, который был обнаружен на глубине 7,6 м и 8,35 м (Alimov und an. 1998; 1999) (6). Данные результаты, позволившие удревнить начало древних разработок на руднике Карнаб более чем на 1000 лет, были получены в 1998 году.

сферической формы (рис. 7: 4-7), с помощью которых на плоских, прямоугольных, небольшого размера камнях (рис. 7:1-3), служивших платформой для дробления, рудокоп проводил эту операцию. В результате на рабочей поверхности платформ остались небольшие лунки диаметром 3,3-3,8 см. В последней стадии подготовки руды к выплавке проводилось её растирание с помощью тёрочника, имеющего круглую в плане форму и плоскую или слегка выпуклую рабочую поверхность (рис. 7:8).

Из других каменных орудий в этой выработке был найден точильный камень, сделанный из черного мрамора (рис. 7:9). Он имеет небольшое отверстие и расходящуюся по обе стороны бороздку, огибающую пятку орудия.

Кроме каменных орудий, в заполнении выработки группы №3 на глубине 4-7,5 м была встречена керамика. Карнабские горняки пользовались хумча, котлами, кружечками, мисками

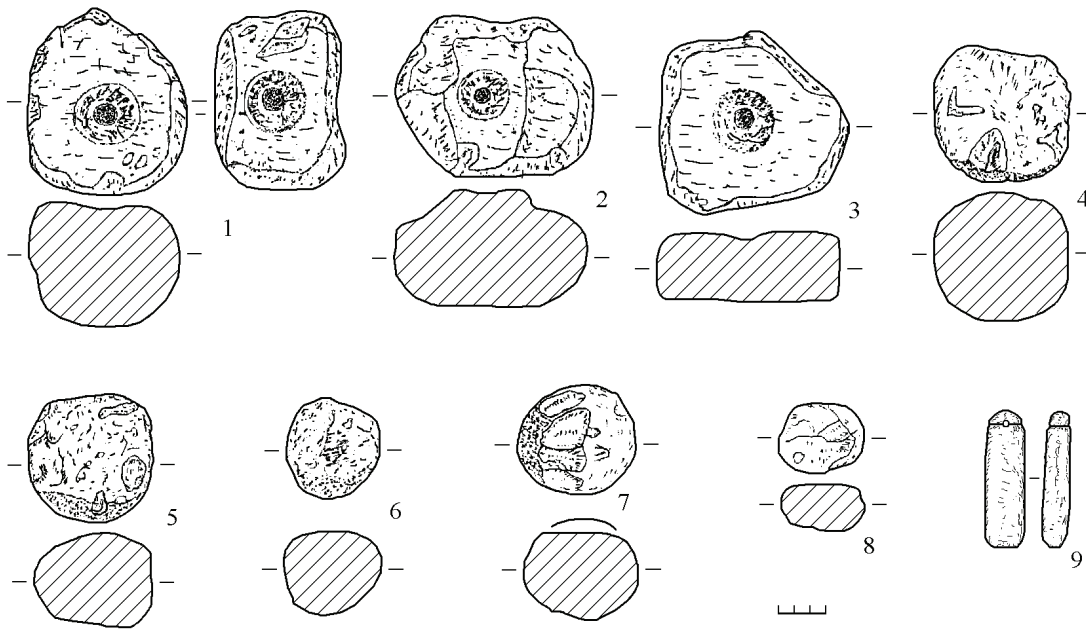

Рис. 7. Карнаб. Каменные орудия для обработки оловянной руды и точильный камень. Примечание. 1,2,3 – случайные находки на поверхности древних выработок групп № 1,4,7. 4-9 – изделия из древней выработки группы №3

О том, что выработка группы №3 и весь карнабский рудник эксплуатировались в более раннее время стало известно в полевом сезоне следующего 1999 г. Дату рудника, восходящую к эпохе поздней бронзы, определила керамика, обнаруженная на южном участке выработки (Рузанов, 2000). В этом месте глубина выработки была самой большой и достигала почти 10 м. Дно выработки покрывал слой в 2,5 м жидкого глинистого раствора чёрного цвета, который содержал камни (рис. 3). В этой чёрной жиже на глубине 7,13-9,15 м и были найдены обломки керамических сосудов позднего бронзового века.

Ими оказались черепки чёрного, асфальтного цвета грубых, лепных сосудов, обожжённых на костре. В поднятом керамическом комплексе из 16 фрагментов, относящихся к эпохе бронзы, наиболее выразительной является верхняя часть горшка (рис. 9:1). Сосуд лепной, изготовлен из глины с примесью песка. Его обжигали на костре. Черепок сосуда в изломе чёрный, с поверхности тёмно-серый. Горшок имел округлое тулово и широкую горловину с валиковидным венчиком. Наружная поверхность сосуда слегка заглажена. Горловину и верхнюю часть плечика горшка украшал орнамент в виде горизонтальной «ёлочки», выполненный гребенчатым штампом.

Важными для хронологических определений, хотя и менее выразительными, оказались обломки стенок других трёх сосудов и фрагмент донца четвертого (рис. 9:2-5). По составу глиняного теста, цвету черепка, обжигу и технике обработки лицевой поверхности, данные находки сходны с фрагментом стенки горшка. Правда, в отличие от последнего, сосуды были украшены не горизонтальной «ёлочкой», а, параллельными друг другу, желобками.

Описанная выше керамика сделана в традициях степной бронзы и находит многочисленные аналогии и параллели в материалах памятников андроновской куль-

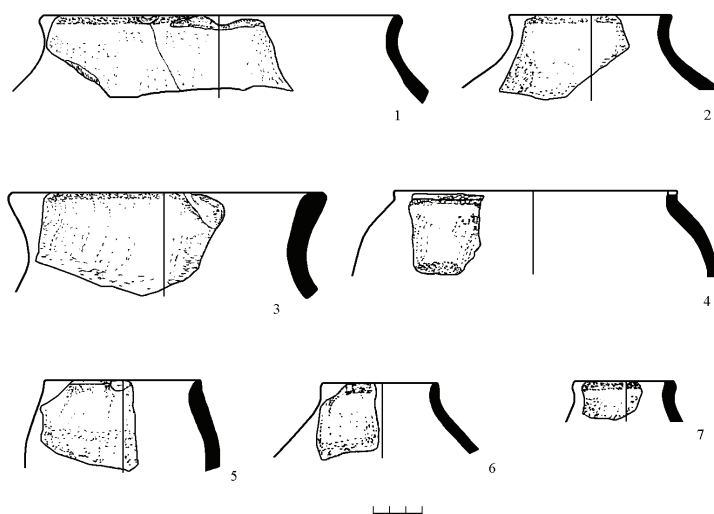

Рис. 8. Карнаб. Керамика эпохи раннего железа из древней выработки группы № 3

мента мы находим в керамике степных памятников в нижнем и верхнем бассейнах реки Заравшан, которые датируются XIII-XI веками до нашей эры (Гулямов и др., 1966, табл. XXVI; Исаков, Потёмкина, 1989, рис. 4). Другие параллели уводят нас за северные рубежи Узбекистана – к памятникам эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана (Маргулан, 1979, рис. 110, 112, 116) и далее в Зауралье в Россию (Потёмкина, 1979, рис. 2).

Орнаментом в виде горизонтальных желобков, встреченных в вышеупомянутых фрагментах карнабских сосудов, украшали свою керамику федоровские племена, заселявшие Северный и Центральный Казахстан, а также Приуралье в XIII-XI вв. до н.э. (Максименко, 1978, рис. 17). Такие же желобки, использовавшиеся в орнаментальных композициях, встречены на сосудах позднего этапа (XII-XI в. до н.э.) развития тазабагъябской культуры (Итина, 1960). Там же, в Южном Приаралье, но позднее, в IX-VIII вв. до н.э., с помощью желобков, образующих на лицевой поверхности рельефный валик, племена другой - амирабадской культуры украшали подгорловину некоторых типов сосудов (Ягодин, 1969, рис. 5, 1; Итина, 1977, рис. 75).

Итак, находки керамики эпохи поздней бронзы в одной из древних выработок месторождения Карнаб свидетельствуют о том, что эта выработка и рудник были известны горнякам степных культур андроновской культурно-исторической общности. Начало разработки рудника восходит к последней трети II тыс. до н.э. Согласно радиоуглеродным определениям, добыча олова на

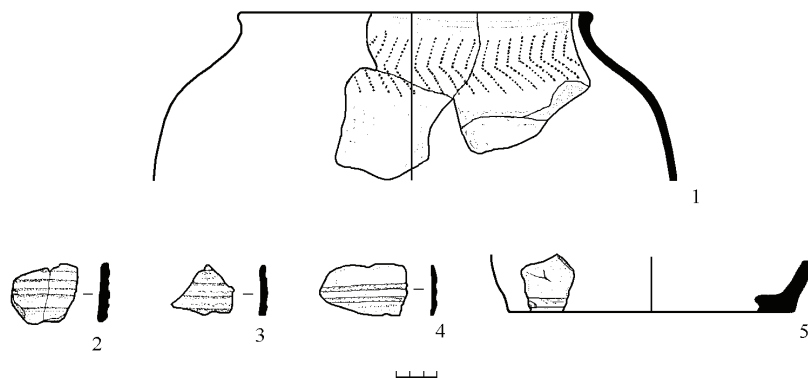

Рис. 9. Карнаб. Керамика эпохи поздней бронзы из древней выработки группы № 3

турно-исторической общности. Так, той же горизонтальной «ёлочкой» в XIV-XI веках до нашей эры украшали подобные сосуды племена тазабагъябской культуры, проживавшие в низовьях реки Амударья в Южном Приаралье (Итина, 1977, рис. 15, 19, 23, 37, 38. С. 145). Карнабский горшок близок сосудам кайраккумской культуры, существовавшей во вт. пол. II – нач. I тыс. до н.э. в Ферганской долине (Литвинский и др., 1962, табл. 71, 82, 83). Некоторое сходство его формы и орна-

Карнабе производилась в более раннее время - в первой половине II тыс. до н. э. (Parzinger, Boroffka, 2002, 2003; Cierny, 2002). Мы также не исключаем вероятности того, что Карнабское месторождение и другие рудопроявления олова Зирабулак-Зиаэтдинских гор могли разрабатываться в середине II тысячелетия до нашей эры. И хотя археологические свидетельства разработок этого времени здесь пока не найдены, однако доминирование оловянных бронз в металлической коллекции из заврашанских памятников третьей четверти II тыс. до н.э. (Рузанов, 1990) позволяет высказать такое предположение.

Древние рудокопы для разработок выбирали не все, а лишь наиболее богатые оловом рудные жилы. Геологи не раз удивлялись их умению находить скопления оловянных минералов; к примеру, как показывают анализы руды, именно древние выработки имеют самое высокое (4%) олово, которое когда-то содержало Карнабское месторождение. На современном же этапе эксплуатации этого месторождения – во вт. пол. XX в., по сути дела разрабатывались оставшиеся бедные оловом жилы, содержащие в одиннадцать раз (!) меньше касситерита.

Наблюдения за ландшафтом рудника с многочисленными следами выработок говорят о громадном объёме древних горнорудных работ, а значит и о большом объёме, добытого на Карнабском месторождении, олова. По расчётам немецких исследователей, из полностью выработанной одной выработки получали руду, из которой можно выплавить одну тонну олова. Если же учесть, что на месторождении были обнаружены 90-100 выработок открытого типа, не считая подземных, о которых мы мало что знаем, то простые математические подсчёты укажут на колоссальную в древности отдачу рудника, выраженную 90-100 тоннами чистого олова. Как позже выяснилось, всё это олово было добыто рудокопами на большом отрезке времени, протяжённостью примерно 3500 лет, охватывающим разные исторические эпохи.

Дополняют карнабский археологический комплекс, поднятые в культурных слоях выработок, кости домашнего скота - овцы, козы и коровы.

Карнабское касситеритовое месторождение дало интересный и многочисленный материал по горному делу. Однако следы металлургического производства на руднике не обнаружены. Тщательное визуальное обследование дневной поверхности, раскопки выработок и добытый в них материал всё это показывает, что основными операциями у карнабских горняков являлись добыча руды, её обогащение и переработка. К такому же выводу приводят многочисленные разведочные шурфы, которые были заложены на основных участках месторождения (рис. 2). Среди найденных в них находок имелись каменные орудия, немного керамики и современные предметы. Однако ни шлаков, ни остатков печей, ни слиточков олова шурфы не содержали. Лишь только на поселении Карнаб-Сичкончи, расположенном на западе в 1 км от карьеров Карнабского рудника, были обнаружены следы выплавки олова.

Горняцкое поселение Карнаб-Сичкончи состояло из пяти жилых построек. По мнению немецких исследователей (Parzinger, Boroffka, 2002; 2003), селище использовалось неоднократно и было сезонным. Обнаруженная здесь керамика, как и керамика из выработок, характерна для степных племён андроновской культурно-исторической общности. По ней и радиоуглеродным определениям посёлок Карнаб - Сичкончи датирован XVIII-XIV вв. до н.э. На территории селища обнаружено несколько очагов; одни очаги использовались в хозяйственных целях, в других горняки-металлурги выплавляли олово. Поднятые здесь каменные орудия, кусочки оло-

вянной руды, слиточки оловянной бронзы и мышьяковой меди показывают, что это было специализированное поселение, обитатели которого занимались переработкой руды и выплавкой олова. Правда, следует отметить, что, судя по небольшим скоплениям шлака, масштаб металлургических работ был незначительным, возможно, из-за дефицита топлива. Основная часть, добытой на Карнабе, оловянной руды вывозилась в районы с достаточным для металлургического производства ресурсом древесины.

В Зирабулак-Зиаэтдинских горах, кроме Карнабского рудника, в эпоху поздней бронзы разрабатывалось месторождение Лапас. Здесь в одной из горных выработок немецкими учёными найдены фрагменты андроновской керамики и желобчатые молоты. Каменные орудия, подобные лапаским, также были встречены на месторождении Чангалли (Сierny, 2002), что не исключает возможности его эксплуатации в это же время.

Вышеизложенные факты приводят ещё к одному важному заключению о том, что в эпоху поздней бронзы в Зирабулак-Зиаэтдинских горах функционировал большой центр по добыче оловянной руды.

В связи с этим встаёт вопрос, куда шло олово, добытое на Карнабском и других касситеритовых месторождениях Зирабулак-Зиаэтдинского горнорудного района? Как теперь мы уже знаем, Карнабский рудник был открыт в эпоху поздней бронзы (по радиоуглеродному анализу – во вт. четв. II тыс. до н.э., по керамическим аналогиям – во вт. пол. II тыс. до н.э.). Оловянное сырьё, добытое карнабскими горняками-металлургами, андроновская принадлежность которых твёрдо доказана, поступало в близлежащие к Карнабу заравшанские поселения степных племён. Об этом косвенно свидетельствует большая доля оловянных бронз, установленная в комплексах здешних памятников. Вместе с тем не исключается возможность того, что олово и изготовленные из него оловянные сплавы доставлялись за сотни и даже тысячу километров на север Узбекистана – в Южное Приаралье, Фергану, Ташкентский оазис и Киргизию, с населением которых поддерживали тесные связи заравшанские племена бронзовых культур. Кроме того, наличие контактов с андроновцами Приуралья и Казахстана предполагает экспорт карнабского олова и в эти дальние регионы. Длинные же расстояния не были помехой для древних карнабчан поскольку они в своём распоряжении имели лошадей и верблюдов, кости которых обнаружены в горняцком поселении Карнаб-Сичкончи (Parzinger, Boroffka, 2002, 2003).

Очевидно, карнабское олово и оловянные бронзы распространялись и на юг. О южных связях карнабских селян говорят, встреченные в Карнаб-Сичкончи, обломки керамики и каменного сосуда, характерные для Бактрии (Parzinger, Boroffka, 2002, 2003). Об этом же косвенно свидетельствуют результаты спектральных анализов металла памятников древневосточного типа эпохи поздней бронзы Южного Узбекистана и Юго-Западного Таджикистана, составлявших Северобактрийский археологический комплекс. Ряд изделий данного комплекса по своему химическому составу оказались сходными с оловянными бронзами, которыми пользовались мастера металлургических очагов Заравшанской металлогенической провинции (Аскарлов, Рузанов, 1990; Рузанов, 2004). Очевидно, в силу наличия тех же связей в коллекции изделий Северной Бактрии, датированной последней третью II тысячелетия до нашей эры, фиксируется увеличение доли оловянных бронз по сравнению с металлом предыдущего периода.

Время, с которого начинается отчёт истории Карнабского источника, характеризуется миграциями древних народов на бескрайних просторах Евразии. В первой половине II тысячелетия до нашей эры по этой территории передвигались крупные группы населения. В то время здесь проживали разные племена, среди которых выделялись две огромные по территориальному охвату, названные археологами, общности культур – андроновская и срубная. Андроновцы обитали к востоку от Урала, на западе – от Южного Урала вплоть до Северного Причерноморья – проживали срубники. Металлургические и рудные центры этих общностей культур составляли единую систему, получившую в археологической литературе наименование Евразийской металлургической провинции (Черных, 1970; 1978).

Географическое соседство Средней Азии с андроновскими племенами привело к их появлению в северной зоне среднеазиатского Междуречья. Группы этих популяций, двигаясь с севера на юг, начали заселять оазисы главных речных артерий региона – Сырдарьи, Амударьи и Заравшана. И вплоть до сер. II тыс. до н.э. река Заравшан являлась как бы рубежом, отделявшим андроновские племена от южных земледельческих памятников древневосточного типа. Миграции носителей этой культуры на юг Средней Азии продолжались во вт. пол. II тыс. до н.э. И теперь уже на территории Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей в Узбекистане, а также на юго-западе Таджикистана археологи фиксируют отдельные андроновские памятники.

Что влекло народы бронзовых культур в среднеазиатское Междуречье? Конечно, это плодородные земли в оазисах, прилегающих к полноводным рекам, благоприятные гидротермальные и климатические условия столь необходимые для развития земледелия. Конечно, это богатые кормами пастбища для скота и охотничьи угодья. И, наконец, это рудная база богатая металлами.

Последний фактор имел немаловажное значение для оседания здесь древних племен. Ведь в эпоху поздней бронзы они уже хорошо знали, что металлические орудия и оружие делали более эффективным хозяйство и производство, имели высокую меновую стоимость при обмене на продукты и другие предметы, являлись важным источником богатства. Однако запасы металла у приходивших сюда групп племён с течением времени уменьшались и их надо было постоянно пополнять. Прежние же источники металла оказывались далеко, за многие сотни и даже тысячу километров, от новых мест обитания пришельцев и по разным причинам уже не могли так полно снабжать сырьём их мастеров. Всё это заставляло пришельцев искать новые близлежащие рудные источники металла.

Своё внимание горняки-металлурги обратили на медные и полиметаллические месторождения, разбросанные на большом пространстве по северным и южным горнорудным районам среднеазиатского Междуречья. Естественно, не обошли они стороной и касситеритовые рудопоявления, сосредоточенные в горах бассейна реки Заравшан. В результате Карнаб, Лапас, Чангалли и Мушистон стали источниками олова, которые функционировали в течение продолжительного периода. Скорее всего, список заравшанских оловянных рудников древнего периода далеко не полный и новые археологические исследования внесут в него коррективы.

Постоянные миграции групп племён андроновской культуры из степей Евразии на юг привели к тому, что северная зона Средней Азии, ограничивающаяся Заравшанскими горами, оказалась включённой в Евразийскую металлургическую провинцию. В эту зону вошёл также Зирабулак-Зиаэтдинский рудный район. Позже, в

последней трети II тысячелетия до нашей эры, в связи с широкой разработкой среднеазиатских медных и оловянных рудных источников, очаги Узбекистана и Таджикистана приобретают экономическую независимость и образуют свою систему, состоящую из смешанного этнокультурного ядра. Вначале в него входили степные памятники и культуры земледельческих племен с лепной расписной керамикой северных областей среднеазиатского Междуречья. По истечению времени эта система расширилась за счёт производства земледельческих культур древневосточного типа Северной Бактрии.

Так на территории между Сырдарьей и Амударьей в конце эпохи поздней бронзы сформировалась отдельная Туранская металлургическая провинция. В развитии металлургических и металлообрабатывающих центров этой провинции важную роль сыграли среднеазиатские источники металла, среди которых был и, вышеописанный, оловянный рудник Карнаб.

Полученные в результате обследования рудника Карнаб и горняцкого поселения Карнаб-Сичкончи археологические материалы имеют большое значение для изучения истории горнорудного промысла Узбекистана и Средней Азии в целом. Они предоставили хорошую возможность познакомиться с техникой горных работ, каменными орудиями и бытом первых горняков металлургов, добывавших олово в Зирабулак-Зиатэтдинских горах. Конечно, полученные материалы осветили не все стороны материальной культуры поселенцев; многие вопросы остались без ответа. Поэтому необходимо продолжить полевое изучение Карнабского рудника и его округи. Возможно, удастся найти новые стоянки древних горняков, принимавших участие в разработке месторождения. А пока, Карнабский горно-исторический комплекс остаётся единственным более или менее изученным позднебронзовым памятником, специализированным на добычу олова, не только в Узбекистане и Средней Азии, но и всей Центральной Азии.

Сноски

¹. Надо отметить, что в 1950 году на руднике Карнаб Д.Н. Левом (1950) были заложены несколько шурфов, давших важные археологические находки, к примеру, керамику, которая уже тогда датировала рудник эпохой бронзы. К сожалению, все эти материалы остались не опубликованными.

². Обследование Карнаба и других оловянных рудников в Зирабулакских горах проводилось узбекско-немецкой археологической экспедицией под общим руководством Т. Ширинова, Ю. Бурякова, Г. Парцингера, Г. Вайсбергера и Э. Пернишки. В те же 1997-1999 годы, но теперь уже таджикско-немецкой археологической экспедицией, было обследовано месторождение Мушистон и проведена разведка других оловянных объектов, находящихся в верхнем бассейне р. Заравшан на территории Таджикистана.

³. Рудные жилы на Карнабском месторождении располагаются отдельными группами, о чем свидетельствует «кустовая» планировка древних выработок. На карте (рис.2) местонахождение древних выработок групп №№ 9,12,13,15-20 не указано. Эти объекты находятся за автодорогой в северной и северо-восточной части месторождения.

⁴. Раскопки древних выработок на Карнабе (см. рис. 2) провели Я. Черны, Г. Стеффенс, М. Бене, (выработки группы №1), В. Рузанов (выработка группы № 3), В. Набоков и Л. Сверчков (выработка группы № 6). Результаты обследования выработок групп №№ 1, 6 будут опубликованы немецкими археологами. Поэтому материалы этих объектов в данной статье мы не рассматривали. Отметим только, что добыча олова на одной из выработок группы № 1, судя по археологическим находкам, восходит к эпохе раннего железа. В выработке группы № 6 керамика не найдена. Однако обнаруженные здесь каменные молотки и молоты имеют такую же форму и те же размеры, как и орудия, встреченные в выработке группы № 3. Дата начала разработки, которой, как было показано выше, устанавливается керамическими материалами и радиоуглеродными определениями. Наблюдаемые аналогии в каменном инструментарии дают основание синхронизировать выработку группы №6 с

выработкой группы № 3 и отнести её к эпохе поздней бронзы.

⁵ Вместе с археологическим материалом в выработке группы № 3 на глубине 4,15-6 м были найдены современные изделия - бумага, часть брезентовой перчатки, стеклянные волокна и шарик, обломок пиалы. Данные находки говорят о том, что культурный слой в исследованной нами выработке на глубину до 6 м переотложен. Ниже 6 метровой отметки последовательность культурных слоев выработки, содержащих лишь древние предметы, осталась не нарушенной.

⁶ Анализ угля проведен в лаборатории радиокарбонного анализа в Майаме (Флорида, США).

Использованная литература:

Аскарлов А.А., Рузанов В.Д. Результаты исследования химического состава металла из могильников Бустан 3, 4 и 5 // ИМКУ. Вып. 23. - Ташкент, 1990.

Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. – Вып. В4-9. М., 1966.

Лев Д.Н. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции УзГУ: «Археологические разведки в районе совхоза Карнаб» // Архив кафедры археологии СамГУ.—Ф. 3, дело 1 (0).— Самарканд, 1950.

Литвинский Б.А. К истории добычи олова в Узбекистане // Тр.САГУ. – Новая серия. Вып. 11. - Ташкент, 1950.

Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов /Древнейшая история Северного Таджикистана / - Душанбе, 1962.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л., 1978.

Массон М.Е. К истории черной металлургии Узбекистана. – Ташкент, 1947.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана.- Алма-Ата, 1979.

Потёмкина Т.М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА.- №2. - М., 1979.

Исаков А.И., Потемкина Т.М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. - №1. – М., 1989.

Итина М.А. Раскопки стоянок тазабагыбской культуры // МХЭ. – Вып. 4. –М., 1960.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья /II - нач. I тыс. до н.э. // Тр. ХАЭЭ. – Том X. М., 1977.

Рузанов В.Д. О некоторых древних оловорудных источниках на территории Узбекистана // ИМКУ. - Вып. 15. Ташкент, 1979.

Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа. Автореф. дисс...канд. ист. наук. МГУ. М., 1982.

Рузанов В.Д. Древние сплавы Средней Азии // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987.

Рузанов В.Д. Химический состав металла могильника Чакка // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990.

Рузанов В.Д. Некоторые данные о древних оловорудных источниках Узбекистана и использовании оловянных бронз в эпоху бронзы /Материалы Всесоюзного семинара: Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии. Тезисы докладов. Душанбе, 1991.

Рузанов В.Д. Древняя металлургия Таджикистана (История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии). К 60-летию Таджикско-Памирской экспедиции: Тез. докл. Межд. науч. конф. Худжанд, 1994.

Рузанов В.Д. Результаты спектроаналитических исследований металла памятников тазабагыбской культуры // ИМКУ. Вып. 27. Самарканд, 1996.

Рузанов В.Д. Результаты спектроаналитического исследования цветного металла из Каратепе // Материалы научной конференции, посвященной 60-летию д.и.н. Р.Х. Сулейманова. Самарканд, 1999.

Рузанов В.Д. Карнабское касситеритовое месторождение – источник олова эпохи бронзы // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000.

Рузанов В.Д. Цветная металлообработка на Афрасиабе в античном периоде и средневековье // «Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития». Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда. Ташкент-Самарканд, 2007.

Рузанов В.Д., Черны Я., Вайсгербер Г. Об итогах работы международной узбекско-немецкой экспе-

- диции в 1997-1998 годах по археологическому обследованию древних источников олова в Зирабулак - Зиаэтинских горах // ОНУ. № 7-8. Ташкент, 1999.
- Рузанов В.Д.* Спектральный анализ металлических изделий из могильника Тандыр-йул // Н.М. Виноградова: Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.
- Черников С.С.* Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949.
- Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172. М., 1970.
- Черных Е.Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4. М., 1978.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (Сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
- Ягодин В.И.* Поселение амирабадской культуры Кават 2 // МХЭ. Вып. 6. М., 1963.
- Alimov K., Boroffka N., Bubnova M., Burjkov Yu., Cierny Y., Yakubov Y., Lutz Y., Parzinger H., Pernicka E., Radililovski V., Ruzanov V., Syrinov T., Starshinin D., Weisgerber Y.* Prahistorischer Zinnbergbau in Mittelasiien // *Eurasia Antiqua*. Band 4. Berlin, 1998.
- Alimov K., Boroffka N., Burjkov Yu., Cierny Y., Lutz Y., Parzinger H., Pernicka E., Ruzanov V., Syrinov T., Weisgerber Y.* Research at Karnab, Uzbekistan // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.
- Berthoud T., Riederer J., Maxwell-Hyslop K. and Liszak-Hours J.* Métaux // *In Francfort H.-P.* "Fouilles de Shornughai. Recherches sur L' Asie protohistorique". Paris, 1989.
- Chakrabarti D.K.* The problem of tin in early India. A preliminary survey. "Man and Environment".- 1979.
- Cierny J.* Bronze age tin mines in Central Asia.- Kagaly International Field Symposium – 2002: Earliest stages of mining and metallurgy in northern part of Eurasia: Kargaly complex. Proceedings of Symposium. – М., 2002.
- Moorey P.R.S.* Materials and Manufacture in Ancient Mesopotamia: The evidence of Archaeology and Art. – Oxford: Ynternat Series 237, 1985.
- Muhly J.D., Begemann F., Öztunali Ö., Pernicka E., Schmitt-Strecker S., Wagner G.A.* The Bronze Metallurgy in Anatolia and the Question of Local Tin Sources. Archaeometry '90. Basel, 1991.
- Pigott V.C.* A heartland of metallurgy Neolithic|Chalcolithic metallurgical origins on the Iranian Plateau // "The Beginning of Metallurgy". International Symposium, 26-28 April, 1995. Bochum, 1999.
- Parzinger H., Boroffka N.* New results on prehistoric tin-and bronze metallurgy in Central Asia. – Kagaly International Field Symposium – 2002: Earliest stages of mining and metallurgy in northern part of Eurasia: Kargaly complex. Proceedings of Symposium. М., 2002.
- Parzinger H., Boroffka N.* Das Zinn der bronzezeit in Mittelasiien I. Archäologie in Iran und Turan. Band 5. - Mainz am Rhein, 2003.
- Reiter K.* Metals and metallurgy in the Old Babylonian period // "The Beginnings of Metallurgy". International Conference 26-28 April, 1995.- Bochum, 1999.
- Ruzanov V.D.* Zum fruhen auftreten der zinnbronze in Mittelasiien // "The Beginning of Metallurgy". International Symposium, 26-28 April, 1995. Bochum, 1998.
- Ruzanov V.D.* Early mines in Uzbekistan. Kagaly International Field Symposium – 2002: Earliest stages of mining and metallurgy in northern part of Eurasia: Kargaly complex. Proceedings of Symposium. М., 2002.
- Stech T. and Pigott V.C.* The metals trade in Southwest Asia in the third millennium B.C. Iraq 48, 1986.

**ЕЩЕ РАЗ О ЛОКАЛИЗАЦИИ СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ ФЕРГАНЫ
(ДАВАНЬ - ДАЙЮАНЬ) И НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ,
СВЯЗАННЫЕ С НИМИ**

© 2010. А.А. Анарбаев
Институт археологии АН РУз

Как известно, с эпохи бронзы Фергану со всех сторон окружали скотоводческие племена, которые наложили отпечаток на историю сложения народа и его своеобразную культуру. Об этом неоднократно подчеркивали такие исследователи как А.Н. Бернштам, Н.Г. Горбунова, Ю.А. Заднепровский и другие (Бернштам, 1952; Горбунова, 1984; Заднепровский, 1962). В эпоху античности продолжаются широкие культурные связи с окрестным скотоводческим населением и с более развитыми цивилизациями. Устанавливаются тесные контакты с Восточным Туркестаном и Китаем. Новое прослеживается в градостроительстве, погребальном обряде и ремесленном производстве.

В китайских источниках II-I вв. до н.э. Фергана (Давань – по Бичурину) описывается как страна развитого сельского хозяйства с 70 городами, однако, упоминая названия только трех из них – Юань (Эрши - по Бичурину), Ючен (Юйчен), Гуйшуань (Гуйшань). Их локализацией занимались многие исследователи, в том числе, в последние годы и автор настоящих строк.

Недавно, известный китаевед А. Ходжаев, рассматривая этимологию топонима «Дайюань» (Давань) отметил, что он состоит из двух иероглифов «дай—да» и «юань». Дай - означает большой, великий, а юань - местность, окруженная горами или возвышенностью. Вместе с тем, по свидетельству А. Ходжаева в «Шицзи» топоним Юань применяется не только в значении Ферганской долины или государства Ферганы, а используется также как название столицы этого государства. В частности, несколько раз встречаются слова «Юаньчэнг» (город Юань), «Юаньванг» (правитель Юаня) (Ходжаев, 2009. С. 135-136). Исходя из этого и основываясь на сообщении М. Исакова и Э. Мурзаева, А. Ходжаев пришел к выводу, что местное население называло свое государство и столичный город одним топонимом – Паркана (Ферганой). То есть, по мнению А. Ходжаева топоним Юань является переводом топонима Паркан-Паркана. Потому, что в Китае топонимы не китайского происхождения очень часто были использованы в переводе на китайский язык (Ходжаев, 2009. С. 136). Китайский посланник Чжан Цянь, чтобы различить при написании города Ферганы от государства Фергана, использовал слова «дай» («да») перед «Юань» (Ходжаев, 2009. С. 136-137). Поэтому, когда речь шла о государстве Ферганы, в китайских источниках был использован топоним Дайюань (Большая Фергана), т.е. как уже было отмечено выше, оно было написано двумя иероглифами. По сообщению Э.М. Мурзаева топоним «Паркана» встречается в памирских языках, означая местность или равнину, окруженную горами и имеющая вход с одной стороны (Мурзаев, 1982. С. 128). Вместе с тем, А. Ходжаев приводит устное сообщение согдолога М. Исакова о том, что слово «пар» в согдийском языке озна-

чает стена или окружность, состоящая из возвышенностей, а «кан» место скопления людей или богатая местность (Ходжаев, 2009. С. 136). В городе Фергане и его окрестностях очень часто можно услышать произношение местными жителями топонима «Фаргана» как «Паргана». Поэтому в древности, вполне возможно, город «Фаргана» называется «Паргана» или «Паркана».

Вместе с тем, А. Ходжаев приводит интересные сведения о топониме Эрши и его местонахождении. В частности, по его мнению, нигде в источниках нет прямого указания, что Эрши являлся столицей государства Ферганы. Отсутствуют также сведения о ведении военных действий в Эрши в ходе двух походов китайских войск против Дайюань. По утверждению А. Ходжаева ферганский правитель не смог скрыть наличия множества коней в городе и его округе. Кроме того, топоним Эрши он связывает с топонимом Ош (Ходжаев, 2005. С. 161), считая, что регион Оша более подходит для локализации Эрши (Ходжаев, 2005. С. 161). Также А. Ходжаев прав в том, что ферганский правитель не мог прятать множества коней в городе, так как, городские условия не позволяют их содержать в большом количестве. Поэтому, географически ошский регион был более подходящим местом для коневодства, так как, здесь, во-первых, в горных ущельях и предгорьях, на летних пастбищах много дикой люцерны; во-вторых, в задырных впадинах и конусах выноса двух рек – Акбуры и Аравансая в цветущих оазисах, видимо, были созданы искусственные пастбища, где могли выращивать любимую траву лошади – люцерну; в-третьих, в бассейнах этих двух рек имеются многочисленные горные ущелья, межгорные и межадырные впадины, где было удобно прятать большие табуны коней от посторонних глаз. Только, в одной межгорной впадине, расположенной между Араваном и Ошем, в случае необходимости, их можно было прятать несколько десятков тысяч. В этом регионе имеются знаменитые наскальные рисунки Айримачтау и Араван с изображением, так называемых небесных лошадей (Бернштам, 1952. С. 222-223; Бернштам, 1952а. С. 10-11). Исходя из этого, можно отметить, что здесь извлечения из китайских источников и комментарий А. Ходжаева больше подходят к исторической действительности.

В связи с этим отметим, что город в силу своей специфики способствовал проникновению в местную культуру различных инноваций, переработке существующих и созданию новых культурных достижений. Как показывают археологические раскопки, крупнейшим городским центром Ферганской долины было городище Эски Ахси (Фаргана-Ахсикет). Оно расположено в Туракурганском районе, в 25 км к юго-западу от г. Намангана, на правом берегу реки Сырдарья. Город возник в конце III - нач. II вв. до н.э. на площади более 40 га, состоявшем из шахристана (Ахси IА, Ахси IБ) и цитадели. Не позднее I в. до н.э. появляется пригород (Ахси-II) площадью около 10 га (рис. 1). Тем самым, площадь города достигает более 50 га.¹ Именно здесь на территории городища Эски Ахси нами была локализована главная столица ферганского царства город Фергана - Юань (Эрши – по Бичурину) (Анарбаев, 2005. С. 51-52). А в средние века его площадь увеличивается до 400 га (Анарбаев, 1988. С. 184; Анарбаев, 2001. С. 7). Ранее нами было отмечено, что город Фергана (Фарагана-Фаргана), упомянутая у Ат-Табари (VIII в.) и Ибн Хордадбега (пер. пол. IX в.) также идентифицируется на месте городища Эски Ахси (Анарбаев, 2000. С. 110-111; Анарбаев, 2005. С. 54).

По сведениям следующей китайской хроники «Ханьшу» в I в. до н.э., в политической жизни ферганцев происходят некоторые изменения. В частности, столичный

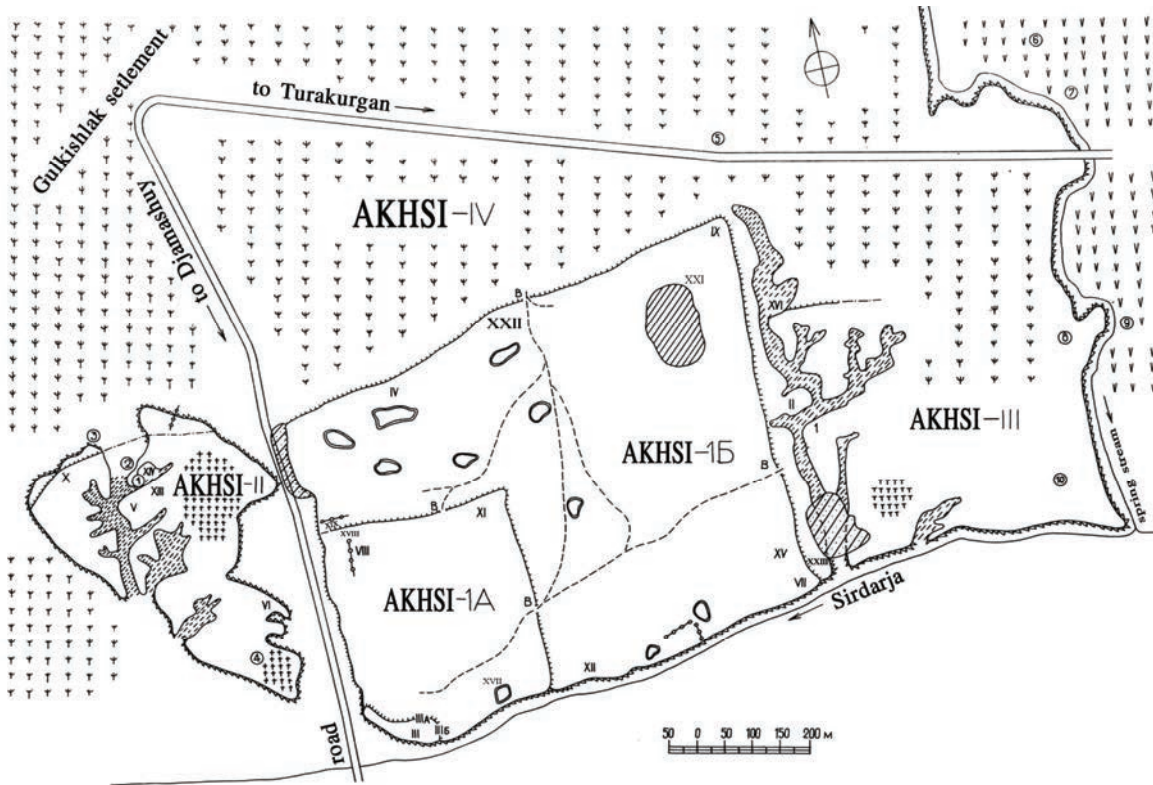

Рис. 1. Ахсикет. План

город именуется Гуйшуань (Гуйшань) (Бичурин, 1950, т. II. С. 186; Ходжаев, 2009. С. 138). В связи с этим приведем заметку В. Пуллибланка о том, что во главе владения Давань на определенном отрезке времени стояло одно из племен Большой Юечжи. Именно тогда его столица могла получить название - Гуйшуань (Pulleyblank, 1966, p. 26). Об этом свидетельствуют сведения в Ханьшу, где наряду с Юечжи, Кангюем, о населении Давани даются стандартные цифры. Известно, что в сообщениях китайских источников стандартные цифры всегда приводятся о населении кочевых племен, а для оседлых владений приводятся разные цифры. Из этого видно, что Фергана – будучи земледельческой страной, в отличие от Яркяна и Кашгара в Ханьшу, упоминается наряду с Кангюем и Большой Юечжи², имея также стандартные цифры по количеству семейств и строевого войска (Бичурин, 1950, т. II. С. 184-186, 189). Исходя из этого мы предполагали, что только после 90 г. до н.э. представители племени Юечжи (Гуйшуань-Кушан) могли прийти к власти в Давани и соответственно его столица могла называться – Гуйшуань (Анарбаев, 2002. С. 19; Анарбаев, 2005. С. 53). Потому что аналогичные сведения в Шицзи отсутствуют.

Вопрос о местонахождении города Гуйшуань ставился неоднократно, но окончательного решения не получил. В.В. Бартольд, А.Н. Бернштам и Ю.А. Заднепровский размещают его в Касане (Бартольд, 1963, т. 1. С. 219; Бернштам, 1952. С. 233-234; Заднепровский, 1997. С. 110). Л.А. Боровкова и К.И. Ташбаева помещают Гуйшуань в районе г. Ош (Боровкова, 1989. С. 56; Ташбаева, 2005. С. 164), А. Ходжаев локализует его на месте Кувасая (Ходжаев, 2005. С. 16; его же, 2009. С. 138). По мнению Б. Матбабаева город Гуйшуань (Гуйшань) мог находиться на территории Мунчактепа (Туракурганский район) или на Баландтепа (Пап), а позже сюда он до-

бавляет и Ахсикет (Матбабаев, 1995; Матбабаев, 2009).³

Анализ выше приведенных данных и новые археологические материалы дают возможность придти к следующим выводам: в частности, утверждение Л.А. Боровковой и вслед за ней К.И. Ташбаевой, о том, что город Гуйшуань находился в районе г. Ош, на наш взгляд, представляется маловероятным. Так как, если таковое имело бы место, то по всей вероятности, там сохранились бы руины этого города. На городище Акбуры, в основном, представлены материалы раннесредневекового периода. В районе г. Куvasой вообще отсутствует памятник городского типа. Исходя из этого, предположение А. Ходжаева о том, что город Гуйшуань находился в районе Куvasая, также не подтверждается археологическими материалами.

Касательно, локализации Гуйшуань на городище Мугтепа (древний Касан) нуждается в пояснении. В частности, можно допустить, что когда представители племени Юечжи утвердились в Фергане, они построили себе специальную резиденцию на городище Мугтепе, где могла располагаться их ставка. Именно эта ставка в китайских источниках, могла именоваться Гуйшуань (Гуйшань). Город Юань (Фаргана), видимо, оставалась второй столицей государства Дайюань (Давань), т.е. он был экономическим и культурным центром и в китайских источниках, мог называться, также как политическая ставка, Гуйшуань.

Теперь, рассмотрим результаты археологических исследований: в частности, раскопки на городище Эски Акси дали очень интересные материалы, относящиеся к рассматриваемому периоду. В конце II-I в. до н.э. в фортификации Ахсикета (Ферганы) происходят заметные изменения. В течение около 100 лет возводятся две мощные крепостные стены и двойные рвы, появляются своеобразные башни. На цитадели башни прямоугольные и выступают за линии стен, а на втором шахристане (Акси II) они располагались по периметру стены, возвышаясь над ней и не выступая из ее плоскости. Особый интерес представляют башни на втором шахристане. Сохранилось только основание башни высотой около 6-7 м. Над ней, видимо, находилась боевая площадка со стеной парапета, в виде зубцов. Ширина крепостной стены у основания доходила до 20 м, а высота вместе с башней, составляла, видимо, также около 20 м. Такое устройство башен не давало возможности противнику продвигаться по стенам. В случае захвата стен противник оказывался под так называемым «кинжальным» обстрелом сразу из двух фланкирующих башен данного участка и легко мог быть уничтожен (Анарбаев, 2004. С. 24; Анарбаев, 2005. С. 51). Аналогичные археологические материалы не были найдены ни на одном другом памятнике Ферганы.

Раскопки на городище Мугтепа (рис. 2.1), также дали новые материалы, относящиеся к этому периоду. В результате раскопочных работ 1990 г. выявлены три разновременные стены, предварительно датированные нач. I в. н.э., IV-V вв. и VI в. Соответственно время возникновения Касана относилось к I вв. н.э. (Анарбаев, 1994. С. 24-25). Анализ археологических материалов и изучение стратиграфии дает возможность пересмотреть датировку Касана⁴. Сначала рассмотрим крепостную стену Мугтепа, состоявшей из трёх частей: первая - самая ранняя, возведена на материке, из пахсы с применением крупноформатного кирпича (рис. 3:1). На городище Эски Акси (Фаргана) аналогичная стена датируется II-I вв. до н.э. (Анарбаев, 2004). Следующая вторая стена, как и на городище Эски Акси, возведена на платформе изнутри, впритык к первой стене из пахсы и сырцового кирпича (рис. 3:2). На городище Эски Акси, аналогичная стена относится к I в. до н.э. Сопоставление

Рис. 2. Касан. План.
I - Мугтена, II - Мугкала

характера крепостных стен этих двух городищ позволяет прийти к выводу, что в этих городах при строительстве оборонительных стен была применена одинаковая строительная техника.

Вместе с тем, керамический комплекс, обнаруженный при разборе второй стены, нами был ошибочно датирован IV-V вв. (Анарбаев, 1994. С. 24). Здесь, мы ошиблись при определении одного фрагмента керамического сосуда (рис. 4:2). Послед-

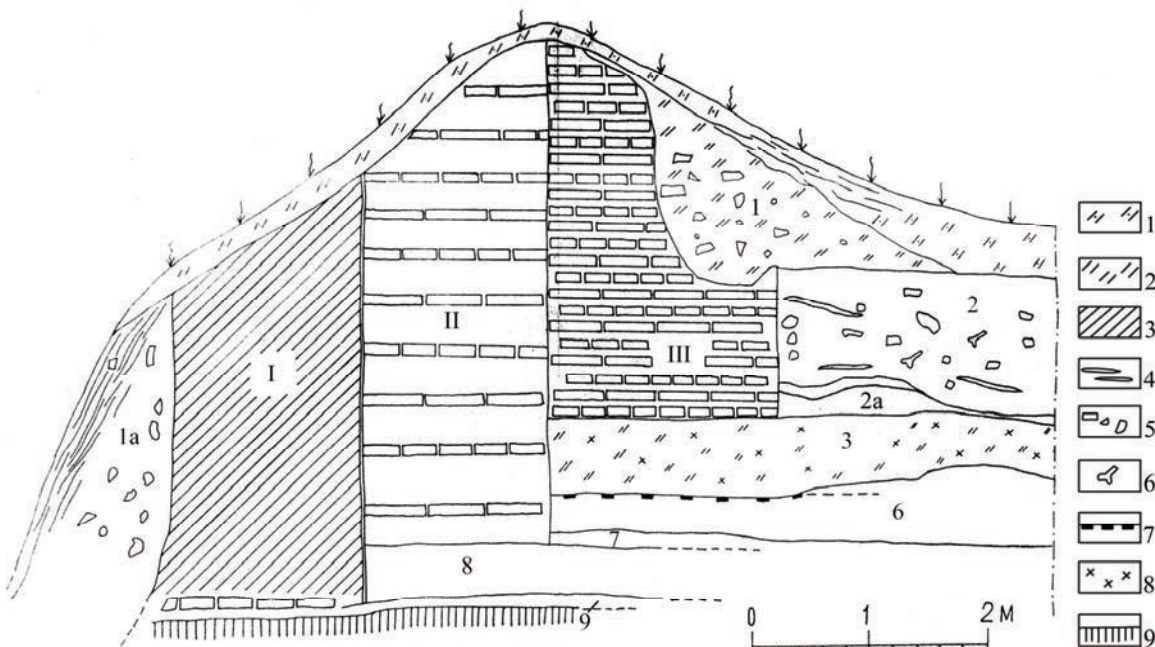

Рис. 3. Мугтена. Разрез крепостной стены.
I - задернованный грунт; 2 - рыхлый грунт; 3 - пахса; 4 - зольник;
5 - завал сырцовых кирпичей; 6 - кости; 7 - пол; 8 - уголь; 9 - материк

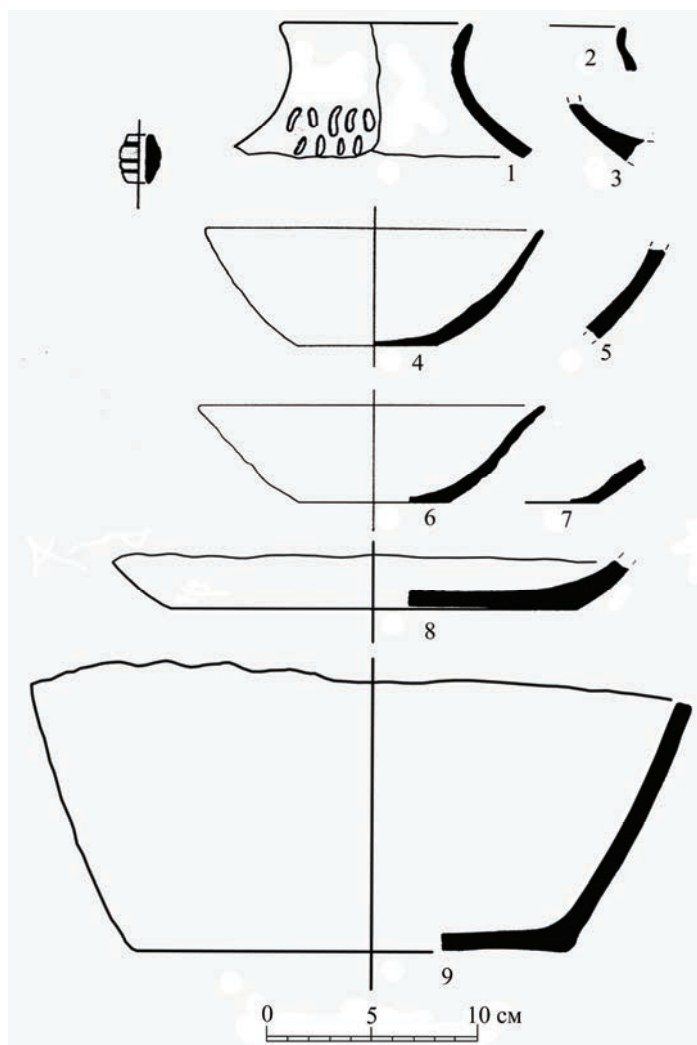

Рис. 4. Касан. Керамика

ний был небольшим, поэтому его мы ошибочно назвали как чашу с перегибом. На самом деле, он являлся фрагментом от небольшого красноангобированного горшка. В 2006 г. при раскопочных работах, найден следующий небольшой фрагмент от выше упомянутого горшка, давший возможность восстановить форму сосуда. Аналогичный сосуд имеется в нижних слоях городища Эски Акси (в комплексе Акси-2), датируемый вт. пол. II - перв. пол. I в. до н.э. Теперь, керамический комплекс Мугтепа (рис. 4), обнаруженный при разборе второй стены, можно датировать I в. до н.э.

Констатируя выше приведенные материалы, можно отметить, что город-ставка на Мугтепа был построен не позднее вт. пол. I в. до н.э. Здесь, видимо, находилась политическая столица, точнее ставка новых ферганских царей, которые являлись представителями кочевых племен. Они первоначально, наверняка, жили в шатрах. Об этом свидетельствует

сама топография Мугтепа, где, судя по микрорельефу в центральной части городища отсутствует монументальная архитектура, а на ее месте, видимо, находилось шатровое сооружение.

Следующий третий город Ючень (Ю) упоминается в Шицзи, как второй город в государстве Дайюань (Фергане). По его локализации среди ученых имеются разногласия. Одни помещают его на городище Шурабашат, другие—на месте Узгена, третьи – в районе Оша (Анарбаев, 2005. С. 51-53). Анализируя письменные и археологические источники, мы ранее отмечали, что Ючень находился на городище Эйлатан, так как, после 90-х гг. до н.э. Ючень не упоминается в китайских хрониках. Вместе с тем, на Эйлатане город функционировал только в IV-I вв. до н.э., что хорошо согласуется с археологическими материалами и данными письменных источников.

Таким образом, подводя итоги, отметим следующее: в древности ферганцы называли свое государство и столичные города одним топонимом «Фаргана - Паркана» (Юань). Только, когда речь шла о государстве Ферганы, в китайском источнике «Шицзи» было использовано еще слово «дай» - большой. Столичный город Фаргана-Паркана (Юань) находился на территории городища Эски Акси. В связи с изме-

нениями в политической жизни Ферганы, после 90-х гг. до н.э., видимо, функционировали два столичных центра: первый, политическая столица – ставка новых правителей Ферганы на Мугтепа и второй, экономический-культурный центр город Фаргана (Паркана) – Юань, на памятнике Эски Ахси, которые в китайском источнике «Ханьшу» могли называться Гуйшуань (Гуйшань). Сами же ферганцы главный город, находившийся на месте городища Эски Ахси, видимо, как и раньше называли Фаргана (Паркана – Паргана), так как, в VIII – пер. пол. IX в. арабские источники (Табари, Ибн Хордадбех) упоминают и указывают месторасположение города Ферганы (Фаргана), локализуемое нами на месте городища Эски Ахси. Вместе с тем, как выяснилось, топоним «Эрши» никакого отношения к столичному городу царства Дайюань (Давань) не имеет, а связан с регионом, где разводили так называемых ферганских небесных лошадей.

Сноски

¹Сейчас сохранилось около 40 га.

²По китайским источникам, известно, что Большие Юечжи, двигаясь в сторону Бактрии, прошли через Фергану и Согд. Возможно, какая-то часть этих племен могла осесть в Фергане и спустя, около ста лет, они видимо, оказались у власти в Фергане.

³ В своих более ранних публикациях мы отмечали, что вся аргументация Б. Матбабаева в пользу касансайского Мунчактепа и папского Баландтепа не имеет под собой серьезных оснований, т.е. отсутствуют соответствующие археологические материалы. Поэтому никак нельзя локализовать город Гуйшуань на их месте, так как, Мунчактепа как памятник не существует, а Баландтепа в I в. до н.э. и первые века н.э. занимал маленькую площадь, т.е. ограничивался территорией цитадели площадью чуть более 2-х га (Об этом более подробно см. Анарбаев, 2000. С. 74-75). Сам Б. Матбабаев отмечает, что первоначально здесь находился замок (100x90 м) с поселением общей площадью - около 2,5 га (Матбабаев, 2008. С. 118).

⁴Руины древнего Касана состоят из двух городищ: Мугтепа и Мугкала. Мугтепа – остатки древнего города, а Мугкала – это остатки раннесредневекового замка. Вместе с тем, на территории последнего в XII веке находилась ставка удельного княжества Караханидов. К сожалению, в печати часто путают Мугтепа с Мугкала. В частности, недавно Б. Матбабаев, рассматривая вопросы локализации Гуйшуань (Гуйшань), ошибочно принимает Мугкала за древний Касан (Матбабаев, 2009. С. 91).

Использованная литература:

- Анарбаев А.А.* Ахсикент в древности и средневековье (итоги и перспективы исследования) // СА, № 1. М., 1988.
- Анарбаев А.А.* Средневековые города Ферганы по письменным источникам // История, культура и экономика юга Кыргызстана. Ош, 2000.
- Анарбаев А.А.* Фергана в китайских источниках (некоторые критические заметки) // Фаргона водийси тарихининг долзарб муаммолари. 1-жилд. Фаргона, 2000.
- Анарбаев А.А.* Қадимги ва ўрта асрларда Ахсикент // Ўзбекистон тарихида қадимги Фаргона. Ташкент, 2001.
- Анарбаев А.А.* О локализации столичных городов древней Ферганы // Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы, традиции и современность. Тезисы докладов межд. научной конф. Самарканд, 2002.
- Анарбаев А.А.* Заметки о фортификации античного Ахсикента // Археология и история Центральной Азии. Самарканд, 2004.
- Анарбаев А.А.* Столичные города Ферганы и их локализация (Античность, раннее средневековье) // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд-Бишкек, 2005.
- Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения, т. 1. М., 1963.
- Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, 26. М., 1952.
- Бернштам А.Н.* Древняя Фергана. Ташкент, 1952.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950, т. II.

- Боровкова Л.А.* Запад Центральной Азии во II в. до н.э. - VII в. н.э. М., 1989.
- Горбунова Н.Г.* Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // Археологический сборник. № 25, Л., 1984.
- Заднепровский Ю.А.* Городище Эйлатан // КСИИМК, № 71. М., 1958.
- Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА, № 118. М.-Л., 1962.
- Заднепровский Ю.А.* Исследования древнего Касана // ОА. М., 1983.
- Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х.* Городище Мархамат (некоторые итоги изучения) // ИМКУ, вып. 25. Ташкент, 1991.
- Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Перевод с арабского, комментарии, исследования, указатели и карты Наили Велихановой. Баку, 1986.
- Мурзаев Э.М.* География о названиях. М., 1982.
- Матбабаев Б.Х.* Фарғона қадимий шаҳарларини жойлашган ўрни муаммолари // ЎИФ. № 9. Тошкент, 1995.
- Матбабаев Б.Х.* К истории культуры Ферганы в эпоху раннего средневековья. Ташкент, 2009.
- Pulleyblank B.G.* Chinese and Indo-European // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland/ №1-2, 1966.
- Табари.* История ат-Табари. Перевод с арабского В.И. Беляева. Ташкент, 1986.
- Таибаева К.* К проблеме локализации городов государства Давань // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд-Бишкек, 2005.
- Ходжаев А.* О сведениях древнекитайских источников о государстве Фергана (Дайюань) // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005.
- Ходжаев А.* К этимологии топонима Дайюань (Давань) в китайских источниках // Фарғона водийси тарихи янги тадқиқотларда. Фарғона, 2009.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КЕРАМИКА АНДИЖАНА

© 2010. Д.К. Мирзаахмедов, Б.Х. Матбабаев, М.Н. Султанова

Институт археологии АН РУз

Археологические изыскания на территории древнего ядра городских центров Узбекистана уже на протяжении многих десятилетий являются одним из важных направлений деятельности Института археологии. По этим результатам определены истоки возникновения и динамика урбанизационных процессов ряда столичных и региональных центров, получены материалы по их истории, ремеслу и культуре.

Подобные исследования, в основном, включали наблюдения за новостроящимися объектами и в случаях выявления культурных горизонтов фиксацией и выборкой археологических материалов.

На протяжении последних лет такие работы интенсивно ведутся и в старгородской части Андижана. В результате, из нижних культурных горизонтов, в разных частях города и пригородов, выявлены материалы датируемые с середины первого тысячелетия до н.э. и вплоть до позднего средневековья. При этом расположенное под интенсивной современной застройкой ее средневековое ядро оказалось изученным более слабо. Поэтому особый интерес вызывают материалы последних лет, хотя и в несколько разрозненном виде, заполняющие недостающие звенья ее истории последнего тысячелетия.

Так при прокладке канализационной сети по улице Алтынкульской проходящей по территории шахристана, на уровне 1,20 см от дневной поверхности, были выявлены два неглазурованных кувшина с отбитыми горловинами. Наиболее интересным является первый из них, сформованный из двух штампованных половинок (рис. 1). Он имел дисковидное основание, несколько вытянутое вверх полусферическое тулово и узкую отбитую горловину с ручкой. Орнаментация ее нижней половины состояла из заостренных к основанию треугольных мотивов с рельефно выступающими круглыми и ромбическими узорами в резервах. Верхняя же ее часть, из повторяющихся аркообразных мотивов с четко выделенными внутри изображениями птичек. Узкая отбитая горловина, по близким параллелям, обычно имела вытянутую форму, а ручка по основанию на тулове в разрезе подтреугольная. Д.д.—6 см, высота до горловины—13 см, диаметр горловины по основанию—3,5 см.

В целом, образцы подобных кувшинов широко встречаются среди средневековых материалов Средней Азии и достаточно определенно датируются X в. (Ильсова, Мирзаахмедов, Адылов, 2000, рис. 8).

Следующий фрагмент кувшина имел более приземистую, с массивными стенками и основанием, форму (рис. 2). Донце плоское, тулово цилиндрической формы, горловина отбита. По усеченно-коническим плечикам, в два ряда, нанесены повторяющиеся вдавленные соляные розетки. Д.д.—13 см, высота до горловины - 8 см. Хотя на сохранившемся фрагменте следов ручки и устье горловины не просматриваются, тем не менее, на подобных кувшинчиках с вытянутыми шейками присутствовало наличие ручек. Как и выше представленный образец он имел красноватое тесто черепка,

покрыт сероватым ангобом и по аналогиям с соседними регионами датируется X веком.

Следующая группа находок представлена тремя кувшинами, полученными в 2008 году из пятого слоя шурфа с керамическим завалом на территории академического лицея медицинского института.

Два из них однотипные сероглиняные, средних размеров, археологически целые (рис. 3, 4). Их тулова имеют близкие к полусферическим формы, посажены на три наклепные ножки-шляпки. Широкая горловина с раструбом и тулово соединены ручкой ленточной формы, завершающейся по верху заостренным наклепом под металл. По верхней части тулова и горловине нанесены рельефно выступающие штампованные и вдавленные геометрические и растительные композиции состоящие из округлых, s-образных, скобочных и штриховых мотивов. Диаметры венчиков 10-10,5 см, высота 16 см, диаметры по тулову—11 см. Одинаковая форма, размеры, идентичный состав теста и незначительные различия в оформлении, безусловно, указывают на то, что кувшины изготовлены одним мастером. Вместе с тем, при основной массе общих показателей несущественные отличия декора могут указывать на характер стандартной продукции «комплекса производителя». Ранее мы уже сталкивались с подобным комплексом поливной посуды из гончарной мастерской XVI в. Шахрухии, где идентичные по форме, размерам, цветовой гамме и орнаментации изделия мастера отличались лишь в небольших добавлениях или перестановке стандартных мотивов (Мирзаахмедов, Алимов, 2006, рис. 3-8).

Исходя из параллелей, по соседним центрам гончарства, подобные кувшины имели широкое хождение в XII в. (Мирзалиев, 1986, рис. 1:1; Анарбаев, 2002, рис. 19:3; Анарбаев, 2006, рис. 10:10).

Третьим кувшиновидным сосудом, полученным из слоя керамического завала является фрагмент верхней части водолея-мургоби (рис. 5). Он имел шаровидное тулово, соединенное из двух частей: нижней с не сохранившимся основанием и расширенной верхней, где симметрично, по отношению друг к другу, располагаются цилиндрическое вертикально стоящее горлышко и носик-слив. Петлевидная ленточная ручка крепится одним концом к основанию горлышка, а другим—к основанию носика. Горлышко имеет расширенное воронкообразное устье, форма носика с маленьким отверстием выполнена в виде стилизованной головки быка. Тесто черепка выполнено с включением дресвы и по сероватому ангобу внешней плоскости расписано мотивами из простейших линий и полос красного цвета, оконтуренных черной краской (д.в.—5 см, приблизительная ширина по тулову—16 см, сохранившаяся высота—18 см).

Подобные сосуды по данным литературы широко встречаются в предмонгольских слоях по всей территории Средней Азии, датируясь в пределах XI - нач. XIII вв. (Заднепровский, 1969. С. 45; Брыкина, 1974. С. 49; Грицина, 1998, рис. 4; Усманова, 1984, рис. 4; Анарбаев, 1999, рис. 9:10; Бернштам, 1952. С. 255-261). На основании этнографических параллелей в производстве подобной посуды в женских промыслах горного Таджикистана отдельные исследователи указывают на их назначение как сосудов для переноски и питья воды (Пещерева, 1959. С. 56-57). Другие же, указывая на ряд социально-экономических причин, полагают на переселение в X-XII вв. крупных масс сельского таджикского населения в города, принесшего с собой излюбленные формы и приемы гончарной техники (Литвинский, 1954. С. 62). Тем не менее, нам представляется более обоснованной точка зрения исследователей, которые, при-

нимающая во внимание время и ареал распространения расписной керамики XI-XIII вв. на территории Средней Азии, предполагают о ее связи с влиянием тюркского кочевого населения (Заднепровский, 1969. С. 45).

По результатам последних исследований, массовое использование росписи почти на всех видах керамических изделий приходится на втор. пол. XII - нач. XIII вв. (Сверчков, Мирзалиев, 1988. С. 86) и, в том числе, по внешней поверхности посуды с голубой поливой. При этом, по народным поверьям, широко используемый при раскраске последних красный или темно-красный ангобный цвет являлся символом жизни, а голубая бирюзовая полива, имитировавшая китайские селадоны, одновременно почиталась и в кочевой среде, олицетворяя главного небесного бога тюркских народов – Тенгри.

К этому можно добавить, что по археологическим материалам из рабата 1 и 4 Пайкенда (Мухамеджанов и др., 1988. С. 145; Мирзаахмедов, Адылов, 1991. С. 57) со второй половины X века начинаются процессы усыхания западных окраин Бухарского оазиса, а к середине XI века, ко времени которого отдельные исследователи относят пик этих процессов, население полностью покидает городище (Зимин, 1913. С. 72, прим. 39). Возможно этими же причинами усыхания степей объясняется и интенсивное продвижение караханидских племен и других кочевников в оазисы Мавераннахра, а затем их постепенное здесь оседание.

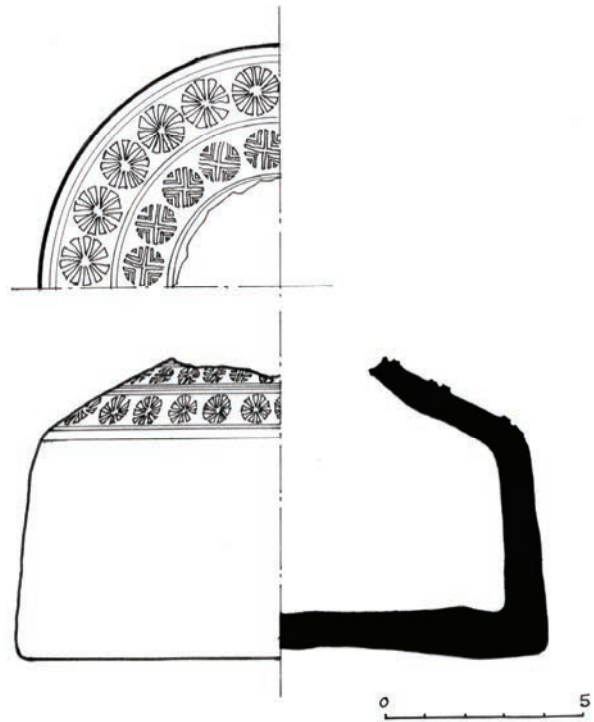
Здесь же, по материалам Пайкенда, нам хотелось бы остановиться и на материальной культуре переселявшихся вглубь оазиса и города, на основании вышеотмеченных процессов, сельского населения и оседания кочевого.

По данным источников, уже под конец своего обживания, со второй половины X-пер. пол. XI вв. Пайкенд не имел соборной мечети и входил в число селений. В его материальной культуре этого периода никаких существенных следов красноангобированной росписи на керамике не отмечено. Исходя из этого, при переселении вглубь оазиса и города пайкендцы не могли привносить сюда подобных традиций. В то же время, в XII - нач. XIII вв., по археологическим материалам, мы наблюдаем его частичное периодическое обживание на цитадели и рабате 4. Это подтверждается данными письменных источников об активной строительной деятельности в первой трети XII в. караханида Арсланхана, неудачно попытавшегося возродить город прокладкой нового незавершенного канала. Как бы то ни было, но массовое распространение керамических изделий с оформлением красными ангобными росписями приходится на этап обживания городища в XII - нач. XIII вв. При этом, красноангобированная керамика в керамических комплексах встречается наряду с образцами посуды с бирюзовой поливой.

В отношении семантики мотивов на средневековой расписной керамике, безусловно права С.Б. Лунина, относящая их к домусульманским архаическим воззрениям и традициям (Лунина, 1987. С. 109). Считать же эту посуду культово-обрядовой (Лунина, 1987. С. 106-109; Горячева, 2010. С. 215) можно лишь для ее определенных типов, например, специфических форм кувшинов и водолеев-мургоби, которые могут быть не только полностью расписаны, но и исполняться в лепном и огнеупорном варианте. Для второй половины XII—нач. XIII вв., в связи с социально-экономическими проблемами в Мавераннахре (Mirzaahmedov, 2008. P. 67-68) сокращается процент и ухудшается качество глазурованной посуды, за счет увеличения неглазурованной. Последние, в массовом количестве расписанные элементарными пятнами, завитками и потеками не могут являться специфической культово-

Puc. 1

Puc. 2

Puc. 3

Puc. 4

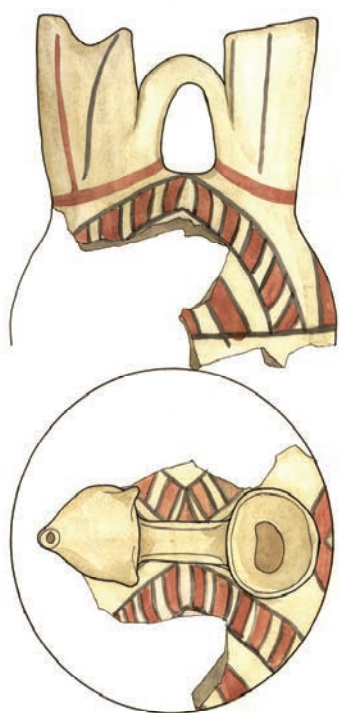

Рис. 5

Рис. 6

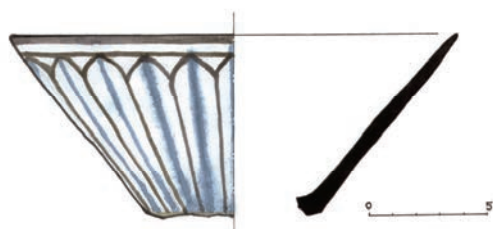

Рис. 7

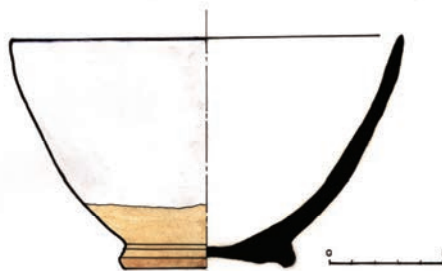
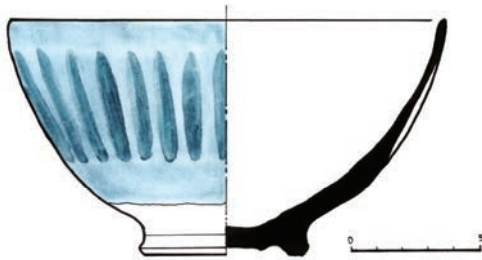
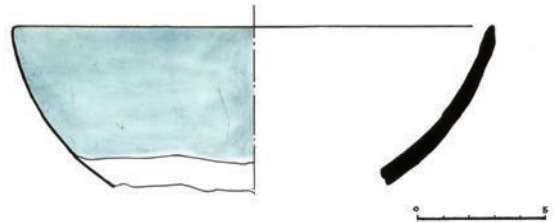
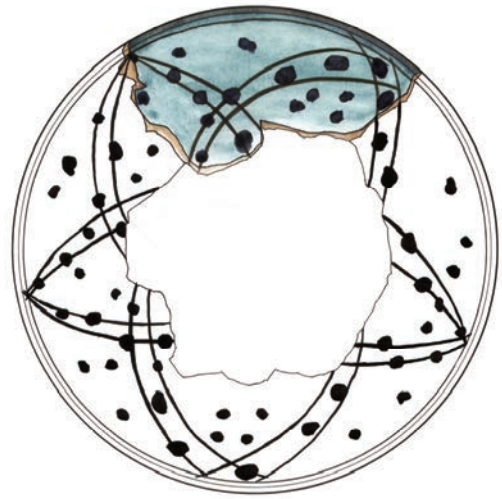

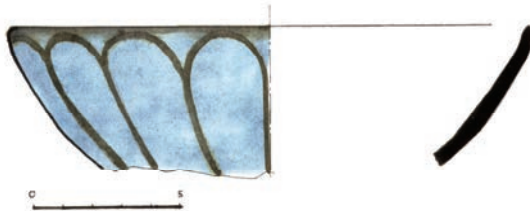
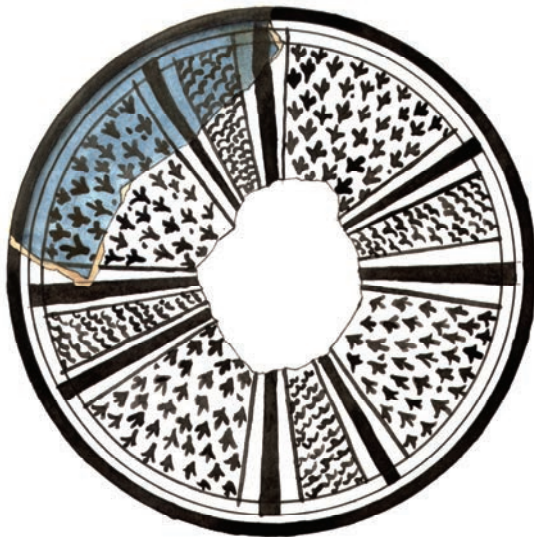
Рис. 8

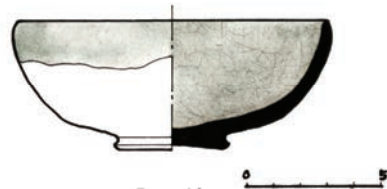
Puc. 9

Puc. 10

Puc. 11

Puc. 12

Puc. 13

обрядовой посудой, а скорее несут в себе символику пожелания— оберега и достатка-изобилия. Наблюдаемая по регионам разница в характере сюжетов росписей, видимо, определялась различиями этнического компонента, привнесшего или производившего эту посуду.

Таким образом, на основании археологических материалов и данных письменных источников, возможно предполагать об истоках подобного широкого распространения простейшей орнаментации исходящей из кочевой среды.

Вопрос заключается и в другом, почему же жители городов и селений земледельческих оазисов Мавераннахра, игравшие роль мощного ретранслятора культуры и идеологических концепций в кочевую степь в XII - нач. XIII вв. оказались столь восприимчивыми к пришлым традициям слабоисламизированной языческой кочевой среды? И это, видимо, объясняется не только военно-административным главенством и постепенным оседанием племен Караханидов в оазисах, но и завоеваниями со второй трети XII века Мавераннахра вовсе не исламизированными Каракитаями. В результате, исламские традиции безусловно потеряли свои позиции как в селениях, так и городах. На это прямо указывают данные юридических документов приводимых О.Д. Чехович из сочинения «Хидайя», написанном в конце XII века Бурханаддином Маргинани. Здесь, в частности, рассматривается вопрос о том, законно ли отдавать в наем помещение, если известно, что в нем будет устроен Дом огня, христианская церковь или синагога. Ответ дается в зависимости от того, находится ли сдаваемое помещение в городе или в деревне. Если оно в городе, то сдавать его для таких целей нельзя, потому что в городах господствует мусульманство, тогда как в сельских местностях – не всегда (Чехович, 1980. С. 226). Несомненно, что Бурханаддин Маргинани в своем сочинении значительно сгладил многие углы данной проблемы, но сам факт постановки вопроса говорит об уже далеко зашедших процессах отхода от классического ислама, как в селениях, так и в городах, замалчивать о которых было уже не только невозможно, но и требовало включения в свод юридических кодексов.

Далее, после монгольского завоевания позиции ислама были еще более ослаблены даже в городах. Кабир Дизаки Самарканди в трактате «Фатва ал-Кабири» (XIV в.) отметил возникновение в его дни следующего вопроса: «Спрашивается: эти города и села Мавераннахра и Туркестана, находящиеся под властью монголов являются страной язычества или страной ислама?» (Чехович, 1980. С. 226). И хотя далее приводится благочестивый ответ, что они все же являются страной ислама, возникновение такого вопроса так же достаточно показательное.

К этой же теме относятся данные О.Д. Чехович из жития шейха Ниматаллаха Вали, в которой сообщается о тюрках-кочевниках, живших в горах около Самарканда и остававшихся язычниками до XIV века (Чехович, 1980. С. 227).

В связи с этим, можно добавить и о близких по форме и характеру росписи, темно-красными ангобными красками, образцах лепных кувшинов, как из самого Самарканда (Вяткин, 1926, табл. IV; Шишкина, 1979, табл. XXXVI, 4), так и ближайшей к ней горной округе Ургутского района, кишлака Чумчукчи (Баданова, Бердимуратов, 2006, рис. 4, 5), безусловно датируемых, по сопровождающим комплексам, концом XII - нач. XIII вв.

Исходя из представленных материалов конкретизируются и хронологические рамки исследуемого набора изделий определяемые в рамках XII - нач. XIII вв. Вместе с тем, основываясь на материалах комплексов верхних горизонтов Пайкенда X - сер. XI вв., где керамика с подобной росписью практически отсутствует и получает мас-

совое распространение лишь из слоев второй половины XII - начала XIII вв., можно определенно утверждать о ее появлении в связи с интенсивным оседанием кочевых племен, с значительным ослаблением исламской идеологии и вхождением в широкий быт населения доисламских языческих традиций, связанных с их охранными и благопожелательными функциями на посуде.

Последней находкой, происходящей из этого же комплекса, является тувак с плоским основанием, со слегка расширяющейся к середине боченкообразной формой цилиндрического тулова и отбитым по горловине, отогнутым наружу венчиком. Как по внутренней, так и внешней поверхности, покрыт беловатым ангобом, желтоватой глазурью по внутренней и зеленой—по части внешней поверхности стенок (рис. б). Полива плохого качества, тонкая, отходит мелкими чешуйками (д.д. - 7,7 см, д.в. по горловине - 8,7 см, высота - 17,5 см).

Исходя из формы, цветовой гаммы глазури, состоящей из желтоватых и зеленых цветов, тонкой, плохого качества отслаивающейся поливы тувак, как и предыдущие находки из керамического завала, совершенно определенно датируется второй половиной XII - началом XIII вв.

Следующий по времени археологический комплекс был получен в 2009 году из шурфа во дворе соборной мечети и медресе Жоми, в старгородской части Андижана, где был заложен шурф и на глубине 1,2-1,4 м от уровня дневной поверхности прослежены остатки полов и небольшой комплекс глазурованной керамики предвзрительно датированной XIII-XIV веками. Принимая во внимание, что слои этого периода, находясь под современной застройкой городов, в большинстве случаев, являются недоступными для систематических исследований, а также отношением отдельных специалистов к археологии позднего средневековья, как к застою, не заслуживающему изучения времени, в целом, предопределило слабую разработанность ее материальной культуры. Исходя из этого, ранее, исследовательские работы подобного рода ограничивались публикациями случайных или попутных образцов высокохудожественной посуды этого периода, свидетельствуя о неоднозначности существующих взглядов на кризисную монгольскую эпоху.

Лишь с конца XX - начала XXI веков приоритетный акцент на древность стал уступать свои позиции. Разрушение железного занавеса и подтолкнутый массовым интересом туризма к богатейшему этнографическому наследию края, безусловно, пробудил необходимость поисков ее истоков – предметам материальной культуры, искусства и архитектуры позднего средневековья. Также, в значительной степени, произошла переоценка взглядов в отношении к эпохе монгольского периода, осознанием ее материального наследия как отражению творчества и образа жизни миллионов простых тружеников, а не горстки пришлых отсталых завоевателей.

Положительным исключением, в этом плане, могут явиться лишь широкомащтабные археологические изыскания на позднесредневековых городищах Южного Казахстана и значительное число публикаций по ним. Но и здесь исследователям пока не удается провести достаточно четкого разделения керамики XIII-XIV вв., рассматривая ее в широких хронологических рамках (Байпаков, 1990. С. 130).

Переходя к описанию находок отметим, что будучи получены с пола помещения, они не имели следов переотложенности, являлись единообразными по составу и представляют интерес не только для истории культуры Андижана и долины Ферганы, но и рассмотрения динамики развития форм столовой посуды этого периода по соседним регионам.

Комплекс состоял преимущественно из форм чаш (коса) и чашечки (пиала). Тесто черепка на всех образцах красновато-кирпичного цвета, ангобы тонкие, белые. Щелочные глазури беловатых и голубоватых оттенков, не плотно держащиеся на стенках, покрывали большую часть внешней поверхности изделий.

Чаши (коса) выявлены в пяти экземплярах и представляют археологически целые и фрагментарные образцы, в общем, имея близкие размеры, по формам делятся на две группы.

На первой, полученной в единственном экземпляре, донце не сохранилось (рис. 7). Усеченно-конические стенки у основания имеют угол перелома, близко напоминая формы чаш предшествующего предмонгольского периода. Диаметр венчика составляет 19 см, донце отсутствует, но по сохранившимся частям основания оно могло соответствовать 6,5-7 см, а общая высота с поддоном достигала 8,6 см. Орнаментация по внутренней поверхности состоит из повторяющихся, стилизованных, вертикально поднимающихся побегов и веточек в резервах. Голубая цветовая гамма росписи для исключения расплывов оконтурена темно-коричневой краской. По внешней плоскости, поднимающиеся от основания и заостренные к венчику, аркообразные и лепестковые мотивы прорисованы коричневой краской с бирюзовой сердцевиной. Они широко исполнялись на китайском фарфоре исследуемой эпохи и символизировали лепестки лотоса. По закраине венчика как с внутренней, так и внешней сторон располагаются, получившие с этого периода массовое распространение, круговые ленточные бордюрные линии. Ангоб белый, глазурь прозрачная с голубоватым оттенком, щелочная с добавлением свинца придающего блеск, отпадает на местах стыков.

Вторая группа чаш имела слабо выраженные кольцевые донца и полусферические или близкие к ним, несколько вытянутые вверх формы стенок (рис. 8-11). Венчики слегка заострены, имеют едва заметный загиб внутрь и, в большинстве случаев, оформлены по закраине темной линией «коричневого рта». Внутренняя орнаментальная композиция характерна образцам чаш исследуемого периода по соседним регионам и имеет центрические композиции. Это отходящие от донца крестовидные и лучевые мотивы с заполнением резервов растительной орнаментацией. При этом, заключенная в круг, выделенная донная композиция лишь частично сохранилась на первом экземпляре чаши (рис. 7). Орнаментация по их внешней поверхности на двух экземплярах отсутствует вовсе, а на трех остальных состоит из мотива поднимающихся снизу-вверх «лепестков лотоса».

Две первые археологически целые чаши из второй группы имеют слегка вытянутые вверх полусферические стенки со слабо выраженными кольцевыми донцами. Первая (рис. 8), светлофонная (д.в.—18 см, д.д. - 7,6 см, высота - 10 см) орнаментирована по внутренней плоскости крестообразной секторной композицией с заполнением резервов крупными спиралевидными мотивами. Роспись выполнена голубой и коричневой подглазурной и темно-коричневыми надглазурными пятнами. Белый ангоб и белая глазурь покрывают внутреннюю и большую часть внешней поверхности чаши, но орнаментация на последней полностью отсутствует.

Вторая чаша с темно-голубой поливой и белым ангобом вплоть до основания поддона имеет такую же художественную композицию (рис. 9). Крестовидный секторный мотив и пятна выполнены надглазурной черной краской, а спиралевидные стилизованные растительные сюжеты в резервах в подглазурной гравированной технике. Орнаментация внешней поверхности состоит из глубоко вдавленных рельефных,

вертикально заостренных полос имитирующих «лепестки лотоса» на китайских селадонах исследуемой эпохи (Кальтер, Повалой, 1997, илл. 286). Д.в.-18 см, д.д.-6,8 см, высота - 9 см.

Близкие размеры, форма, орнаментация и техника исполнения сюжетов внутренней плоскости чаш, несмотря на различную гамму поливы и оформление внешней поверхности, безусловно, указывает на их изготовление одним мастером.

Художественное оформление фрагмента стенки четвертой чаши, в какой-то степени, напоминает две выше описанные (рис. 10). Оно также имело центрическую композицию и состояло из крупной, пересекающейся по центру шестилепестковой розетки, выполненной в процарапанной технике и таких же стилизованных под цветочки черных надглазурных пятен. Орнаментация по внешней поверхности отсутствует. Ангоб тонкий, светлый, глазурь голубоватая, покрывает внутреннюю и большую часть внешней плоскости чаши (д.в.-19 см, сохранившаяся высота - 6,6 см).

Фрагмент стенки пятой чаши (рис. 11) так же имел ярко выраженный центрический характер с крестовидной композицией, делящей ее на сектора, заполненные мотивами трилистников и псевдонадписей, выполненных черной краской. По внешней поверхности орнаментация состоит из стандартной для исследуемого периода имитации поднимающихся от основания к венчику «лепестков лотоса». Ангоб тонкий, белый, глазурь прозрачная, темно-голубая (д.в.-18,2 см).

Чашечка (пиала) представлена в единственном экземпляре, имеет небольшое дисковидно-вогнутое основание и полусферические стенки, со слегка вогнутым внутрь венчиком (рис. 12). Тонкий, светлый ангоб и глазурь сероватого цвета с небольшим голубоватым оттенком покрывают до середины внешней поверхности стенок. Имеется хорошо выраженный цек, в целом, подражая голубым и серо-зеленым селадонам, в свою очередь, исполнявшуюся под камень нефрит (Виноградова, 1962, рис. 35). Д.в.-11,3 см, д.д. - 4,3 см, высота - 5,3 см. Судя по отдельным, спекшимся следам глазури и обгоревшему ангобу, тарелочка была переобожжена в печи, не исключено, что этим достигалось получение цека. Орнаментация, как по внутренней, так и внешней поверхности полностью отсутствует.

Крынка (хурмача) представляет собой случайную находку из старгородской части Андижана (рис. 13). Отношения к комплексу не имеет, но по форме и цветовой гамме вполне определенно может быть хронологически отнесена к этому же периоду (Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008. С. 192). Она имеет кольцевой поддон с небольшим выступом по центру и полусферические стенки, переходящие в невысокий вертикальный венчик. Как по внутренней, так и внешней поверхности, до основания покрыта голубоватой прозрачной, слабо держащейся, тонкой поливой, с росписью из вертикально опускающихся сверху, утончающихся к основанию, бурых полос. Д.в.-11,5 см, д.д.-6,5 см, высота-11,7 см.

В целом, по цветовой гамме, характеру ангоба и глазури, а также вертикальных линий имитирующих мотив «лепестков лотоса», крынка очень близка к оформлению вышеотмеченных внешних плоскостей чаш комплекса. В отношении размеров и формы она также очень напоминает широко распространенные в этот период, по соседним регионам, образцы крынок, хотя в ней и отсутствует ряд дополнительных деталей во внешнем оформлении.

Так на большинстве парадных образцов крынок этого периода мы наблюдаем ярко выраженную пуповину на кольцевом поддоне, а по плечикам фигурные штампованные налепы и обязательный налепной слив, как на поильниках предшествующего

периода. Также мы наблюдаем на подобных сосудах богатое художественное оформление растительными и эпиграфическими мотивами по плечикам или орнитоморфные изображения по дну сосуда (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, рис. 73:4; Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008. С. 191, 207). Все эти дополнительные детали возможно были характерны для их парадных образцов или, в нашем случае, скорее всего, являлись дальнейшим, в хронологическом плане развитием и совершенствованием ее во времени.

Возвращаясь к характеристике материалов комплекса, прежде всего необходимо остановиться на наиболее представительной группе чаш. Ее особенности более выпукло отражены в слабо выраженных кольцевых донцах продолжавших традиции форм караханидского и хорезмшахского периодов. Если к этому добавить форму стенок первой усеченно-конической чаши, с характерным углом перелома у основания, то получим типичный ее образец домонгольского периода.

Тем не менее, стенки остальных четырех чаш имеют в общем, несколько вытянутую вверх, полусферическую форму, хотя и без отгиба закраины венчика наружу. Для сравнения отметим, что по материалам из соседних регионов чаши XIII-XIV вв. имели более массивные кольцевые донца с ярко выраженной выступающей пуповиной по центру поддона. Стенки полусферические, часто с отогнутыми наружу закраинами венчиков. Формы с вытянутыми вверх стенками и слегка загнутыми внутрь венчиками, как на наших образцах, встречаются значительно реже (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, рис. 67).

Также, еще раз подчеркнем о массовом преобладании чаш над другими формами столовой посуды, прежде всего блюд, отмечающееся и по материалам из других регионов. На этом фоне, для XIII-XIV вв., мы наблюдаем и общее сокращение других образцов поливной посуды, по сравнению с предшествующим периодом. Таким образом, широкое распространение чаш становится специфической особенностью культуры питания исследуемой эпохи, с преобладанием в семейном быту индивидуальных форм посуды (чаши), над коллективными (блюда).

В отношении художественной орнаментации ярко выраженные параллели с материалами по соседним регионам наблюдаются, прежде всего, в его центрическом характере с крестовидными, лучевыми, лепестковыми композициями по внутренней плоскости изделий и широко распространенных мотивов «лепестков лотоса» по внешней. Отличительной особенностью андижанских материалов является нанесение по закраине венчика бурыми тонами сплошной линии «коричневого рта», в то время как по материалам из соседних центров они имели точечную окантовку (Тасмагамбетов, Самашев, 2001, рис. 114, 120, 127, 128).

Таким образом, несмотря на безусловное отношение представленных чаш комплекса к материалам XIII-XIV вв., тем не менее определенные ее особенности в виде слабовыраженных кольцевых донца, в одном случае усеченно-конической стенки, а также широкое использование при оформлении внутренней плоскости процарапанной орнаментации, несомненно, сближают их с предмонгольской эпохой. Не широко распространена для XIII-XIV вв. и вытянутая форма стенок тулова с небольшим загибом венчика внутрь, а так же отсутствие по закраине точечной окантовки.

В отношении следующей формы посуды комплекса - чашечки можно отметить те же признаки. К таковым можно отнести небольшое дисковидно-вогнутое донце и форму стенок близких образцам предшествующего периода. Вместе с тем, серая с голубоватым оттенком прозрачная щелочная полива с цеком, безусловно относят ее

к новому чагатайскому этапу ее развития.

В полученной из старгородской части Андижана крынке, мы наблюдаем те же тенденции. Форма, щелочная глазурь, цветовая гамма, роспись в стиле «лепестков лотоса» по внешней плоскости изделия, относят ее к материалам XIII-XIV вв., но отсутствие парадных штампованных наклепов, тонкого наклепного слива и богатой эпиграфической или орнитоморфной орнаментации указывают, скорее всего, на только формирующийся, не доведенный до классической формы характер изделия.

Исходя из этого, мы полагаем, что материал комплекса, в целом, представляет собой изделия переходного периода, сохраняя отдельные особенности столовой посуды XII-нач. XIII вв. и может быть отнесен к начальному этапу формирования нового направления в динамике развития глазурованной керамики чагатайского периода. Его хронологические рамки могут определяться серединой XIII-началом XIV веков, так как лишь к этому времени, после монгольской катастрофы, начинают частично возрождаться города и селения Мавераннахра, связанные, в основном, с трассой Шелкового пути.

При посредстве последнего, мы наблюдаем, как китайский фарфор оказывал значительное влияние на формирование стиля местной керамики, что также было связано со сложением новой геополитической ситуации - образованием монгольской супердержавы, контролировавшей и усиливавшей товарооборот между Востоком и Западом. В его рамках, с Запада в метрополию, по караванным трассам, текли огромные материальные ценности из разграбленных стран, а с Востока подешевевший фарфор, усиление спроса на который способствовал увеличению выпуска продукции не только императорских, но и большого числа частных заводов.

Использованная литература:

- Ильсова С.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т.* Средневековое стекло и керамика Бинката-Ташкента IX-XI вв. Раздел 2. Керамические изделия // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000.
- Мирзалиев Г.* Неглазурованная керамика XII – начала XIII в. с городища Эски-Ахси // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
- Анарбаев А.А.* Военная казарма средневекового Ахсикента // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент, 2002.
- Анарбаев А.А.* Средневековое жилище Ахсикента (XI-XII вв.) // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, 2006.
- Заднепровский А.Ю.* Средневековая расписная керамика Ферганы // КСИА. № 120. М., 1969.
- Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26. М., 1952.
- Брыкина Г.А.* Карабулак. М., 1974.
- Анарбаев А.А.* Изучение одного из ремесленных кварталов средневекового Ахсикента // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд. 1999.
- Горячева В.Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI— начало XIII вв.). Бишкек, 2010.
- Грицина А.А.* Из находок на территории махали Четарык в Заамине // ИМКУ. Вып. 29. Самарканд, 1998.
- Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии. М.-Л., 1959.
- Литвинский Б.А.* Археологическое изучение Таджикистана советской наукой // ТИИАЭ АН Тадж. ССР. XXVI. Сталинабад, 1954.
- Лунина С.Б.* Расписная керамика X-XII вв. и ее назначение (по материалам Кашкадарьинского оазиса) // СА, №3. М., 1987.
- Анарбаев А.А.* Ахсикет в древности и средневековье // СА. № 1. М., 1988.
- Усманова З.И.* Расписная керамика из Ахсикета // ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984.
- Мирзаахмедов Д.К., Алимов У.* Новые находки позднесредневековой поливной керамики из Шахрухий // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, 2006.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л.* Городище Пайкенд. Ташкент, 1988.

- Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т.* Предварительные результаты археологических исследований на работе 4 городища Пайкенд // Города и каравансарай на трассах Великого Шелкового пути. Тез. докл. Междунар. семинара ЮНЕСКО. Ургенч, 1991.
- Зимин Л.* Краткий исторический очерк Пайкенда // ПТКЛА. Год семнадцатый. Ташкент, 1913.
- Чехович О.Д.* Черты экономической жизни Мавераннахра в сочинениях по Фикху и Шуруту // Ближний и Средний восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.
- Вяткин В.Л.* Афрасиаб-городище бывшего Самарканда. Самарканд, 1926.
- Шишкина Г.В.* Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
- Баданова Е.И., Бердимуратов А.Э.* Новые находки керамики XII-XIII вв. из Ургутского района // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, 2006.
- Матбабаев Б.Х., Абдуллаев Б.М., Маширабов З.З.* Отчет об археологических исследованиях в городе Андижане в 2008 г. // Архив Института археологии АН РУз. 2009 г.
- Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата, 1990.
- Самашев З., Кузнецова О., Плахов В.* Керамика Сарайчика. Алматы. 2002.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII-XV веках. Алма-Ата, 1987.
- Кальтер Й., Павалой М.* Наследники шелкового пути. Узбекистан. Штутгард, 1997.
- Виноградова Н.А.* Искусство средневекового Китая. М., 1962.
- Тасмагамбетов И., Самашев З.* Сарайчик. Алматы, 2001.
- Сверчков Л., Мирзалиев Г.А.* Расписная керамика с городища Эски Ахси // Я.Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане. ТД научной конференции, посвященной 80-летию академика Я.Г. Гулямова. Ташкент, 1988.
- Djama! Mirzaaxmedov.* La production ceramique de Mavarannahr de IX au debut de XIII siècle // Islamisation de l'Asie Centrale. Studia Iranica. Cahier 39. Paris, 2008.

МАТЕРИАЛЫ IX - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI В. С ГОРОДИЩА КУЛЬТЕПА

© 2010. А.А. Грицина

Институт археологии АН РУз

Настоящая статья преследует цель наиболее полной публикации материалов IX - первой половины XI вв. с городища Культепа. Ранее уже были опубликованы материалы раннесредневекового и караханидского периодов.

Городище Культепа сопоставляется со средневековым Сабатом – центром степного одноименного уструшанского рустака и расположено в Зааминском районе Джизакской области Узбекистана. В течение нескольких полевых сезонов в различных его частях было заложено несколько раскопов. В результате выяснилось, что городище имеет две цитадели. Раннесредневековая цитадель и цитадель XI – нач. XIII вв. располагались на одном месте в юго-восточной части городища. Это самая высокая точка городища: размеры ее составляют 110x110 м, высота 14 м. Раннесредневековый Сабат находился в южной части городища. Территория его шахристана, расположенная к юго-западу от цитадели, занимала не менее 10 га. Саманидский Сабат располагался к западу от раннесредневекового Сабата, частично занимая его территорию. Структура его определенно фиксируется в микрорельефе городища. Новая цитадель сформировалась к северо-западу от шахристана. Она скромнее по размерам: площадь ее составляет 0,25 га, высота 7 м (рис. 1).

Самый значительный по площади раскоп 6 (120 кв. м) был разбит на южном склоне саманидской цитадели (рис. 1). Здесь вскрыт комплекс помещений, выложенных из

Рис. 1. Схематичный план городища Культепа

пахсы и сырцовых кирпичей саманидского стандарта (41x20-21x7-8 см). В особых случаях использовались и жжёные кирпичи, также характерные для саманидского стандарта (22x22x4 см).

Пом. 1 расположено в центре раскопа. Оно оказалось асимметричным. Размеры северной и южной сторон составляют 410 см, длина западной стены 250 см, а восточной 275 см (рис. 2). Толщина стен варьирует в пределах от 50 до 70 см. Заполнение его представляло собой рыхлый грунт с включением керамики, костей животных, камней, обломков сырцовых кирпичей, линз из золы и пепла. Зафиксировано два уровня полов. На нижнем полу, связанным с возведением данного помещения, найдены железный капкыр, несколько целых кирпичей, булыжник, керамика. В южной стене расчищено два небольших очага, расположенных друг над другом. Верхний очаг был сильно прокалён. Размеры его составляли 20x20 см, глубина 7-8 см. Размеры нижнего очага 24x30 см, глубина 30 см. На дне его лежали две перекрещенные кости от крупного животного. Этот очаг, видимо, не связан с данным помещением и опущен был сверху. Скорее всего, он был связан с могильником, который был здесь устроен после того, как всё здание прекратило функционировать (Грицина, Усманова, 1992. С. 193-206). В юго-западном углу помещения находилась яма, наполненная рыхлой землёй с фрагментами керамики битого стекла и обломками сырцовых кирпичей. Проход в помещение первоначально находился в южной стене, который через некоторое время был заложен.

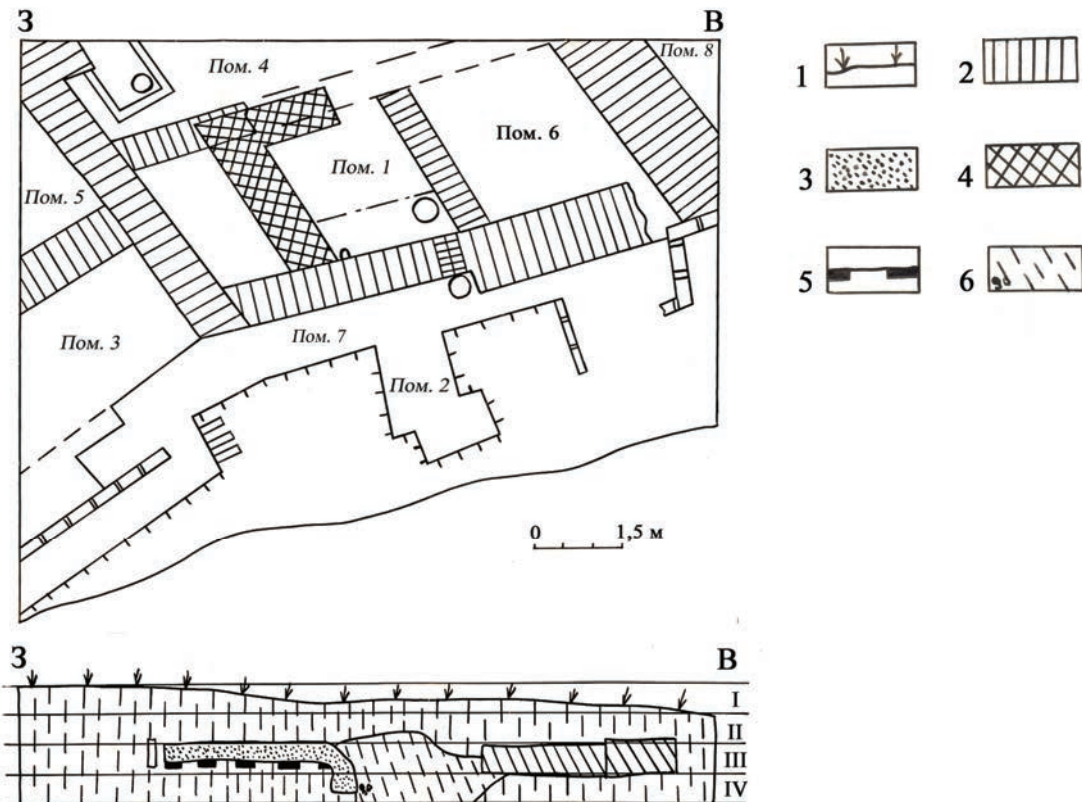

Рис. 2. План раскопа б и разрез его северной стены. 1. Дерновый слой. 2. Пахсовые стены верхнего здания. 3. Зольники. 4. Пахсовые стены нижнего здания. 5. Уровни полов. 6. Рыхлый грунт

Новый проход, видимо, был сделан в северной стене, в несохранившейся её части (рис. 2).

Пом. 6 примыкает к вышеописанному помещению с восточной стороны. Оно также вскрыто целиком. Северная и частично южная стены оказались нарушенными. Помещение имеет форму ромба со стороной 250 см. Восточная стена его оказалась необычайно мощной – толщина её составляет 155 см. Видимо, она являлась внешней и выполняла оборонительные функции цитадели. Немногим ей уступает и южная стена, шириной 125 см. Заполнение его также носит следы интенсивного обживания. На полу помещения у северной стены расчищен очаг. Он интересен тем, что южная его стенка оказалось керамической, высотой 20 см. Напротив него, у южной стены расчищен еще один очаг или сандал, выложенный из обожжённой глины. По верху его бортиков нанесён штампованный орнамент (рис. 1).

Пом. 4 примыкает к вышеописанным помещениям с северной стороны. Оно вскрыто частично. Ширина западной стены, являющейся продолжением западной стены помещения 1, увеличивается до 135 см. Возле неё на полу расчищено прямоугольное сооружение, построенное из кирпичей, поставленных на ребро и ямкой в западном углу. Назначение его не совсем ясно. Каких-либо следов возжигания огня не обнаружено (рис. 2).

Пом. 3 и 5 расположены к западу от пом. 1. В пом. 5 была сильно закопчена восточная стена. Заполнение обоих помещений рыхлое, с обильным включением керамики, костей животных, камней, и обломков сырцовых кирпичей. Нижний уровень полов – в пятнах чёрного и красного цветов. Ширина пом. 3 200 см (рис. 2).

Пом. 8 расположено к востоку от пом. 6. Вскрыта лишь небольшая часть до уровня пола. Заполнение его также рыхлое с включением прослоек золы и гумуса (рис. 2).

С южной стороны вдоль всего раскопа тянется коридор (пом. 7), ширина которого меняется на различных участках. Пом. 1 связывал с этим коридором вышеупомянутый заложённый проход. Возле прохода обнаружен хум, углублённый в пол. В хуме находились два медных кольца и медная бляшка.

Пом. 2 – единственное, расположенное к югу от коридора. В нём, как и в коридоре зафиксировано два уровня полов.

Для выяснения стратиграфии, в пом. 1 был заложен шурф, доведённый до материка. В результате выяснилось, что верхнее здание покоится на стенах более раннего здания, возведённого из пахсы. Полученные материалы, связанные с функционированием нижнего здания, датируются саманидским временем.

Следует отметить, что в ходе раскопок вскрыто несколько мусульманских погребений в подбоях и одно в цисте, осуществлённых уже после запустения вскрываемого здания и которые нарушили его стены. Как выяснилось позднее, они составляли часть могильника караханидского времени.

Таким образом, судя по вскрытым помещениям, перед нами часть какого-то фундаментального здания, несомненно, жилого характера. Зафиксировано два этапа его функционирования. Нижнее здание пока не вскрывалось. Характерной особенностью вскрытых помещений является то, что в местах соединения их стены образуют не прямые, а острые или тупые углы. Чем это объясняется пока остаётся загадкой.

Раскоп 7 в виде шурфа заложен к югу от цитадели. Здесь повторилась стратиграфическая ситуация, зафиксированная в раскопе 6. Отмечено два жилых горизонта. В нижнем горизонте расчищены остатки помещения из пахсовых стен. В верхнем – остатки двух помещений из пахсы и сырцовых кирпичей размерами 44x21x9 см. Интересно

отметить, что перегородки помещений выложены чередованием сырцовых кирпичей и небольших пахсовых блоков размерами 24x24x23x24 см (рис. 9).

Раскоп 8 находится к югу от раскопа 6 (рис. 1). Здесь также отмечено два жилых горизонта. С нижним горизонтом связано возведение и функционирование помещения из сырцовых кирпичей (41x21,5x8 см, 41x22,5x9 см). Размеры кирпичей близки к кирпичам из раскопов 6 и 7 (см. выше). Под стенами расчищена яма с обгорелым дном. Рядом находилось ещё две ямы с обгорелыми докрасна стенками и заполненные золой. Рядом с одной из них лежал плоский камень чёрного цвета размерами 50x50 см.

Следует отметить, что под полом, в материковом лёссе найдена хумча, изготовленная без помощи круга. Поверхность её украшена ангобными пятнами. Подобные сосуды характерны для раннего средневековья. Скорее всего, сосуд здесь оказался случайно, поскольку других находок рядом с ним сделано не было.

Во II ярусе находился пол верхнего жилого горизонта. Отмеченная выше стена продолжает функционировать, но к ней под острым углом пристраивается ещё одна стена, шириной 45 см (рис. 10). Почему под острым углом опять остаётся загадкой. Такой необходимости, связанной, например, с рельефом местности, здесь не было. Явно прослеживается какая-то традиция местного населения. На полу зафиксировано несколько натечный слоёв. Расчищено два очага. Один из них находился в южной стене помещения. Диаметр его составлял 25 см. Другой, сохранившийся полностью, примыкал к западной стене. Он имел необычную форму. В плане – это незамкнутый круг с двумя ушками, расположенными друг против друга. Назначение ушек не совсем ясно. Какой-то функциональной нагрузки они, видимо, не несли. Не являются ли они протомами зооморфных или антропоморфных очагов? В Хорезме на городище Джигербент в здании X в. расчищен антропоморфный очаг, который был тщательно захоронен. По мнению авторов, это было сделано для того, чтобы избежать конфликта с правоверными мусульманами (Вишневская, Рапопорт, 1979. С. 110). Не отражает ли наш очаг это же стремление закамуфлировать, скрыть свою приверженность традиционным домусульманским культам: культу огня и культу идолов? Тем более это касается Уструшаны, где религии предков придерживались вплоть до монгольского нашествия (Пулатов, 1993. С. 87-88; Грицина, 1999. С. 6-7).

У южной стены помещения найден целый котёл, в котором находилась монета и терракотовая фигурка животного, украшенная пуансонным орнаментом. Монета бита в Самарканде в 410/1019-1020 гг. от имени Мансура б. Али.

Поскольку полученные материалы во многом перекликаются с материалами с другого уструшанского памятника Нурата (средневековый Хушкет), которые достаточно уверенно датируются монетами и керамикой IX – первой четвертью XI вв. и уже опубликованы (Грицина, 1996. С. 82-92; Gricina, 2008. P. 245-248), то мы для аналогий будем чаще обращаться к нему.

Инвентарь. Поливная керамика представлена гораздо шире, чем на городище Нурата, как по набору керамических форм, так и по способам орнаментации. *Блюда* - двух типов. К первому типу относятся сосуды относительно больших размеров (диаметр их достигает 30-32 см) на сплошном или вогнутом поддоне (диаметр – 10-11 см) с резким перегибом тулова в верхней части, образующем бортик (высота бортика 3,5-4,5 см). Археологически целое блюдо этого типа украшено орнаментом в виде розеток на коричневом фоне (чёрный круг с белыми пятнами в центре и вокруг него и сердцевидные фигуры болотного цвета, обведённые белым контуром по коричневому фону). Тыльная сторона блюда покрыта поливой примерно наполовину, довольно не-

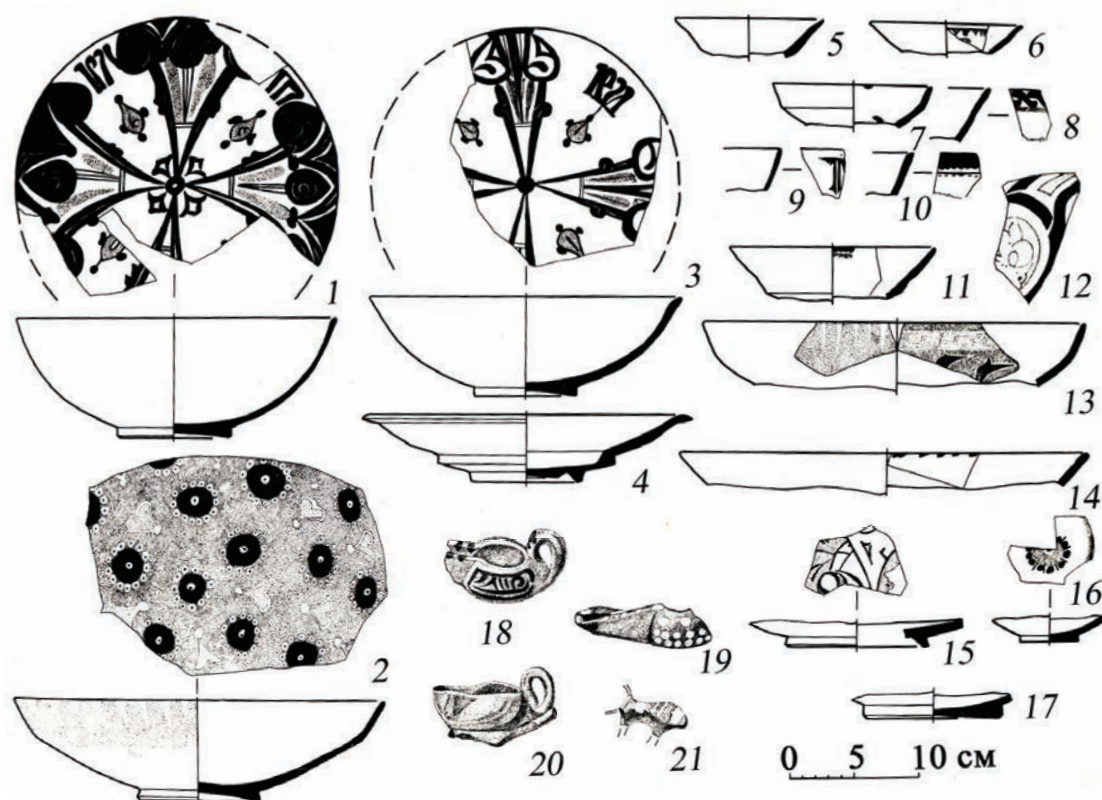

Рис. 3. Поливная керамика

брежно, с неровной нижней линией с потеками и орнаментирована заострёнными книзу мазками болотного цвета (рис. 3, 2). Подобные сосуды обычно датируются X – первой половиной XI в. (Шишкина, 1979, табл. XVII. Брусенко, 1986, табл. 31, 13).

Другой вариант украшения блюд: сосуд покрыт поливой белого цвета и расписан растительным орнаментом черного цвета. Иногда черный цвет сочетался с коричневым и болотным цветами (рис. 3, 12). Редко встречаются блюда, покрытые полностью глазурью с обеих сторон и снабженные поддоном с кольцевым вырезом. Имеется венчик сосуда с четким эпиграфическим орнаментом, выполненным черной краской по белому фону (рис. 3, 9). На дне некоторых сосудов имеются следы от треножек-сепоя.

Ко второму типу относятся блюда меньших размеров (диаметр устья 24-26 см, донца – 7,5-8 см) полусферической формы на сплошном или слегка вогнутом поддоне. Венчик слегка оттянут наружу. Высота их варьирует от 7 до 9 см. Они более изящны. Расписной орнамент, нанесённый по белому фону, как правило, сочетается с гравированным. В узоры по краю венчика обязательно вплетается эпиграфический орнамент. В коллекции имеется два археологически целых блюда этого типа (рис. 3, 1, 3). Для росписей сосудов использовались краски, чёрного, болотного, и коричневого цветов. С тыльной стороны сосуды покрывались белым ангобом и лишь частично - поливой.

Сосуды типа *коса* повторяют формы блюд второго типа, но меньше их по размерам и закраина их прямая. Некоторые из них покрыты глухой глазурью светло-зелёного цвета. Тыльная сторона не глазурировалась. Диаметр венчика – в пределах 19 см (рис. 3, 8-11). В единственном экземпляре имеется археологически целый сосуд типа *тарелки*, также покрытой глухой глазурью светло-салатового цвета. Это сосуд на поддоне с

кольцевым вырезом и сильно отогнутым корпусом, образующем острое ребро. Закраина слегка загнута книзу (рис. 3, 4). *Пиала* – на сплошном поддоне, полусферической или конической формы. Такие сосуды покрывались сплошной поливой белого, иногда с зеленоватым оттенком, цвета. Реже их украшал несложный растительный или псевдоэпиграфический орнамент (рис. 3, 5-7, 16). *Чираги* – с округлым резервуаром, вытянутым носиком и петлевидной ручкой. Орнамент наносился по белому или коричнево-му фону (рис. 3, 18-19). В единственном экземпляре имеется чираг в виде площадки со смятым краем и петлевидной ручкой, покрытый глухой поливой зелёного цвета. Он имел поддон на высокой ножке (рис. 3, 20). Подобные светильники характерны для X в. (Брусенко, 1986, табл. 31, 13). В коллекции имеются ручки с листовидным навершием от сосудов типа *кружек* (рис. 3, 21), известные по материалам X - начала XI в. (Там же, табл. 41, 21).

Неполивная керамика во многом перекликается с нуратинским комплексом, но по сравнению с ним наблюдается некоторое общее огрубление посуды. Это, прежде всего, касается столовой посуды – горшков, кувшинов, крышек. В культепинском комплексе не встречаются сандалы, очень редко – дастарханы, широко распространённые на городище Нурата; не найдено сфероконических сосудов. Имеются новые формы сосудов и способы их украшения. *Хумы* и *хумча*, как и на городище Нуртепа, имеют яйцевидную форму. Некоторые из них в месте перехода тулова ко дну украшены пальцевыми вдавлениями. Целый хум из пом. 2 декорирован гребенчатым и пуансонным орнаментом (Грицина, 2000. С. 35).

Кувшины – с высокой цилиндрической или расширяющейся книзу горловиной и четко отделяющимся от неё округлым или вытянутым туловом. Ручка верхним концом крепилась либо ниже венчика, либо к закраине в отличие от кувшинов караханидского времени, у которых она обычно отходит от закраины (рис. 4, 2, 3, 5-7). Сосуды формовались на круге быстрого вращения, глина плотная, обжиг равномерный. Некоторые сосуды формовались на песчаной подсыпке. Широкогорлые кувшины имели вытянутую, яйцевидную форму, венчик плоский, с острым внутренним ребром. Горловина расширяется книзу и отделяется от тулова ложбинками. Ручка широкая (4 см и более), сужающаяся книзу. Диаметр венчика до 9 см и более, дна – 7,5-11,5 см (рис. 4, 7). В коллекции имеются крупные безручные кувшины по своим размерам приближающиеся к хумча (рис. 4, 8).¹

Днище тонкостенных сосудов отделялось от тулова ложбиной (рис. 4, 9). Отметим почти целый кувшин (у него отбита закраина) ручной работы. Тесто среднего качества с примесью сланца. Поверхность коричневого цвета. Сбоку – копоть. В днище и тулове сосуда – сквозные отверстия. Сохранившаяся высота – 40 см, диаметр дна – 16,5 см. *Котлы* формовались на

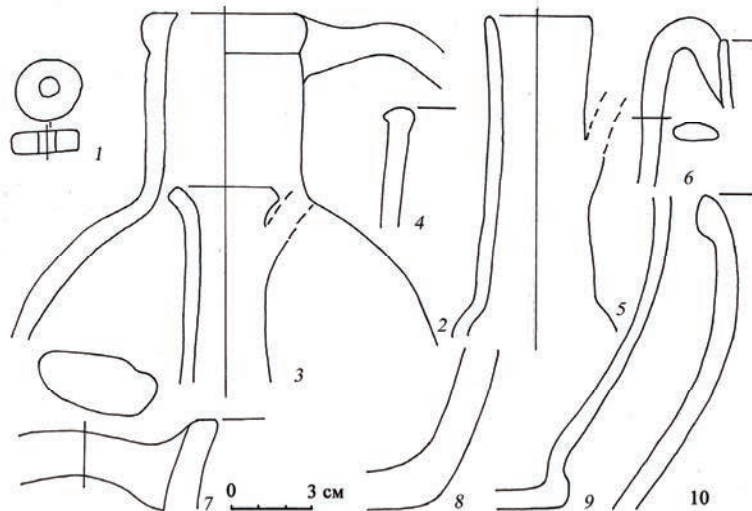

Рис. 4. Неполивная керамика. Кувшины

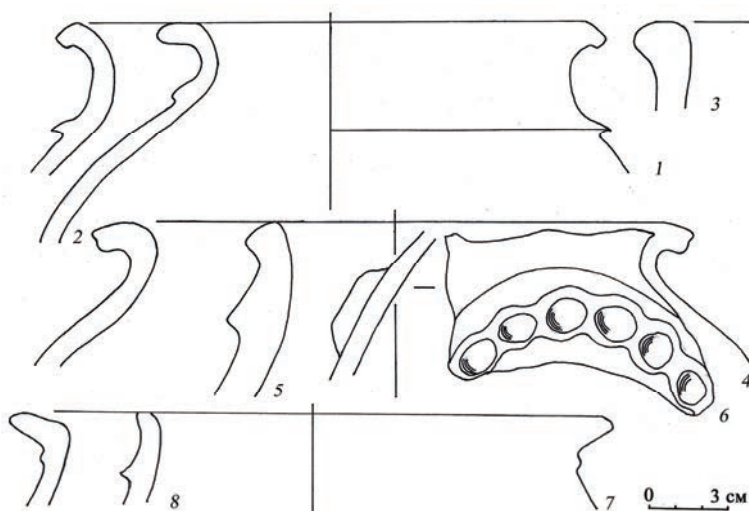

Рис. 5. Неполивная керамика. Котлы

круге, хотя встречаются сосуды и ручной работы. Диаметр сосудов составляет от 20 до 32 см. Характерной особенностью котлов является наличие острого выступа или пояса ниже венчика (подобных сосудов большинство) (рис. 5, 1, 2, 5, 7, 8). Некоторые из них имели подковообразные ручки с вмятинами от пальцев (рис. 5, 6). Иногда таким же способом украшался пояс под венчиком. Горшки формовались на круге быстрого вращения и по качеству изготовления и разнообразию оформления превосходят все остальные типы посуды (рис. 6).

Диаметр их варьирует в пределах от 14 до 24 см. Поверхность их нередко украшалась процарапанным, точечным и штампованным орнаментами (рис. 6, 7, 9). Сосуды снабжались петлевидными ручками (рис. 6, 1). Имеются два фрагмента от горшков ручной работы. Один из них имеет две петлевидные ручки, посаженные горизонтально, и украшенные насечками. Поверхность сосуда украшена плохо сохранившейся росписью. Другой вид украшения – вмятины, которые тянутся вдоль тулова от ручки до ручки. Отметим, что это пока единственный случай украшения сосуда росписью для X – начала XI в. на городище. В XI и особенно в XII – начале XIII вв. такой способ украшения здесь станет обычным. Кружки изготавливались на круге медленного вращения из глины среднего качества, равномерного обжига. Поверхность коричневого цвета. Верхняя часть сосудов отделялась от нижней части ложбинкой. Сосуды имели по одной петлевидной ручке (рис. 7, 1-2). Тагора формовались на гончарном круге. Ниже венчика друг против друга крепились по две петлевидные ручки. Поверхность украшалась незамысловатым процарапанным орнаментом (рис. 7, 5).

Крышки подразделяются на крупные, плоские (диаметром до 28 см) и вогнутые с грибовидной ручкой, диаметром от 15 до 21 см. Первые – изготавливались на гончарном круге из грубой глины с обильной примесью дробленного сланца (рис. 7, 7); вторые – также на круге, но из хорошо отмученной глины, нижняя их часть подправлялась ножом (рис. 7, 8-9). Среди редко встречающихся отметим сосуды со

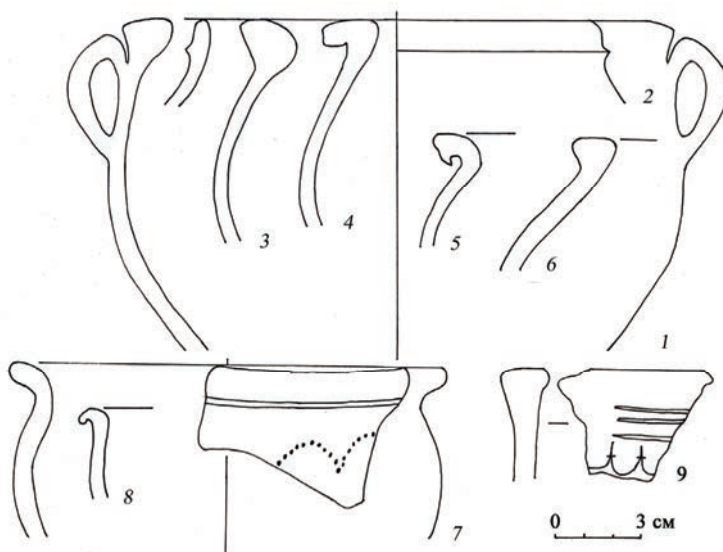

Рис. 6. Неполивная керамика. Горшки

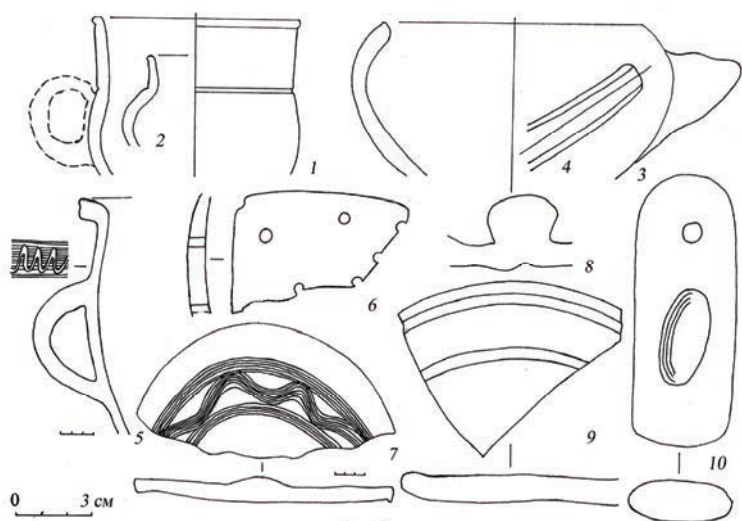

Рис. 7. Керамика (1 – 9). Камень (10).

сливом-желобком или трубчатым сливом (рис. 7, 3-4) цедилки (рис. 7, 6), маслобойки, туваки, миниатюрные тонкостенные сосуды, кубуры, пуговицы из стенок сосудов (рис. 4, 1).

Что касается датировки, то культепинский комплекс находит широкие аналоги среди материалов X – первой половины XI в. (Грицина, 1996. С. 86-91; Брусенко, 1986. С. 24, табл. 4; Брусенко, Галиева, 1982. С. 126, рис. 2; Буряков, 1977. С. 78, рис. 5; Шишкина,

1979, табл. LIX и др.). Эту датировку подтверждают и монеты. Среди них - саманидский фельс с именем Нуха б. Мансура, битый в 976-997 гг., ферганская монета с именем Насра б. Али 385/995 гг. и несколько караханидских посеребряных монет из кладки (пом. 6), датированных около середины XI в. Легенды на монетах сохранились плохо. Полностью удалось прочесть только одну из них (Кашгар, 417/1026-1027 гг. (Кадыр-хан (Йусуф б. Харун и Сулайман б. Йусуф)). Имеется также монета, отнесенная ко вт. пол. VIII – перв. пол. IX в. (монеты определены Б.Д. Кочневым).

Металлические изделия (рис. 8). Изделий их железа довольно много: фрагменты ножей, ковшик с короткой ручкой, проколка, гвозди и скобы, кольца, шпунты, наконечники стрел (рис.8, 3), детали от дверных замков (рис.8, 4) и др.. Медные изделия представлены рельефной трубочкой (рис. 8, 1), кольцами (рис.8, 2), деталями украшений.

Стеклянных изделий немного: фрагменты венчиков, вогнутые донца и ручка с горизонтальными отростками, характерная для сосудов саманидского времени. Имеется также и каменное изделие со сквозным отверстием (рис. 7, 10).

Таким образом, на городищах Культепа и Нурата впервые в Уструшане получен столь представительный саманидский комплекс, который, может быть, и уступает лучшим образцам согдийской или чачской керамики этого времени, тем не менее, он свидетельствует о довольно интенсивных связях с соседними регионами и демонстрирует высокий уровень развития керамического производства.

Средневековый Сабат являлся ближайшим от Замина пунктом на большой торговой трассе,

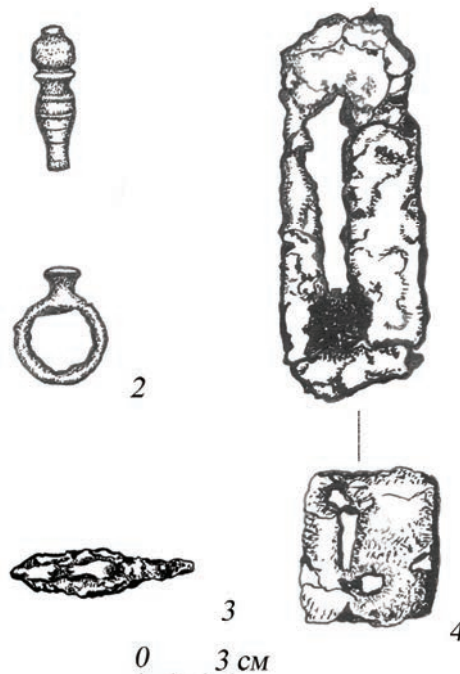

Рис. 8. Металлические изделия:
1-2 изделия из меди;
3-4 изделия из железа

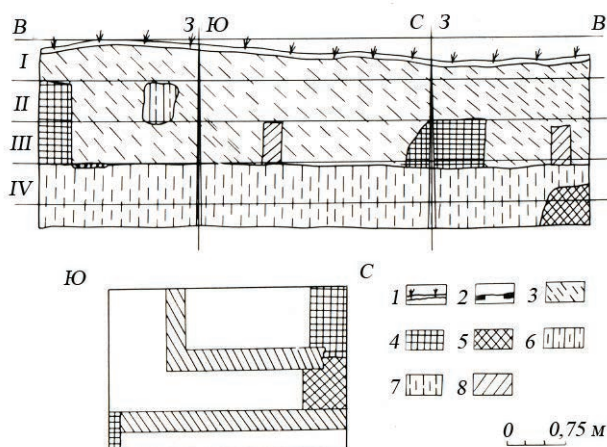

Рис. 9. План и развртка раскопа 7. Условные обозначения: 1. Дерн. 2. Полы. 3. Рыхлый грунт. 4-5. Пахса. 6. Плотный грунт. 7. Грунт средней плотности. 8. Стены из пахсовых блоков

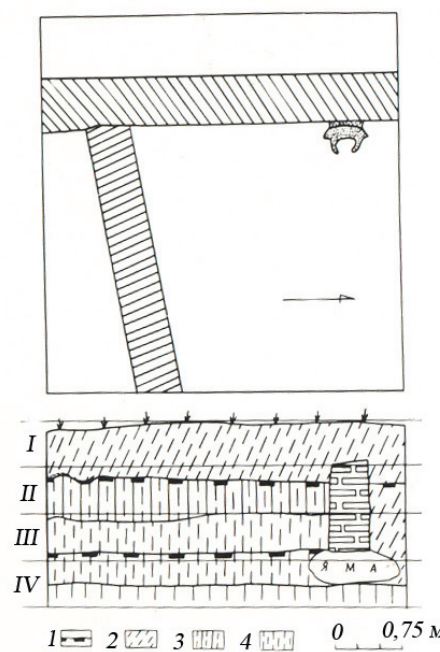

Рис. 10. План и разрез раскопа 8. Условные обозначения: 1. Уровни полов. 2-4. Грунт рыхлый, плотный, средней плотности

ведущей из Согда в Худжанд, Фергану и далее в Китай. Саманидский Сабат располагался к северу и западу от раннесредневекового города, частично занимающая его территорию. Новая цитадель располагалась к северо-западу от шахристана. Раскопками на ней вскрыта часть монументального здания. Обживание территории саманидского Сабата продолжалась до середины XI в., когда она приходит в запустение, и в XII - начале XIII в. здесь уже располагался могильник (Грицина, Усманова, 1992. С. 193-205).

Таким образом, археологические исследования в основном подтвердили сведения письменных источников о том, что саманидский Сабат являлся крупным селением или небольшим городком Уструшаны, занимая общую площадь не более 15-20 га.

Использованная литература:

Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII вв. Ташкент, 1986.
 Брусенко Л.Г., Галиева З.С. Материалы раскопок квартала X - начала XI вв. на городище Канка // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
 Буряков Ю.Ф. Археологические материалы городища Кавардан // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
 Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Следы почитания огня в средневековом хорезмском городе // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
 Грицина А.А., Усманова Е.Л. Изучение могильника XII - начала XIII в. на городище Культепа // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент, 1992.
 Грицина А.А. Городище Нурата // ИМКУ. Вып. 27. Самарканд, 1996.
 Грицина А.А. Чаша-календарь XII в. // San'at. 1999 / 2.
 Грицина А.А. Уструшанские были. Ташкент, 2000.
 Пулатов У.П. Работы Дахкатской группы в 1984 г. // АРТ. Вып. XXIV. Душанбе, 1993.
 Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII - начало XIII в.). Ташкент, 1979.
 Gricina A. Khushket au debut de la periode musulmane // Islamisation de L'Asie centrale // Processus locaux d'acculturation du VII au XI siecle. Paris, 2008.

ҚАРШИ ҚАЛЬАСИНИНГ ТАРИХИЙ ТОПОГРАФИЯСИГА ДОИР

© 2010. А.А. Раимқулов, Б.Б. Мамадиев

ЎзР ФА Археология институти

Қарши қальаси ҳозирги Қарши шаҳрининг Эски шаҳар қисмида жойлашган бўлиб, унинг дастлабки бунёд этилган даври – XIV асрга оид меъморий қолдиқлари бугунги кунгача деярли сақланиб қолмаган. Бу шаҳар мудофаа деворларининг айрим харобалари устида 1965-1966 йилларда М.Е. Массон бошчилигидаги Тошкент Давлат университетининг Кеш археологик топографик экспедицияси (КАТЭ) иш олиб борган. Экспедиция аъзолари қальа мудофаа деворларининг сақланиб қолган қисмлари, маҳаллий кишиларнинг маълумотлари асосида, Қарши қальасининг тарихий топографиясига оид муҳим маълумотлар тўпладилар ва шу асосда ёдгорликнинг топографик плани қоғозга туширилди (Массон, 1973).

Қарши қальаси тўғрисида қисқача, лекин жуда муҳим маълумотлар бу шаҳарга Чигатой улуси хонларидан бири Тармаширин хукмронлиги даврида, 1333 йилда ташриф буюрган араб сайёҳи Ибн Баттутанинг кундаликларида мавжуд (Иброҳимов, 1993, 68-70 бетлар).

Ушбу ёдгорликнинг тарихий топографияси Чигатойлар даврининг бошқа бир ёдгорлиги, Қарши қальасидан ўн йилча кейин бунёд этилган Занжир Саройга қиёсланган ҳолда А.А. Раимқулов ва Д. Султоновалар томонидан қисман таҳлил қилинган (Раимқулов, Султонова, 2005. С. 217-219). Муаллифлар таъкидлаганларидек, Қарши қальасининг дастлабки бунёд этилган даври қиёфасини Занжир Саройнинг меъморий тархи мисолида тасаввур қилишимиз мумкин. Занжир Сарой 1330 йилларнинг ўрталарида бунёд этилган бўлиб, у Чигатой хонлари ва Амир Темур даврида фаолият кўрсатган бўлсада, бу даврларда унинг меъморий ҳолатига бирон-бир жиддий ўзгариш киритилмаган ва сарой шу ҳолатда 1387 йилда Тўхтамишхоннинг Мовароуннаҳрга юриши натижасида вайронага айланган. Қарши қальасидан фарқли ўлароқ, Занжир Сарой вайроналари устида кейинги даврларда бирон-бир иншоот қурилмаган. Бу маълумотлар асосида фикр юритсак, Қарши қальаси Кепакхон давридаёқ квадрат шаклида (М.Е. Массоннинг маълумотида кўра, майдони 630х630 м) бунёд этилган, тўрт томонда тўртта дарвозаси бўлган. Бизнинг фикримизча, марказда эса пишиқ ғиштдан бунёд этилган хон саройи – қароргоҳ қад ростлаган. Ибн Баттутанинг айтиши бўйича, у ўрда деб аталувчи қароргоҳда тунаган. Сайёҳ тунаган ўрда мана шу марказдаги сарой эканлиги ҳақиқатга яқин. Ибн Баттута Тармаширин намоз ўқиган масжид ҳақида ҳам маълумот қолдирган. Лекин у, бу масжиднинг қаерда жойлашганлиги тўғрисида маълумот бермаган. Масжид айнан Тармаширин томонидан бунёд этилган бўлиб, у Қарши қальасининг ичида жойлашган бўлса керак. Агар, шу ўринда, Занжир Саройнинг кўринишига мурожаат қилсак, Кепакхон даврида Қарши қальаси ичида у қурдирган саройдан бошқа иншоот бўлмаган. Шунинг учун, шунча кенг сайхонлик мавжуд бўлатуриб, Тармаширин ҳарқалай масжидни шаҳар ташқарисига қурдирмаган бўлса керак. Ибн Баттута Қарши қальаси ичидаги бошқа иншоот

тўғрисида маълумот бермаган, чунки бу ерда бошқа бино бўлмаган. Хоннинг қабулхонаси катта, ҳашаматли чодирда бўлган. Ибн Баттута келган пайтда киш мавсуми бўлиб кунлар жуда совуқ бўлган ва шунинг учун Тармаширин қадимий мўғуллар анъаналарини сақлаган, ҳамда шароитдан келиб чиққан ҳолда, хон ўтовидан қабулхона сифатида фойдаланган. У қалъа марказидаги саройдан фақатгина иссиқ мавсумда фойдаланган бўлиши ҳам мумкин. Қолаверса, у саройни курдирган Кепакхонни ўлдиртирган.

Кейинги асрларда Қарши қалъаси худудида бошқа иншоотлар (масжидлар, ҳаммом, сардоба, мадрасалар ва аҳоли турар-жойлари) қурилиши муносабати билан Қарши қалъасининг дастлабки кўриниши сезиларли даражада ўзгариб, ҳозирги даврга келиб эса тамоман йўқолиб кетган.

2005-2006 йилларда Қарши шаҳрининг 2700 йиллиги муносабати билан Қарши қалъасининг марказида жойлашган Одина масжидининг таъмирланиши даврида бу ерда олиб борилган қазилмалар Қарши қалъасининг тарихий топографиясига оид баъзи янги маълумотлар олиш имконини берди.

Одина масжиди худудида олиб борилган қазилмалар натижасида, масжид хоналари саҳни остидан қадимийроқ, бошқа меъморий иншоотга тегишли бўлган пишиқ ғиштли деворлар, ҳаворанг сирланган ғишт ётқизилган хоналар поллари, пишиқ ғиштлардан терилган айлана ва квадрат шаклидаги устунлар топилди. Кейинги даврда Одина масжиди қурилатганда, унинг қурилишига мослаштирилиб бу устунлардан фойдаланилган. Шу сабабли, айрим айлана шаклидаги устунларнинг бир томони йўнилган. Мана шу меъморий қолдиқлар билан бирга XIV аср охирларига оид юксак сифатга эга бўлган майоликали ва мозаикали деворлар қопламалари парчалари, кесма нақшли пишиқ ғиштлар топилди. Бу топилмалар бу ерда Амир Темур даврида юксак сифатли деворий нақшлар билан қопланган иморат бунёд қилинганлигидан далолат беради. Лекин Амир Темур даврига оид ёзма манбаларда соҳибқирон томонидан Қарши қалъаси ичида бирон-бир иморат қурилганлиги тўғрисида маълумот учрамайди.

М.Е. Массон бошлиқ экспедиция аъзолари томонидан чизилган Қарши қалъасининг планига эътибор берсак, Одина масжиди қалъанинг қоқ марказига бунёд этилган. Агар шу ўринда Занжир Саройдан қиёс олсак, Занжир Саройнинг қоқ марказида сарой жойлашган. Шунга асосланган ҳолда, биз даставвал Одина масжиди тагидан чиққан пишиқ ғиштли деворларни Кепакхон саройининг харобалари бўлса керак деб тахмин қилган эдик. Лекин кейинроқ топилган XIV аср охирларига оид кўплаб сирланган деворий қопламалар бу деворлар бошқа бир иморатга тегишли эканлигини кўрсатмоқда.

Ушбу иморатга тегишли айлана ва квадрат шаклдаги устунлар Одина масжиди устунларидан фарқли ўлароқ, ниҳоятда сифатли қилиб, ғиштли оралига юпка ганч-лой қўйилиб, жуда мустаҳкам қилиб терилган.

Қарши қалъасида археологик тадқиқотлар олиб борилмаганлиги боис бу худуддаги бирон-бир қадимий меъморий иншоот ва унинг хусусиятлари тўғрисида фикр айтиш, ҳозирча мушкул. Лекин баъзи ёзма манбаларда Қарши қалъаси ва ундаги иншоотлар тўғрисида маълумотлар учрайди.

Манбаларда Қарши шаҳридаги жомеъ масжиди тўғрисида маълумотлар мавжуд. Жумладан, Ҳофизи Абрунинг 1414–1420 йилларда ёзилган «География» асарида айтилишича, - «Нахшаб, уни Насаф ҳам дейдилар, ҳозир Қарши номи билан машҳур. Бу қадимий шаҳар, текисликда жойлашган. Бухородан Самарқандга кета-

ётганда йўл ўша ердан ўтади...

Кичик кўрғони бор. Жомеъ масжид кўрғоннинг ичида. Подшоҳ Кебекнинг қабри ўша ерда. Уларнинг иморатлари лойдан қилинган, фақат жомеъ масжид ва султонларнинг қабрлари пишиқ ғиштдан ва кошин қилинган» (Ҳофиз Аbru, 1997. 74-бет). Одина масжиди остидан топилган деворлар ва кошинлар парчалари Ҳофиз Аbruнинг 1414–1420 йиллардаги маълумотида кўрсатилган масжид қолдиқлари бўлиши эҳтимолга анча яқин, чунки у масжидни кошин қилинган деб таърифлаган. Лекин бу қайси масжид, Тармаширин намоз ўқиган масжидми ёки кейинроқ барпо этилган бошқа масжидми? Агар Тармаширин томонидан қурилган масжид жомеъ масжиди мақомига эга бўлганида буни ибн Баттута балки қайд этган бўлур эди. Лекин у, бу масжидни жомеъ масжиди деб таърифламаган. Демак, Ҳофиз Аbru тилга олган масжид - бу Тармаширин намоз ўқиган масжид эмас, у кейинроқ барпо этилган ва кошин билан қопланган.

Ҳофиз Аbruнинг маълумоти 1414–1420 йилларга, яъни Амир Темурнинг вафотидан 10–15 йил кейинга даврга тааллуқли ва у кўрган масжид айнан Амир Темур даврида бунёд этилганлиги ҳақиқатга яқин. Лекин бу масжиднинг Амир Темур томонидан бунёд этилганлиги тўғрисида ёзма манбаларда маълумотлар йўқ. Масжид Амир Темурнинг шахсан ташаббуси билан ёки махсус фармони билан бунёд этилганда эди бу воқелик темурийлар даври тарихчилари томонидан, хусусан Ҳофиз Аbru томонидан, унинг юқоридаги таърифидаёқ, албатта тилга олинган бўлар эди. Амир Темур ҳукмронлиги даврида Мовароуннаҳрда бунёд этилган ҳар бир иншоот албатта соҳибқироннинг розилиги билан бунёд этилган. Бундан ташқари, Амир Темур бир неча ўн йиллар давомида доимий равишда ҳарбий сафарда бўлганлиги учун у Мовароуннаҳрда бунёд этилган ҳар бир иншоот қурилишини назорат қилиш имконига эга бўлмаган. Бизнингча, бу масжид қаршилик маҳаллий ҳокимларнинг ташаббуслари ва Амир Темурнинг розилиги билан XIV асрнинг охирлари XV аср бошларида бунёд этилган.

Бизнинг фикримизча, Амир Темур ҳукмронлиги даврида бунёд этилган Қаршининг жомеъ масжиди бир асрдан зиёдрок фаолият кўрсатиб кейин бузилиб кетган. Масжид Эрон шоҳи Шоҳ Исмоилнинг лашкарбошиси Нажми Соний томонидан 1512 йилда Қарши аҳолиси қирғин қилинганида вайронага айланган бўлиши мумкин. Чунки Одина масжиди барпо этилган давргача бу шаҳарда мусулмон масжидини харобага айлантирадиган даражада бундан бошқа бирон-бир вайронагарчилик рўй бермаган.

1512 йилнинг ўзидаёқ Нажми Соний лашкари Ғиждувон яқинида тамомила тормор этилганидан кейин, Убайдуллахон ҳукмронлиги даврида Қаршида вайронага айланган шаҳарни қайта тиклаш ишлари авж олдирилган. Тарихчилардан Зайниддин Восифий Убайдуллахонни Қаршини обод қилиш борасидаги ишларини алоҳида таърифлайди. В.В. Бартольд Убайдуллахонни «мусулмон диёнати руҳидаги идеал ҳукмдор» деб атаган (Бартольд, 1965. С. 163). Мана шу таърифлардан хулоса чиқарган ҳолда фикр юритсак, Амир Темур ҳукмронлиги даврида қурилган Қарши жомеъ масжидининг ярим вайрона харобалари устидан Одина масжиди бунёд этилган ва эски масжиднинг ҳали қад ростлаб турган кўплаб устунлари, айрим гумбазлари Одина масжид қурилишига уйғунлаштирилиб, улардан кенг фойдаланилган. Одина масжиди Амир Темур даврида қурилган жомеъ масжидининг таъмирланган намунаси эмас, балки у янгидан қурилган, чунки масжид тагидан топилган деворларнинг йўналиши Одина масжиди деворларининг йўналишидан анча

фарқ қилади. Одина масжиди қурилиши олдидан тайёрланган тарх-режа Амир Темур даврида қурилган масжиднинг харобаларидаги устунларнинг, гумбазларнинг иштирокини таъминлаган ҳолда чизилган, яъни масжид харобаларида қад ростлаб турган устунлар Одина масжиди қурилишига ҳам аралаштирилган.

Одина масжидининг деворлари пишиқ ғиштдан, орасига қалин сомонли лой ётқизиблиб, шошилич равишда ва жуда сифатсиз бунёд этилган. Айнан мана шу ҳолат, бу иншоотнинг бизнинг кунларгача жуда ёмон ҳолатда сақланиб қолишига сабаб бўлган.

Одина масжиди бош пештоқининг қарама-қарши томонидан, ундан 20-25 м шимолда, ер сатҳидан тахминан 3 м чуқурликда баландлиги 1,5-2 м бўлган пишиқ ғиштдан кўтарилган деворларнинг қолдиқлари топилган. Лекин бу деворлар қандай иншоотга тегишли эканлиги тўғрисида бирон-бир фикр айтиш мушкул, қолаверса 2006 йилда Одина масжидининг таъмирланиши даврида бу деворларнинг устига тупроқ тортилиб кўмиб юборилди. Ундан ташқари, ҳозирги «Насаф» футбол майдонининг ва «Болалар боғи»нинг жанубий қисмларида мавжуд бўлган Қарши қалъасининг деворлари ташқарисидаги мудофаа хандақлари ўринлари ҳам 2006-йилда бутунлай кўмилиб кетди.

Қарши қалъаси худудида кейинроқ қурилган ҳаммом, сардоба, дарвозалар, мадрасалар М.Е. Массон томонидан етарли даражада ўрганилган. Лекин М.Е. Массоннинг ва бизнинг изланишларимиздан кейин ҳам Қарши қалъаси ичида бунёд этилган Кепакхоннинг ўрда – саройининг жойлашган ўрни масаласи очиқлигича қолмоқда. Одина масжидининг олди томонида, ундан йигирма метрлар чамаси масофада ер остида узунлиги 5-6 м, баландлиги 1,20-1,40 м бўлган пишиқ ғиштли деворлар харобалари мавжуд. Бу деворлар ёки Кепакхон саройининг деворлари, ёки Амир Темур ҳукмронлиги даврида қурилган масжид билан боғлиқ деворлар бўлиши мумкин. Лекин бу деворларни казиб ўрганишнинг иложи бўлмади ва қолаверса бу иншоот қолдиқлари Одина масжиди атрофларини ободонлаштириш даврида бутунлай кўмиб юборилди.

Хулоса сифатида шуни айтиш мумкинки, Қарши қалъасининг тарихий топографиясига оид 2005-2006 йилларда қўлга киритилган янги маълумотлар Одина масжиди Амир Темур даврида эмас, балки кейинроқ, яъни соҳибқирон ҳукмронлиги йилларида бунёд этилган бошқа бир масжиднинг харобалари устига Убайдуллахон ҳукмронлиги даврида қурилганлигини кўрсатади. Одина масжиди худудида археологик қазишмалар олиб бориш ва Амир Темур даврида қурилган масжидни ўрганиш Қарши шаҳри тарихи ва тарихий топографиясини ҳамда темурийлар даври меъморчилигини ўрганишда муҳим кадам бўлар эди.

Фойдаланилган адабиётлар:

Бартольд В.В. Сочинение. Т. II. Ч. 2. М., 1965.

Иброҳимов Н. Ибн Баттута ва унинг Ўрта Осиёга саёҳати. Тошкент, 1993.

Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен (Из работ Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (1965-1966 гг.)). Ташкент, 1973.

Раимкулов А.А., Султонова Д.Н. Города и селения монгольского и тимуридского времени в долине Кашкадарьи (археологическое изучение, интерпретация, локализация) // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд-Бишкек, 2005.

Хофиз Абду. География // Темурийлар даври бунёдкорлиги давр манбаларида. Тошкент, 1997.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ НАХШАБА И МОГИЛЬНИК МАЗАРИ МИР

© 2010. Ш.Б. Шоназаров

Национальный университет Узбекистана

Развитие мемориально-погребальных комплексов Каршинского оазиса имеет свою длительную историю, которая достаточно прослежена при интенсивных археологических исследованиях второй половины XX века. Эта история начинается с известной дахмы Еркургана II в. до н.э., а также мавзолея Еркургана III-IV вв. Более поздние мемориальные сооружения Еркургана поры перехода от древности к раннему средневековью, расположенные в южной части внешнего города, изучались Ю.Н. Нефедовым. Все эти погребальные сооружения по ритуалу связаны с обычаями практики авестийской традиции. Следует также отметить, что при раскопках Еркургана местами отмечались находки разрозненных человеческих костей, зубов, обломков челюстей. Считается, что все это следы раннего, зороастрийского обряда выставления усопших, который практиковался в древнем Нахшабе середины и второй половины I тыс. до н.э. (Сулейманов, 2000. С. 235).

Как известно, в VI в. при крушении державы эфталитов, Еркурган был разрушен и заброшен. Столичный город Нахшаба переносится к юго-западу, где в 2-3 км от окраин Еркургана находился большой замок (современный Шуллюктепе). В течение конца VI-VII в. замок превращается в раннесредневековый город с величественным башнеобразным укреплением (касром) в центре. К этому периоду относятся находки отдельных ящичных оссуариев с плоской крышкой, с фрагментами черепа и некоторого количества костей внутри. В отличие от оссуариев этого времени прочих оазисов Средней Азии, оссуарии Нахшаба VII-VIII вв. не имеют орнаментации (Сулейманов, 2000. С. 303).

Начиная со второй половины VIII века Нахшаб наряду с другими владениями Маварауннахра входит в состав Халифата. С этого времени, по мере исламизации, его оседлое население начинает практиковать исламский обряд погребения.

В 80-годы XX в. покойный Т.Р. Мухамеджанов в течение нескольких полевых сезонов раскапывал городской могильник средневеково Насафа домонгольского времени (Мухамеджанов Т., 1986). Им было вскрыто и изучено несколько десятков погребений караханидского периода. Могильник не имел никаких внешних признаков, и был сnivelирован, видимо, еще в далеком прошлом, лишь отдельные следы кирпичных обкладок могильных ям указывали на наличие здесь каких-то древних конструкций. Раскопки показали, что могильник состоял из погребений в виде прямоугольных цист или ящиков выложенных из кирпича, где укладывались усопшие головой на север, лицом на кыблу. Подбоя или ляхада здесь еще нет. Подобный обряд погребения X-XI вв. хорошо известен по синхронным могильникам Самарканда и других домонгольских городов Средней Азии. Часть синхронного могильника, состоящая из погребений в виде кирпичных ящиков, была раскопана С.Б. Луниной в долине Кашкадарья на городище Алтынтепе (Лунина, 1984. С. 116).

Более ранних погребений исламского времени в Нахшабе нам пока не известно. Но следует отметить, что этот могильник Насафа расположен к северо-востоку в пригородной зоне домонгольского города, на правом берегу Кашкадарьи. Фактически он находится на территории его рабада и приближается в северо-восточной части, к наиболее поздним погребальным сооружениям Еркургана VI в. Таким образом, мы вправе предполагать преемственность между наиболее поздними погребениями древнего Еркургана и развитием раннесредневекового могильника Насафа.

Второй кардинальный перерыв в развитии погребальных комплексов Нахшаба был связан с эпохой монгольского нашествия. Наши полевые работы показали, что все наиболее ранние, сохранившиеся могильники Каршинского оазиса, за редким исключением не имеют следов погребений ранее XIV-XV вв. Они разбросаны среди сел оазиса и выделяются своими густыми зарослями деревьев которые состоят преимущественно из тополя, такие рощицы оживляют безлесный ландшафт Каршинского оазиса. Это функционирующие кладбища и мазары, где нередко можно встретить и намогильные камни XV-XVI и даже XIV вв., что указывает на древнее происхождение некоторых здешних сел, таких как Кавчин, Фазли, Касби. За некоторыми из них никто не присматривает, они почти заброшены. Надписи на некоторых намогильных камнях стерлись, а вокруг отдельных, зачастую безымянных могил, разросся камыш высотой с человеческой рост.

Иногда при селениях бывает по два и более мазаров; некоторые из них, уже давно не функционируют (кладбище "Аллаяр" в с. Пулати, "Мазари Мир" в с. Фазли). Важно отметить что название "Мазари Мир" указывают на существование в свое время у феодальной верхушки своих особых кладбищ. По скоплению большого числа намогильных памятников на отдельных из них (с. Фазли, с. Касби, с. Каучин) можно сказать, что ранее эти пункты представляли собой место проживания известных феодальных семейств. Нам приходилось наблюдать случаи паломничества, совершавшиеся местным населением на таких малоизвестные мазарах с надгробиями, как мазар "Курганча ханака-мечеть", мазар Абу Убайда ибн Жаррах, г. Карши, мазар "Чалиш ота", с. Камаши.

Мусульманские могильники периода развитого и позднего средневековья Каршинского оазиса до сих пор еще не были объектами специального исследования. Между тем, они являются важным источником при изучении истории Каршинского оазиса.

Необходимость изучения мусульманских могильников заключается в том, что они могут пролить свет на многие вопросы, относящиеся к разработке истории средних веков народов Средней Азии, а именно: они выясняют погребальный обряд, уточняют некоторые моменты в идеологии населения, служат материалом для составления генеалогий XIV-XIX вв., характеризуют антропологический тип населения и т.д.

Первым упоминанием о кладбищах и мазарах Каршинского оазиса можно считать сведения офицера пограничной стражи Д.Н. Логофета. По его словам, вокруг всего города на огромном пространстве раскинулись кладбища, с кое-где возведенными гробницами с намогильными плитами в виде удлиненных пирамид и толстых плит, украшенные орнаментом, высеченными по краям арабскими надписями. И даже, как он отмечает, внутри жилых дворов попадаются могилы и надгробные камни (Логофет, 1913. С. 584).

Позже, в различное время, кладбища с намогильными камнями Каршинского оа-

зиса привлекали внимание известного историка и археолога, академика Е.М. Массона. По его сведениям, в Карши в конце XIX в. отдельные некрополи, иногда с надмогильными плитами, встречались даже внутри городских дворов. Отмечено, что в позднефеодальное время разрешалось хоронить также на территории двора или сада собственного дома (Этнический атлас Узбекистана, 2002. С. 385). Надо отметить, что все названные исследователи не шли дальше простых публикаций, ограничиваясь сообщением предварительного характера.

Мазары Каршинского оазиса можно подразделить на две группы. К первой из них относятся объекты, представляющие собой собственно гробницу «святого»; при этом часто над могилой сооружаются постройки, нередко с куполообразной крышей. На больших мазарах к собственно мазару пристраиваются помещения для молитв - *зияратхана*, а также помещения, в котором живут шейхи — лица, охраняющие и обслуживающие его. На мазаре водружаются шесты, к которым прикрепляются хвосты лошадей или яков, иногда рога диких животных, полотнища или лоскуты материи; кроме того, около мазара можно видеть рога или черепа животных, а также камни, иногда сложенные в кучи. Нередко здесь растет несколько деревьев, встречаются и целые рощи, обычно густо разросшиеся, так как обламывать ветви на них считалось греховным. Следует отметить, что иногда, на мазаре сооружено здание, внутри его нет никаких признаков могилы, вернее надгробия, а просто сложены различные предметы, имеющие отношение к захороненному здесь «святому».

Ко второй группе мазаров относятся различные почитаемые объекты, непосредственно не связанные с захоронением «святого», а именно — отдельные деревья, рощи, большие камни или скалы, пещеры, расселины в скалах, источники. Многие из этих объектов связывались с именем какого-либо «святого», но так было не всегда и не везде. Нередко мазары второй группы в воображении верующих связываются с представлением о том, что здесь некоторое время пребывал, останавливался «святой», что здесь он отдыхал, молился; иногда показывали даже выбоины или углубления на камне, говоря, что это его след ноги. Такие мазары в Узбекистане в целом, в Средней Азии называли *кадамгох* или *кадамджой* «место (следов) шага» (Этнический атлас Узбекистана, 2002. С. 6). Как пишет О.А. Сухарева, существовало поверье, «что большие деревья вырастали лишь в тех местах, куда ступала нога «святого» человека (*кадамджой*)» (Сухарева, 1960. С. 33).

Конструкция могильных сооружений Каршинского оазиса подразделяется на два основных типа. Первая группа представляет обряд захоронения в земляных (грунтовых) ямах с трупоположением в подбойной нише – *ляхате*, сверху они имеют невысокие могильные насыпи удлиненной или полусферической формы. Вторая группа содержит захоронения в наземных склепах, сложенных из глины или кирпича. Это тип обычно называется «сагана». Склепы имеют форму удлиненных сводов двускатной, овальной или стрельчатой конструкции.

По своей структуре позднесредневековые могильники Каршинского оазиса могут быть разделены на три группы: 1) небольшие могильники, состоящие из земляных могил типа *ляхат*; 2) обширные могильники, тянувшиеся на километры вдоль дорог и арыков, расположенные у сельских поселений, на них превалировали наземные склепы, то есть *сагона*; 3) могильники сложившиеся вокруг архитектурных комплексов над захоронениями известных религиозных деятелей.

Особый интерес представляет еще один тип наземного склепа – *сандук* (сундук, ящик). Это саркофаг целиком сбитый из брусьев и досок. По словам информаторов, *сандуки* делают для умерших молодых или особо уважаемых людей.

Для саркофагов-ящиков характерно то, что обычай категорически запрещал применение гвоздей: отдельные части ящиков соединялись при помощи пазов и деревянных клиньев. В старину в качестве материала использовалось тутовое дерево, игравшее особую роль в ритуальной практике.

В последние годы на территории Каршинского оазиса нами был изучен ряд существующих мусульманских могильников эпохи развитого и позднего средневековья. К числу наиболее ранних из известных в настоящее время и хорошо датированных некрополей, на которых нами проводились раскопки, относится небольшой мусульманский могильник близ села Фазли.

Он располагается на северо-восточной окраине села и называется Мазари Мир – “Мазар эмиров или Мазар миров”, что указывает на существование у феодальной верхушки своих особых кладбищ. Могильник находится на небольшом тепе - руинах раннесредневекового замка. Оно округлое в плане, диаметром 25-28 м и ограждено невысокой глинобитной стеной. В настоящее время мазар не действует. На поверхности тепе прослеживаются остатки разрушенных сагана из жженого кирпича квадратного формата 20-23x20-23x3,5-4 см. На самом верху холма находился большой мраморный намогильный камень с эпитафией (рис.1). Он был оформлен в виде параллелепипеда длиной – 142 см, шириной – 25 см, высотой – 22 см. В середине верхней грани надгробия расположена выемчатая михрабная ниша и восьмигранная звезда с растительным орнаментом. Верхняя плоскость камня содержит выдержки из Корана (*сура* и *аят*). По верхнему краю боковых граней проходит неширокий пояс надписи – *марсия* на фарси. Имя и дата смерти усопшего указаны на северном торце намогильной плиты.

Перевод и транскрипция:

Это могила юноши прощенного, помилованного

Хуш Мазид сына Мираншаха

в году восемьсот девяносто четвертом

هذا دفنت الشاب المغفور المرحوم

خوش مزید بن میرانشاه

بتاریخ سنه اربع تسعين وثمانیه

Эпитафия состоит из трех строк, выполненных рельефной арабской графикой почерком *сульс* переходящей на *наسخ*. Состояние эпитафии среднее, в целом хорошо читается. Надпись начинается со слов ” - *هنا تدفن* *хаза дафанат*”- “здесь покоится или “место погребения”. Указывается и отец погребенного - *هنا* *Мираншах*”, который, по нашему мнению, во время создания надписи был еще жив, поскольку в надписи отсутствуют соответствующие выражения, указывающие на его смерть. О жизни и деятельности Мираншаха в Каршинском оазисе ничего не известно. Эпитафия является единственным упоминанием его имени в этих краях. Заслуживает внимания еще одна деталь: в надписи погребенный назван ” *اب* *ашла*” - юноша, молодой человек. Судя по тексту эпитафии, он скончался в молодости. Дата смерти погребенного передается словами, год “*хиджра*”.

По рассказам жителей селения, ранее на вершине мазара было белое знамя - с мраморным постаментом. В недавнем прошлом женщины, страдающие недугом бесплодия, и те, у которых не выживали дети, ходили сюда поклоняться. Сюда же привозили детей, больных коклюшем. Согласно опросов на вершине мазара был еще один большой намогильный камень – “кукташ”, с надписями и орнаментацией. Намогильных камней тут было несколько. Они исчезли в советское время.

На северо – западном склоне холма, нами был заложен небольшой раскоп, размером 5х5 м. В ходе раскопок на глубине 0,70 м были обнаружены остатки большой саганы (№ 1). Основание ее уходило до глубины 170 см и было полностью вскрыто (рис. 2).

Сохранились лишь северная и южная ее части, общая длина – 270 см, ширина – 250 см. Южная стена сохранилась на высоту 120 см, северная на 70 см. Восточная и западная стены сохранились на высоту 5-6 рядов кладки кирпича. Кирпич жженый размерами 24х24х34х19х4,5см. Вход в сагану был с юга. С наружи стенки сагана были обложены обломками кирпичей. Местами сохранились следы ганчевой штукатурки толщиной слоя 2-3 см. В ходе зачистки внутри сагана обнаружено пять скелетов погребенных. Последний костяк уложен в центре строго по ориентации - север-юг, лицо обращено на запад, другие костяки уложены в кучу в северо-западном углу саганы. Никаких предметов в сагане не было найдено.

В центре холма был заложен второй раскоп в виде траншеи, вытянутой по линии север-юг размерами 15х2 м. В ходе раскопок на глубине 0,65 м, были обнаружены еще две саганы, также построенные из жженого кирпича.

Сагана №2. Верхняя часть ее обрушена внутрь. Вход также с юга. Общие размеры сагана: длина – 170 см, ширина - 110 см. Высота сохранности стен - 60 см, толщина стен 30 см, размеры кирпичей сагана 24х24х4,5-5 см. Единственный жженный кирпич размером 20х20х2, 8-3 см найден у входа.

Рис. 2

Наружные стены сагана обложены обломками кирпича, которые придают ей овальную форму. Кладка стен возведена на ганчевом растворе толщиной 2,5-3 см. В ходе зачистки северо – западного угла саганы было найдено основание ствола туга. Следы огня были выявлены в северо-восточном углу саганы. По-видимому, здесь находилась чираг-хана – небольшая камера для возжигания ритуального огня.

В ходе расчистки внутри саганы были обнаружены останки скелета погребенного (рис. 3). Скелет хорошо сохранился, лежал по центру на спине, на песчаной подсыпке, голова обращена на запад. Руки слегка раскинуты. Судя по черепу возраст погребенного можно отнести к 10-12 годам. Видимо, сохранившаяся намогильная плита принадлежала этому погребенному. Молодой возраст покойного подтверждается текст эпитафии на его могиле, в котором он назван ” اَشْلا - شاب ” - юноша, молодой человек. Рядом, по правому боку погребенного, был найден полусгнивший деревянный посох длиной 105-107 см.

Сагана №3 расположена в 70 см к северо-западу от второй. Его ориентация отклоняется на 30 градусов от линии восток – запад. Верхняя часть стенок обрушена внутрь. Общие размеры: длина – 200 см, ширина – 130 см, сохранившаяся высота стен 80 см. Размеры жженого кирпича кладки стен и свода саганы 24x24x4,5-5 см. Вход в сагану также находился с юга. В юго-западном углу саганы прослеживаются следы небольшого ремонта глиняной обмазкой. Здесь также среди кирпичных кладок входа был найден еще один кирпич малого формата размером 19x19x2,7-3 см. Это формат кирпича саманидского времени.

Положение скелета традиционное - голова повернута на запад, костяк вытянут по меридиану. Пол имел подсыпку песком. Судя по многочисленным фрагментам алебастровой штукатурки на кирпичах можно заключить, что все и ранее отмеченные нами саганы, были покрыты алебастровой штукатуркой.

Вскрытые саганы №2 и №3 аналогичны как по форме, так и конструкции. Положение костяков одинаково. При сходстве погребений №2 и №3 следует отметить различия, заключающиеся лишь в их размерах.

Различия в размерах саганы, могут в какой-то степени объясняться возрастом погребенных. Если в погребении №2 был похоронен мальчик-подросток, то в погребении №3 был похоронен зрелый мужчина.

Рис. 3

Согласно нормам “Аль-Хидая филь-фуру”, комментария мусульманского права по ханифитскому толку, составленного в XII в. Бурханэдином-Али-ибн-Абу Бекром аль Маргинани, и суперкомментария к “Хидае” - “Аль-Кифая фи шарх аль-Хидая”, написанного в XIV в. Саид Джалильадином аль Хаварезми аль Керляни (Аль-Кифая фи шарх аль-Хидая, 1886), отмечать могилы камнями и другими знаками, кроме земляного холмика, не рекомендуется (Аль-Кифая фи шарх аль-Хидая, 1886. С. 1886. С. 218-231). Однако ортодоксальный ислам допускает определенные исключения из этих правил, что также предусмотрено в законодательных сводах. “Кифая” перечисляет имена мусульманских правоведов, допускавших возможность отмечать могилы надгробиями, в частности, камнями (Аль-Кифая фи шарх аль-Хидая, 1886. С. 231).

У бухарских ирони, так же как и у остального населения, есть два вида захоронений: *гур*, *кабр* “подземные могилы” – и сагана – “наземные могилы”. О сагона шииты отмечают, что этот вид захоронений у них распространен меньше. В земле вырывают углубление на 20-30 см, а затем возводят сводчатое сооружение из кирпича, обмазываемое сверху *ганчем*. В отличие от суннитов, для которых, по словам ирони, характерны захоронения в *сагонаи авлоди* “семейные сагана” (до пяти близких родственников), у шиитов вторичных захоронений в одном *сагона* не делают (Люшкевич, 1971. С. 57).

Согласно сунне, высота могилы должна быть не выше пяди, неприметной, могилы следует оформлять в виде небольшого холмика, но не четырехугольной формы. Выставление над могилами камней с надписями большинством мазхабов не допускается (Бабаджанов, 1990. С. 33).

Хотя, наземные захоронения в сагане в прошлом были очень распространены в Средней Азии, однако такой способ захоронения был распространен лишь там, где генезис населения имел наиболее глубокие корни, в среде древних жителей среднеазиатских оазисов (Бухара, Самарканд, Шахрисябз и др.) (Бабаджанов, 1990. С. 149). Само население захоронения над поверхностью земли обычно связывает, только с уважением к умершему.

Погребальные сооружения типа сагана, вскрытые нами, по своему устройству имеют прямые сходства с погребальными сооружениями Хорезма и Бухары. В Бухаре и Южном Хорезме господствует наземный способ захоронения в склепах, различных по величине, конструкции, планировке, материалу и форме. Здесь наиболее распространены сагана из жженого кирпича с сводчатыми и плоскими перекрытиями (Снесарева, 1969. С. 145).

В целом способ захоронения в сагане больше всего оснований связывать с древним доисламским обрядом. Такие типы погребальных строений, как сагана могли развиваться из зороастрийских наусов – хранилищ костных останков. Хотя тут в условиях равнинных оазисов видимо сыграли свою роль и экологические условия и близость к поверхности подземных грунтовых вод.

Что касается персонажей упомянутых в эпитафии намогильной плиты, Мираншаха и его сына Хуш Мазиды по письменным источникам, кроме Мираншаха, третьего сына Амира Тимура, известен Мираншах каучин эпохи Улугбека. Согласно источникам в период открытого противостояния Улугбека с его мятежным сыном Абд-ал-Латифом, Улугбек назначает Мираншаха каучина хакимом Самарканда. Но Мираншах каучин предательски запирает ворота Самарканда перед Улугбеком, когда его войско терпит поражение в военном сражении с войском Абд-ал-

Латифа, после чего Улугбек был вынужден сдаться на милость своего противника, старшего сына Абд-ал-Латифа и с попустительства последнего был убит (Файзиев, 1995. С. 319).

Следует полагать, что после убийства отцеубийцы Абд-ал-Латифа и смены власти в Самарканде Мираншах каучин бежал или вернулся в Карши, где находилась большая часть его соплеменников каучинов и где скончался его сын Хуш Мазид. Мираншах каучин видимо был одним из эмиров Улугбека и Абд-ал-Латифа, на что указывает название его семейного могильника – Мазари-Мир.

Использованная литература:

- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Ташкент, 2000.
Мухамеджанов Т. Полевой отчет Шюллюктепинский группы отдела этнической антропологии за 1986 год. Самарканд, 1986.
Лунина С.Б. Города Южного Согда в VIII-XII вв. Ташкент, 1984.
Логофеть Д.Н. Въ горахъ и на равнинахъ Бухары (Очерки Средней Азии). Изд. В. Березовский. Комиссионеръ военно-учебныхъ заведений С.-Петербургъ, колокольная, №14. 1913.
Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002.
О.А. Сухарева. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960.
Аль-Кифая фи шарх аль-Хидая, I часть. Казань, 1886.
Люшкевич Ф.Д. Этнографическая группа ирони // Занятия и быт народов Средней Азии. Изд. "Наука". Л., 1971.
Бабаджанов Б. О мусульманских намогильных сооружениях и погребально-поминальной архитектуре // Тезисы докладов. Археология Средней Азии. Ташкент, 1990.
Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
Файзиев Т. Темурийлар шажараси. Тошкент, 1995.

ТЕРИОФАУНА УЗБЕКИСТАНА В АНТРОПОГЕНЕ

© 2010. А.Р. Батыров

Самаркандский сельскохозяйственный институт

Выяснение истории развития и становления антропогенной териофауны Средней Азии, в частности Узбекистана, путем изучения палеозоологических материалов имеет большое значение для зоологов, экологов и историков-археологов. Первые научные сведения о находках ископаемых останков млекопитающих в пределах Средней Азии имеются в работах И. Дюрста (1908), Д.Н. Кашкарова (1925), М.Е. Массона (1939), Е.И. Беляевой (1936, 1946), В.П. Смирнова (1940), В.Г. Громовой (1940, 1946, 1949), В.И. Бибиковой (1958) и др. Все эти находки представляют собой случайные, разрозненные кости древних животных в культурных слоях археологических памятников.

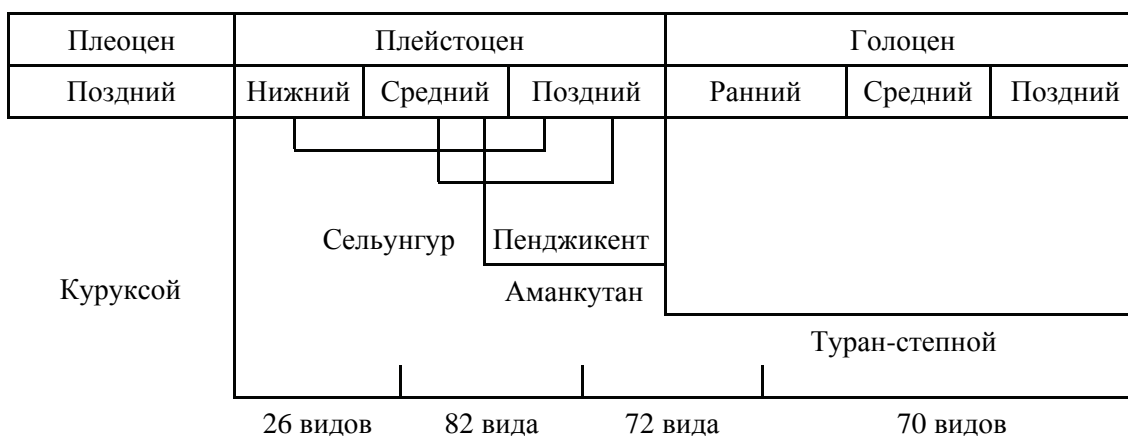
К настоящему времени изучены археопалеозоологические материалы более, чем из 120 памятников, датируемых периодом с нижнего плейстоцена до позднего голоцена.

Исходя из отложений костных останков древних млекопитающих, в пределах Средней Азии, можно выделить три тофономических типа: 1. Аллювиальный. 2. Делювиальный. 3. Пещерный.

Среди них пещерный тофономический тип захоронения наиболее многообразен и интересен. Он, в свою очередь, подразделяется на антропогенные, анимологенные и смешанные захоронения.

Изучено более 200 тысяч костных остатков и определено 130 видов и подвидов древних и современных млекопитающих, среди которых 10 видов домашних. Выделяются следующие отряды: насекомоядные - 5 видов; рукокрылые - 6 видов; зайцеобразные - 4 вида; грызуны - 37 видов; хищные - 39 видов; хоботные - 6 видов; непарнокопытные - 11 видов; мозолоногие—2 вида; парнокопытные—20 видов. Из них 49 видов и родов впервые определены для териофауны Средней Азии (А.Р. Батыров, 1987; Б.Х. Батыров, 1995).

Палеозоологический материал и выявленный видовой состав млекопитающих Средней Азии позволили проследить основные этапы развития плейстоценовой фауны млекопитающих. Выделено 4 фаунистических комплекса: 1. Сельунгурский. 2. Пенд-

жикентский. 3. Аманкутанский. 4. Туранский (пустынный).

Эти фаунистические комплексы, в свою очередь, позволяют нам сделать выводы о последовательности основных этапов развития териофауны Средней Азии в антропогене (рис. 1).

При формировании современных видов млекопитающих Средней Азии, в частности Узбекистана, наравне с другими фаунистическими комплексами немаловажное место занимает туранский (пустынный) фаунистический комплекс. Он стал известен благодаря выделению из видового состава млекопитающих, установленных в культурных слоях археологических памятников, относящихся к эпохам мезолита, неолита и раннего металла. На основании изучения субфоссильных костных остатков выявлено более 70 (75) видов и подвидов млекопитающих. Выявленный видовой состав отражает, главным образом, историю формирования фауны млекопитающих в голоцене.

Туранский териокомплекс в общих чертах характеризуется тем, что при переходе от позднего плейстоцена к голоцену произошло определённое изменение в структурном составе териофауны Средней Азии. Прежде всего, наблюдается вымирание и резкое сокращение численности и ареала ряда плейстоценовых млекопитающих.

В туранском фаунистическом комплексе прослеживаются три последовательных этапа развития: 1. Раннеголоценовый. 2. Среднеголоценовый. 3. Позднеголоценовый.

Раннеголоценовый этап является переходным от позднего плейстоцена к голоцену. Он характеризуется вымиранием некоторых крупных плейстоценовых видов млекопитающих – лошади, плейстоценового осла, верблюда knobлоха, носорога. Сокращается ареал первобытного тура-архара, барана-уриала, бухарского оленя, марала, сибирской косули. В конце раннеголоценового периода появляется винторогий козел, тамарисковая и полуденная песчанки, тонкопалый суслик, тушканчик Северцова и домовая мышь. В эпоху мезолита появляются первые домашние животные (собака, овца, коза и крупный рогатый скот).

Среднеголоценовый этап характеризуется усилением сухости климата и ксерофитизации растительности, что привело к значительному расширению аридных зон. Расширение аридных территорий привело к увеличению численности грызунов (песчанок, тушканчиков) и, частично, относительно крупных стадных млекопитающих, обитателей степей и полупустынь (карсак, кулан, джейран, гиена и др.). С другой стороны сокращается число мезофильных млекопитающих (олень, марал, косуля и кабан). В неолите увеличивается численность домашних млекопитающих (мелкого и крупного рогатого скота).

В позднеголоценовом этапе наблюдается усиленное сокращение численности и ареала крупных копытных, обитавших в предгорных и равнинных зонах, а вслед за ними – крупных плотоядных млекопитающих. К числу таких видов можно отнести кулана, джейрана, бухарского оленя, сибирскую косулю, сайгака, быка-тура, полосатую гиену, тигра, льва, гепарда. В начале позднего голоцена наблюдается полное исчезновение первобытного быка-тура. В эпоху античности, по всей вероятности, исчезают львы (Курций, 1819. С. 140). В 50-60 годах XX века полностью исчезает представитель крупных кошачьих - туранский тигр. Сохранились представители преимущественно средних и мелких млекопитающих, которые приспособились к изменённым условиям – зайцеобразные, грызуны, рукокрылые, насекомоядные и хищники.

Туранский териокомплекс изменился под воздействием антропогенных факторов, ландшафта и климатических условий в течении всего голоцена, главным образом, за счет перемещения и вымирания видов.

Использованная литература:

- Ботиров А.Р.* Промысловая териофауна Узбекистана в голоцене // Автореф. канд. биол. наук. Киев, 1987.
- Батыров Б.Х.* Фаунистические комплексы антропогена Узбекистана // Четвертичный период палеонтологии и археологии. Кишинев, 1989.
- Батыров Б.Х., Ботиров А.Р.* К изучению териофауны на территории Узбекистана в антропогене // ОНУ, № 10. Ташкент, 1990.
- Батыров Б.Х., Батиров А.Р.* Костные остатки млекопитающих пещеры Сель-Унгур // К истокам истории древнекаменного века Средней Азии. Ташкент, 1994.
- Батыров Б.Х.* История формирования териофауны Средней Азии в антропогене // Автореф. докт. биол. наук. Ташкент, 1995.
- Батиров А.Р.* Ўрта Осиёнинг антропоген даври палеотериологияси // Материалы Республиканской научно-практической конференции. Самарканд, 2006.
- Беляева Е.И.* О находке остатков мамонта в Ферганской долине // Бюллетень комитета по изучению четвертичного периода. № 8. М., 1946.
- Кашгаров Д.Н.* Ископаемая челюсть верблюда из Самарканда // Труды Туркестанского научного общества. Том 2. Ташкент, 1925.
- Массон М.Е.* Археологические исследования в Узбекистане // Наука в Узбекистане за 15 лет (1924-1934). Ташкент, 1939.

МУНОЗАРА

ДИСКУССИЯ

К ПРОБЛЕМЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

© 2010. Н.А. Аванесова

Самаркандский Государственный университет

Наиболее значительным явлением археологии Узбекистана 70-х гг. XX столетия является открытие по среднему течению Амударьи раннеурбанистической культуры древневосточного круга, ставшая исходным центром (северная часть) цивилизации Древней Бактрии. Широкомасштабные раскопки А.А. Аскарова и его школы позволили выделить новый приамударьинский локальный очаг древневосточной провинции, именуемый в литературе как сапаллинская культура (далее СК).

Необходимость предлагаемой статьи обусловлена дискуссионными разногласиями, выявившимися за последнее время в определении хронологии и периодизации СК. Изучение этой проблемы выходит далеко за рамки СК.

Состояние проблемы

Первая научная систематизация СК принадлежит ее открывателю А.А. Аскарову. Сравнительно-исторический анализ многолетних материалов позволил исследователю произвести комплексное историческое моделирование процесса развития СК, выделив три хронологически последовательных этапа: сапаллинский, джаркутанский и молалинский (Аскаров, 1977. С. 60-63). В дальнейшем, при обработке новых материалов (могильник Джаркутан 4-А) тот же исследователь в соавторстве с Б.Абдуллаевым внесли коррективы в периодизацию, выделив между джаркутанским и молалинским еще один хронологический период - кузалинский (Аскаров, Абдуллаев, 1983. С. 40). Успешные раскопки многослойного поселения и могильников Джаркутан, поселения и могильников Бустон IV, V позволили У. Рахманову путем анализа 19 стратиграфических шурфов, развернутого разреза (длиной 12,5 м, глубиной 4,5 м) и керамической типологической классификации, дать новую оценку сапаллинским древностям. Он объединил сапаллинский и джаркутанский этапы в единый сапаллинский этап с двумя фазами (сапаллинскую и джаркутанскую), а молалинский этап представил с двумя фазами – собственно молалинский и бустонский. Кузалинский этап в схеме У. Рахманова занимает позицию между сапаллинским и молалинским этапами (Рахманов, 1987. С.2). Главным достижением его работы следует признать выделение бустонской фазы, установленной на основании стратиграфии и трансформации керамических традиций молалинского этапа. В русле рассматриваемой проблемы интерес представляет разработка А.С. Сагдуллаева, который, изучая материалы поселений Муллалы и Байрачи 1, пришел к выводу, что СК характеризуется двумя периодами – сапаллинским и молалинским; в его схеме не нашлось места для джаркутанского и кузалинского этапов. (Сагдуллаев, 1989. С. 8-19). Интенсивные исследования могильников джаркутанских и бустонских групп памятников заставили в 90-х годах вновь вернуться к вопросам хронологии СК. В. Ионесов, тщательно проанализировав все доступные материалы могильников – вещевой инвентарь и их хронологическую соподчиненность, динамику

развития погребального обряда, предложил следующую периодизацию СК: I. сапаллинский этап; II. джаркутанский этап – а) стадия Джаркутан-1 и б) стадия Джаркутан-2; III. кузалинский этап; IV. молалинско-бустонский этап – а) молалинская стадия, б) бустонская стадия (Ионесов, 1990. С. 9-10). В последующие годы А. Аскарлов и Т. Ширинов, обобщив все хронологические разработки в монографии, предлагают разделить археологические комплексы Джаркутана на три периода, обозначив их римскими цифрами – Джаркутан I, II, III в соответствии с ранее выделенными этапами СК – джаркутанским, кузалинским и молалинско-бустонским (Аскарлов, Ширинов, 1993. С. 81-82). Несколько позже последний этап (ДЖ. III) вновь подвергался пересмотру в свете исследований могильника Джаркутан 4-С. Анализируя их Т.Ш. Ширинов и С. Баратов разделяют Джаркутан III на две ступени – Джаркутан IIIа (период Молали) и Джаркутан III б (период Бустон) (Širinov, Baratov, 1997. P. 88).

В итоге, несмотря на очевидные отдельные разногласия, все же с достаточной степенью достоверности можно отметить, что все исследователи (оставляя в стороне частные неточности понятийного аппарата) рассматривают четырех-пятиступенчатую периодизацию СК. Таким образом, в развитии памятников СК (в рамках традиционной системы хронологии) были сформулированы следующие последовательные хронологические этапы: сапаллинский (XVII-XVI вв. до н.э.); джаркутанский (конец XVI-XV вв. до н.э.); кузалинский (XIV-XIII вв. до н.э.); молалинский (XII – нач. X вв. до н.э.); бустонский (X-IX вв. до н.э.). Все перечисленные периоды генетически взаимосвязаны, ни в одном из археологических комплексов СК не было зафиксировано случаев обратной стратиграфии. Внутренние связи, как в горизонтальном, так и вертикальном срезе культуры, обуславливают их единство и соответствуют реальной археологической картине доисторической Бактрии. В культурно-хронологическом аспекте молалинские и бустонские комплексы связываются с памятниками Юго-Западного Таджикистана (Виноградова, 2004, табл. II).

До последнего времени периодизация СК не подвергалась сомнению в обсуждаемой проблеме была достигнута определенная ясность. Но сравнительно недавно молодые немецкие исследователи обозначали иную позицию в определении относительной периодизации памятников СК. Так, древнейшие этапы – сапаллинский и джаркутанский были названы как Поздняя бронза I (ПБ I), а кузалинский, молалинский и бустонский как Поздняя бронза II (ПБ II). Абсолютная хронология этих периодов охватывает время с 1950 по 1450 гг. до н.э. (Kaniuth, Neuffer, 2001. P. 104-105). Авторы некорректно аргументировали свою произвольно созданную хронологическую периодизацию отсутствием в публикациях и отчетах узбекских исследователей четкого описания стратиграфии поселений и погребальных комплексов, что дало им основание поставить под сомнение правомерность существования прежней периодизации СК. Целью работы немецких археологов являлась не столько оценка современного состояния проблемы СК как результат собственных раскопок на поселении и могильнике Джаркутан, сколько «новые» интерпретации старых исследований Сапаллитепа и Джаркутана. Это позволило М. Тойферу на основе формализованного метода анализа последних (куда вошли и личные раскопки – 64 погребения на могильнике Джаркутан) к выделенным ранее двум этапам ввести две подфазы: ПБ I а/в, ПБ II а/в. Древнейшие этапы ПБ I соответствуют: а - сапаллинскому, б - джаркутанскому периоду; ПБ II а - молалинскому, ПБ II б - кузалинскому (Teuffer, 2005. P. 205). Как видим, модификация коснулась лишь периода ПБ II: автор удревнил молалинские комплексы и омолодил кузалинские, представив последние как финальный период СК. Слабым звеном в такого рода построении

ях является, прежде всего, игнорирование исследований У. Рахманова, что вызывает как минимум недоумение. Автор не мог не знать их, так как М. Тойфер, еще будучи студентом, познавал азы типологии керамики СК по разработкам У. Рахманова. К сожалению, авторы не приводят развернутой аргументации (ограничиваясь констатацией неточностей по стратиграфии Джаркутана, допущенных А. Аскарковым и Т. Шириновым) всей системы доказательств своих положений, отсылая читателя к неопубликованной диссертационной работе, *de facto* отсутствуют наглядные полевые, иллюстративные сопровождения и стратифицированные свидетельства собственных многолетних исследований на Джаркутане². Столь же неоднозначно решается и проблема абсолютной хронологии СК (Kaniuth, Teufer, 2001; Teufer, 2005). Указанные обстоятельства вызвали настоятельную потребность обратиться к анализу материалов, сопровождающих финальную стадию СК. Автор придерживается периодизации пяти этапов СК. Термином «этап» в этой схеме названы те периоды, которые характеризуются вполне определенным комплексом свойственных им признаков.³ Мы располагаем возможностью проверить жизнеспособность хронологических построений СК в части ее кузалинского, молалинского, бустонского этапов, анализируя материалы некрополей Бустон VI, VII (далее BVI, BVII), где имеются стратиграфические свидетельства по залеганию подстилающего или перекрывающего погребения. Полагаем, что путь к разрешению указанной проблемы лежит, прежде всего, через полевые методы фиксации археотомических факторов, способствующих увеличению объема информации.

Топография и геоморфология

Могильники BVI, BVII расположены на естественных останцевых возвышенностях надпойменной террасы правого берега высохшего русла Бустонская – западного дельтового притока Шерабаддарьи. Рельеф памятников к моменту начала раскопок имел в плане вид асимметричных, плосковершинных сомкнутых холмистых возвышенностей с оплывшими, пологими, натечными склонами. Поверхность местами расчленена ложбинками, ветвящимися оврагами, почти лишена растительности, задернованность слабая из-за систематического выпаса скота. Основной особенностью рельефа является его исключительно выраженная структурность, отразившаяся на последовательности формирования почвенных слоев. Почвообразующие породы представлены речными отложениями (аллювиальные суглинки, супеси, пески и глина) и однородным лессом (в BVI материковый лесс часто переслаивается с галечником). Раскопки велись на разных гипсометрических уровнях, приуроченных к останцу: 1-верхней части площадки; 2-по склону; 3-по ложбинке отдельных всхолмлений; поэтому стратиграфия залегания почвенных слоев по своему строению, условиям залегания в соответствии с общим рельефом неоднородна. В основании останца залегают галечники, переходящие в красновато-серые пески. Сказанным осложняется прочтение стратиграфической ситуации останцевых возвышенностей

Раскопки методом сплошного полигонального анализа открыли перспективу для изучения планиграфии и динамики функционирования некрополей. При решении заявленного вопроса чрезвычайно важно детальное изучение микроструктуры слоев подземной и наземной части погребений. По обнаруженным структурным элементам погребенной почвы и перекрывающей ее насыпи (речные линзы, выкид материкового лесса, каменные и кирпичные скопления) удалось проследить внутреннюю стратиграфию могил и последовательность действий отправителей обрядов, предусмотренных погребальным ритуалом. В большинстве, могильные заполнения сформированы постепенно разрушившимися конструкциями погребальных ям и заплыванием грунта, а так-

же речными наносами, которые накапливались на дне. Имело место одномоментное опускание свода камеры на дно. Структура заполнения могильных ям в основном однотипна – супесь и разноцветный суглинок, при этом значительную долю объема составляют остатки надмогильных конструкций. Выявленная мощность культурного слоя для БVI составляет 0,4-2,07 м, а для БVII – 0,3-1,9 м.

Ниже приводятся развернутые свидетельства фактического материала разновременного культурного субстрата могильников.

Источники

Некрополь Бустон VI – общая площадь 4,06 га, абсолютная высота 9 м. Вскрытие большими площадями позволило проследить изменения планиграфии, представляющей чрезвычайно сложную картину пространственно-временной структуры. Сложность исследования обусловлена большой плотностью размещения погребений, поминальных и церемониальных площадок, отражающих обрядовые действия функционирующего некрополя. Анализируя планиграфию можно прийти к выводу, что погребения локализовались по группам. Так, могилы бустонского времени размещены по кругу, занимая восточный сектор некрополя. В расположении молалинских могил и сакрализованных объектов просматривается система размещения большей частью по периферии могильника. Выделяются также отдельные участки с погребениями детей в стороне от других погребений. Грунтовые могилы по устройству камер представлены: подбоями с боковым входом, заложенным вертикально наклоненной кирпичной кладкой, катакомбой со ступенчатым входом, заложенным горизонтальной кладкой в несколько рядов (камера вырубалась в виде ниши в одной из стенок впускной ямы), ямами округлой и прямоугольной формы с закругленными углами. Отмечено количественное возрастание могил с подбоями на бустонском этапе. Содержимое каждой могилы представляет собой закрытый комплекс артефактов.

Прямая стратиграфия, данные планиграфии, показатели погребального обряда, инвентарь захоронения, структура обрядовых групп и церемониальных объектов позволяют установить два последовательных хронологических этапа (молалинский, бустонский) заключительного периода сапаллинской культуры. Абсолютное число показателей, однозначно диагностирующих последовательность молали-бустонских комплексов невелико – 18 случаев из 429, поэтому выявление стратиграфии каждого факта представляет несомненный интерес.⁴

Не имея возможность дать полное описание всех случаев стратиграфических ситуаций исследованных могил, приведём лишь некоторые характерные примеры захоронений в относительной хронологии некрополя Бустон VI. В наших исследованиях доминируют факты перекрытия молалинских погребений бустонскими, при этом последние по погребальному обряду и керамике или по одному из этих признаков всегда оказываются более поздними (рис. 1-10). Повторяемость их устойчива, могильные комплексы имеют разный уровень залегания, что характерно для устройства индивидуальных могил. Встречаемость впускных могил бустонского времени в молалинские, когда первые нарушают кости скелета или инвентарь молалинской могилы, ограничена – зафиксировано 2 случая (рис. 11). Это связано с тем, что в древности могилы были различимы на поверхности (могильные сооружения маркировали насыпи, каменный наброс, кострище, возведенное над входом или камерой) а возможно, с относительно коротким интервалом между молалинскими и бустонскими комплексами.

Хронологические отличия выделяемых периодов наблюдаются и в системе устройства погребальных камер. Могильные конструкции молалинских погребений выделя-

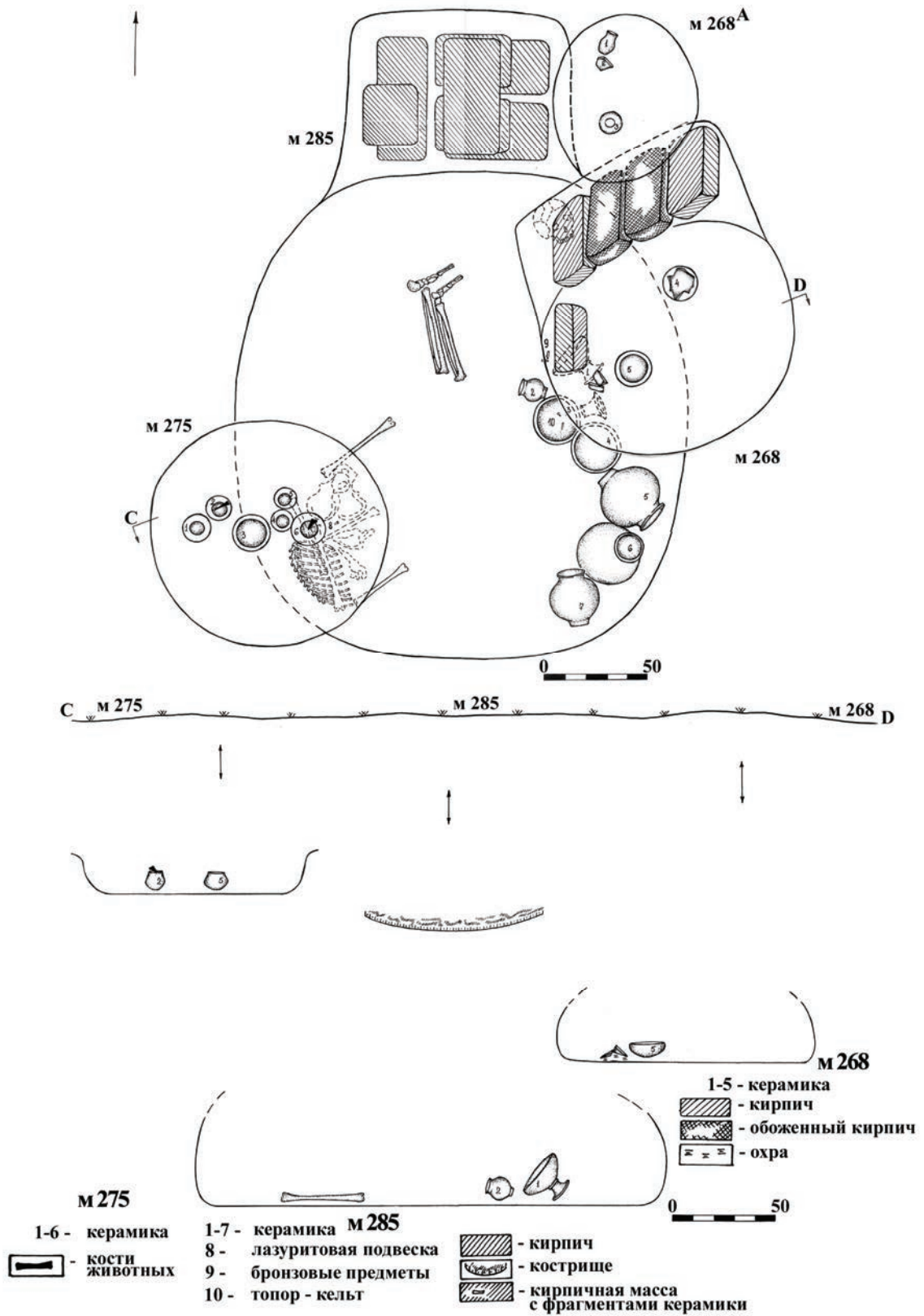

Рис. 1. Бустон VI. План могил 275, 285, 268 на уровне пола и их стратиграфические позиции в разрезе. Цифры в могилах - номера находок

ются значительными размерами (2,04x2,02 м), глубина которых часто превышает 2,5 м. На этом фоне бустонские представлены небольшими (1,2x0,8 м) и неглубокими (0,4x0,8 м) могилами. В подавляющем большинстве молалинские могилы прослеживаются в материке, в то время как бустонские устроены в погребенной почве и речных наносах аллювия. В спектре этих факторов интерес представляют могильные ямы 268, 285 и поминальницы 268А, 275, открытые на участке У, Ф/24¹. 25¹, демонстрирующие прямую стратиграфию разнотипных и разновременных погребений (рис. 1). Ниже следуют краткие сведения о них.

Помин 268А. После снятия почвенного слоя, на глубине 0,4 м обнаружилась овальная яма (0,9x0,7 м), ориентированная по линии С-Ю. В небольшом углублении (0,2м) выявлена крышка и нижние части от двух сосудов (рис. 2-IV). Подобного рода ямы с сосудами, сооруженные у входа, над могилами или на отдельных сакрализованных площадках, мы называем поминком (Аванесова, 2001. С. 33; 2006. С. 26).

Мои́ла 268. Обнаружена по кирпичной кладке на глубине 1,03 м. Подбойное сооружение ориентировано по линии С-3—Ю-В, вход заложен наклонно поставленными кирпичами (35x20x10 см). На дне (1,03x1,01 м) в Ю-3 части обнаружены кусочки охры, прикрытые фрагментами керамики (со следами действия огня), рядом стояла миска, другой сосуд находился у входа камеры. Погребение относится к обрядовой группе символических захоронений, связанных с огненной стихией. К проявлениям культа огня, кроме охры, следует отнести и обожженные кирпичи (доведенные до ошлакованного состояния), перекрывающие входной проём (рис. 1. М268).

Помин 275. Выявлен с уровня древнего горизонта, контуры ямы обозначились на глубине 0,7 м. Округлая яма глубиной 0,2 м, диаметром около 1 м. На дне, в центре по линии 3-В стояли 6 сосудов, в трёх из них находились кости овцы - остатки не менее 5 кусков мяса. Описанный помин автономен, т.е. не связан с конкретным погребением (рис. 1. М 275).

Мои́ла 268 и помин ы 268А, 275 относятся к бустонскому этапу.

Мои́ла 285. Обнаружена при расчистке площади вокруг М275 по кострищу на глубине 1,01 м – уровень надмогильного сооружения (земляная насыпь, покрытая сверху дерном). Катакомбное сооружение ориентировано по линии С-Ю. Входная яма подпрямоугольной формы (1,01x0,8) оформлена с северной стороны, заложена пятью рядами кирпичной кладки. Камера овальной формы (2,04x2,02 м), сохранившаяся глубина 0,5м. На дне обнаружены разрозненные останки взрослого человека: у входа, в С-В углу лежал череп лицевой частью вверх; в Ю-3 части находились в анатомическом порядке кости грудной клетки, рядом кости рук, лопатки и бедренные кости с тазом (среди костей найдена лазуритовая каплевидная подвеска); по центру, в северной части в естественном сочленении располагались ноги, положенные в правобочной скорченной позиции. Сопровождающий погребенного инвентарь - 7 сосудов (№№ 1, 3, 6, 4 - куски мяса) сосредоточены полукругом вдоль Ю-В стенки камеры. В числе находок: в вазе №3 - тесловидный топор; миниатюрные копии бронзовых ножей - рядом с другой вазой №1 (рис. 1. М285). Расположение сосудов, наличие кострища в насыпи, мощная кирпичная кладка входного проёма, характер заполнения камеры (в разрезе прослежены непрерывные полосы аллювия, без костей и других вещественных остатков) исключают возможность погребальных нарушений. Здесь надо предполагать имело место какое-то ритуальное умерщвление, подобные тем, какие в этнографии известны как осквернение усопшего или ритуальное членовредительство покойника (Риттер, 1968). Устройство могилы, погребальный обряд, керамика и другой инвентарь обычны

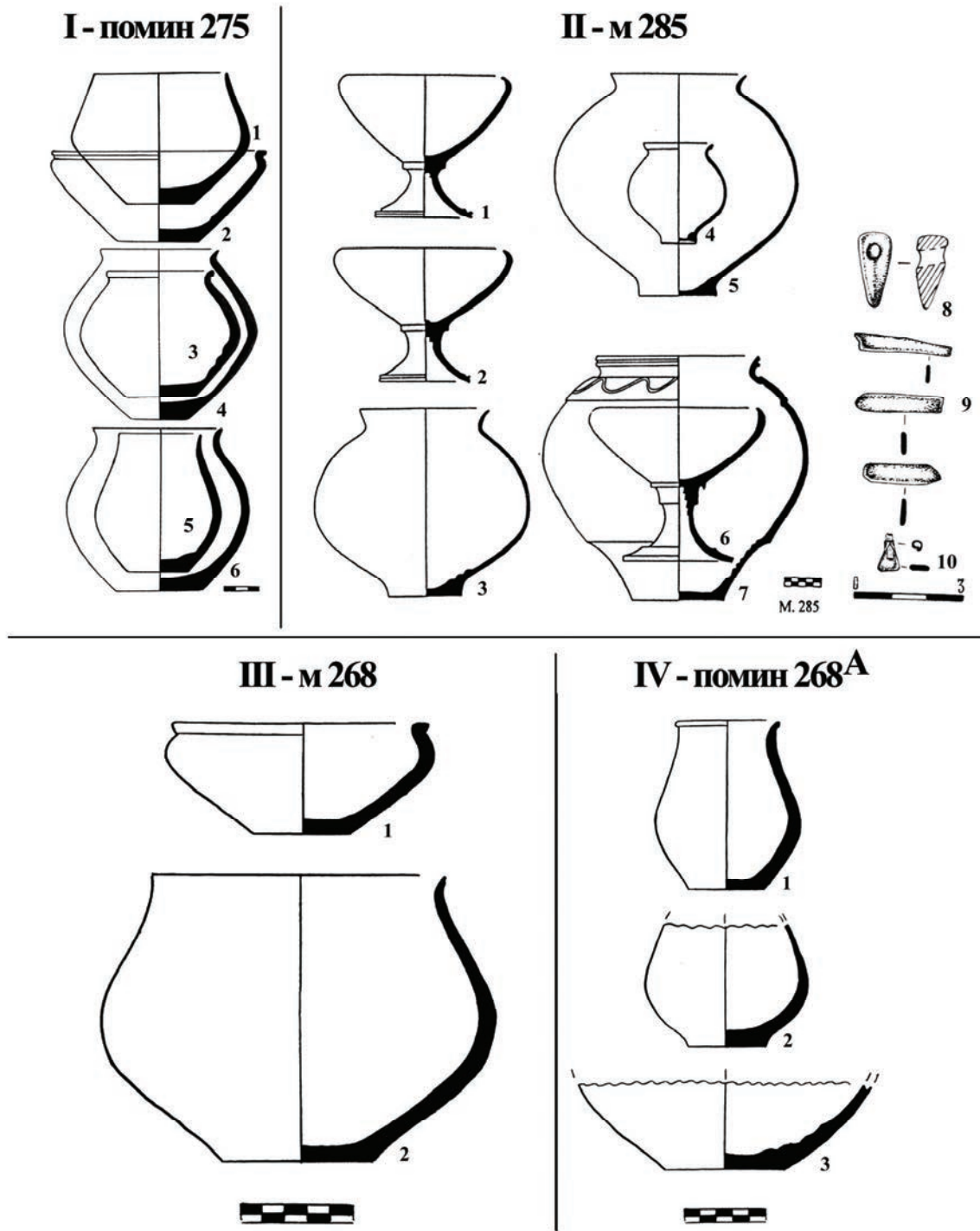

Рис. 2. Керамические комплексы и инвентарь:
I - помин 275; II - м 285; III - м 268; IV - помин 268^A

для молалинского этапа.

В стратифицированном контексте захоронения были совершены в следующей последовательности: наиболее ранним является М 285, затем в ее насыпи оформляется М268, частично перекрывая (С-В часть) М 285, впоследствии над ним (Ю-З угол М285) произведен помин 275. Наиболее позднюю стратиграфическую позицию зани-

мает поминальник – 268А, но не намного позже чем М268. Расположение бустонских могилы (268) и поминов (268А, 275), частично впущенные в насыпь надмогильного сооружения молалинского погребения, свидетельствует, что первые сооружены позже. Вопрос о временном соотношении исследуемых могил решается и с учетом инвентаря погребений. На молалинский возраст М 285 указывает керамика (горшки на узком, высоком поддоне, сферической формы; вазы с глубоким резервуаром на массивной низкой ножке; кувшин с волнистой линией под горловиной) и лазуритовая каплевидная подвеска, широко бытовавшая в это время (рис. 2-II).

Сравнительно-типологический анализ керамики из могилы 268 и поминов 268А и 275 находит соответствие с посудой финального этапа сапаллинской культуры. Индикатором бустонского этапа выступают: толстостенные приземистые горшки округло-биконической формы, покрытые красной краской; крынки с раздутым туловом и утяжеленным плоским дном; миски уплощенно-конической формы, отогнутым наружу приплюснутым венчиком и плоским донцем (рис. 2-I, III, IV). Особо обращает на себя внимание наличие горшковидного сосуда с выделенным плоским дисковидным поддоном в керамическом комплексе помина 268А. В памятниках бустонского этапа подобные формы редко встречаются, гораздо чаще они бывают в поздних комплексах вахшской культуры (Пьянкова, 1989, рис. 55-8; Виноградова и др., 2003, рис. 2-4, рис. 3-6). Таким образом, рассмотренная выше стратиграфическая ситуация двух могил и поминок подтверждает результаты типологического анализа инвентаря – выделяются две группы относительно асинхронных захоронений.

Примеры такого рода могут быть дополнены интересными наблюдениями на участке Р, С/20, где исследованы могилы 63 и 79, отражающие частичное наложение бустонского погребения (М63) на молалинское (М79).

Ниже даётся их описание.

Могилы 63 выявлена по остаткам кострища на глубине 0,8 м (угольно-зольное скопление мощностью более 0,1 м на площади 0,5x0,6 м). Контуры могильной ямы (1,01x0,8 м) прослежены на глубине 1,01 м, где она имела прямоугольную форму с сильно закруглёнными углами, ориентирована длинной стороной по линии С-Ю (рис. 3). На дне, посередине ямы, несколько ближе С-В сектора расчищены три сосуда, рядом с миской (№3) на остатках древесного тлена находились кости (ребра) овцы.⁵ Вдоль С-З сектора ямы локализовались монофункциональные глиняные поделки (скульптура, алтарь, площадка, фишки). В числе находок: две костяные поделки и биконическое мраморное пряслице (рис. 3. М63; рис. 4. М63). При отпрепарировании предметов материальной культуры под ними был прослежен белый тлен и обмазки от древесного угля. Погребение символическое относится к бустонскому этапу (рис. 4-II).

Могилы 79 обнаружена при расширении площади вокруг М63 по зольнику и кирпичной кладке на глубине 1,01 м. Кладка, определяющая вход в катакомбного устройства погребальную камеру, состоит из трех рядов кирпичей (55x25x10 см). Овальная, обширная камера зафиксирована на уровне материкового грунта, ориентирована С-В на Ю-З, размеры – 2,01x1,07 м. Сохранившаяся глубина могилы по уступу входа – 0,4 м на дне – в С-З части камеры, перед входом расчищен костяк человека (рис. 3). Кости лежат не в анатомическом порядке. В сочленении находятся бедренные кости с тазовой. Кости туловища и рук разрежены, череп повернут основанием вниз, находится рядом с разреженными костями, занимает западную часть камеры. На костях конечностей и черепа сохранилась охра. Возможно, перед нами вторичное захоронение с имитацией способа укладки костей в скорченном состоянии на правом боку. Нельзя ис-

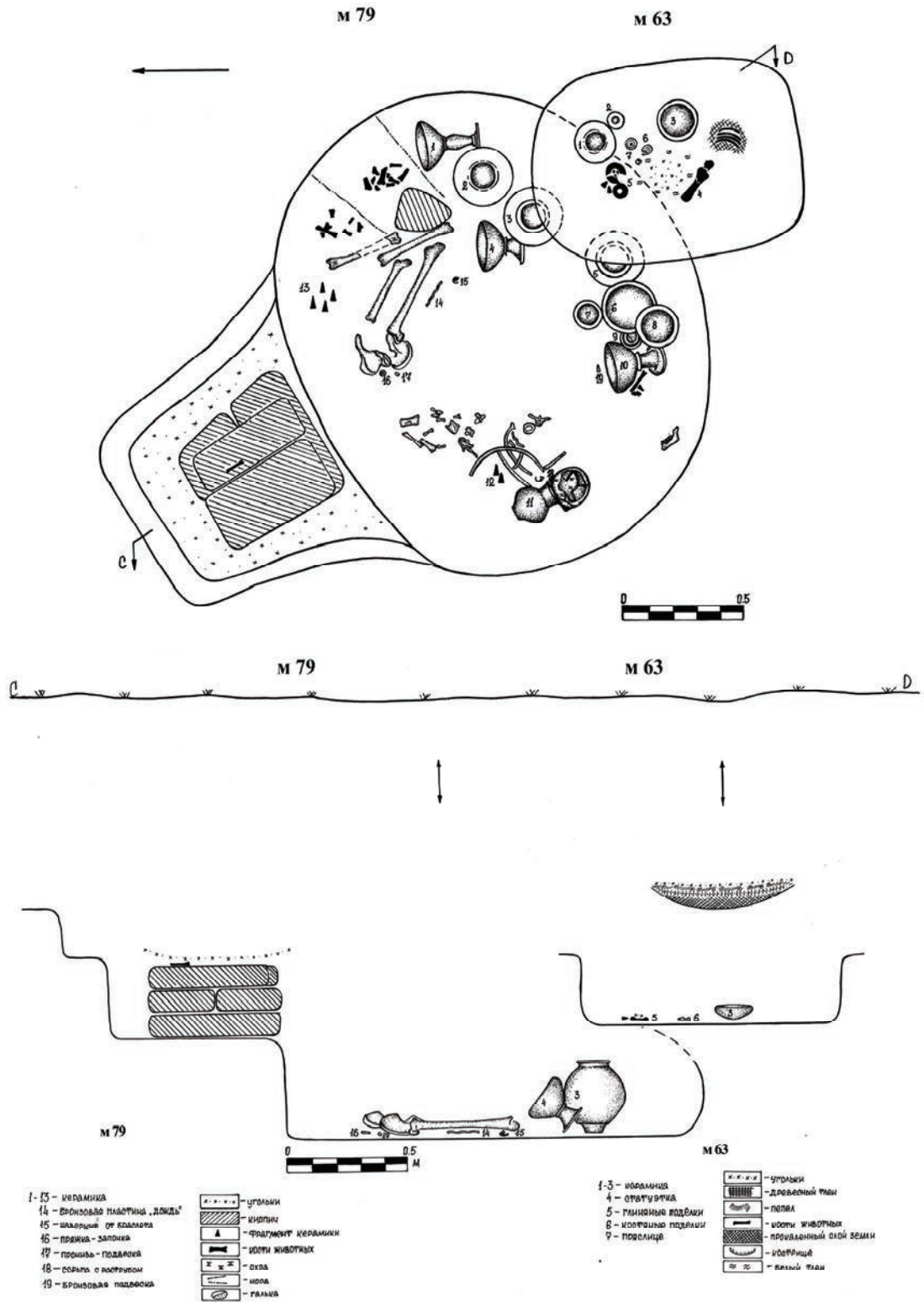

Рис. 3. Бустон VI. План могил 63, 79 на уровне пола и их стратиграфические позиции в разрезе. Цифры в могилах - номера находок

ключить также, что кости потревожены от действий животных. Через погребение на отрезке С-В—Ю-З проходит нора. Основная часть сосудов – 10 экз., занимает компактно Ю-В часть камеры. В одном из сосудов находился обработанный камень. Всего обнаружено 13 сосудов. Особый интерес представляют бронзовые изделия, обнаруженные как среди костей человека и животных, так и керамики: серьга с раструбом, спиралевидные навершия от браслета, пряжка, пронизь, подвеска и вотивная гофрированная бронзовая полоска (рис. 4-Г 14-19). Погребение с ингумацией относится к молалинскому этапу. Стратиграфическое положение погребений свидетельствует о частичном перекрывании молалинской могилы бустонским (М63 прорезает Ю-В угол М79). Надо полагать, в момент возведения бустонского погребения М79 была заполнена грунтом.

Независимо от того, при каких обстоятельствах отложились эти комплексы, здесь присутствуют два одновременных стратиграфических горизонта. Погребение нижнего горизонта обладает признаками (керамика, конструкция могил) захоронения молалинского этапа, а верхний – представлен посудой бустонского времени (рис. 3, 4). Неординарность материалов М79 определяется артефактами, характерными для носителей степных традиций. Хронологическую позицию молалинского этапа определяют андроновские находки – серьга с раструбом и фрагменты браслета со спиралевидным коническим завершением, которые рассматривают как этнографическую особенность украшений федоровских племен (Аванесова, 1991. С. 53, 69). Из системы украшений степных традиций не выпадает по своему происхождению пронизь, орнаментированная в пунсонной технике, и круглая пряжка – запонка с одним центральным отверстием (рис. 4, Г-16). Последняя является производным от срубных костяных пряжек (Петров, 1983. С. 121).

Аналогичную стратиграфическую ситуацию демонстрируют погребения 116/120 на участке У-25, 26, где могилы располагались на окраине полого возвышения останца.

Могилы 116 обнаружена в обнажении стенки бровки на глубине 0,9 м. Могильное пятно не прослежено, грунт органического тлена, песчанистый суглинок речного происхождения. Границы определены по зольному заполнению и остаткам органического тлена. Ямное погребение зафиксировано в виде подпрямоугольного углубления, ориентировано по линии С-З—Ю-В, занимает площадь 1,02x0,9 м. Дно ровное, устлано органической коричневой подстилкой, которая была посыпана тонким слоем пепла и охры (рис. 5). Могила содержала останки ребенка, положение скелета слабо скорченное на левом боку с небольшим завалом на спину, ориентирован головой на север. У черепа находился фрагмент керамики с охрой, перед лицом компактно стоят три сосуда, типичные для бустонского этапа. Весь костяк засыпан золой, под головой зафиксирована ямка с зольным заполнением (0,2x0,3 м) в виде плотно слежавшейся светло-серой массы. Погребение с ингумацией, относится к бустонскому этапу (рис. 6).

Могилы 120 обнаружена при выборке зольной ямки могилы 116, под которой находился сосуд. Для получения устойчивых очертаний погребения прилегающая площадь была расширена и освобождена от грунта. Горизонтальная зачистка позволила зафиксировать остатки от кострища и кирпичную кладку на уровне 0,25 м. Входная яма вытянуто-прямоугольной формы глубиной 0,65 м, ориентирована по линии С-В—Ю-З, заложена горизонтальной кладкой в пять рядов, занимает площадь 0,8x0,5 м. Кирпич формован из речного красного песка с добавлением золы и угольков. Могила катакомбного устройства (2,01x2,35 м, гл. – 0,5 м). Камера овальной формы со сводом сооружена в песчано-алевритовом грунте, подстилаяемая аллювиальными глинами. В раз-

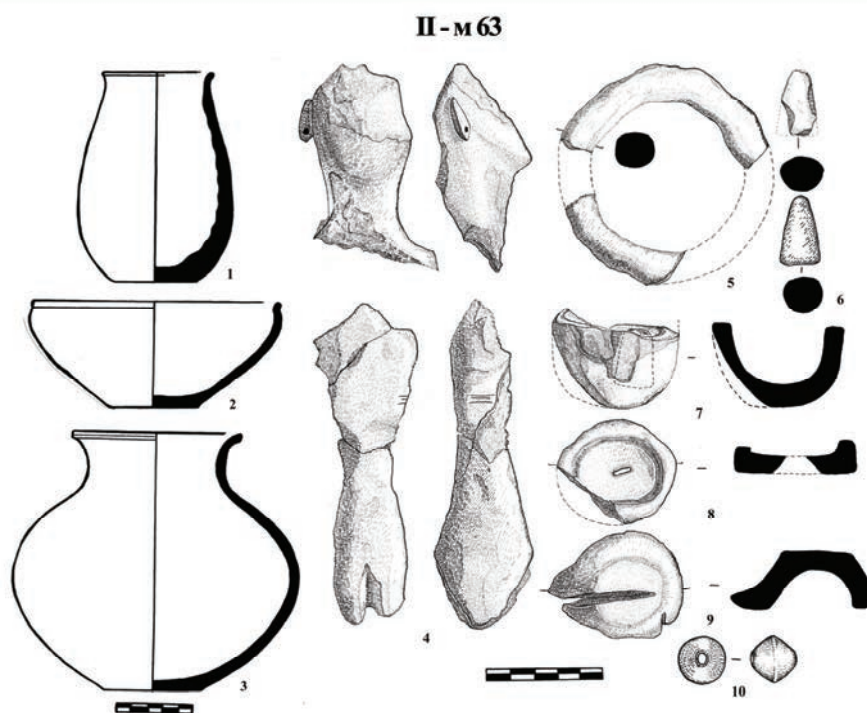
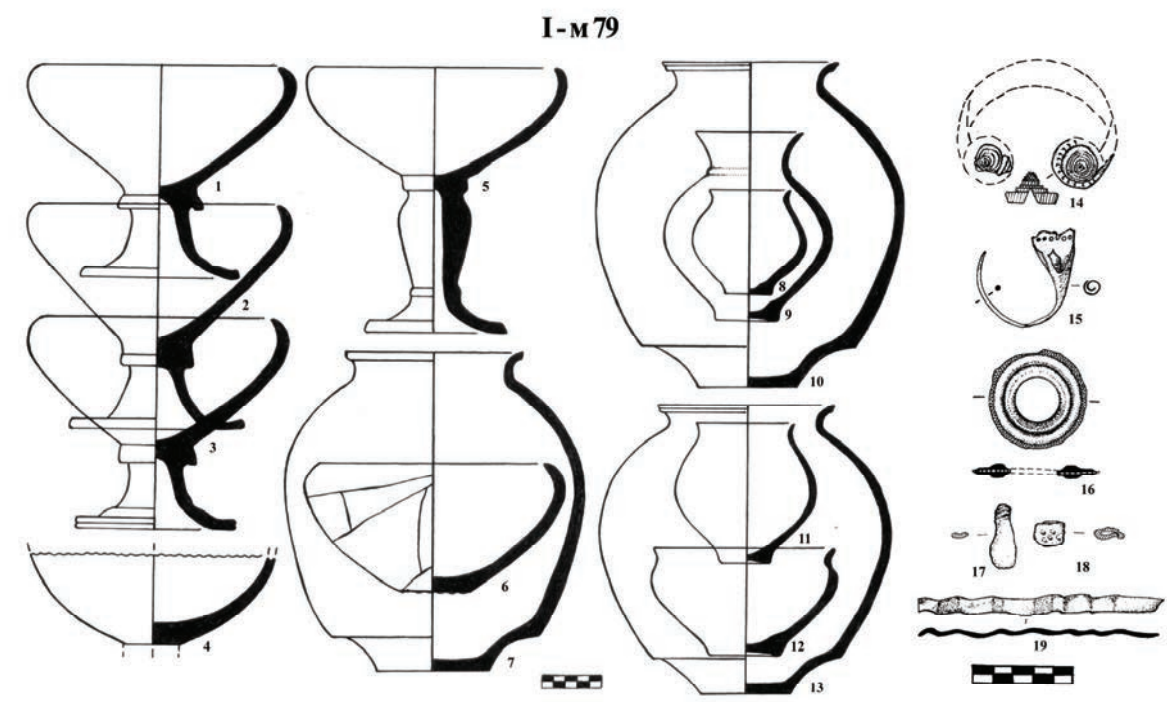

Рис. 4. Керамические комплексы и инвентарь из погребений:
I - могила 79; II - могила 63

резу бровки просматривалась небольшая западина с перемещенными слоями посередине, вероятно, это остатки свода, который провалился внутрь могилы на 0,75 м вниз. На дне на одном уровне выявлена следующая картина: в Ю-В секторе находился череп, ориентированный лицом на С, рядом располагались длинные кости ног взрослого человека, отсеченные в тазобедренной части. Судя по их положению (согнуты в коле-

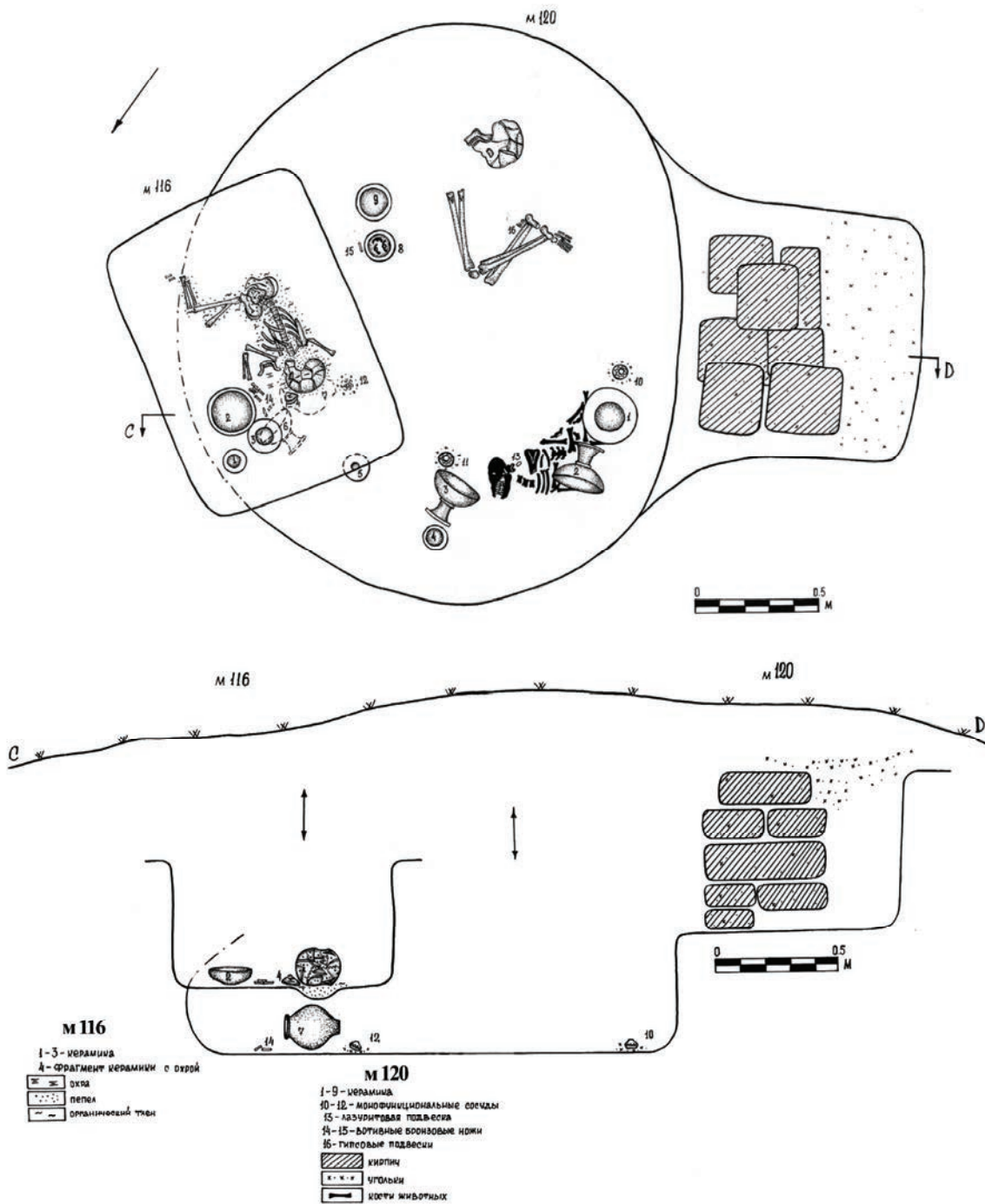

Рис. 5. Бустон VI. План могил 116, 120 на уровне пола и их стратиграфические позиции в разрезе. Цифры в могилах - номера находок

нях) и находок каплевидных подвесок у голеностопа, останки были уложены в могиле, когда мягкие ткани еще не разложились. К С-В от конечностей находились 2 сосуда, в одной из них – в миске были кости овцы, рядом вотивный бронзовый ножи. Вдоль стенок могилы полукругом в направлении С-З-В компактно располагались три скопления сосудов (ваза, кувшин и лепной необожженный миниатюрный сосудик). Интерес представляют монофункциональные горшковидные сосудики, которые стоят на уголь-

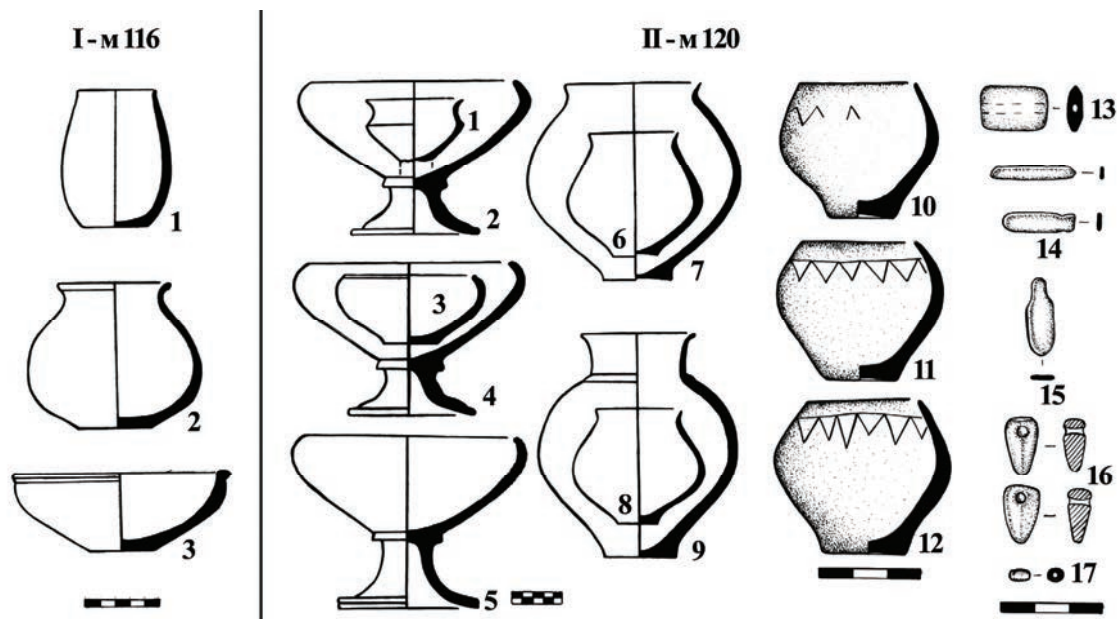

Рис. 6. Керамические комплексы и инвентарь из погребений:
I - могила 116; II - могила 120

ной «подстилке», вверх дном⁶. Они покрыты густой, яркой красной охрой, на линии плеча сосуда нанесен тонко исполненный ряд треугольников вершинами вниз. Между первым и вторым скоплениями сосудов лежали кости расчлененной тушки ягненка. При разборке костей ягненка рядом с черепом обнаружена лазуритовая бусина-подвеска (рис. 5).

Сопровождающий погребенного инвентарь представлен 9 гончарными и 3 вотивными сосудами, в которых сохранились остатки от трех принесенных в жертву овец. В числе находок: 2 лазуритовые каплевидные подвески, 1 – лазуритовая подпрямоугольной формы бусина-подвеска, 1 – агатовая боченкообразной формы бусина, 3 бронзовые миниатюрные копии ножей (рис. 6).

Погребение принадлежит, несомненно, молалинскому этапу, относится к категории фракционных захоронений⁷.

Наблюдения за размещением могил 116-120 указывают на нарушение (M116 отчасти врезалась в M120 почти до дна на С-В участке) бустонского погребения могилы, которая лежит в нижнем горизонте, что могло иметь место из-за утраты внешних ориентиров. Таким образом, хронологический приоритет молалинского погребения, лежащий в нижнем горизонте, очевиден.

Сходную структуру залегания имеют могилы 317-318 на участке Э/18'19'. Они были обнаружены в границах участка при вертикальной зачистке стенки раскопа по многокомпонентному грунту (материковый выкид перекрыт гумусированной супесью, которая в свою очередь залегает над древней поверхностью) по всей высоте профиля стенки. Порядок чередования слоев и мощность погребенной почвы в пределах M317 и M318 отличаются. Стратиграфические соотношения указанных погребений позволяют полагать их значительную разновременность (рис. 7).

Могила 317 выявлена на глубине 1,01 м. Подбойного устройства камера параллельно сопряжена с входной ямой, образующей неправильный овал (0,9x0,5 м). Вход заложен тремя рядами сырцовых кирпичей и речной галькой. Очертания могильной ямы

(1,02x0,9 м) прослежены с уровня последнего ряда кирпичной кладки. Камера (вытянута с З на В) является продолжением входной ямы, отделяющей ее небольшой низкой ступенькой. На дне в западной части компактно (0,2x0,3 м) расположены остатки от кремации (кальцинированные кости человека вместе с остатками от костра – уголь, зола) и бронзовая булава с грибовидным навершием, выступающая из этого скопления. Севернее от последней – миска с ребрами овцы, а ближе к входу – вторая миска с костями (ребра и задняя ножка) барана. У восточной стенки камеры сосредоточены пять сосудов. Весьма существенно характеризуют обряд кремации сопутствующие захоронению сосуды. Среди них «курильница» с крышкой, снабженная отверстиями биконической формы со следами пребывания в огне. Внутри сосуда находился слой сажистого угля и мраморное пряслице (рис. 7, 8-II).

Погребение по обряду трупосожжения относится к бустонскому этапу.

Могилы 318 катакомбной конструкции, зафиксирована на глубине 0,8 м по остатку кострища, вытянута по линии С-В на Ю-З. Входная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами находится к востоку от камеры, заложена мощной кирпичной кладкой в пять рядов. Дно входного проема и камеры соединены ступенькой высотой 0,45 м. Заполнение могилы характеризуется гумусом и тонкими затечными прослойками супеси. Захоронение совершено в довольно обширной камере (2,01x1,08 м, глубина 0,6 м). Стенки камеры сравнительно тщательно обработаны, в значительной мере это связано с тем, что камера вырыта в лессе. Могила подверглась ритуальному «очищению» огнем, о чем свидетельствуют обгоревшие участки земли на дне и стенках, а также отдельные угольки. На дне, в Ю-В секторе компактно находится неполный комплект костей человека. Обращает на себя внимание отсутствие отдельных частей скелета: позвонки, некоторые трубчатые кости, нижняя челюсть. Череп на боку лицом на С-З лежит с костями ног и таза. В северном секторе находились правая половина тушки барана на правом боку; головой на В, мордой на С, рядом миска с костями (ребра) барана и вотивный охровый сосудик. Примечательная особенность погребения – сосуды расставлены вокруг костей животного.

Погребение относится к обрядовой группе ингумации (вариант – вторичное перезахоронение) и датируется молалинским временем (рис. 7, 8-I).

Расположение могил (М317 частично подрезает угол М318 в С-В части) связано с последовательностью сооружения погребений, о чем мы писали выше. Они выделяются стратиграфически, где основание М317 пререзает гумусный слой серо-зольного цвета, который является продуктом разрушения намогильного сооружения М318.

К числу значимых для подтверждения стратиграфических наблюдений и хронологии относится позиция М236 по отношению к сооружению М235 (входит в состав сакрализованной площадки), исследованных на участке Ш-Ы/14'-16'.

«Могила» 235.⁷ На глубине 0,9-0,6 (по рельефу склона) обнаружен каменный настил подпрямоугольной формы (2x3 м), выложенный в квадратном углублении (глубина – 0,3 м), сложенный из гальки, белого гипса, вперемежку с щебнем, возведенный на кострище (0,8-0,6 м). На поверхности нет следов от горения. При расчистке между и под камнями найдены украшения и фрагменты степной керамики. Вокруг каменного настила – преднамеренно разбитые сосуды как свидетельство каких-то ритуальных действий (тризна), во время которых разбивались глиняные сосуды (рис. 9). Керамика представлена посудой, хорошо знакомой по могильным и поселенческим комплексам молалинского этапа: ваза на низкой плоской массивной ножке с коническим глубоким резервуаром; горшок с округлым туловом, выделенным кольцевым поддоном; кувшин

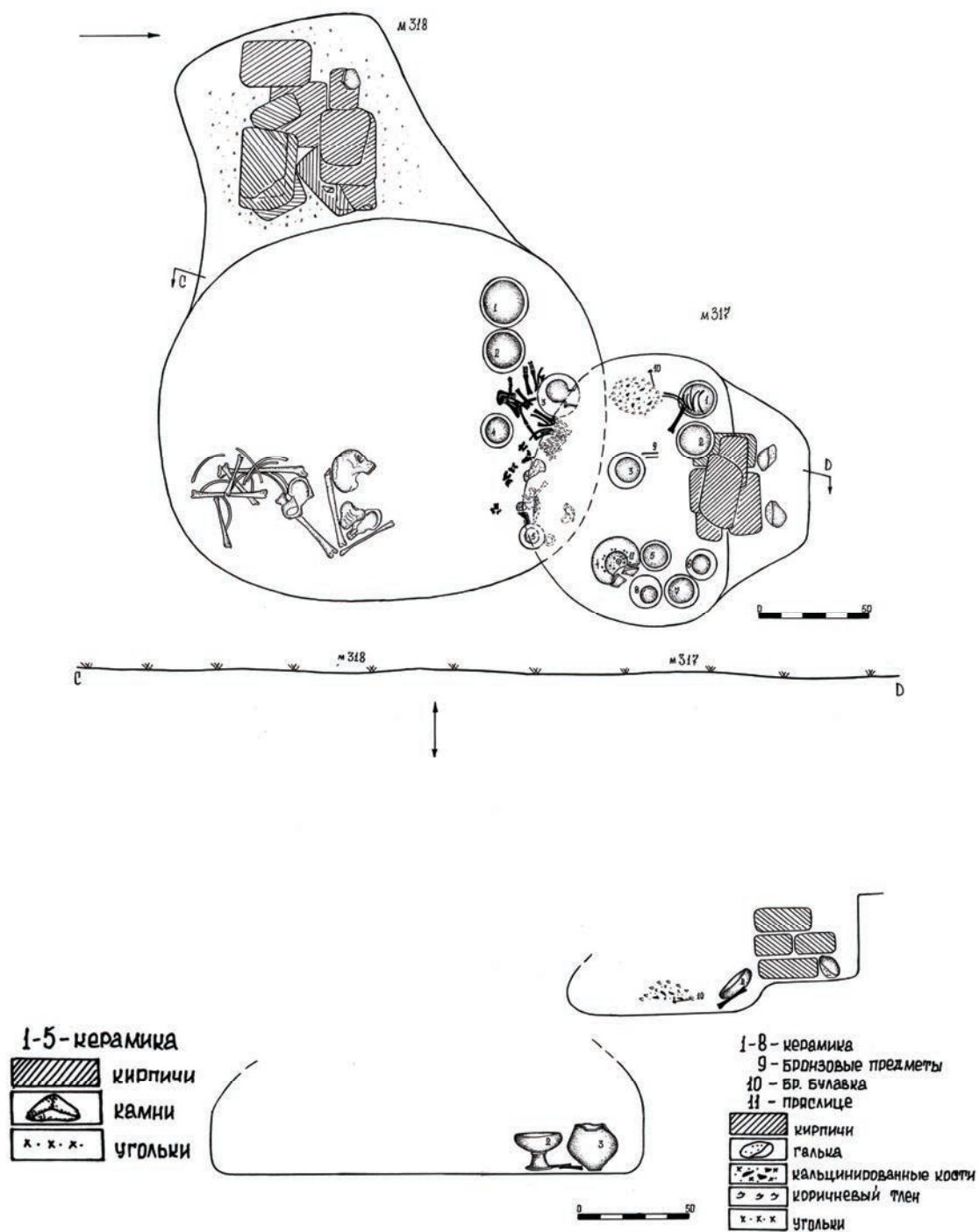

Рис. 7. Бустон VI. План могил 317, 318 на уровне пола и их стратиграфические позиции в разрезе. Цифры в могилах - номера находок

с широкой горловиной, сильно отогнутым венчиком и подкошенным дном (рис. 10, I-15, 16, 12).

К описанной площадке приурочены остатки от двух кострищ, грунтовый алтарь, помин (Аванесова, 2002. С. 110). Раскопки на площади 72 кв.м привели к открытию сакрального объекта, связанного с какими-то церемониями и совмещенного с местом для естественной экскарнации усопшего. Одним из существенных ориентиров назна-

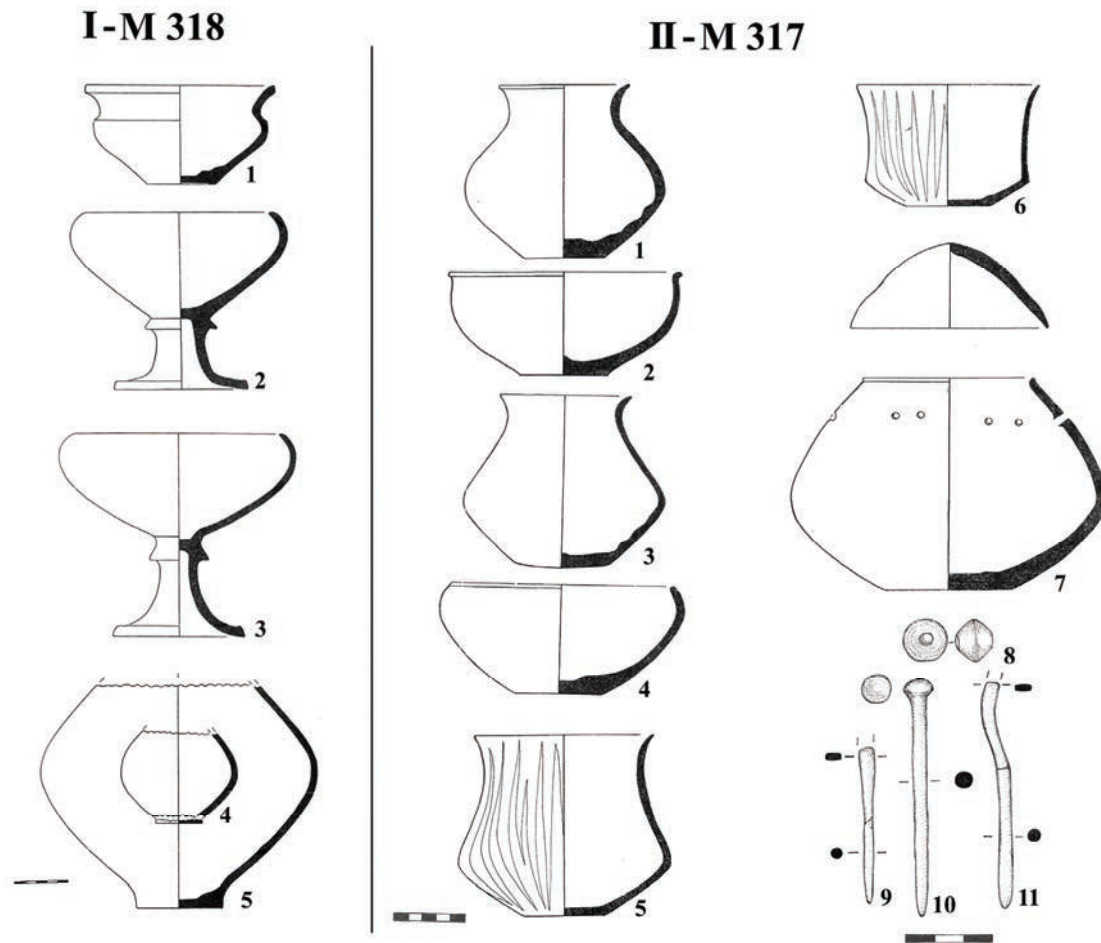

Рис. 8. Керамические комплексы и инвентарь из погребений:
I - м 318; II—м 317

чения каменного настила как места для временного выставления тел, является наличие: бронзовых бус, бисера, бусин из лазурита, сердолика, бирюзы, фрагмента бронзовой булавки с грибовидным навершием, керамического навершия булавки, серебряной (фрагмент) и бронзовой серьги-подвески (рис. 10, I, 1-10), в которых нужно видеть свидетельства того, что усопших выставляли на помосте в одежде. Большой неожиданностью явилось обнаружение при препарировании нижнего слоя камней двух фрагментов федоровской керамики – (рис. 10, I, 13-14). Таким образом, состав находок каменного настила позволяет полагать, что перед нами смертный помост («дахма») со следами посмертных церемоний.

Могила 236 обнаружена на глубине 0,4 м по остаткам от костра (0,5x0,6 м), куда входили вкрапления обломков пережженных костей. Устройство погребального сооружения подбойного типа, ориентировано по линии с С-З на Ю-В. Вход в подбой (1,01x0,6 м) оформлен двумя отвесными ступеньками, заставлен кирпичной кладкой. Последняя сохранила свое первоначальное наклонное положение. Округлое почти горизонтальное дно камеры (1,04x1,03 м) ниже уровня входной ямы на 0,7 м. Заполнение могильной ямы четко выделяется благодаря включениям камней и гумусированной супеси. Характер залегания и структура позволяет полагать, что это следы постепенного процесса заполнения камеры и связаны прежде всего с разрушением свода ямы, ко-

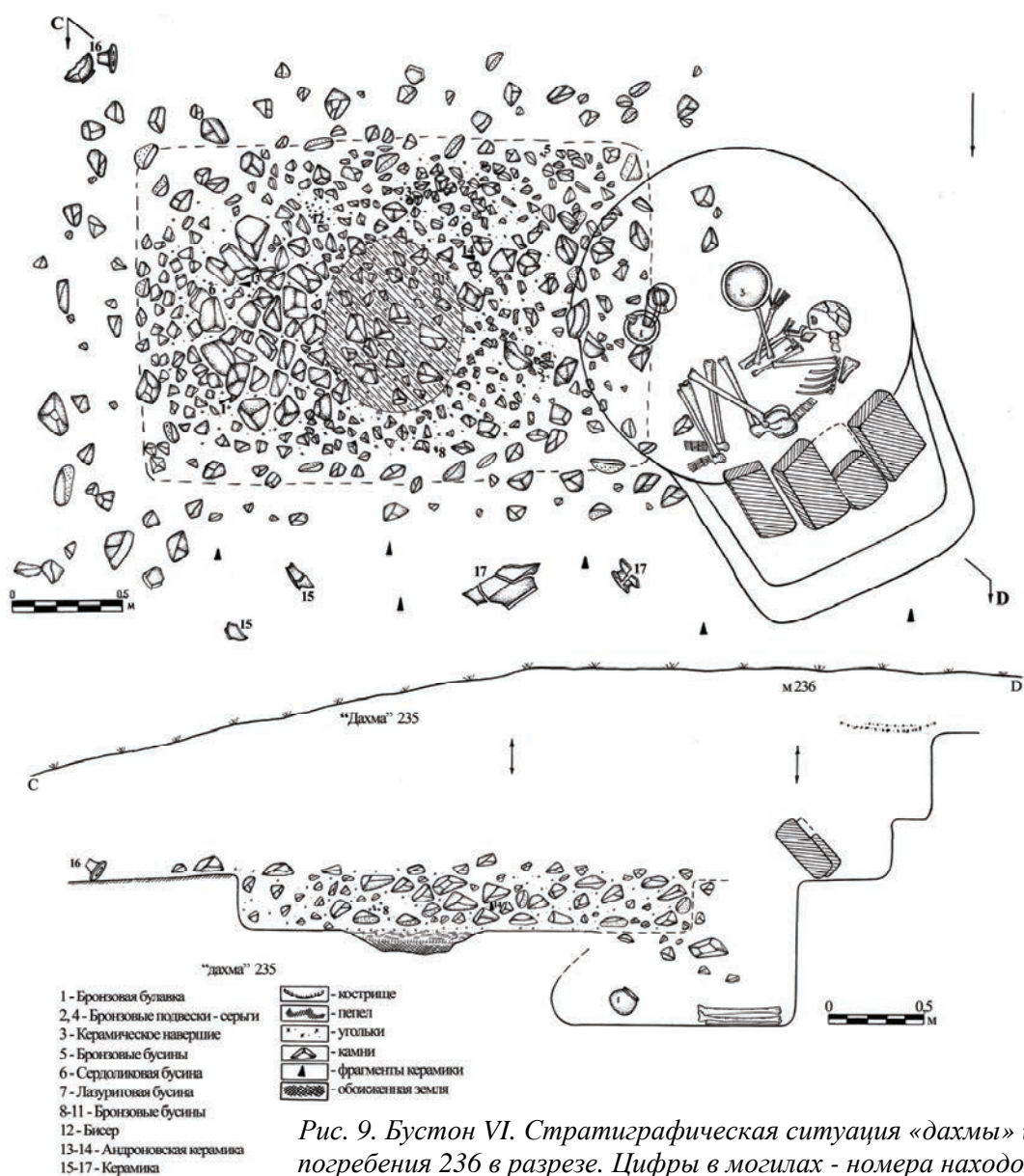

Рис. 9. Бустон VI. Стратиграфическая ситуация «дахмы» и погребения 236 в разрезе. Цифры в могилах - номера находок

торый был устроен под «дахмой». В могиле лежал спиной к входу скелет взрослого человека, скорчен на правом боку головой на 3 с отклонением к Ю, руки согнуты в локтях, ноги в коленях. У кисти рук погребенного стояла миска конической формы, в С-В секторе напротив ног находились два горшка с биконическим туловом (рис. 10, П -1, 2, 3).

Принадлежит погребение, несомненно, бустонскому этапу. Могильную яму № 336 выкопали на участке, ранее занятом «дахмой». Это могло произойти только при таких обстоятельствах, когда сакральный участок, который относится к молалинскому этапу, не функционировал. Стратиграфические особенности расположения «дахмы» и М236 однозначно свидетельствуют о более позднем возрасте бустонского погребения, что подкрепляется и керамикой. Отмеченный факт прямой стратиграфии есть еще один пример последовательности молалинского и бустонского этапов.

Непрерывная культурная последовательность молали-бустонских этапов отмечает-

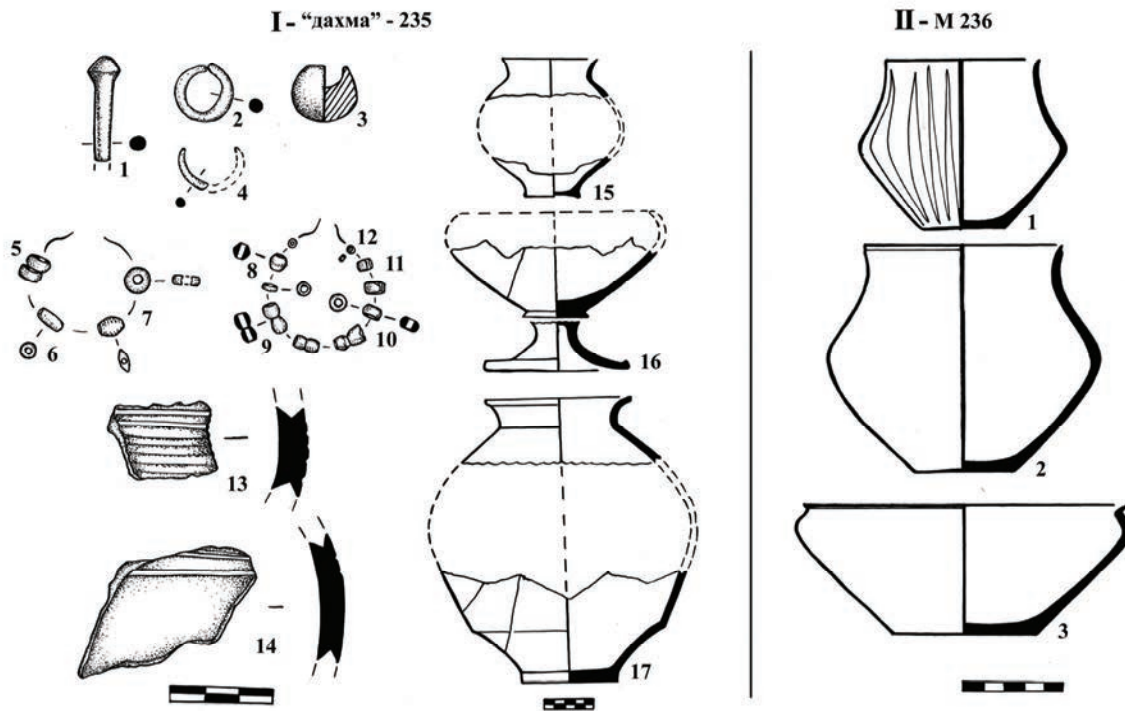

Рис. 10. Керамические комплексы и инвентарь из «дахмы» и погребения

ся также случаями частичного разрушения первых при последующих захоронениях вторичными. Материальным свидетельством тому являются стратиграфические позиции погребений 283 и 283^A на участке E'/5'-6' (рис. 11).

Могила 283 – обнаружена на глубине 0,7 м по керамике (фрагменты от двух сосудов), по кирпичной кладке входной ямы на уровне древнего горизонта. Катакомбное погребение со ступенчатым входом ориентировано по линии С-Ю, его подквадратный с закругленными углами вход (0,8х0,7 м, глубина 0,5 м) расположен с северной стороны. Камера вырублена в южной стене, округлые контуры определены лишь на глубине 0,9 м по заполнению мягкой супеси желтоватого цвета и незначительным остаткам от кремации. Вероятно, последняя оказалась в заполнении в результате изменения водного режима Бустонсая (в придонной части ямы следы затекания аллювия), когда могила постепенно заполнялась грунтом. Дно камеры ниже уровня входного уступа на 0,7 м. На дне (1,06х1,03 м) в северной части, у входа компактно помещены кальцинированные кости (с остатками от костра – пепел с угольками) на темной органической подстилке. Вне остатков от кремации, но рядом зафиксированы бронзовые бусы и серьга-подвеска. Сопровождающие захоронение сосуды с пищей (в вазе – ребра овцы с вотивным топором) стоят в ряд по центру южной части могилы как бы вдоль «тела». Данные сами по себе показательны и в комментариях не нуждаются (рис. 11, I, 1-11). Погребение с кремацией датируется бустонским этапом.

Могила 283^A – обнаружена по разности грунта у дна могильного заполнения M283 (M283^A – серый суглинок речного происхождения; M283 – гумусированная супесь). Устройство погребения подбойно-катакомбного типа (1,01х0,6 м) с небольшой входной ямой (0,7х0,4 м, глубина 0,2 м), заложеной кирпичной кладкой в один ряд. Погребение ориентировано по линии С-Ю, вход оформлен с южной стороны. На дне, вдоль северной стены обнаружили немногочисленные кости ребенка, череп отсутствовал.

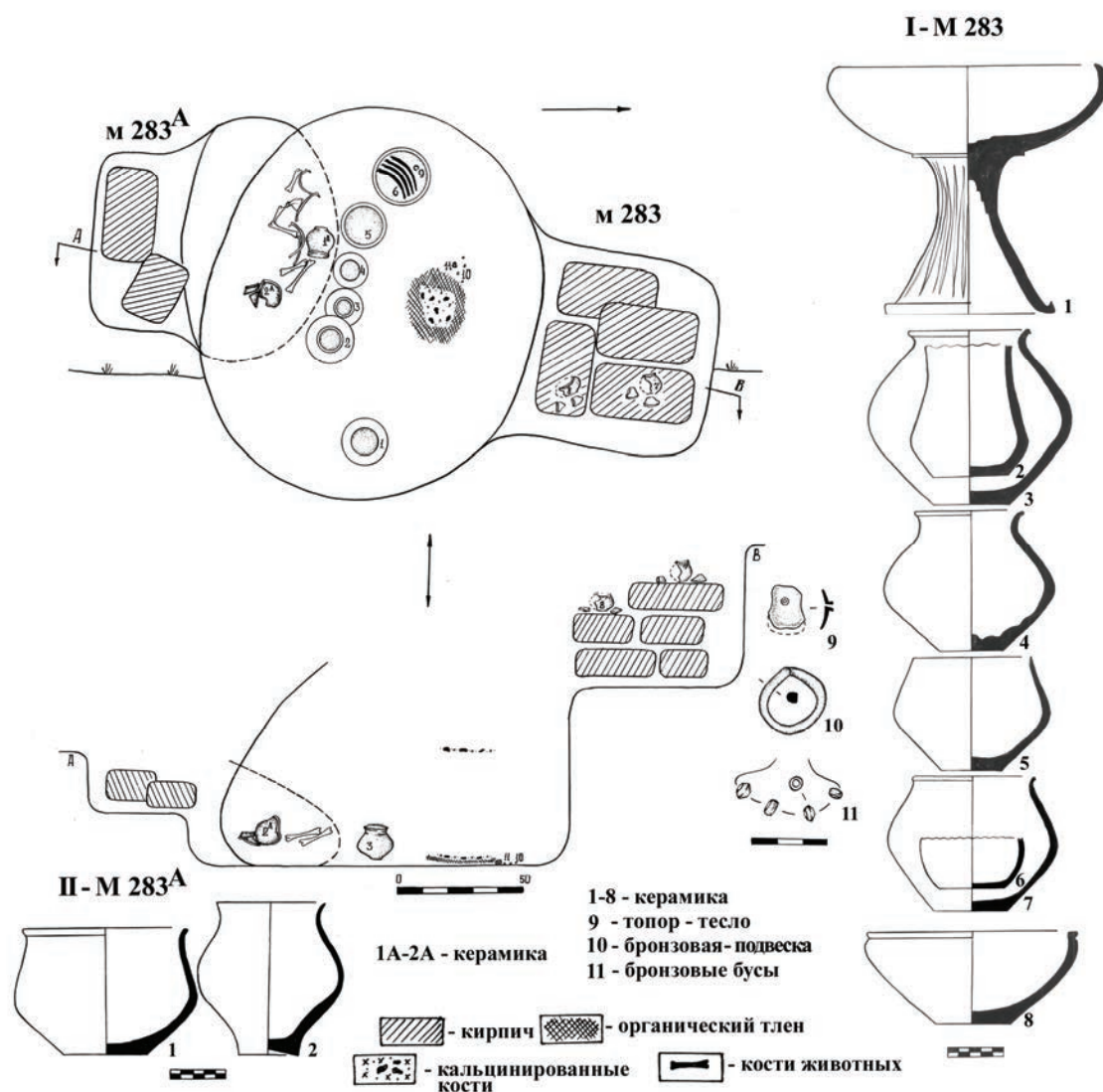

Рис. 11. Бустон VI. План могил 283, 283^A на уровне пола и их стратиграфические позиции в разрезе. I—керамический комплекс и инвентарь м 283; II—керамический комплекс м 283^A

Среди костей находился горшок с округлым туловом на узком кольцевом поддоне, черепки от второго сосуда (нижняя часть и отдельные фрагменты приземистого горшка с округлобиконическим туловом, широким устьем) обнаружены в восточном углу могилы (рис. 11, II, 1-2). Время, разделяющие эти могилы, исчисляется, возможно, десятками лет, в течение которых ранее сделанная могила (M283^A) могла заполниться грунтом.

Таким образом, зафиксировано, что погребение с кремацией бустонского этапа (M283) при устройстве обширной катакомбной камеры врезалось в С-В часть могилы с захоронением ребенка (M283^A), потревожив останки погребенного и часть инвентаря.

Разновременность хронологических позиций могильных комплексов дополняет керамика. Наибольшим разнообразием керамических типов бустонского периода отличается M283. К формам посуды, которые являются диагностическими для керамики бустонского времени, относятся: ваза с глубоким полусферическим резервуаром с плавно

загнутым внутрь венчиком на массивной полый ножке в виде раструба, поверхность которой окрашена красной краской и имеет вертикальное полосчатое лощение (рис. 11, П-1) горшки с туловом биконической формы с округлым ребром, плоским дном (рис. 11, I- 3, 4, 5, 7); крынка с раздутым, биконическим туловом, с уплощенным донцем (рис. 11, I-2); миска глубокая с округлыми плечиками, узким желобком под бортиком и плоским краем венчика (рис. 11, I-8). Важной особенностью описанной керамики, и бустонской в целом, является техника формовки (более грубая, толстостенная, сосуды имеют производственный дефект), на донце сосудов имеется так называемая «вихревая розетка» - спиралевидный след срезания ножом с гончарного круга. Значительная часть посуды покрыта густой красной краской.

Керамика, представленная в погребение М283^А, имеет убедительные соответствия в материалах молалинского этапа – горшок с округлым туловом, отогнутым наружу заостренным венчиком и вытянутой придонной частью на кольцевом поддоне (рис. 11, П-2). Что касается второго горшковидного сосуда приземистой формы с округлобиконическим туловом с широким устьем, то он, на наш взгляд, является прототипом будущих форм биконических горшков (рис. 11, П-1).

Рассмотренные материалы вместе с наблюдениями в других комплексах БVI содержат факты, подтверждающие внутренние генетические связи двух финальных этапов СК.

Некрополь Бустон VII – общая площадь более 1,5 га, абсолютная высота останца – 4 м. Топография и стратиграфия почвенных слоев нами рассмотрены выше. Необходимо только отметить, что раскопки велись в течение трех полевых сезонов (1987-1989 гг.), исследовано 100 могил, но не все они достаточно информативны из-за частичных ограблений. Выявленная мощность культурного слоя составляет 0,4-1,9 м. Могильник разновременный, отражает четыре последовательных археологических комплекса (джаркутанский, кузалинский, молалинский и бустонский) СК. Погребения перечисленных этапов отличаются по сумме сочетаний обрядовых особенностей с инвентарем, в первую очередь, с керамикой.

Наблюдения за размещением могил, прямые стратиграфические позиции исследуемых погребений выявили 9 связанных пар могил из 100, представляющих безусловный интерес для разработки шкалы относительной хронологии СК. К числу значимых стратиграфических наблюдений в связи с дискуссией по поводу признания кузалинского этапа финальным звеном СК (Teufer, 2005. P. 205) относятся выявленные нами три достоверных факта, которые подтверждают положение относительной хронологии СК: молалинскому этапу предшествовал кузалинский.⁹

Обратимся к описанию погребений М52–М53 (участок И/13-14) и М83—М84 (участок О/17-18).

«Могила» 52 – обнаружена при горизонтальной зачистке на глубине 0,3 м. В небольшой овальной яме (0,85-0,55 м, глубина 0,2 м), ориентированной по линии С-В—Ю-З, на уровне древнего горизонта расчищено два сосуда: миска усеченно-сферокопической формы, с выраженным ребром по тулову, низкой горловиной и резко отогнутым наружу приостренным венчиком, на узком кольцевом поддоне; крынка подцилиндрической формы с раздутым округлым туловом, плавно отогнутым наружу закругленным краем венчика и плоским дном. Сосуды расположены друг от друга на расстоянии 0,4 м (рис. 12).

Описанный помин автономен, относится к молалинскому этапу.

Могила 53 – обнаружена при вертикальной зачистке стенки раскопа по кирпичной

кладке на глубине 0,7 м. Подбойная камера была вырыта в южной стенке подквадратной входной ямы (0,7x0,4 м, глубина 0,25 м), вход в камеру был заложен кирпичной кладкой. Последняя потревожена, фрагменты кирпичей расчищены в заполнении (плотный песчанистый суглинок с затеками в придонной части) и на дне могильной ямы. Камера овальной формы (1,06x0,9 м) ориентирована по линии З-В. Подбой с покатым сводом сохранился на высоту 0,4 м. На дне по центру могильной ямы размещены в одну линию 8 сосудов: 3 вазы с балясинообразной ножкой; 3 кувшина с подкошенной нижней частью и с циркульным орнаментом; 2 горшка с округлым туловом на кольцевом поддоне. В одной из ваз (№6) – остатки мясной пищи (ребра барана) и двулезвийный пластинчатый нож, под этой же вазой – кости молодой овцы от задней ножки в сочленении, рядом тоже нож. Костные остатки (бедренная, большая берцовая, ребра) не менее двух овец находились в кувшинах (№ 5, 6). В горшковидном сосуде (№ 3) сохранились остатки от костра (?) – пепел с угольными обмазками. У входа, рядом с обломками кирпича обнаружен тесловидный топор. Все бронзовые предметы – вотивные. В центре камеры, между сосудами найдена гипсовая плоскоцилиндрическая бусина со следами окиси меди. Под сосудами отчетливо прослеживались темно-коричневые волокнистые органические остатки.

Могила относится к разрезу символических (можно предполагать, что связана с закланием нескольких жертвенных животных), по времени – кузалинский этап. Культурная принадлежность и время сооружения М52—М53 определяются по керамическим комплексам (рис. 13). Стратиграфический разрез отражает свидетельства последовательного возведения помин и могилы: молалинский помин сооружен с частичным наложением на кузалинское погребение (перекрывает Ю-З часть М53), без существенных нарушений ее формы (рис. 12).

Отдельного внимания заслуживают случаи неоднозначного стратиграфического соотношения кузалинского и молалинского комплексов (М83/М84), наблюдаемые на участке 0/17, 18. Рассмотрим их.

Могила 84 – обнаружена при вертикальной зачистке стенки основного раскопа, на глубине 0,9 м, где просматривалось как аллювиальные отложения были прерваны гумусным включением, который по отношению к основному грунту – рыхлый. Разбирая этот слой и расширяя площадь исследования, выявили катакомбного устройства камеру, ориентированную с С-З на Ю-В. Погребение вырыто под юго-восточной стенкой входной ямы (0,9x0,6 м), дно которой на 0,8 м выше дна камеры. Вход заложен кладкой в четыре ряда кирпичей, последние стоят на угольно-зольной прослойке. Погребение ограблено в древности, в заполнении могильной ямы (1,9x1,08 м) на разных горизонтах встречались кости человека, мелкого рогатого скота, фрагменты керамики. В могиле в беспорядке разбросаны разрозненные кости женщины 35-40 лет, таз, кости ног, ключица и некоторые другие сосредоточены в восточном секторе камеры, а череп, плечевая, локтевая, лопатка, фаланги рук находились в западной половине могилы.

При расчистке тазобедренной кости зачищен мелкий пастовый бисер (более 60 шт.), у фаланг обнаружены – 2 лазуритовые каплевидные подвески. Среди костей человека тоже в беспорядке на угольно-зольной прослойке лежали кости овцы (задавленный череп, позвонки, некоторые кости конечностей в сочленении). В беспорядке находились в могиле и сосуды: у входа располагались 4 кувшина разного типа и одна миска, опрокинутая верх дном на остатки погребальной пищи (задняя ножка овцы); 2 вазы на низкой ножке с глубоким резервуаром и фрагмент скошенной придонной части кувшина находились вдоль Ю-З стенки камеры (рис. 14). Вся керамика характерна для

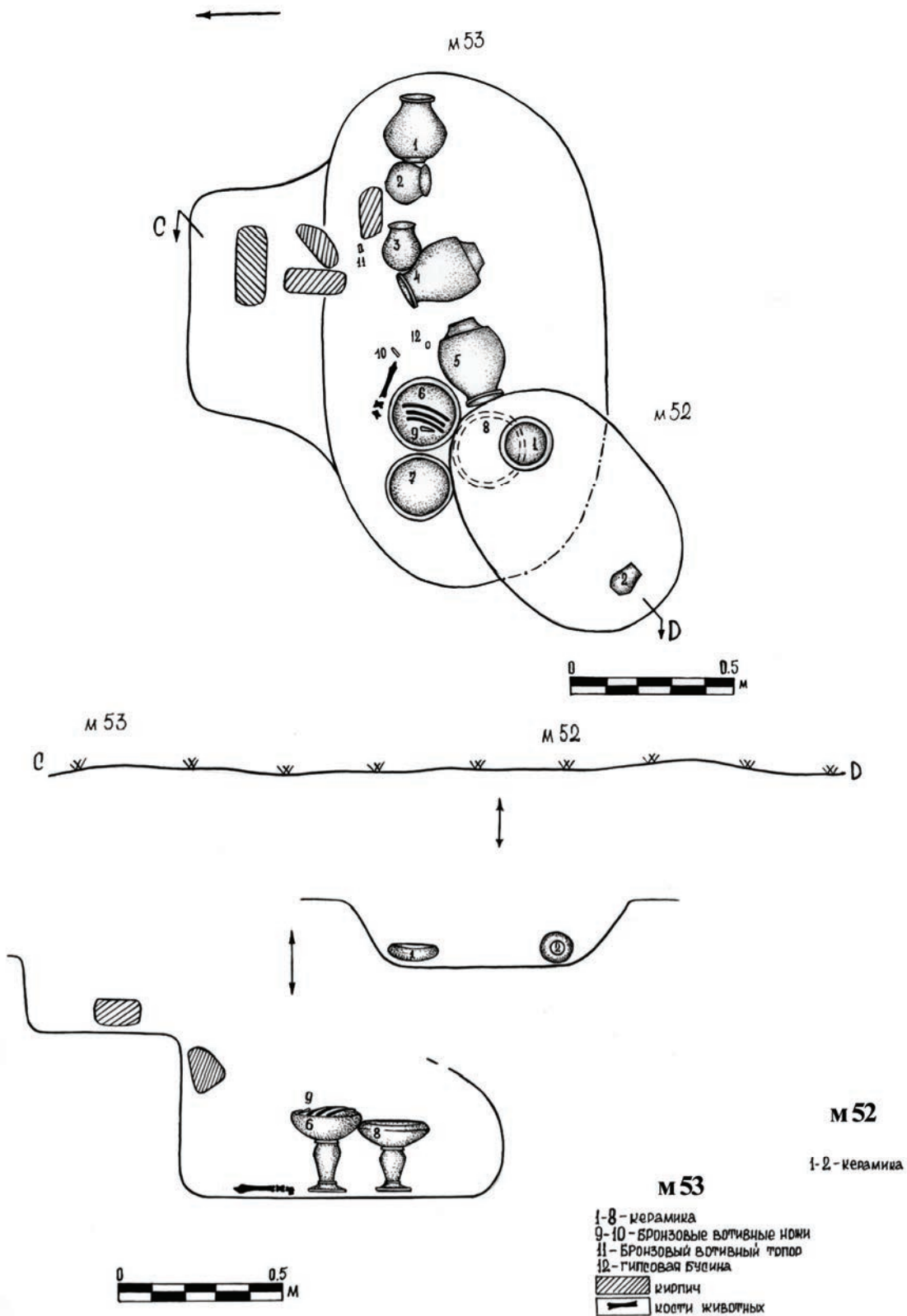

Рис. 12. Бустон VII. План могил 52, 53 на уровне пола и их стратиграфические позиции в разрезе. Цифры в могилах - номера находок

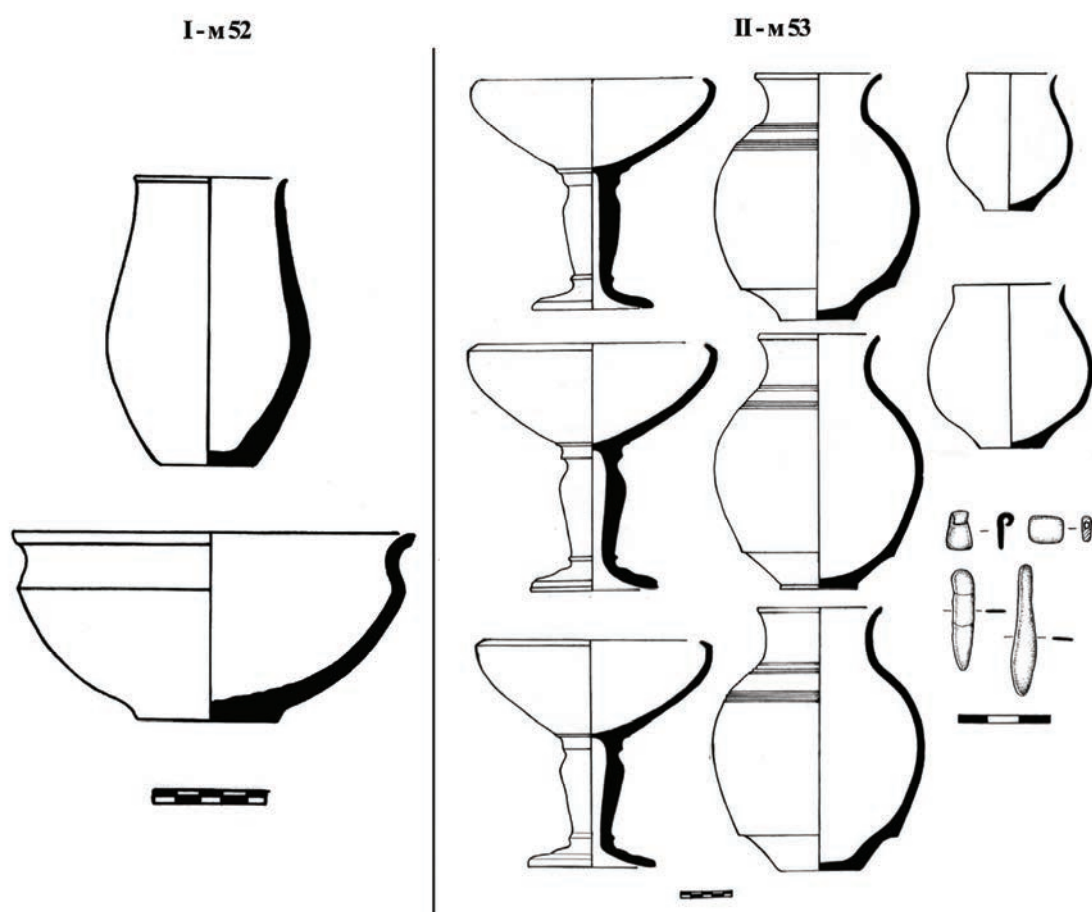

Рис. 13. Керамические комплексы и инвентарь из погребений М 52 и М 53

молалинского этапа (рис. 15). Анализ антропологического и остеологического материалов позволяет считать, что вместе с женщиной захоронена овца.¹⁰

Могила 83 обнаружена по структуре могильного пятна, установленного после прокапывания на штык дна могильной ямы М84¹¹. Очертание подпрямоугольного пятна (1,09x1,06 м) зафиксировано на глубине 1,06 м, ориентировано длинными сторонами по линии С-Ю. Подбой конструкции погребения выявлен на глубине 1,08 м. Могила устроена в (лессовом материке) южной стенке входной ямы, на которой прослеживался темно-коричневый слой тлена, что дало возможность установить размеры (1,01x0,5 м) входной ямы.¹² Ее дно находится на 0,4 м выше дна камеры. На плоском дне, округлой могильной ямы (1,06x1,07 м), в центре, между сосудами расчищена угольно-зольная прослойка площадью 0,6x0,4 м. Сосуды – 3 вазы на высоких балясинообразных ножках стоят в ряд вдоль южной стены, 2 кувшина с высокой горловиной и подкошенной придонной частью стояли у входа по углам могильной ямы. У юго-западного угла, рядом с вазой (3^А) лежали остатки погребальной пищи – 4 ребра и бедренная кость молодого джейрана. В кувшине (2^А) находились также кости джейрана: обломок таза, берцовая, астрагал, пяточные (рис. 14).

Несколько неожиданным является наличие костей джейрана (остатки от четырех кусков мяса) к тому же от правой половины животного. Погребение символическое, время сооружения относится к кузалинскому этапу. Кузалинским индикатором выступают прежде всего вазы на балясинообразных ножках (рис. 15).

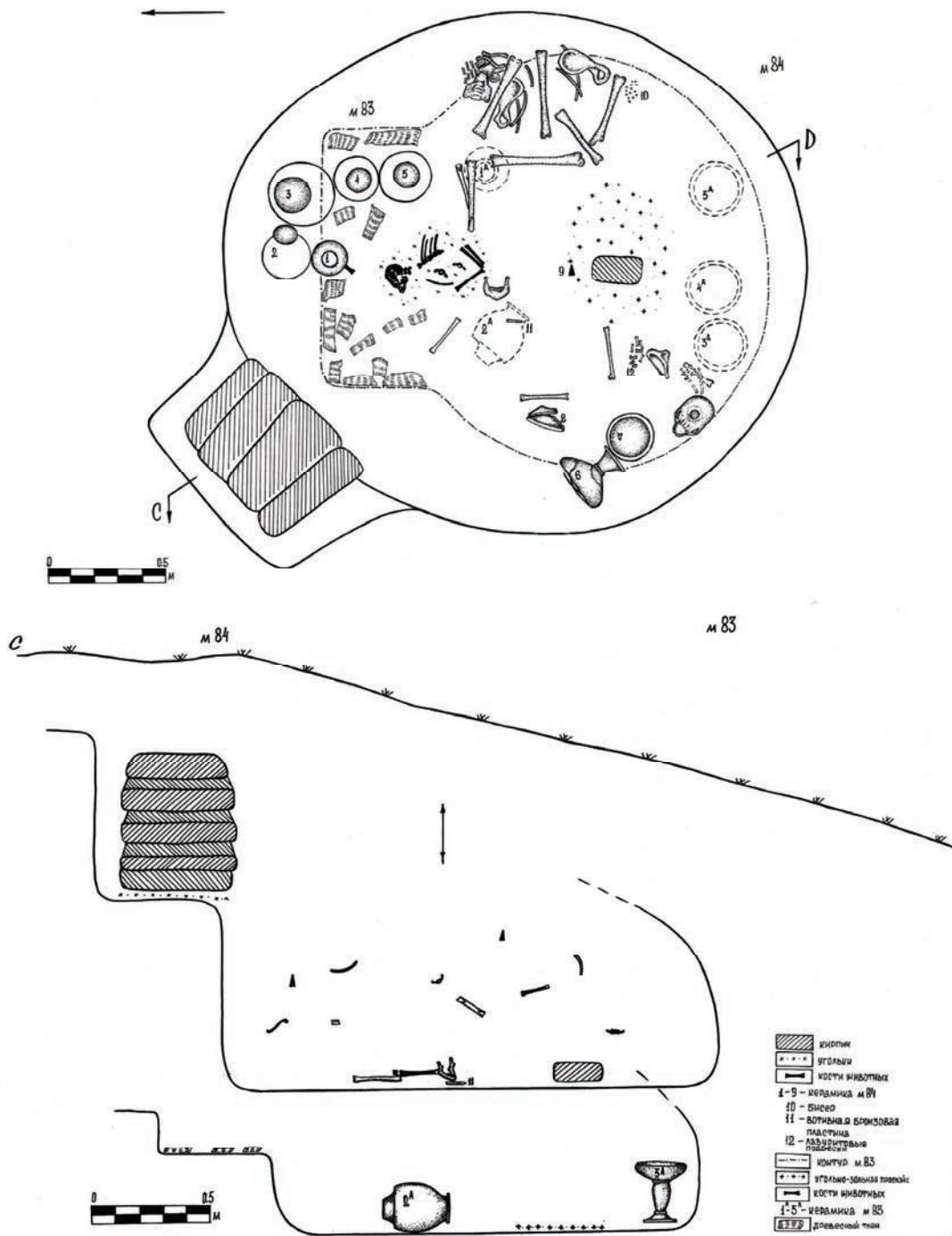

Рис. 14. Бустон VII. План могил 83, 84 на уровне пола и их стратиграфические позиции в разрезе. Цифры в могилах - номера находок

По стратиграфическому залеганию рассмотренных могил (рис. 14) очевидно, что к моменту возведения молалинской могилы (М84) кузалинское погребение (М83) визуально не фиксировалось, т.е. надмогильная конструкция М 83 была сnivelирована. Отметим, что горизонтальное залегание суглинка, чередующееся слоистыми речными отложениями заполнения М83, позволяет сделать заключение, что кузалинская могила

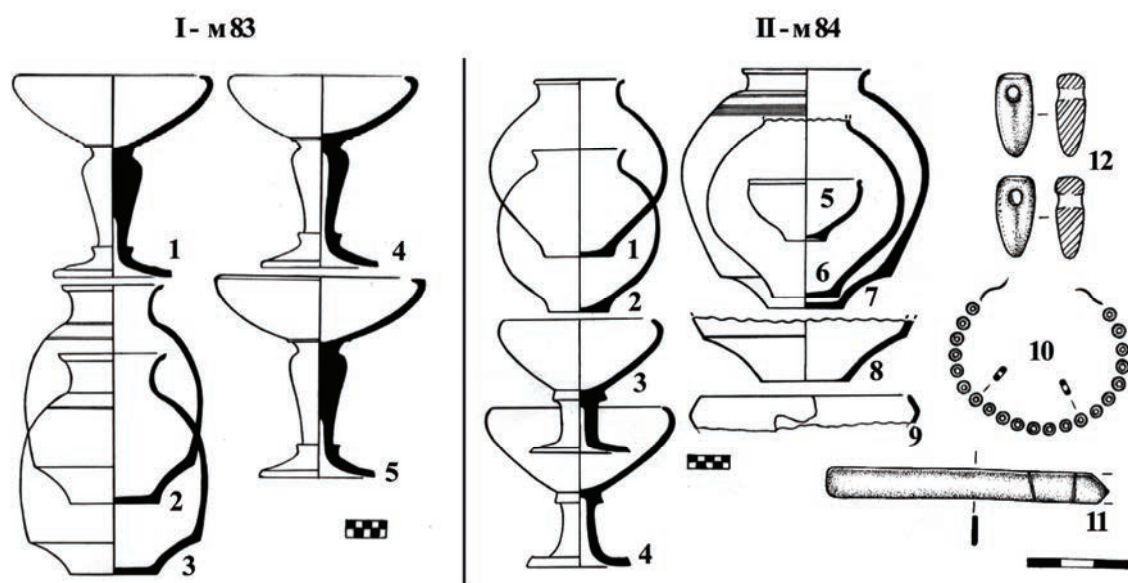

Рис. 15. Керамические комплексы и инвентарь из погребений:
I - могила 83; II - могила 84

была заполнена аллювием и обвалившимся сводом, когда сооружали молалинское погребение. Таким образом, М84 располагается практически над М83, т.е. молалинская могила устроена поверх кузалинской, что нашло отражение в указанной стратиграфической ситуации.

Рассмотренные случаи стратиграфии в целом, несмотря на их немногочисленность, явились органическим продолжением выявленных общих тенденций преемственной связи между кузали-молали-бустонскими комплексами. Основанием для культурной атрибуции служили как облик керамических комплексов, так и погребального обряда.

В свете настоящей дискуссии представляют интерес материалы, полученные нами в результате исследования могильника Джаркутан IV. Весной 1986 года объектом проведения наших работ был южный участок останца могильника, условно названный Джаркутан 4В¹. В течение одного полевого сезона удалось изучить 20 захоронений. Среди них – 3 джаркутанских, 4 – кузалинских, 7 – молалинских, 6 – бустонских. Отмечены 3 случая стратиграфически связанных пар могил, среди них неоднозначное соотношение погребений, отражающих джаркутанский (М13) – кузалинский (М17^А) – молалинский (М17) комплексы, частично наложившихся друг на друга в ходе их сооружения. Стратиграфический разрез южной стенки раскопа II подтвердил их генетическую и хронологическую связь (Аванесова, 1991. С. 67-78, рис. 2). Материалы Джаркутан 4В¹ содержат дополнительные факты, документирующие правомерность схемы археологических периодов СК. Отметим: в наших исследованиях нет ни одного наблюдения, которое противоречило бы этой схеме.

Имеющаяся выборка стратифицированных погребений (некрополи БVI, БVII, Джаркутан 4В¹) в силу своей немногочисленности не является репрезентативной, но не занижает источниковедческую значимость полученного материала для изучения культурогенеза древнейшей истории Бактрии.

Некоторые итоги и их обсуждение

Памятники сапаллинской культуры, расположенной на землях древнейшей Бактрии – объекты большой исторической и научной значимости, и любые комментарии в от-

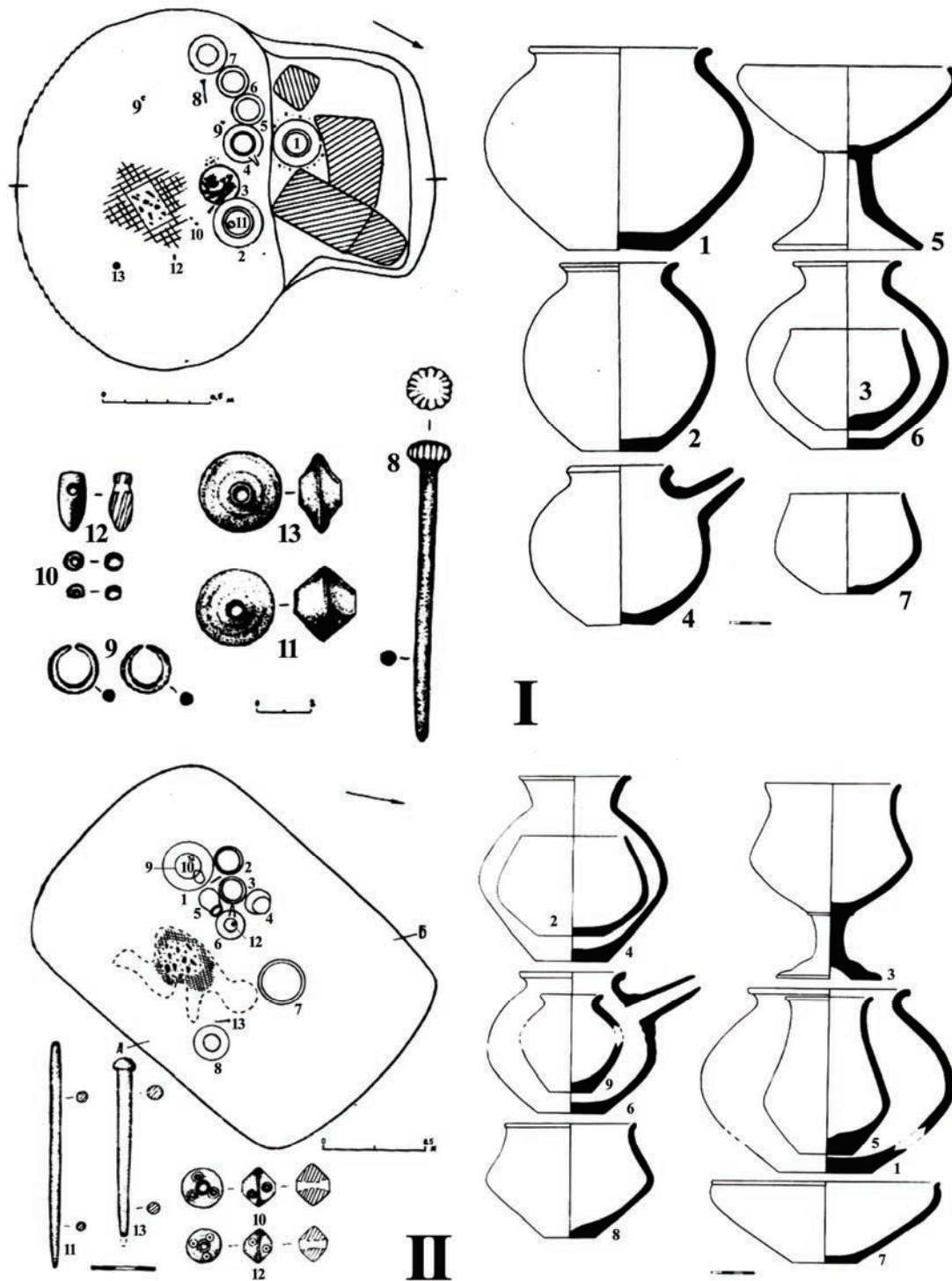

Рис. 16. Бустон VI. План могил и инвентарь:
1 - могила 148; 2 - могила 219

ношении их должны быть аргументированы и подвергнуты обсуждению. Тем более когда многие исследования последних десятилетий еще мало известны не только широкой археологической общественности, но даже бронзовикам-среднеазиаведам. В чем автор имел возможность неоднократно убедиться. Современное состояние источников требует большой осторожности при интерпретации тех или иных фактов и стро-

го ограниченных выводов, которые при некоторых обстоятельствах могут привести к искажению исторической картины историко-культурных процессов. Наша задача в этой части статьи – акцентировать внимание на внезапно выявившихся в последние годы различиях в трактовке завершающих этапов СК. Подобная попытка, на наш взгляд, связана с тем, что завершающий период сапаллинской культуры изучен очень слабо. Важным вкладом при этом могут стать значительные работы на могильниках Бустон VI и VII – более 500 могил. Стратиграфические наблюдения, коррелирующиеся с планиграфической схемой, и вещественные находки, как мы указывали выше, позволяют видеть поступательность трех последних периодов СК. Наши материалы, надеемся, будут способствовать преодолению кризиса доверия к относительной хронологии СК. Активное накопление материалов на протяжении двух последних десятилетий имело место и в Юго-Западном Таджикистане, регионе весьма близким по темпу исторического развития - с единой культурно-генетической подосновой, что не может не привлечь к себе внимание, т.к. в них четко прослеживаются молалинские и бустонские комплексы (Виноградова, 2004). Хронологическая последовательность молалинских и бустонских комплексов четко прослежена и в стратиграфических шурфах, заложенных на различных всхолмлениях поселения и могильников Джаркутан, а также могильника Бустон IV У. Рахмановым (1987. С. 6, 12-13), где бустонские комплексы занимают поздние хронологические позиции в системе СК, а не кузалинские, как это предполагают наши немецкие коллеги (Kaniuth, Teufer, 2001; Teufer, 2005. С. 205). К сожалению, неопубликованные исследования развернутой вертикальной и горизонтальной стратиграфии (19 шурфов) У. Рахманова (1987), сравнительно-исторический анализ динамики развития погребальных комплексов (1500 погребений из 15 могильников) В.И. Ионесова (1990)¹³ и технические погрешности монографии А. Аскарлова и Т.Ш. Ширинова (1993) составляют почву для таких заявлений.

Возвращаясь к модифицированной хронологической схеме М. Тойфера, трудно признать ее удовлетворительной по так называемой комбинационной матрице, т.к. не зная аппарата исследований мы не имеем возможностей оценить доказательность авторских выводов¹⁴.

В частности, график на рис. 9 публикации М. Тойфера дает представление лишь о двух выделенных группах памятников, которые у авторов значатся как периоды Поздняя бронза I и II (Teufer, 2005. P. 206, fig. 9). Остается невыясненным, как по этому графику моделируются для каждого периода по две субфазы и как это согласуется с декларативным выводом автора о том, что кузалинский этап в действительности характеризует конечный этап эпохи поздней бронзы. Такое значительное омоложение кузалинского комплекса вряд ли оправдано. Мы не склонны разделять оптимизма М. Тойфера в этом вопросе и должны отметить его излишнее стремление к подчеркнутой заостренности своих выводов, при этом не утруждая себя процедурой аргументации и доказательства.

Переходя к выяснению обоснованности основного тезиса исследователей о новой хронологической позиции кузалинского этапа, отметим, что относительная хронология СК строилась на основе материала опорных стратифицированных памятников, документирующих процесс стадийной трансформации материальной культуры. Выделение самостоятельного кузалинского комплекса, ее детальный анализ впервые был осуществлен Б. Абдуллаевым (1979. С. 22-34) на основе исследования могильника Джаркутан 4А. Кузалинский хронологический этап был определен им как промежуточный между джаркутанским и молалинским периодами.

Серия стратиграфических фактов, имевших место на различных объектах джаркутан-бустонской группы памятников, указывает во всех случаях на древность кузалинского археологического горизонта по отношению к молалинским комплексам (Рахманов, 1987. С. 4-6). Возникает настоятельная необходимость вновь обратиться к ним, для чего мы еще раз проанализировали весь известный нам материал по отчетам и публикациям.

Несомненно одно: скептическое отношение немецких коллег нам представляется необоснованным (Kaniuth, Teufer, 2001, примечание 28, с. 104-105). Категорические суждения относительно отсутствия данных стратифицированных свидетельств последовательности джаркутанского-кузалинского-молалинского этапов не корректны. Стоит отметить, что фактическая аналитическая база относительной хронологии Джаркутана формировалась в течение более 30 лет (с 1973 г.) широкомасштабными раскопками, в том числе стратиграфическими разрезами. Достаточно определено можно утверждать, что в трех случаях комплексы вертикальной стратиграфии (развернутый разрез крепости - «цитадели» холм 12, северная часть холма 7) демонстрируют ту же, выделенную А.А. Аскарковым (Аскар, Абдуллаев, 1983. С. 16-31; Рахманов, 1987. С. 4-6) модель развития СК.

Мы полагаем, что противоречие может быть снято, если обратиться к первоисточникам.

Определяющим аргументом является анализ стратиграфического разреза, заложенного в северо-западном углу крепости – «цитадели»¹⁵.

Длина разреза составляла 12,5 м, глубина – 4,5 м, толщина – 1,0 м. Культурные остатки фиксировались по слоям (Аскар, Ширинов, 1993, рис. 7)¹⁶. Верхний слой (1) разреза толщиной более 0,4 м представлен фрагментами смешанной керамики молалинского и кузалинского периодов. Ниже идет (2) плотная забутовка с обломками сырцовых кирпичей и редкими фрагментами смешанной керамики кузалинского и молалинского времени. Максимальная толщина этого слоя 1,5 м в северной части разреза под слоем (1) зафиксирован слой (3) с включением щебенки и золы (длина 1,2 м при толщине до 0,6 м) тоже со смешанной керамикой, но с преобладанием кузалинской посуды (Аскар, Ширинов, 1993, рис. 10-II). Под слоем (2) по всей длине разреза проходит керамическая линза (4) толщиной до 0,4 м, представляющая исключительно кузалинскую посуду (Аскар, Ширинов, 1993, рис. 10-IV; рис. 11-II). В слоях (5) - (8) содержатся культурные останки без находок¹⁷. В северной половине разреза, под слоем (6) в гумусных отложениях (до 0,6 м) прослежен слой (9) с остатками керамики кузалинского и джаркутанского времени (Аскар, Ширинов, 1993, рис. 10-VI, VIII, XI).

Ниже в пределах разреза представлена пачка слоев (10)-(33) с различной структурой (толщина более 2,5 м), в которых присутствуют исключительно керамические комплексы джаркутанского периода. В горизонте слоя (13) обнаружена кенотафная могила джаркутанского времени с 9 сосудами (Аскар, Ширинов, 1993, рис. 11-I; рис. 12-I).

Наличие четкой стратиграфии при значительной мощности культурных напластований, несмотря на неоднородность материалов в верхних горизонтах, отражает хронологическую последовательность трех этапов жизни Джаркутана. Об этом свидетельствуют не только закрытый характер кузалинского и джаркутанского комплексов, но и значительное преобладание в одних (верхних) слоях керамики молалинского типа, в других (подстилающих их) керамики кузалинского времени (Рахманов, 1987. С. 4).

Подобная картина абсолютно идентична и в стратиграфических шурфах: 4—холм 12; 6 – северная часть холма 7. Мощностъ культурных остатков на каждом из холмов

не превышает 1,5 м, материалы с должной достоверностью документируют стратиграфические горизонты молали-кузали-джаркутанский периоды (Аскарлов, Ширинов, 1993, рис. 8; рис. 9; рис. 12-П; Рахманов, 1987. С. 5).

Приходится признать, что проблема стратиграфии в конечном итоге выливается в проблему поступательной истории самой СК¹⁸.

В связи с материалами стратиграфических шурфов, произведенных на городище Джаркутан У. Рахмановым, хотелось отметить, что зачастую она дана крупными мазками, без детальной проработки, а главное, без изложения своих археологических аргументов.

Таким образом, данные прямой взаимной стратиграфии поселений и могильников, несомненно, подтвердили правильность ранее разработанной схемы периодизации узбекских исследователей, где кузалинскому этапу нет места в заключительном периоде СК.

Суммируя сказанное, следует подчеркнуть, что хроноиндикатором кузалинского этапа выступает обычно ваза на балясинообразной ножке с профилированным перехватом и кольцевым валиком под основанием ножки, при этом, резервуар у нее мелкий, а венчик горизонтально загнут вовнутрь. Стоит отметить, что встречаются вазы с мискообразным резервуаром и прямым открытым или плавно загнутым во внутрь венчиком (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, рис. 8). Динамику становления описанного типа ваз по материалам ранних периодов СК проследить пока сложно (пути его проникновения и механизм этого процесса), поскольку истоки ее, вероятно, находятся на другой, смежной территории. Более четко прослеживается ее трансформация, сохраняющая черты преемственности (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, рис. 9-4, 5, 9, 11). Ствол ножки вазы в период молали становится более стройным, а резервуар более глубоким. Керамические комплексы, совмещающие в себе отдельные элементы двух периодов, могут свидетельствовать об эволюционном развитии. Необходимо констатировать, что вазы на балясинообразной ножке встречаются и в местах потребления, и в центрах их производства, т.е. это уже местная керамика. Оценивая в целом степень культурной близости кузалинских ваз, следует отметить, что вне доисторической Бактрии подобные находки пока неизвестны, что определяется локальной особенностью региона.

Кроме вазы не находит пока удовлетворительного объяснения и появление в кузалинских комплексах каплевидных лазуритовых подвесок, не имеющих прототипов ни в СК, ни в синхронных культурных образованиях, но получившая в дальнейшем распространение почти исключительно среди молалинского сообщества Юга Узбекистана и Юго-Западного Таджикистана (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, Табл. XLV-5, 6, 7; Виноградова, 2004, рис. 10, 29-34).

Сравнительный анализ некоторых форм кузалинской керамики (горшковидные сосуды на поддоне, кувшины с прочерченным «циркульным» орнаментом, опоясывающие плечики сосуда, миски на поддоне и др.) и молалинской показывает весьма четкую линию генетической типологии.

В пределах генетической близости кузали-молалинских периодов представлены также миниатюрные копии бронзовых орудий, оружия, украшения (в том числе бронзовые булавки), каменные наконечники стрел и монофункциональные зооморфная и антропоморфная мелкая пластика.

Обсуждая место кузалинского этапа в относительной хронологии СК, следует отметить, что мы не видим достаточных оснований для выделения кузалинского комплекса как финального этапа СК. На наш взгляд, концепция К. Каниут и М. Тойфер не выверена. Необходима корреляция ведущих культурных показателей – погребального обря-

да и артефактов всех категорий (не только керамики).

Не менее сложен вопрос о культурно–хронологической интерпретации молалинского этапа как постджаркутанский период (Kaniuth, Teufer, 2001. P. 106; Teufer, 2005. P. 203). В означенных работах авторы довольно произвольно разъединили один хронологический горизонт на совершенно различные комплексы, мотивируя тем, что в инвентаре отдельных могил некрополей Б VI (M148, M219): Джаркутан 4С (M 165); Джаркутан 3 (M 50) и холм 4 (M 5) джаркутанская керамика встречается в одном погребении с молали-бустонской. В другой публикации М. Тойфер, анализируя те же погребения отмечает, что джаркутанская керамика в этих могилах встречается вместе с молалинской (Teufer, 2005. P. 204-205)¹⁹. Как видим, подходы автора не отличаются последовательностью, если учесть, что отнесение скажем погребений БVI (M 148, M 230) к числу молалинских не правомерно. В плане определения культурной принадлежности указанных молали-джаркутанских могил авторы привлекают такие типы псевдоджаркутанского инвентаря как: кубки на высоких ножках; чайники с трубчатым носиком; гвоздевидные булавки с конической и ребристой головкой (Kaniuth, Teufer, 2001, рис. 11-1, 8, 12; рис. 12-2, 7, 9; Teufer, 2005, рис. 5-4, 5, 6; рис. 7-5; рис. 8-3, 5).

Поскольку вопрос о типологической идентификации кубка, чайника и булавки является принципиальным в плане определения времени молалинского комплекса (в оценке которых наблюдаются явные расхождения) обратимся к аргументации авторов.

К сожалению, они ограничиваются констатацией внешнего сходства артефактов (без морфологического анализа) считая доказанным основное отправное положение своей концепции, а именно: кубки на ножках, чайники с трубчатым носиком и булавки являются диагностирующими признаками инвентаря джаркутанского периода. В ходе дальнейших рассуждений наши молодые коллеги приходят к выводу, что «ни одно из погребений не показало связи между джаркутанским и кузалинским периодами, тогда как материалы из Джаркутана и Молали зачастую встречаются в одном контексте» (Teufer, 2005. P. 204). Последнее и послужило аргументом в пользу удревнения молалинского этапа как постджаркутанский период СК.

Несовершенство предлагаемой периодизации подчеркивает анализ артефактов в означенной статье.

Обсуждая вопрос о правомерности данного тезиса, невозможно обойти тот факт, что сопоставление кубка и чайника из бустонских погребений с обрядом кремации с джаркутанскими, более чем странно, как и отнесение булавки. При сравнении культурно-генетического анализа конструктивных форм кубка и чайника, мы отнюдь не обнаружили ожидаемого сходства. Рассмотрим их:

Кубок с горшковидным резервуаром, приземистым биконическим округлым ребром тулова, на невысокой ножке. По краю основания устойчивой ножки – круговой намечающийся валик. Последний характерен для ранних кубков (Рахманов, 1987. С. 63-64). Поверхность кубка покрыта темно-красным ангобом. Засвидетельствован только в одном погребении (M219) БVI (рис. 16, II-3). Наиболее очевидной морфологически близкой аналогией являются сапаллинские кубки горшковидной формы со сферобиконическим туловом и слегка отогнутым краем венчика (Аскарлов, 1973, рис. 33-III, 1). Особо укажем, что резервуар кубка абсолютно идентичен горшку с биконическим туловом из того же погребения (рис. 16, II-8).

Чайник приземистогоршковидной формы, сферобиконическим мягким перегибом тулова, невысоким горлом и плавно отогнутым наружу закругленным венчиком. Трубчатый лепной носик прикреплен на плечике. Поверхность покрыта красным ангобом

(рис. 16, II-6).

Второй чайник несколько отличается, происходит из погребения 148 (рис. 16, I-4).

Чайник горшковидной формы с усеченносферическим туловом, едва намеченным горлом, слабо отогнутым наружу закругленным венчиком. Трубочатый лепной носик прикреплен на плечике сосуда. Поверхность покрыта густой красной краской, дно с выраженной спиралевидной «розеткой».

По общему облику (формообразующие тенденции), чайники более всего сопоставимы с сапаллинской посудой. Близость проявляется по основным диагностирующим признакам: выделенным горлом, отогнутым округлым краем венчика, сферическим туловом, на плечике трубчатый носик (Аскарлов, 1973, рис. 33, V-2). Но реальный вектор носика связан с гончарной традицией бустонских мастеров, так как именно для части сосудов финального периода СК, характерно наличие на внешней поверхности посуды легко смываемой густой краски, а на дне «розетка». В бустонское время проявляется реанимация многих архаических традиций раннего периода СК, в том числе и керамики (Ionesov, 1994. P. 25; 2002. P. 154-155). Между комплексами основных типов и категорий глиняных сосудов всех этапов СК не существует жесткой градации. Налицо временные функциональные модификации развития основных форм керамики от сапаллинского этапа до молалинского и уже в бустонское время происходит заметное редуцирование – как бы возврат к морфологическим канонам сапаллинского этапа²⁰.

Таким образом, для отнесения описанных выше сосудов к джаркутанскому периоду нет оснований, так как высокая степень сходства кубку и чайникам прослеживается с морфологически близкими сосудами сапаллинских комплексов, а не джаркутанских.

Не может привлечь внимания то, что керамика с псевдосапаллинской традицией представлена единичными экземплярами и отличается технологией гончарного производства (различный режим обжига, значительная нестабильность форм, грубость изготовления и т.д.).

Требуется дополнительной аргументации и положение о том, что гвоздевидные булавки-шпильки являются устойчивыми признаками джаркутанского женского туалета.

Булавки гвоздевидной формы изготовлены из длинной круглой в сечении проволоки, один конец заострен, второй представлен навершием. По оформлению навершия в БVI известно два типа:

1 – булавка с округлой рифленой шляпкой (М 148).

2 – булавка с грибовидной головкой (М 219).

Типологический анализ показывает, первая булавка наиболее близка подобным украшениям из сапаллинского и кузалинского комплексов, а также схожа с джаркутанской (Аскарлов, 1973, табл. 26-26; Аскарлов, Абдуллаев, 1983, табл. XLV-3; табл. XXXV-1). Булавки подобно второго типа трудно связать с конкретным этапом СК, так как они характерны для всего периода СК. Не приводя всех аналогий отметим лишь, что по раскопкам БVI аналогичные булавки вошли и в коллекцию (6 экземпляров) изделий молалинских и бустонских женских украшений (рис. 8-10; рис. 10-1; рис. 16, 8, 13). В целом, следует отметить, что булавки-шпильки гвоздевидной формы относятся к числу женских аксессуаров, имеющих широкое культурно-хронологическое распространение на обширной территории эпохи палеометалла (библиографию находок см.: Аскарлов, Абдуллаев, 1983. С. 37). Таким образом, в силу их широкого временного бытования, они едва ли могут считаться хронологическим признаком джаркутанского этапа.

Рассмотренные категории вещественного материала характеризуют специфику материальной культуры бустонцев на завершающем этапе развития СК, важнейшим показателем которого является синдром «возрождения». Возврат к ранним морфологическим керамическим традициям отмечается не только в кубках и чайниках, но и в вазах, кринках, горшках биконической формы. Последние возникают в сапаллинское время. Этими категориями не исчерпываются керамические комплексы бустонского этапа, но именно они являются теми признаками, по которым вычленяется бустонский комплекс.

Отмеченные характерные особенности засвидетельствованы и в других вещественных находках: после долгого перерыва появляются каменные амулеты, печати-пуговицы, бронзовые косметические флакончики, металлические предметы бытового назначения (однолезвийные ножи, шило, спицы), деревянные и плетенные блюда. Имеет место и возрождение забытых культов и ритуалов: возобновляется захоронение в хуме, парное захоронение, учащаются случаи ориентации могил и усопших по линии С-Ю. Приведенный перечень конкретных проявлений феномена «возрождения» объясняется в первую очередь глубокими корнями этнокультурного единства их носителей (Ионесов, 1990. С. 21). Эта сложная проблема причинности возрождения старых традиций пока не имеет однозначного объяснения.

Все вышеизложенное позволяет сделать некоторые выводы.

Любые попытки решения механизмов культурно-генетических процессов должны предваряться тщательными классификационными процедурами, а корректность выводов может обеспечиваться лишь системным сопоставлением различных массивов объектов.

Анализ стратиграфических и планиграфических наблюдений керамического и другого инвентаря, погребений БVI, БVII отдельных могил Джаркутана и городища Джаркутан, в плане относительной хронологии позволяет прийти к заключению: а) полностью подтверждается факт последовательности кузалинско-молалинско-бустонского этапов; б) высказанная авторами новая модифицированная периодизация кузалинского этапа как финальной стадии СК не доказана. Наоборот, такая возможность исключается.

Археологические аспекты поднятой проблемы СК неразрывно связаны с Юго-Западным Таджикистаном. Ее решение видится в одном - дальнейшие раскопки, ибо поиски истины в кабинетных условиях имеют довольно ограниченные возможности.

Сноски

¹ Предлагаемая русскоязычному читателю статья является с окрашенным вариантом публикации автора Zur Chronologie frühagrарischer Fundorte im Nordbaktrien der Spatbronzeit // AMIT, Band 39, 2007, p. 61-89.

² Следует особо отметить, что наши молодые коллеги, работая с материалами СК (находки, полевая документация) никогда не обсуждали с авторами раскопок проблему относительной хронологии СК.

³ Выделение и оценка бустонского периода как самостоятельного этапа никогда не анализировалась, а только подразумевалась. Необходимость такого анализа становится очевидной в связи с материалами могильников Бустон VI и Кангуртут.

⁴ Из 429 объектов погребального комплекса не все являются могилами в значении погребении останков человека. Объектами не погребального назначения являются – символические могилы, кенотафы, поминны, жертвенное захоронение животных. Для удобства фиксации в процессе раскопок дана сквозная нумерация и аббревиатура «могила».

⁵ Наличие скопления древесного тлена округлой формы с костями животного позволяет предполагать, что наряду с глиняной посудой в состав сопровождающего инвентаря входила деревянная или плетенная.

⁶ Подобная практика характерна для андроновских комплексов (Аванесова, 2000. С. 192).

⁷ Фракционные захоронения относятся к разряду культовых погребений в культурно-историческом смысле этого понятия. В могилах представлены только торс с нижними конечностями, либо только последние, либо отдельно голова, либо правая или левая кисть.

⁸ В процессе фиксации каменный настил ошибочно был принят за надмогильное сооружение, которой присвоили номер 235.

⁹ Из-за ограниченности объема статьи мы остановились лишь на двух стратиграфических позициях молали-кузалинских погребений. Материалы некрополя Б VII еще полностью не изучены, они будут объектом специального исследования и публикации.

¹⁰ Пол и возраст погребенной определил ведущий научный сотрудник Института археологии АН РУз Мустафакулов С.И. Все фаунистические определения некрополей БVI и БVII произведены палеозоологом Самаркандского университета, профессором Б.Х. Батыровым.

¹¹ В нашей практике стенки ямы у дна и дно могильной ямы прокапывается лопатой на штык тонкими срезами, чтобы не пропустить какие-либо предметы, случайно затащенные грызунами в норы.

¹² Этот факт заслуживает известного внимания, поскольку допускает возможность былого наличия закладки входа камеры деревом или камышом

¹³ В добротности полученных выводов У. Рахманова и В.И. Ионесова не сомневаемся, в чем убедились будучи официальным оппонентом их кандидатских диссертаций.

¹⁴ Мы не отрицаем необходимости применения формализованного метода при работе с таким массовым материалом, как погребения СК, но хотелось бы знать: какое количество комплексов подверглось анализу? Какие основные категории признаков рассматриваются? Что служит классификационными признаками? Какой коэффициент связи был рассчитан.

¹⁵ В 1979 г. в результате дорожных работ по трассе Хужайкон-Шеробад в С-3 части городища Джаркутан образовался разрез высотой до 4 м. При обследовании срезанной части крепости впервые были отмечены культурные напластования, относящиеся к кузалинскому этапу, подстилающий слой представлял джаркутанскую керамику. Верхние горизонты были разрушены, поэтому представляли смешанную молали-кузалинскую керамическую продукцию. В 1981 году У. Рахмановым для уточнения стратиграфических позиций культурных напластований расширен и доисследован разрез 1979 г.

¹⁶ Рисунки публикаций и текст разреза опубликованной монографии скорректированы нами по диссертации У. Рахманова «Керамическое производство эпохи бронзы южного Узбекистана». Самарканд, 1987.

¹⁷ На рис. 7 разреза (Аскарлов, Ширинов, 1993) между слоями (3) и (4) значится слой (9), вкралась ошибка, следует читать слой (5).

¹⁸ Следует отметить, что в прочтении стратиграфии любого памятника (кроме совершенно ясных случаев погребальных комплексов), большое место занимает субъективный фактор. Трактовка стратиграфии может зависеть от методики и тщательности раскопа, опыта исследователя и способности не поддаваться магии заранее построенной схемы.

¹⁹ Возможно, такое разночтение было бы не столь существенно, если бы не касалось серьезных исторических аспектов. Термин – «молали-бустонский», определяющий финальный период СК (употребляют и узбекские исследователи) не представляется нам оправданным, так как не отражает сути историко-культурного явления конца II тыс. до н.э., как одного из звеньев в цепи культур переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железу. Речь должна идти о бустонском этапе, а не о молали-бустонском. отождествление молалинского и бустонского этапов по ряду признаков едва ли допустимо.

²⁰ Феномен возрождения вписывается в логический ряд принципиально важных культурных трансформаций протобактрийского общества и рассматривается как один из ключевых механизмов культурогенеза древнебактрийского общества. Синдром возрождения обычно наблюдается на рубеже эпох, что связано со стадийными структурными сдвигами в переходный или кризисный периоды.

Использованная литература:

Абдуллаев Б. Могильник Джаркутан // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 15. Ташкент, 1979.

Аванесова Н.А. Результаты исследований могильника эпохи бронзы Джаркутан-4B1 // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Сборник научных статей Самаркандского университета, Самарканд, 1991.

Аванесова Н.А. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // Археологические вести—4. СПб., 1995

Аванесова Н.А. Результаты исследований некрополя Бустон VI // Археологические исследования в Узбекистане – 2000 год. Самарканд, 2001.

- Аванесова Н.А.* Монофункциональные сосуды доурбанистической Бактрии (по материалам исследования могильника Бустон VI) // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.А. Шишкиной. М., 2000.
- Аванесова Н.А.* Храмовые функции сакрализованных площадок некрополя доисторической Бактрии-Бустон VI // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2002.
- Аванесова А.Н.* Новые работы на некрополе Бустон VI // Археологические исследования в Узбекистане – 2002 год. Ташкент, 2003.
- Аванесова Н.А.* Двенадцатый полевой сезон на некрополе Бустон VI // Археологические исследования в Узбекистане 2004-2005 гг. – Ташкент, 2006.
- Аскарлов А.А.* Сапаллитера. Ташкент, 1973.
- Аскарлов А.А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н.* Джаркутан. Ташкент, 1983.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
- Виноградова Н.М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.
- Виноградова Н.М., Гётцельт Т., Пьянкова Л.Т.* Археологическая разведка в бассейне реки Кызылсу (Южный Таджикистан) // Российская археология, № 1. М., 2003.
- Ионесов В.И.* Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседло-земледельческом обществе Северной Бактрии (по материалам погребальных комплексов II тыс. до н.э. Южного Узбекистана) // Автореф. дисс. к.и.н. – Самарканд, 1990.
- Петров Ю.Э.* Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья // Культура бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- Пьянкова Л.Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе, 1989.
- Рахмонов У.* Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана // Автореф. дисс. к.и.н. – Самарканд, 1987.
- Риттер Э.А.* Чака Зулу. Возвращение зулусской империи. М., 1968.
- Сагдуллаев А.С.* К изучению населения Молали // Краеведение Сурхандарьи. Ташкент, 1989.
- Avanesova, 1997* – [Avanesova N. Spätbronzezeitliche Kulturkontakte in der baktrischen Flüßsoase nach den Befunden der Nekropole Bustan 6. – AMIT, B. 29. Berlin.1997].
- Kaninith, Teufer, 2001* – [Kaninith K., Teufer M. Zur Sequenz des Gräberfeldes von Ranij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spätbronzezeitlichen Baktrien. – AMIT 33. Berlin 2001].
- Širinov, Baratov, 1997.* – [Širinov T., Baratov S. Bronzezeitliche Grabstätten aus der Nekropole Dzarkutan 4 C (Süd-Uzbekistan). – AMIT, B. 29. Berlin 1997.]
- Ionesov V.* La Formado de Frupolitikaj Rilatoj en la Proto-Baktria Civizacio de la Bronza Epoko // Eciencia Revua. Vol. 45 (1994) (2). 165, Zurich, 1994.
- Ionesov V.* The Struggle Between Life and Death in Proto-Bactrian Culture: Ritual and Conflict (Mellen Studies in Anthropology, v.5), The Edwin Mellen Press, Lewiston (New York), 2002.
- Teufer M.* The Late Bronze Age Chronology of Southern Uzbekistan. A reanalysis of the Funerary Evidence // (South Asian Archaeologists). Aachen 2005.

МАРҲАМАТГА ТАШРИФ ВА ЭРШИ МУДОФААСИ ҲАҚИДА МУЛОҲАЗАЛАР

© 2010. А. Асқаров

Тошкент Давлат педагогика университети

Яқинда 2010 йил (12-13 июн кунлари) халқ табобати тарихининг чуқур билимдони, арабий ва форсий тарихий бирламчи манбаларни ўзбек тилига насрий ағдариб, 100 дан ортиқ асарлар яратган, тарих фанлари доктори, зукко шарқшунос олим Маҳмуджон Ҳасаний ва Ўрта Осиё халқлари тарихи институти директори, “Турон тарихи” журнали бош муҳаррири, Кўкон тарихи бўйича етакчи олим Ҳайдарбек Бобобеков билан биргаликда, руҳий касалликка учраган беморларни дардига руҳий малҳам бериш йўли билан соғайтиришда тенги йўқ табиб, 83 ёшли Исоқжон хожи ота Хўжаев таклифи билан Андижон вилоятининг Марҳамат туманига ташриф буюрдик.

Ташриф давомида табиб ҳамда у кишининг қишлоқдошлари билан бўлган суҳбат асносида маълум бўлдики, Исоқжон хожи ота келиб чиқиш шажарасига кўра, ўқимишли, зукко, зиёлилар оиласида тарбия топган, араб, форс, эски туркий тилларни мукамал билади; у тиллардаги бирламчи манбаларни бемалол ўқий олади ва уларнинг туб моҳиятига тушуна олиш даражасидаги салоҳиятли инсон. У киши билан илм, маърифат ва маънавият бобида суҳбат курсангиз ҳузур қиласиз. Бутун вужуди, борлиғи билан эзгуликка берилган, теварак-атрофига, у кишини ўраб олган узоқ-яқинларга бирдай меҳрибон, фақат яхшилиқни раво кўради.

Мен отахондан бизнинг у киши хонадонига ташрифимиз сабабини сўраганимда, “Тақсир бизнинг ҳам бу ёруғ дунёда билмаганимиз кўп. Аждодларим бу музофада қадимдан яшаб келишига қарамай, мана шу “Чашма-и Муборак” булоғининг этагида, халқ орасида “Алитепа” номи билан аталган археологик ёдгорликнинг бағрида, унинг қатламларида қандай тарих ётибди, билмаймиз. У жой анчадан бери қишлоғимизнинг қабристонига айлантирилган. Янги қабрлар қозиш пайтида бизга номаълум оч қизил рангли юпқа сопол идиш синиқлари, ҳайвон суяқларининг парчалари чиқади. Чашма-и Муборак Алитепани айланиб, бошқа булоқларга кўшилиб, қишлоғимизнинг обиҳаёт манбаига айланади. Мен қишлоқдошларим ва руҳий касалликка чалинган беморларимга сўлим жойлар яратиш мақсадида Чашма-и Муборак булоғи теварак-атрофларини ободонлаштиришни мақсад қилдим. Мақсадим амалга ошса, бу жойлар Оромгоҳга айланади. Бўлажак Оромгоҳим тарихини, Чашма-и Муборак ва Алитепа тарихини билишни истайман, у ҳақда келажак авлодга тўғри тарихий маълумотлар қолдиришни истайман. Бу жойлар қачонлардир обод, халқи гавжум, киши руҳий оламига беминнат шифо ато этган муқаддас қадамжой бўлса ажаб эмас. Менинг мақсадим халқимга хизмат қилиш, руҳий беморларга ёрдам бериш. Бу саъй-ҳаракатларим рўёбга чиқсин, дейман.

Мен мана шу мулоҳазаларим билан қишлоқдошим Маҳмуджон Ҳасанийга мурожаат қилиб, сиз муҳтарам тарихчи ва археолог олимлар билан суҳбат қуришга, Алитепа ва Эрши номи билан тарихга кирган Марҳаматнинг Мингтепаси ҳақида суҳбатларингизни олиш орзусида эканлигимни айтдим. Яратганнинг ўзи илтижоларимизни инобатга

олиб, сизлар билан дийдор кўришликни насиб этди”.

Ҳожи ота бизнинг олдимизга қўйган мақсад ва вазифалардан келиб чиқиб, икки кунлик иш режамизни белгилаб олдик. Биринчи куни Чашма-и Муборак булоғи ва Алитепа билан танишдик. Жойнинг тарихий топографиясини синчковлик билан ўрганиб чиқдик. Булок табиий, унинг мусаффо оромбахш сувини ичиб тўймайсан киши. Булок теварак-атрофларидан қадимийликдан далолат берувчи биронта ҳам ашъвий далиллар учратилмади. Чашма-и Муборак булоғи зардуштий аждодларимизнинг эзгулик тангриси-Ахурамазда ато этган она табиатнинг мўъжизаси. Уни оташпараст аждодлар илоҳийлаштириб, унинг атрофида кўним топганлар. Бу жойда аждодлар қадимги тош давридан эътиборан макон топган бўлиши эҳтимолдан узоқ эмас. Аммо, бу жойда бронза давридан (даврий санаси 3,5 минг йилдан кам эмас) бошлаб водийга хос Чуст маданияти бобо деҳқонлари типигаги аждодлар яшай бошлаганлигига шубҳа йўқ. Бунинг учун, яъни бундай илмий фаразни асослаш учун Алитепанинг арки аълоси майдонида шурф қазиб, унинг илк бор ўзлаштирган пастки қатламларини очиш керак. Бу иш катта маблағни, камида бир ярим-икки ой давомида археологик қазишмалар олиб боришни тақозо этади.

Алитепанинг ҳар хил жойларида қазилган замонавий қабрлардан топилган сопол парчалари, унинг маълум қатламлари ёдгорликни антик ва илк ўрта асрларга тегишли эканлигидан далолат беради. Сопол парчалари кулолчилик чархида ишланган, улар ички бозор учун ишлаб чиқарилган товар характеридаги кулолчилик маҳсулотидир. Яъни Алитепа милoddан аввалги III-II асрларда туман худудий доирасидаги қадимги шаҳар сифатида таркиб топган ўтроқ аҳоли маконларидан бири бўлган кўринади.

Алитепа ўз тарихий топографиясига кўра, икки қисмдан иборат қадимги шаҳар. Унинг энг баланд қисми ҳоким саройи жойлашган арки аъло бўлиб, унга шимолий-шарқдан ёндашган пастроқ ясси қисми шаҳар шахристонини ташкил этган, яъни бу ерда аҳли ҳунар жамоалари уй-жойлари ва уларнинг ишлаб чиқариш ҳунармандчилик устахоналари жойлашган. Алитепа шахристонининг шимолий-шарқий чеккасида 1x5 метрлик шурф қазиб кўрдик. Мақсад унинг қатламларини давомийлигини ўрганиш эди. Шурфнинг юқори қатламлари илк ўрта асрлар даври материалларини берди. Унинг 2,5 м чуқурликдаги қатламидан эса, милoddий эранинг бошларига тегишли сополлар чиқди. Шурфда она ер қатлами-материк ҳали жуда чуқурликда эди. Шурфни материккача етказишнинг иложи бўлмади.

Шахристонни катта қисми, яъни Чашма-и Муборак ариғининг шимол томони маҳаллий аҳоли томонидан асрлар давомида ўзлаштирилиб, ҳозирги замон уй-жойлари остида қолиб кетган.

Марҳаматга қилган ташрифимиздан фойдаланиб, унинг ўтмиш тарихида катта ўрин олган Эрши мудофаасини эсладим. Чунки тадқиқотчи археолог олимлар орасида Хитой ёзма манбаларидаги қадимги Даван давлатининг пойтахти Эрши шаҳри айнан шу Мингтепа бўлса керак, деган илмий фаразлар мавжуд. Бу фикр дастлаб, 1940-50 йилларда А.Н. Бернштам ва Ю.А. Заднепровскийлар томонидан ўртага ташланган¹. Ўтган асрнинг 90-йилларидан бошлаб, қадимги Фарғона тарихи билан мукамал шуғуллана бошлаган археолог Б. Матбобоев улар изидан бориб, қадимги Даваннинг пойтахти Эрши айнан Мингтепа эканлигини қўшимча материаллар билан асослаб, ўз мулоҳазаларини илмий адабиётларда баён этган². Бироқ, Эрши шаҳрининг локализациялаш масаласида фанда ўзга фикрлар, бошқача илмий фаразлар ҳам йўқ эмас. Масалан, қадимги Фарғона тарихининг яна бир синчков тадқиқотчиси, археолог А. Анорбоев Хитой манбаларида Эрши қамали ҳақидаги маълумотларни археологик материаллар

билан қиёсий тахлили асосида, Эрши Мингтепа эмас, балки қадимги Ахсикентдир, деган хулосага келади³.

Тарихдан маълумки, милoddан аввалги II асрда Хитой элчиси ва айғоқчи Чжан Цян қадимги Фарғонага келиб император саройига юборган ҳисоботида бу мамлакатни Дайюан деб атади ва унинг аҳолиси жуда хуш муомалали, меҳмондўст, кўнгли очик одамлар эканлиги, улар қишлоқ хўжалиги экинларидан арпа, буғдой, шоли, беда, момик (пахта) экиб, улардан юкори ҳосил олишларини ёзади.

Дайюанликларда боғдорчилик ривожланганлиги, улар узумдан кишини кайфиятини кўтарувчи ичимлик тайёрлашлари, ҳар бир хонадоннинг ер тўласида бир нечалаб катта хумларда бу ичимлик борлиги ҳақида хабар беради. Дайюанликлар боғларида узумдан бошқа анор, бодринг, ёнғоқ ва бошқа мевали дарахтлар кўп бўлиб, Хитой тарихчилари бу меваларнинг Хитойда пайдо бўлишини Дайюан билан боғлайдилар.

Хитой элчиси Дайюанда кучли давлат тизими шаклланганлиги, унинг аҳолиси 60 минг оиладан (300 минг кишидан) иборат эканлиги, ҳар бир оила мамлакат мудофаасига биттадан, жаъми 60 минг ўқ-ёй ва найза билан қуролланган, от устида камондан ўқ узувчи, найза санчгувчи, моҳир жангчилар ажратиши мумкинлиги, давлат тепасида маҳаллий аслзодалардан чиққан ҳукмдор туришини ёзиб, улардан баъзи бирларини номини хитойчага ағдариб, Мугуа, Чан Фин, Яньлю деб атади. Ҳукмдор давлат ишларини олиб боришда оқсоқоллар кенгашига суянгани, оқсоқоллар кенгаши ҳукмдор билан биргаликда давлат аҳамиятига молик ижтимоий, сиёсий ва диний масалаларни ҳал этиши ҳақида ёзади. Шу билан бирга, оқсоқоллар кенгаши ҳукмдор фаолиятини муҳим масалаларда назорат қилиб боришини ҳам айтиб ўтган. Демак, Олий кенгаш олдида ҳукмдорнинг ҳуқуқи чекланган эди. Айниқса, уруш ва тинчлик, дипломатик масалаларда ҳал этувчи куч ва ҳуқуқ олий кенгаш қўлида бўлган.

Чжан Цян Дайюанда бўлганида “самовий дулдуллар”га алоҳида эътибор берган. Унинг таърифлашича, бундай отлар гўёки қон терлайди. Чжан Цяннинг ташаббуси билан император саройига ҳар йили иккитадан арғумоқ отлар юбориб туриш учун Дайюан подшоси Чаньфин билан шартнома тузилади.

Хитой тарихидаги бир ривоятга кўра, “Самовий тулпор”ларни кўрган Хитой императори Уди (мил. авв. 140-87 йиллар) машҳур Хитой подшоси Мувонг (мил. авв. 1001-947 й.) каби тулпор отларга миниб, ғарбга саёҳат қилишни орзу қилади. Орзуга етиш иштиёқида Император Уди фол очтирганда, фолбин - “ҳосиятли отлар куёш ботиш томондан чиқади” деб кўрсатганмиш. Удининг Хитой манбаларидаги Мувонг қилган ишларга қизиқиши бежиз эмас эди. Чунки, Мувонг хитой тарихида кўп ғаройиб ишлари билан машҳур улуг ҳукмдор сифатида тасвирланади. Ривоятларда у Мутайзи номи билан 8 та тулпор отлар кўшилган соябонли аравада ғарбга саёҳат қилиб, авлиё она Шивангму хузурида меҳмон бўлган. Хитой тадқиқотчилари таҳлиliga кўра, Шивангму шимолий Ҳиндистон ва жанубий Туркистон заминида 4-5 минг йиллар муқаддам (Ҳиндистонда “Ума”, Туркистонда “Умай” номи билан) бокий ҳаёт рамзи, илоҳийлашган она образи сифатида тасвирланади. Умай онани зиёрат қилиш учун “тулпор отлар” ёрдамида қушдай учиб, булутларни ёриб ўтиб, минг чақирим йўллар босиб, у (Умай она) турган манзилга етиб бориши мумкин эди⁴. Ривоятни тарихий ҳақиқат деб тушунган император Уди машҳур Дайюан тулпорларини қўлга киритиб, Ҳоконлигини шуҳратини оширсан “Дунё ҳукмдори”, “Тангрининг ўғли” деб танилишига ёрдам беради, деган орзу-ҳавасга берилади. Шу боис, у ашаддий душмани хунларга қарши ҳарбий иттифоқчи қидириш билан бирга айғоқчи зобит Чжан Цянни ғарбий мамлакатларга юборган. Зобит Чжан Цяннинг вазифасига нафақат иттифоқчи топиш ва

зотли отларга эга бўлиш кирган, балки у Дайюан, Да-юечжилар, Кангуй, Парфия каби мамлакатларнинг худудий чегаралари, уларнинг бойлиги, иқтисодий қудрати, ҳарбий кучи, турмуш тарзи ва урф-одатлари ҳақида маълумотлар тўплашни кўзда тутган. Чжан Цян ахборатларида Да-юечжилар билан Кангуй подшоликлари ҳарбий куч жиҳатидан Хитойдан кучлироқ эканлиги, қолган подшоликлар эса улардан ҳарбий жиҳатдан кучсизроқ бўлиб, хунлар таъсирида эканлиги, аммо, уларнинг барчасида Хитой молларига катта қизиқиш мавжудлиги, айниқса Дайюан Хитой билан савдо-сотик қилишга иштиёқ билдириб, бу масалада улар мустақил сиёсат олиб боришлари мумкинлиги баён этилади⁵. Чжан Цянни Дайюанда бўлиши Хитой-Дайюан муносабатларини ривожланишига олиб келди. Хитойликлар император Удининг махсус истироҳат боғларида бедазорлар ташкил этиб, Фарғона тулпорларини боқа бошлайдилар. Карвонлар усун мамлакатидан ҳам зотли отларни Хитойга олиб бориб, император Удини хурсанд қилишган эди. Уларни ҳам ҳокон тулпор отлар сифатида эъзозлаган. Аммо, Фарғона “самовий тулпорлари”ни кўрганда, усун зотли отларини “тулпор” деб аташдан воз кечиб, уларни “узок қуёш ботиш оти” деб атай бошлади, Дайюан отларига эса ҳақиқий “тулпор от” деган ном беради⁶.

Хитой савдо карвонининг Ўрта Осиё мамлакатларига борган элчилари ўз ахборатларида Хитойдан ғарбда жойлашган кўпгина давлатлар, жумладан Дайюан подшолигининг ҳарбий кучлари Хитойниқига нисбатан заиф эканлиги, озгина куч билан бир ҳамла қилинса, улар ҳисобига буюк Хан сулоласининг территорияси кенгайиши мумкинлиги ҳақида хабар берадилар. Масалан, Дайюанга борган элчи Яв Дингхан “Даван ҳарбий куч жиҳатидан ожиз. Агар 3 минг аскар юборилса, кучли ўқ-ёйлар ёрдамида Дайюанни тор-мор қилса бўлади⁷” деб ёзади. Даван билан урушни тезроқ келтириб чиқариш мақсадида сафардан қайтган элчилар: “Дайюанда яхши отлар бор. (Уни) Эрши шаҳрига яшириб қўйиб, Хан элчиларига бермаётир” деб арз қиладилар⁸. Энди Хитой императори Даванга уруш очиш учун баҳона қидира бошлайди. Император Уди аъёнлари билан маслахатлашиб, Дайюан подшолигидан “самовий тулпорлар” талаб қилиб, фавқулудда ҳуқуқлар билан Че Ли бошчилигида махсус элчилар гуруҳи ташкил қилади. Элчиларга Фарғона арғумоқларини сотиб олиш учун олтин ва мисдан ишланган 600 га яқин “зар от” ҳайкалларини бериб, шуларга “самовий тулпорлар”ни олмаштириб келишликни топширади⁹. Элчилар Эршига келиб, совға-саломни топширсада, Дайюан подшоси улар талаб қилган миқдорда тулпорларни бериб юбориши мумкин эмас эди. Шу боис, Хитой элчилари рад жавоб оладилар¹⁰.

Мақсадларига эриша олмаган элчилар Фарғона ҳукмдорига ҳурматсизлик қилиб, уни ҳақоратлайдилар, унинг кўз ўнгида “зар от”ларни синдириб ташлайдилар¹¹. Аммо, подшо мулоимлик билан оқилона жавоб қилиб, элчиларни пойтахтдан чиқариб юбарди ва Юченг (Ўзган) шаҳри ҳокимининг қўли билан уларни йўқ қилади¹². Шундай қилиб, Хитой-Фарғона урушлари бошланиб кетади.

Хан ҳукмдори Уди Дайюанга қарши қўшинга севимли рафиқасининг акаси Ли Гуанглини бош қўмондон қилиб тайинлади. Унга 6 минг чавандоз ва бир неча юз минг бекорчи безорилардан пиёда қўшин тузиб, Даванга “жазо” беришга фармон беради. Бундан ташқари, уларни озик-овқат билан таъминловчилар, мол-қўйларга қаровчи хизматкорлар ажратилади. Умуман урушга сафарбар қилинганларнинг сони 40-50 мингдан кам эмас эди. Агар Хитой анъанасидан келиб чиқадиган бўлсак, у ҳолда урушга сафарбар қилинганлар сони 60 мингдан кам бўлмаган¹³. Милоддан аввалги 104 йилда Хитой қўшинлари Шарқий Туркистоннинг Лубнор ўлкасига кириб келиши билан уруш бошланиб кетади¹⁴. Хитой қўшинлари то Даванга етиб келгунларича ҳар бир қишлоқ ёки

шаҳарда қаршиликка учрайди ва Юченг (Ўзган) да қаттиқ жанглар бўлиб, хитойлилар катта талофат кўради¹⁵. Вазиятни Хитой кўшинлари учун танглигини тушунган бош кўмондон Ли Гуангли қолган-қутган кучларини йиғиштириб, Дун Хуанга қайтиб кетади¹⁶.

Улар қайтишда ҳам кўп қаршиликларга учрайди. Икки йил давом этган хитойликларнинг бу биринчи юриши ҳақида манбада шундай дейилган: “Улар Дун Хуанга қайтиб келганида кўшиннинг ўндан бир қисмигина қолган эди. Ли Гуангли Хитой ҳоқонига аҳволни маълум қилади¹⁷. Мағлубиятдан хабар топган император Уди дарғазаб бўлиб, бу нохуш хабарни мамлакатда тарқалиб кетишидан чўчиб, Буюк Хитой деворидан ичкарига кириб олган сипоҳ бекларининг калласини олишга, кўшинни эса Хитойга киритмасликка фармон беради¹⁸. Хитой манбаъларида бу мағлубият ҳақида император Удининг фикрлари келтирилган: “У Давандек кичик бир мамлакатни бўйсундира олмасак, унинг атрофидаги давлатлар яна Хан сулоласини менсимай кўяди. Усун, Бугун эллари ҳам Хан сулоласини назарга илмас бўлиб олади. Чет элликларнинг олдида масҳара бўламиз, деб ўйлар эди”¹⁹. Шармандаларча мағлубиятдан ғазабланган император Уди айбдорларни жазолаб²⁰, Даванга қарши иккинчи юришга жиддий тайёргарликни бошлаб юборади.

Бекорчи ёшлар ва чегара қўриқчиларидан ташқари зиндондаги оғир жиноятчилар ҳам аскарликка олинади. Дун Хуандан милоддан аввалги 102 йилда 60 минг кўшин йўлга чиқади. Бош кўмондон Ли Гуангли раҳбарлигидаги кўшинга 50 дан ортиқ тажрибали лашкарбошилар бошчилик қилади. Кўшинни озик-овқат билан таъмининлаш учун 100 минг қора мол, 30 минг жанг отидан ташқари озик-овқат ортилган туя, эшак ва хачирларнинг сони 10 мингга етар эди²¹. Кўшинда фақат таъминот ишлари билан шуғулланувчи амалларнинг сони 50 дан ортиқ одамларни ташкил қиларди. Кўшин таркибига турли мутахассисликларнинг вакиллари киритилди. Эршини жуда тез таслим қилиш режаси ишлаб чиқилди, сув иншоотлари бўйича мутахассислар ва ғалабадан сўнг зотли отларни танлашга устаси фарангларгача танлаб олинди²². Ҳоқон Уди Усун ҳукмдорига элчи юбариб, ўз кўшинлари билан Дайюанга қарши юришда қатнашишни илтимос қилади. Кичик бир мамлакатга қарши бундай тайёргарликни эшитганлар даҳшатга тушишган. Ҳатто Хитойга муқобил тура оладиган хунлар ҳам бундай тайёргарликни кўриб, Даванга ёрдам беришга ботина олмаган. Ҳар ҳолда 100 мингдан кўп одам билан Фарғонадай кичик бир мамлакатга қарши юриш қилиниши ўша замонда жуда катта тарихий ҳарбий воқеа эди²³.

Манбаларда хабар қилинишича, дастлаб Хитой кўшинига қарши Даванга хайрихоҳ кишлоқ ва шаҳарлар қаршилик кўрсатишмаган. Аммо, Хитой кўшини Бугур хонлигига келганда (Шарқий Туркистондаги кичик бир шаҳар-давлат) улар биринчи қаттиқ қаршиликка учрайди, таслим бўлишни истамаган шаҳар аҳолиси ва аскарлари икки кун давом этган қаттиқ жангларда қириб ташланади²⁴. Аммо, Хитой кўшинларидан Эршига 30 минг лашкар етиб келган эди холос²⁵. Демак, Бугурдан то Эршига боргунга қадар ҳам Хитой кўшинлари маҳаллий ҳокимликлар қаршилигига учраган ва йўл-йўлакай талофатлар кўрган, деган хулоса келиб чиқади.

Эрши ҳимоячилари шаҳар деворлари тепасига чиқиб, шинаклардан душманни ўққа туттишган. Қамал узокқа чўзилиб (40 кун), Эрши мудофаачилари таслим бўлавермагач, Хитойдан кўшин билан бирга келтирилган сув иншоотлари мутахассислари шаҳарга кирадиган сув йўлини тўсиб, шаҳарни сувсизликдан таслим қилмоққа киришадилар²⁶. Қалъа бошлиги қудуқлар қаздириб, аҳолини ичимлик суви билан таъминлаб туради. (Бу тадбир “Бобурномада” Бобур эслатган “Обидуз”, яъни яширин сув йўлини эслатади).

Қамал жараёнида мудофаачилар Кангуй қўшинлари даванликларга ёрдамга келаётганлигини хабар қилиб, Хитой қўшинини ташвишга сола бошлайдилар. Лекин, қанқаликлар негадир ёрдамга шошилмас эдилар. 40 кунлик қамалдан сўнг Хитой қўшинлари девор тешар қуроллари ёрдамида шаҳар ташқи мудофаа деворини бузиб киришга эришадилар. Шаҳар аҳолиси ва мудофаачилар эса ички шаҳарга кириб олишга улгурадилар.

Кези келганда таъкидлаш жоизки, археолог А. Анорбоев “Эрши—бу Эски Ахсининг ўзгинасидир,” деган хулосага келганда, у ҳақли эди. Чунки Ахсикент шаҳри Даван ҳоқони қароргоҳи жойлашган арки аълодан ташқари мудофаа деворлари билан ўралган икки қисмдан, яъни ички ва ташқи шаҳристонлардан иборат. Хитойликлар ташқи шаҳристон деворларини бузиб, шаҳар ичкарасига кирганда, улар фақат ташқи шаҳристонни эгаллаган, мудофаачилар эса шаҳар аҳолиси билан ички шаҳристонга жойлашиб олишган. Бироқ, узоқ давом этган қамал таъсирида даванлик аслзодалар орасида, орқадан Кангуйдан амалий ёрдам келавермагач, хавотирланиш бошланади.

Си Ма Цяннинг “Тарихий хотиралар” асарида ёзилишича, “Дайюан аслзодалари ўзаро кенгашиб” душман ҳужумининг асосида, биринчи навбатда, элчи Че Лининг ўлими ва “самовий тулпорлар”га эришиш ётганлигини муҳокама қиладилар. Ҳоқон Мугуа ва унинг тарафдорлари душманга тулпорлар бермасликка аҳд қилиб, қаршилиқ кўрсатишни давом эттириш керак, Кангуйдан келадиган ёрдамни кутиш керак, деб қатъий туриб оладилар. Ташқи ёрдамдан умидини узган аслзодалар (улар кўпчиллик бўлган кўринади) эса вазиятни мудофаачиларга жуда оғирлигини айтиб, хитойликлар талабини қондириш кераклигини таъкидлайдилар. Кўпчиллик аслзода ва мудофаа сардорларининг “агар душман қуршовни бўшатмаса, кучларимиз яна бир марта қаттиқ жанг қилишга етади холос”, сўнг эса иложсизликдан таслим бўламиз. Хитойликларнинг талабидан келиб чиқиб, қайсар Мугуани ўлдириб, тулпорларни уларга чиқариб бермасак бўлмайди, деган қарорга келадилар.

Ниҳоят, оқсоқоллар кенгаши бир қарорга келади. Бунга кўра, Мугуа ва “самовий тулпорлар”ни душманга топширишга келишилди. Аслзодалар биргаликда Мугуани ўлдирди²⁷. Сўнг эса Хитой манбаларида хабар беришига қараганда, “Аслзодалар Мугуани калласини кўтариб келиб, “Эрши сангун” (Эрши юришининг қўмондони) билан кўришди ва шарт қўйиб, “Хан қўшинлари бизга ҳужум қилмасин! Биз асл отларни чиқариб берамиз. Ўзларинг танлаб оласизлар ҳамда озиқ-овқат билан таъминлаймиз. Агар гапимизга кирмасаларинг барча “тулпорлар”ни ўлдириб ташлаймиз. Кангуйдан ёрдамга қўшин ҳам келиш олдида турибди. Улар етиб келиши ҳамон, бизнинг қўшинларимиз ички томондан, Кангуй қўшинлари ташқаридан Хан қўшинларига ҳужум қилади. Қайси бирига розисизлар” дейдилар²⁸.

Эрши мудофаачилари томонидан таклиф қилинган шартларни Ли Гуангли штабида ҳар томонлама муҳокама қилган кўринади. Чунки, душман ўзларига озиқ-овқат ва отларига ем-хашакдан қийналган, усунлар ваъда қилган 2 минг кўшиндан ҳалигача дарак йўқ. Хитой манбаъларида ишора қилинишича, усунлар маҳаллий подшоликлар ўртасида анъанага айланган аҳдга содиқ қолиб²⁹, “иккиланиб олға босмади”³⁰, яъни Даванга қарши жангларда қатнашмади. Воқеалар йўналишини тўғри таҳлил этган император Уди: “Агар биз Дайюандек кичик бир мамлакатни бўйсундира олмасак, усунлар бизни кўзга илмай қўяди”³¹ деб бежиз айтмаганлиги маълум бўлиб қолди. Усун амалда ёрдамга келмагач, Даван билан дўст Кангуй мудофаачиларга ёрдамга келиб қолса енгиллиб қолишидан кўркиб, Ли Гуангли даванликлар таклифини ҳеч бир эътироз билдирмай қабул қилади.

Даванликлар ваъдага вафо қилиб, хитойликларга 3 минг зотли отларни танлаб олишларига имкон беради. Бош кўмондон Ли Гуангли Фарғона давлатининг собиқ ҳукмдори кекса Моцайни Даванга подшо этиб тайинлайди. Ли Гуангли армияси тегишли озиқ-овқат захираларини олиб, бир неча гуруҳларга бўлиниб, Эршини тўлиқ эгаллаб олмай, Хитойга қайтади³². Гуруҳларга бўлиниб, Хитойга қайтган кўшин ичида қаттиқ тартиб бўлмаганлигидан, армия сафига олинган собиқ жиноятчилар йўл-йўлакай қишлоқ ва шаҳарларни талайдилар. Ўзган аҳолиси хитойликлар талаб қилган озиқ-овқат ва ем-хашак етказиб беришдан бош тортиб, Ўзганда талончилик билан шуғулланаётган Хитой отрядини бутунлай қириб ташлайди. Теварак-атрофни талаш билан банд ҳарбий қисмлар яна Ўзганга қайтиб, икки орада қаттиқ жанглар бўлади. Ўзган мудофаачиларидан Қанг давлатига қочиб кетган шаҳар ҳокимини хитойликларга топширишни талаб қилинади ва уни қўлга киритгач, бошини танасидан жудо қиладилар. Бироқ бу ҳам Хитой кўмондонлигини қаноатлантирмайди. Ўзган мудофаачилари янада қаттиқ қаршилиқ кўрсатишга ўтадилар. Натижада, Хитой отряди қатта талофат кўради. Қочиб қутулган душман аскарларининг қолдиқлари зўрға “Эрши сангун” кўшинига бориб қўшилади³³. Хитой армияси Давандан чиқиб кетиши биланоқ, аҳоли кекса Моцайни тахтдан тушуриб, Мугуанинг инисини ҳукмдор қилиб кўтардилар.

Кўмондан Ли Гуангли ҳисоботида “озиқ-овқат етарли бўлди”, “кичик ҳокимликлар қарши чиқмади” деган иборалар учрайди. Аммо, Ўзганга бўлган хужум нима сабабдан келиб чиқди, у ердаги Хитой кўшини учун юз берган қатта талофат Даван шаҳар ва қишлоқларининг қаршилигидан далолат эмасми? Негадир, Хитой манбаларида фақат бир шаҳардаги қаттиқ қаршилиқ тилга олинган ҳолос. Кўмондонлик ҳисоботида “аскарлар очликдан ўлиб кетди” деган ибора ҳам учрайди. Дарҳақиқат, иккинчи юришда милоддан аввалги 102 йилда жангга отланган 60 минг пиёда ва 30 минг отлик аскардан 101 йилда Хитойга атиги 10 минг пиёда ва бир мингдан ортиқроқ отлик аскар қайтган. Нахотки, улар фақат Эрши қамали, Бугур ва Ўзган жангларида ҳалок бўлган бўлса. Уларнинг кўпи қайтишда очликдан талончилик билан шуғулланиб, кичик ҳокимликлар билан бўлган жангларда ҳам анчагина ҳалок бўлганлар борлигини эслатади.

Шундай қилиб, Хитой қадимги Фарғона подшолигига қарши ҳар иккала юришида ҳам амалда ғолиб чиққан эмас. Биринчи юришда Эршига етиб кела олмай, Лубнорда қаттиқ қаршилиқка учраб, Ўзганда қатта талофат кўриб, Хитойга қайтиб кетган. Иккинчи юришда урушга пухта тайёргарлик кўришига қарамай, Эршини батамом таслим эта олмай, атиги 3 минг от ва Мугуани ўлимига эришиб, 50 мингдан ортиқ аскардан ажраб ватанига қайтиб кетган. Даван эса дипломатияни ишлатиб, она Ватанни мардларча ҳимоя қила олди, Хитой олдида мустақилликни сақлаб қолди. Бу даванликларнинг буюк ғалабаси эди. Аждодларимизга хос ватан озодлиги, ватан қайғуси билан яшаш, унинг порлоқ келажаги йўлида мардларча курашга доим тайёр бўлган халқнинг Она-ватанга бўлган садоқатининг бир намунаси эди.

Мен Мингтепа билан бевосита танишиш жараёнида унинг тарихий топографияси, жойлашиш ўрни, уни узоқ камал даврида таъминлаб турган сув манбалари ҳамда унинг аркини эгаллаган майдони ва топографияси билан танишгач, А. Анорбоевни бу масалада ҳақ эканлигига ишонч ҳосил қилдим.

Археологик тадқиқотлардан маълумки, Мингтепа мил. авв. III - милодий V асрларга тегишли кўхна шаҳар. Унинг бизгача сақланган майдони 38 гектарни ташкил этади. Шаҳар тўғри тўрт бурчак шаклида. Уни ўраб олган мудофаа деворлари, девор параметри бўйлаб қад кўтарган 52 та минора (мезана) лар яхши сақланган. Шаҳарга кириш дар-

возаси унинг ғарбий девори ўртасида жойлашган. Дарвозадан шимолий-шарққа томон сув бўйлаб йўл кетган. У йўл қадимда шаҳар аркига олиб борган. Олимлар арк деб атаган ягона баланд тепалик майдони 0,5 га майдонни ҳам ташкил этмайди. Унинг шарқий қисмида А.Н. Бернштам ва Ю.А. Заднепровскийлар, сўнг Б. Матбобоев археологик қазишмалар олиб борган. Улар берган маълумотларга кўра, аркда маданий қатлам қалинлиги 10 м. дан ортиқ. Куйи қатлам материаллари мил.авв. III-II асрга тегишли эканлиги аниқ кўзга ташланади. Шахристон мудофаа деворининг ғарбий линиясида девор кесмаси ўрганилган. Шаҳар мудофаа деворининг асоси пахса ва ҳом ғиштларни ташкил этади. Улар девор кесмасида ҳозиргача яхши сақланган. Шахристон майдони аркни ҳисобга олмаганда, кейинги йилларда текисланиб, сўлим ўрикзор ва олмзор боғу-бўстонга айлантирилган. Ёдгорликни Мингтепа деб аталишига сабаб бўлган унинг кўп сонли тепаларидан ҳеч бир из қолмаган. Шаҳар ичидан зовур қазиб, сизот сувлар шахристондан ташқарига чиқариб юборилибди. Ана шу зовур кесмасида маданий қатламлар кўзга ташланади. Шаҳар, унинг атрофида, ҳозиргача қайнаб турган булок сувлари манбалари асосида қад кўтарган кўринади.

Хитойшунос олим Аҳаджон Хўжаевнинг фикрига кўра, Эрши шаҳрини Даван давлатининг пойтахти бўлганлиги ҳақида Хитой ёзма манбаларида тегишли маълумотлар учрамайди. Дайюаннинг пойтахти аслида Юан шаҳри бўлиб, у ўзининг тарихий топографиясига кўра, ички ва ташқи шаҳарлардан иборат. Бу ҳақда юқорида Эрши мудофааси таърифида эслаб ўтганимиздек, унинг ҳар бир қисми мудофаа деворлари билан ўраб олинган. Душман ташқи шаҳар деворларини бузиб, унинг ичига кирганда, мудофаачилар ички шаҳарга яширинган. Душман ички шаҳарга кира олмай, икки орадаги дипломатик мулоқотдан сўнг 3 минг зотли отлар ва Дайюан подшоси Мугуанинг ўлимига эришиб, Хитойга қайтишга мажбур бўлган. Демак, Ли Гуан ола олмаган Дайюаннинг пойтахт шаҳри Эрши эмас, балки Юан шаҳри бўлиб, у А. Анорбоев фараз қилган Ахсикентдир.

Хитойшунос А. Хўжаев таъкидлашича, Эрши топоними қадимги хитой иероглифларида икки маънода учрайди, яъни бир жойда иероглиф Эрши ўқилиб, у кенг яйлов, зотли отлар боқиладиган майсазор майдон маъносини беради. Эрши талаффузида ўқилган бошқа бир иероглифда эса атрофи мудофаа деворлари билан ўралган қадимги шаҳар тушунилган. Шунинг учун Марҳаматнинг Мингтепаси ўз тарихий топографиясига кўра, Эрши шаҳри бўлиши мумкин. Аммо у Ли Гуанли жанг билан ола олмаган Даваннинг пойтахти эмас.

Дарҳақиқат, Мингтепанинг арки аълоси ўзининг 0,5 гектарли майдонига нафақат 3 мингдан ортиқ тулпор отларни, балки урушда омон қолган аҳолисини ҳам сигдира олишига ақл бовар қилмайди. Демак, Мингтепа шаҳри, айниқса унинг арки аълоси ҳамда шаҳарнинг тарихий топографияси Эрши мудофааси билан боғлиқ манзарани Мингтепа мисолида эслатмайди. Арк атрофини ўраб олган на мудофаа девори, на ҳандақ бор. Хуллас, Мингтепа мисолида Эрши мудофааси муносабати билан Хитой ёзма манбаларида учрайдиган таъриф ва тавсиф кўзга ташланмайди. Ахсикентда эса Эршининг бу сифатлари археологик жиҳатдан ҳам ўз исботини топган.

Мингтепа Даван давлатининг пойтахти айнан Эрши бўлмасада, ўша давр Фарғона водийсида қад кўтарган 70 шаҳар орасидаги Ахсикентдан кейинги нуфузли шаҳарларидан бири бўлган. Унинг 38 гектарли майдонига қараганда, у ўз даврининг антик ва илк ўрта асрларда шаклланган йирик шаҳарларидан бири бўлган.

Фойдаланилган адабиётлар:

1. Бернштам А.Н. Древняя Фергана. Ташкент, 1951.
2. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.-Л., 1952.
3. Матбабаев Б. Фарғона қадимги шаҳарларининг жойлашган ўрни муаммолари // Ўзбекистонда ижтимоий фикр, 9-сон. Тошкент, 1995.
4. Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б. Городище Мархамат (некоторые итоги изучения) // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
5. Анарбаев А. Столичные города Ферганы и их локализация (античность, раннее средневековье) // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд-Бишкек, 2005.
6. Қурбон Вали. “Шивонгму” ривояти ҳақида янги мулоҳаза. “Бизнинг тарихий ёзувларимиз” Урумчи, 1986.
7. Бан Гу. Чжан Цян, Ли Гуангли таржимаи ҳоли. Ханнома. Урумчи, 1994. 447-449 бетлар.
8. Си Ма Цян. Фарғона тазкираси. Тарихий хотиралар. 526 бет.
9. Си Ма Цян. Ўша асар, 508 бет.
10. Си Ма Цян. Ўша асар, 508 бет.
11. Ўша асар, 508, 527 бетлар; Бан Гу. Чжан Цян, Ли Гуангли таржимаи ҳоли..., 457 бет.
12. Си Ма Цян, ўша асар, 508 бет.
13. Ўша асар, 508 бет.
14. Си Ма Цян. Ўша асар, 508; Бан Гу. Чжан Цян, Ли Гуангли таржимаи ҳоли. ...., 458 бет.
15. Абдухолиқ Абдурасул ўғли. Қадимги Фарғона тарихидан. Тошкент, 2002, 46 бет.
16. Си Ма Цян, ўша асар, 509 бет.
17. Ўша асар, 509 бет.
18. Ўша асар, 510 бет.
19. Си Ма Цян. Ўша асар, 510 бет.
20. Ўша асар, 510 бет.
21. Бан Гу. Чжан Цян, Ли Гуангли таржимаи ҳоли..., 460 бет.
22. Си Ма Цян. Тарихий хотиралар, 511 бет.
23. Бан Гу. Чжан Цян, Ли Гуангли таржимаи ҳоли...461 бет.
24. Си Ма Цян. Тарихий хотиралар, 511 бет.
25. Абдухолиқ Абдурасул ўғли. Қадимги Фарғона тарихидан. Тошкент-2002. 55 бет.
26. Бан Гу. Чжан Цян, Ли Гуангли таржимаи ҳоли. ...., 462 бет.
27. Си Ма Цян. Фарғона тазкираси. Тарихий хотиралар. 1 жилд. Ўримчи-1989. 512 бет.
28. Бан Гу. Чжан Цян, Ли Гуангли таржимаи ҳоли. ...., 462 бет.
29. Си Ма Цян. Фарғона тазкираси. “Тарихий хотиралар”, 512-513 бетлар.
30. Си Ма Цян. Фарғона тазкираси.”Тарихий хотиралар.” 513 бет.
31. Ўрта Осиёнинг қадимги давлатлари ўртасида ўзаро қўмаклашиш аҳдига қўра, бирон бирини устига ёв бостириб келса, қўролли ёрдам бериш иложи бўлмаган тақдирда, турли йўллар билан бир-бирларини қўллаб-қувватлашлари кўзда тутилган.
32. Си Ма Цян. Фарғона тазкираси. “Тарихий хотиралар”, 515 бет.
33. Бан Гу. Чжан Цян, Ли Гуангли таржимаи ҳоли. Ханнома. 460 бет.
34. Си Ма Цян. Фарғона тазкираси. “Тарихий хотиралар”, 513-514 бетлар.
35. Си Ма Цян. Фарғона тазкираси. “Тарихий хотиралар”. 515-516 бетлар.

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

ТРИБУНА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ ГРОТА АНГИЛЛАК

А.М. Омонов

Аспирант Национального университета Узбекистана

Грот Ангиллак был открыт Р.Х. Сулеймановым в 2001 году. Систематические исследования этого палеолитического памятника начались в 2002 году Международной Узбекско-Американской студенческой научно-археологической экспедицией, проводящей изучение отдельных памятников археологии Узбекистана. В полевых работах, помимо студентов и преподавателей исторического факультета Национального университета Республики Узбекистан и Департамента антропологии университета штата Колорадо, участвовали сотрудники институтов истории и археологии АН РУз, сотрудники Центра новой истории Академии государственного и общественного строительства при Президенте РУз. Результаты исследования отражены в ряде научных статей и годовых отчетов (Сулейманов, Тойчиев, Ташкенбаев и др., 2001а. С. 1-19).

Грот находится в 700-800 м выше пещеры Ерма, на северном берегу Аякчисая, в Китабском районе Кашкадарьинской области. Абсолютная высота грота около 250 м над тальвегом сая. Он имеет правильную форму в виде широкой округлой ниши, обращен на юго-запад. Размеры: ширина 10 м, глубина 7 м, высота 6-7 м; у входа отмечена небольшая площадка. Грот очень удобен для укрытия и обитания (рис. 1).

В 2002 году на полу пещеры были найдены отдельные обломки сколов, поэтому в его глубине был заложен шурф размерами 0,5х07 м, глубиной 0,7 м. Под 10 см плотным гумусированным слоем с овечьим пометом и золой шла рыхлая желтая супесь около 0,5 м толщиной. В ней найдено несколько каменных изделий и мелкие фрагменты костей. Под ней - плотная темно-коричневая глина без находок (толщина 5-10 см).

В 2003 году раскопки грота Ангиллак были продолжены. В шурфе, в восточной части его, под глинистыми отложениями выявлены большие глыбы известняка. Этот горизонт стерильной глины с тонкими прослойками песка кое-где был прокопан вглубь на 90 см, при этом общая глубина шурфа достигла 1,5 м.

Севернее, там же в глубине площадки грота был заложен второй дополнительный шурф размерами 1х1 м. Он был углублен на 0,5 м до глинистых стерильных отложений. Здесь под тонким чехлом верхнего гумусного слоя с примесью помета домашнего скота также вскрыта толща культурных отложений общей мощностью 0,5 м. Характер стратиграфии этого участка близок тому, что был отмечен в первом шурфе.

Стратиграфия напластований грота Ангиллак имеет следующий характер (рис. 2):

1. Сверху залегает тонкий гумусный горизонт толщиной до 5 см с пометом домашнего скота. Находок в нем нет.

2. Мягкая светло-коричневая супесь, местами с золой и вмясками угля. В восточной части шурфа, ближе к выходу, этот слой выклинивается. Максимальная его толщина в северо-западном углу достигает 20 см и содержит находки каменных изделий, мелкие фрагменты костей.

Рис. 1. Общий вид грота Ангиллак

3. Мягкая супесь серого цвета с угольками и золой. Он простирается по всей площади шурфа на толщину 15-30 см. В слое также много находок каменных изделий и фрагментов костей.

4. Новый слой мягкой светло-коричневой супеси с находками эпохи палеолита толщиной 15-25 см.

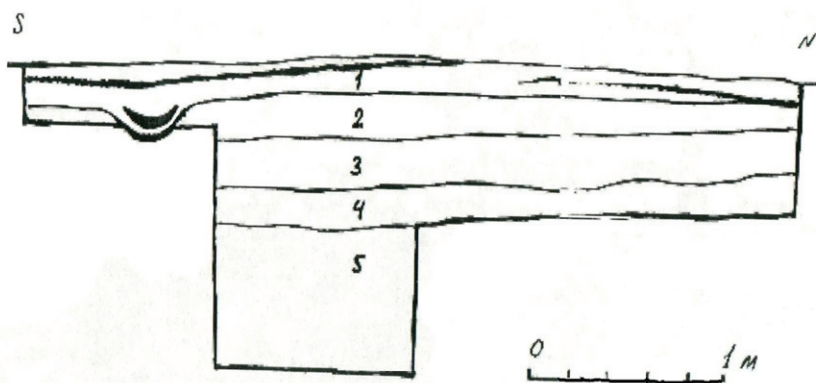
5. Ниже залегают горизонты плотной слоистой стерильно чистой глины абсолютно без находок с уклоном к западу, в глубину карстовой ворон-

ки грота.

При раскопочных работах из обоих шурфов было получено множество мелких фрагментов костей диких животных. Среди определяемых преобладают кости мелких копытных и черепахи. Вместе с ними найдено около пятисот изделий из камня и отходов производства, включая мелкие осколки и чешуйки (Сулейманов, Глантз, Пасилов, Ражабова, Паин, Адамс, Ритзман, 2003. С. 8).

Сырьем для изготовления каменных орудий служила галька из разных пород камня, которые древний человек мог собирать в русле Аякчисая, протекавшего у подошвы горы, в которой находится грот. Использовались все породы, обладающие более или менее изотропной структурой и способные давать раковистый излом при расщеплении. Это был кремень, окремненный известняк, мелкозернистый кварцит, некоторые интрузивные породы, часто использовался обычный кварц.

В коллекции артефактов грота Ангиллак на несколько сот мелких чешуек, осколков и фрагментов приходится около десятка отщепов и пластин. Два десятка ретушированных орудий и их фрагменты. Более половины их изготовлено из пластин или специально рассеченных фрагментов сколов. Видимо, для индустрии Ангиллака было характерно предпочтение мелким, ретушированным отщепам и их фрагментам наряду с использованием пластин и остроконечников, имеющих продольное лезвие и пропорции удобные для захвата при работе или использования в качестве наконечника при охоте. Нуклеусы в коллекции Ангиллака немногочисленны, мелкие, преобладают атипичные формы. По мнению, Р.Х. Сулейманова, орудия труда характерны для мустьерской эпохи. Это

Рис. 2. Стратиграфия грота Ангиллак

разнообразные ретушированные отщепы, некоторые из них можно классифицировать в качестве боковых скребел, ретушированных пластин и остроконечников (Сулейманов, Глантз, Пасилов и др., 2003. С. 12).

Три экземпляра нуклеусов Ангиллака имеют ортогональный принцип расщепления. Они подпрямоугольной формы, следы скалывания имеются на всех шести гранях (рис. 3, 1, 2), хотя на двух из них, изготовленных из кремня, сохранились небольшие пятна желвачной корки, а третий - из окремненного известняка, сохранил участок гладкой естественной поверхности речной гальки.

Два из трех экземпляров нуклеусов, имеющих радиальный принцип скалывания отщепов, изготовлены из кварца (рис. 3, 5, 6), и один из более пластичной породы (рис. 3, 4). Все они сработаны до предела и длина их варьирует в интервале 2,5-4 см. В двух случаях эти нуклеусы имеют на гранях чешуйчатую ретушь, что указывает на использование их в качестве орудий для скребущих и скоблящих функций (рис. 3, 2, 3). Один из мелких предельно сработанных нуклеусов имел продолговатую форму и несколькими резцовыми сколами оформлен на обоих концах в виде полиэдрического резца (рис. 3, 1)

Но, как отмечалось выше, в большинстве случаев преобладают такие остаточные формы кварцевых нуклеусов, на которых принцип расщепления невозможно определить. Они не имеют правильной формы и на их поверхности можно выявить лишь 2-3 последних негатива снятых с той или иной грани. Из-за анизотропности кварца сколы не имеют ровной поверхности.

4 экземпляра - небольшие нуклеусы начальной стадии расщепления. Это куски кварца с отдельными небольшими негативами мелких сколов. Они не были использованы далее, как из-за того, что плохо поддавались расщеплению, так и в силу своих мелких размеров (рис. 3, 7-10). 6 экземпляров представляют собой мелкие обломки или осколки нуклеусов последней стадии утилизации, когда ядрища дробятся на каменной наковальне ударом отбойника и результаты этой операции непредсказуемы (рис. 3, 11-13; рис. 4, 1, 2, 3). В двух случаях эти изделия из стекловидной изверженной породы и окремненного сланца, остальные кварцевые.

Таким образом, типология орудий Ангиллака представлена ретушированными пластинами, остроконечниками, ретушированными отщепами, часть которых можно квалифицировать в качестве скребел. И как отмечалось много фрагментов отщепов и пластин с ретушью. Выделяется серия (12 экз.) ретушированных пластин. Негативы дорсала имеют парал-

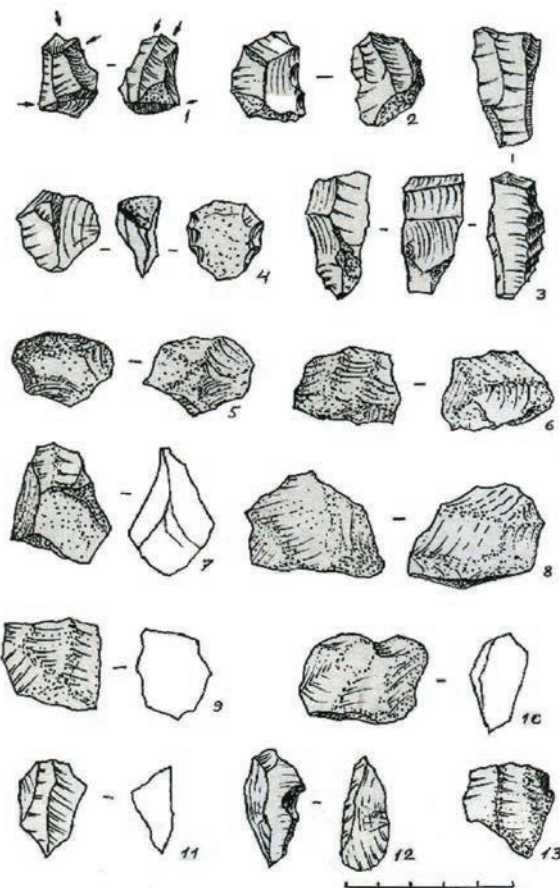

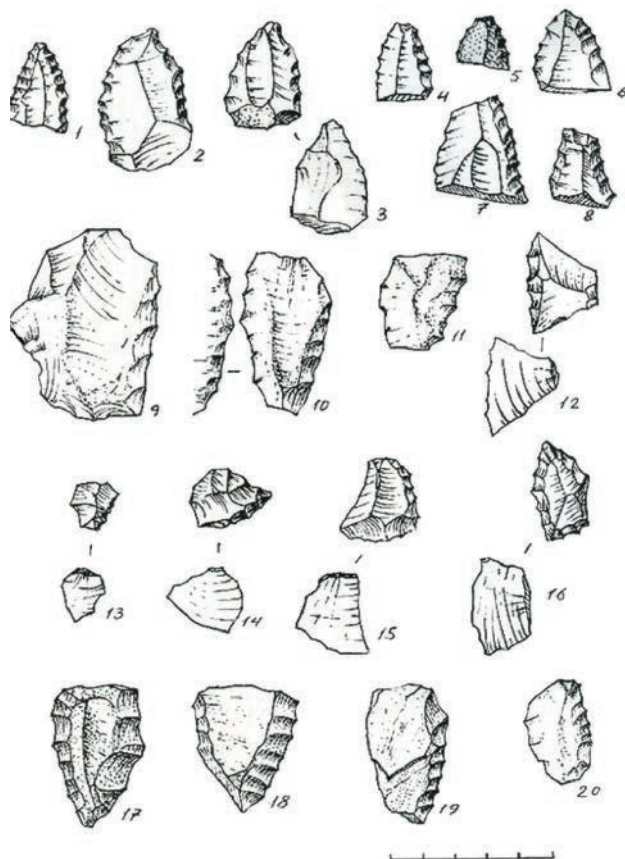
Рис. 3. Каменные изделия грота Ангиллак

лельную направленность. Но в силу некачественного сырья они сравнительно короткие, нестандартны по пропорциям и часто имеют неровные контуры краев. В двух случаях, когда пластины были сколоты с биполярных нуклеусов из светлого качественного кремня, они имеют правильные пропорции. Ретушь, подправляющая края пластин разнообразна по типу и степени интенсивности. В одних случаях она тонкая, заостряющаяся, в других - зубчатая и более крутая. Иногда ретушь наносится и со стороны вентрала.

Несмотря на очень низкое качество каменного сырья, насельники Ангиллака упорно преследовали цель получения удлинённых пластинчатых заготовок. В случае Ангиллака, как отмечалось, видимо, сыграли роль два фактора, обуславливающие мелкие размеры орудий, это дефицит качественного сырья и широкое употребление в пищу степных черепашек, содержимое панцирей которых приходилось выскабливать мелкими орудиями и их фрагментами.

Отличительной особенностью Ангиллака, судя по коллекции 2003 года, является очень широкое применение приема намеренного фрагментирования отщепов, пластин и готовых ретушированных орудий. Так, по нашим подсчетам, на 33 экземпляра ретушированных пластин, отщепов, скребел, остроконечников, полученных в этом сезоне, приходится такое же количество их сечений и обломков.

Этот вопрос требует ответа. Очень часто эти фрагменты имеют отсеченные грани с двух-трех сторон, небольшие сколы или орудия толщиной 0,5-1 см. Они при употреблении для обработки органических материалов, не могли ломаться на мелкие фрагменты, поэтому рассекались намеренно. В качестве предположения можно допустить, что

Рис. 4. Каменные изделия грота Ангиллак

здесь играл роль экономический фактор. Как отмечалось, среди фаунистических остатков выделяется очень большое количество остатков костей и фрагментов панциря степной черепахи, что указывает на теплый и сухой климат времени обживания грота Ангиллак. Возможно, это была росс-вюрмская эпоха или период одного из интерстадиалов вюрмского оледенения. Насельники Ангиллака активно собирали этих пресмыкающихся, водившихся в изобилии в районе грота (охотой добычу этих безобидных существ назвать трудно). Но употребление их в пищу требовало определенной сноровки, так как костный панцирь черепахи срастается с костями позвонков, грудины и ребрами. И после того, как панцирь был разбит, значительную часть мяса и жира этого пресмыкающегося, видимо приходилось выскабливать из панциря и костей, для чего и могли пригодиться мелкие отщепы и фрагменты более крупных отщепов и скребел.

Из слоев грота Ангиллак получена радиоуглеродная дата 42000-27000 тысяч лет до н.э. (Tostevin, Glantz, Suleymanov, 2006. P. 32-35). Непосредственный исследователь стоянки Р.Х. Сулейманов принимает нижнюю дату результатов С¹⁴. Но поэтому вопросу в последние годы появилась и другая альтернативная точка зрения (Сайфуллаев, Хушваков, Курбонбаев, 2007. С. 17).

Исследователи палеолита Сайфуллаев Б.К., Хушваков Н.О. и Курбонбаев И. принимают верхнюю датировку (27 000 лет до н.э.). При этом ими приводятся довольно убедительные аргументы. Например, криво усеченные пластины, представленные двумя экземплярами в слоях Ангиллака, повсеместно появляются не ранее чем 28 000 лет и характерны для эпохи граветти. Более того, серия остроконечников имеющих в наборе индустрии Ангиллака представлена более удлиненными и достаточно уплощенными, соответственно не являются мустьерскими (Сайфуллаев и др., 2007. С. 19).

Исходя из вышеизложенных интерпретаций мы придерживаемся точки зрения о позднепалеолитическом возрасте материалов грота Ангиллак.

Использованная литература:

- Деревянко А.П.* Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2001. №3.
- Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х.* Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2 – 14) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2001. № 4.
- G. Tostevin., M. Glantz., R. Suleymanov.* Preliminary Analyses of the Lithic Assemblages from Anghilak Cave // Қарши шахрининг жаҳон цивилизацияси тарихидаги ўрни. Қарши шахрининг 2700 йиллик юбилейига бағишланган халқаро илмий анжуман материаллари, Тошкент–Қарши, ЎзР ФА “Фан” нашриёти, 2006 йил.
- Сулейманов Р.Х., Тойчиев Х.А., Ташкенбаев Н.Х., Джуракулов М.Дж., Холматов Н.У., Крахмаль К.А., Ибрагимов Р.З., Глантз М., Шраубер А.Х., Бургер О.Ф., Циммерман Х.П.* Отчет по результатам полевых исследований совместной эколого-археологической экспедиции по изучению памятников каменного века. Ташкент (май-июнь, 2001 г.). Научный архив ИА АН РУз. Фонд 07. О. 1. Д. 160.
- Сулейманов Р.Х., Хасанов М., Аминов Б., Шоназаров Ш., Ибрагимов Р.З., Крахмаль К.А.* Отчет по результатам полевых исследований совместной эколого-археологической экспедиции по изучению памятников долины Кашкадарьи. Ташкент (сентябрь-октябрь, 2001 г.). Научный архив ИА АН РУз. Фонд 03. О. 1. Д. 124.
- Сулейманов Р.Х., Глантз М., Пасилов Б., Ражабова Н., Паин Л., Адамс Дж., Ритзман Т.* Отчет о полевых исследованиях совместной Узбекско–Американской археологической экспедиции в 2003 году. Раскопки грота Ангиллак. Ташкент, Научный архив ИА АН РУз. Фонд 03. О. 1. Д. 128.
- Сулейманов Р.Х.* Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, «Фан», 1972.
- Сайфуллаев Б.К., Хушваков Н.О., Курбонбаев И.* О позднем палеолите Узбекистана // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, 2007.
- Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х.* Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980.

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ КУКАЯЗСКИХ МАСТЕРСКИХ

О.Т. Эргашев

Аспирант Самаркандского Государственного университета

Палеолитический отряд Института археологии АН РУз при проведении разведки в районе Кукаяз Учкудукского района Навоийской области обнаружил 8 пунктов, на поверхности которых выявлены каменные изделия. Ранее, в 1998 году уже были открыты мастерские (1, 4 и 8) (Хужаназаров, Сайфуллаев, 2006. С. 16; Сайфуллаев, 2003. С. 12). Из кукаязских комплексов наряду с продуктами дебитажа происходит серия разнообразных каменных орудий, что позволяет отнести эти мастерские к числу специализированных. Орудия состоят из зубчатых (26 экз.), выемчатых (10 экз.) изделий, скребков (5 экз.), резцов (1 экз.), топора (1 экз.), клювовидных орудий (2 экз.), скребел (2 экз.), предметов с утонченными корпусами (7 экз.) и проколки (1 экз.).

Данная статья посвящается технико-типологическому изучению каменных орудий кукаязских мастерских (1-8). Листовидные же бифасы в этой работе не рассматриваются, так как они выделены как предмет отдельных исследований. Каменные орудия (кроме бифасов) в комплексах Кукаяз 2 и 3 не обнаружены.

В коллекции *Кукаяз 1* обнаружена серия **зубчатых изделий**, среди которых боковые составляют 2 экз., поперечные—2 экз. и тройные—1 экз.

Боковые зубчатые. Один из боковых экземпляров зубчатых орудий изготовлен на дистальном фрагменте отщепе эпанеллажа¹ размерами 71x65x30 мм (Jean-Luc Piel-Desruisseaux 2002. Outils Ptéhistorique. Du galet taillé au bistouri d'obsidienne. 4e édition. Dunod. Paris, p. 84, 132; Brézillon (M.), 1983. – La dénomination des objets de pierre taillée. C.N.R.S., IVe supplément à «GALLIA PRÉHISTOIRE», p. 160). Правый крутой латераль изделия сначала был отретуширован с помощью плоской ретуши, а затем ординарными анкошами со стороны дорсала. Форма рабочего края зигзагообразная. Ударная площадка отщепе сломана и на дорсале имеются негативы основного предшествующего скола и срезающие его боковые подправки с левого латерала (рис. 1). Второй экземпляр из боковых зубчатых также оформлен на отщепе размерами 62x58x28 мм. Зубчатость образована на левом латерале со стороны дорсала с помощью ординарных анкошей. На дорсале имеются следы негативов центростремительных снятий. Ударная площадка отщепе фасетированная и слегка скошенная к тылу. Форма рабочего края зигзагообразная. На дистальном медиале отщеп имеет изолированный ординарный анкош со стороны дорсала (рис. 2).

Поперечные зубчатые. Одно из поперечных зубчатых орудий коллекции изготовлено на массивном отщепе размерами 112x86x30 мм. Зубчатость образована на поперечном дистале с помощью чередующихся анкошей. Форма рабочего лезвия зигзагообразная. Ударная площадка отщепе усеченная, на дорсале заготовки имеются следы ортогональных снятий (рис. 3). Второй экземпляр из поперечных зубчатых орудий также обработан на отщепе крупного размера—132x91x25 мм. Зубчатость образована на поперечном дистале со стороны дорсала с помощью ординарных анкошей. Форма рабочего края зигзагообразная. Ударная площадка отщепе гладкая и скошена к тылу. На дорсале имеется негатив униполярных снятий, а также частично сохранен натечный

покров (рис. 4).

Тройные зубчатые. И наконец, последнее, тройное зубчатое изделие комплекса Кукаяз 1 оформлено на отщепе размерами 67x74x17 мм. На левом латерале и поперечном дистале зубчатость образована с помощью ординарных анкошей со стороны дорсала, а правый латераль обработан вентрально. Формы этих рабочих краев зигзагообразные. Ударная площадка отщепа гладкая и сильно скошена к тылу. На дорсале имеются следы негативов униполярных снятий и частично сохранены остатки натечного покрова (рис. 5).

Кукаяз 4. В наборе индустрии Кукаяз 4 двумя экземплярами представлены **концевые скребки**, обработанные на толстых отщепах. Один из них имеет размеры 56x56x26 мм. Скребок изготовлен на отщепе, вентраль которого полностью покрыт известковым натеком. Ударная площадка сломана. Скребок оформлен на дистале с помощью полукрутых субпараллельных ретушей со стороны дорсала. В вентральной части рабочего лезвия произведена подтеска. Форма рабочего края выпуклая, на дорсале заготовки имеются негативы ортогональных снятий (рис. 6). Второй скребок имеет размеры 52x46x25 мм. Скребковое лезвие оформлено на дистале отщепа с помощью полукрутых субпараллельных сколов. Форма рабочего края выпуклая. На дорсале заготовки имеются следы центростремительных снятий. Ударная площадка отщепа усеченная (рис. 7).

В коллекции Кукаяз 4 одним экземпляром представлена **проколка**. Она оформлена на отщепе со сломанной ударной площадкой, размерами 80x78x35 мм. Негативы на дорсале отщепа ортогональные, в середине дорсала частично сохранились останки натечного покрова. Проколка оформлена на дистальном медиале отщепа, с помощью двух ординарных анкошей со стороны дорсала. В вентральной части жальца имеется подтеска (рис. 8).

Кукаяз 5. В коллекции Кукаяз 5 представлены 4 экз. продольных, 2 экз. поперечных и 1 экз. двойных продольных **зубчатых орудий**. Все продольные зубчатые изделия обработаны со стороны правого латерала, в одном случае—вентрально и в трех—дорсально. В качестве заготовок послужили во всех случаях отщепы из кварцитов.

Простые продольные зубчатые—4 экз. Один из них оформлен на отщепе размерами 107x65x44 мм. Ударная площадка отщепа усеченная. Зубчатое лезвие обработано на левом латерале со стороны дорсала, но рабочее лезвие сначала было утончено с помощью полукрутых снятий, затем при помощи зубчатой ретуши. Форма рабочего края зигзагообразная. На дорсале изделия имеются следы биполярных снятий (рис. 9). Второе продольное зубчатое орудие обработано на сколе антам со сломанной ударной площадкой размерами 73x51x36 мм. Зубчатость оформлена на правом латерале со стороны дорсала. Форма рабочего лезвия слегка зигзагообразная. На дорсале изделия имеются следы негативов от подправки отщепа антам (рис. 10). Третье продольное зубчатое орудие обработано на пластине с субпараллельной огранкой спинки, на дорсале которой имеются следы негативов униполярных снятий. Зубчатое лезвие оформлено на правом латерале со стороны дорсала с помощью ординарных анкошей. Форма рабочего края зигзагообразная. Ударная площадка пластины усеченная (рис. 11).

Поперечные зубчатые—2 экз. Одно из них оформлено на отщепе эпанеллажа, размерами 74x51x16 мм. Зубчатое лезвие расположено на поперечном дистале отщепа со стороны дорсала. Форма рабочего края выпуклая. Ударная площадка отщепа сломана. На дорсале отщепа имеются следы негативов ортогональных снятий. Отщеп имеет двойную патинизацию, т.е. его вентраль более патинизирована, чем дорсаль. На левом

латерале изделия имеется ретушь мелкого размера, нанесенная дорсально (рис. 12). Второе поперечное зубчатое орудие оформлено на фрагменте нуклеуса типа «ком сливочного масла» размерами 88x66x28 мм. В нем рабочее лезвие обработано на одном из краев фрагмента с помощью чередующейся зубчатой ретуши. Форма рабочего края зигзагообразная (рис. 13).

Двойное зубчатое орудие—1 экз. Оно обработано на отщепе из кварцита размерами 95x66x15 мм. Ударная площадка заготовки сломана. Рабочие лезвия оформлены с двух латералов продолговатого отщепа со стороны дорсала, с помощью ординарных анкошей. Формы рабочих краев зигзагообразные, дорсаль изделия покрыта известковым налетом. Изделия имеют двойную патинизацию, т.е. зубчатая ретушь менее патинирована, чем сама заготовка (рис. 14).

Предметы с утонченным корпусом—2 экз. В коллекции Кукаяз 5 двумя экземплярами представлены отщепы с утонченными корпусами. Один из них размерами 83x55x10 мм, является отщепом эпанеллажа с сильно скошенной и гладкой ударной площадкой. На дорсале отщеп имеет следы униполярных и боковых подправочных негативов. Утончения производились с левого латерала вентрально (рис. 15).

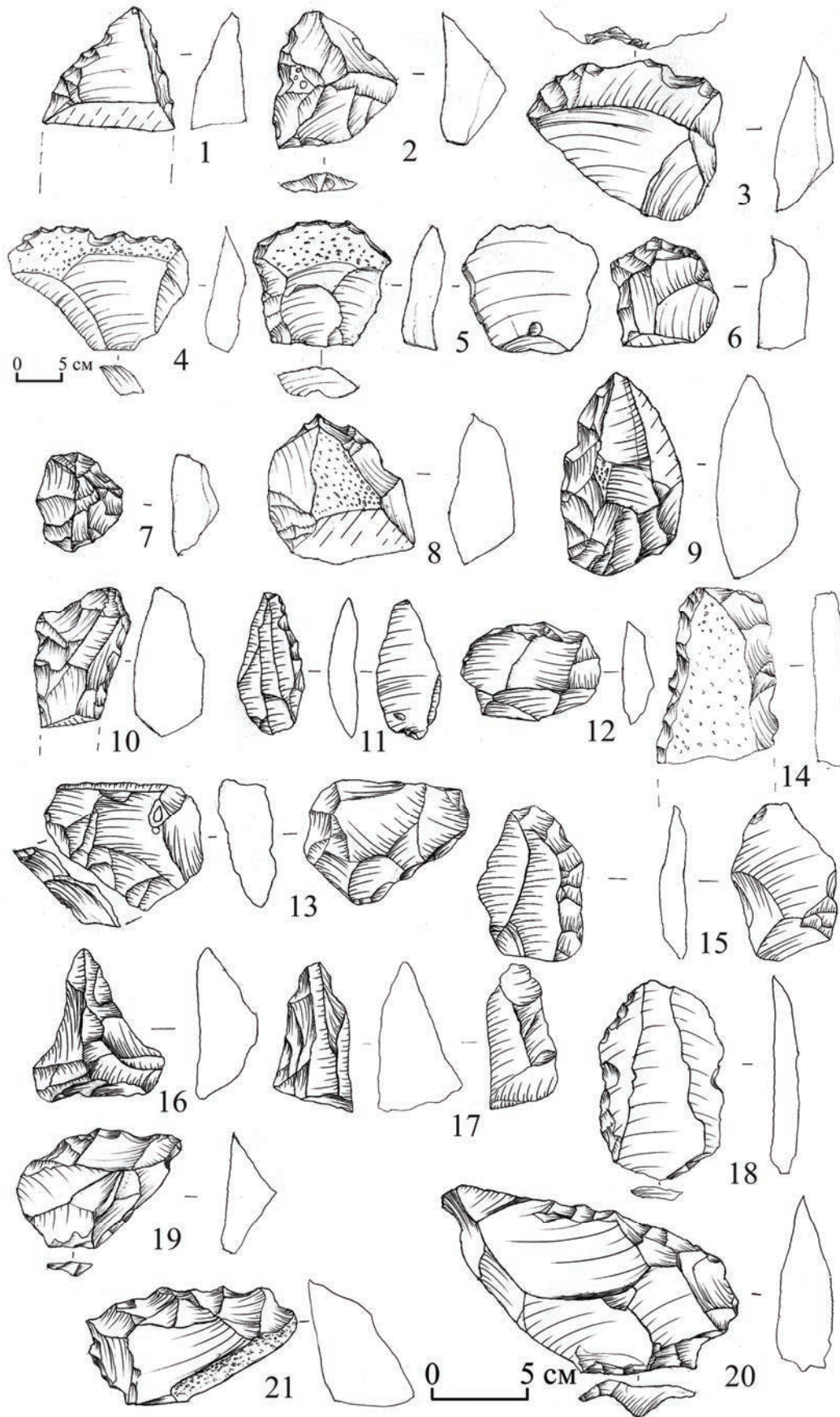
Клювовидные орудия (беки) - 2 экз. В коллекции Кукаяз 5 двумя экземплярами представлены клювовидные орудия. Один из них обработан на отщепе из кварцита озерного происхождения размерами 64x72x30 мм. Изделие имеет треугольную форму и оформлено с помощью крутых сколов. Выделено жальце с помощью дулатеральных обработок. Проксимальная грань орудия имеет зубчатое оформление (рис. 16). Второе орудие из этой категории было обработано на отщепе эпанеллажа со сломанной ударной площадкой. Оно имеет обработку боков изделия с помощью боковых крутых скалываний, а жальце выделено с помощью двух боковых ординарных анкошей. Кроме того, в отличие от предыдущего изделия, в этом орудии жальце выделяется с помощью вентральных подтесок (рис. 17).

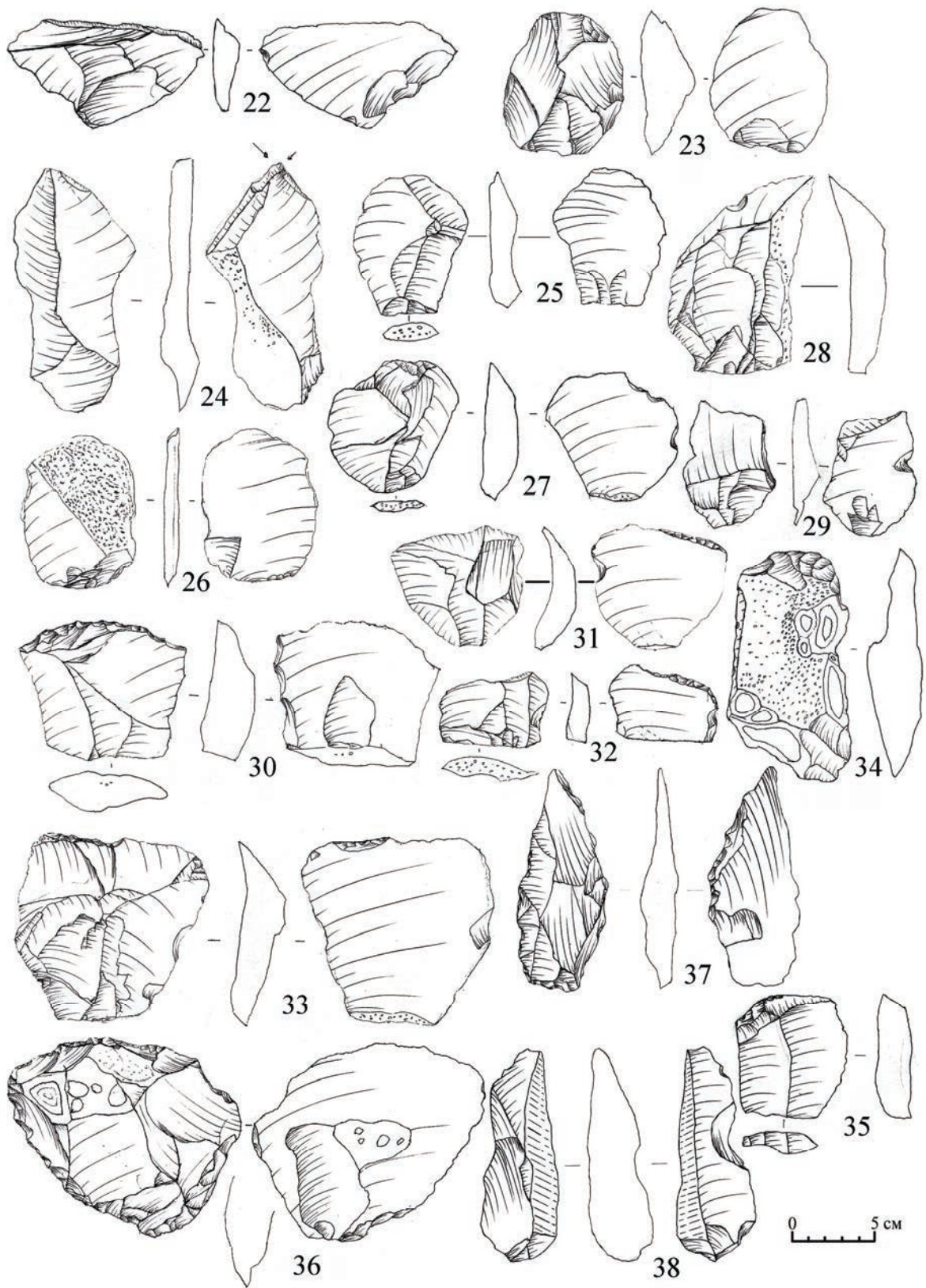
Кукаяз 6. Среди орудий комплекса Кукаяз 6 выделяются 4 экземпляра зубчатых (1 - продольный, 2 - поперечных и 1 - двойной) и 2 экземпляра предметов с утонченным корпусом.

Зубчатые орудия – 4 экз. Продольное зубчатое орудие коллекции имеет размеры 105x66x13 мм. Обработана левая латераль продолговатого отщепа с помощью зубчатой ретуши со стороны дорсала. Форма рабочего края зигзагообразная. На медиале правого латерала изделия имеется один изолированный ординарный анкош со стороны дорсала. Ударная площадка заготовки гладкая и слегка скошена к тылу. На дорсале имеются негативы сколов униполярно субпараллельных снятий (рис. 18).

Одно из **поперечных зубчатых** орудий коллекции оформлено на дистале широкого отщепа со стороны дорсала. Оно имеет размеры 66x63x25 мм. Сначала с помощью проникающих снятий был утончен корпус толстого отщепа, затем с зубчатой ретуши оформлено зигзагообразное лезвие. Ударная площадка отщепа фасетированная и сильно скошена в тыл. Негативы сколов на дорсале отщепа центростремительные (рис. 19). Второе поперечное зубчатое орудие также изготовлено на дистале широкого отщепа со стороны дорсала. Форма рабочего лезвия зигзагообразная. Его размеры 155x100x29 мм. На дорсале отщеп имеет негатив центростремительных снятий, ударная площадка фасетирована, сильно скошена к тылу (рис. 20).

Двойное зубчатое орудие коллекции Кукаяз 6, размерами 113x63x45 мм, оформлено на левом латерале и дистале широкого отщепа со стороны дорсала. Это конвергентное двойное зубчатое орудие, конвергентность образуется на левом дистальном углу.

Формы его рабочих краев зигзагообразные. Ударная площадка отщепа фасетированная и характеры негативов сколов на дорсале биполярные. Правый латераль изделия покрыт известковым натеком (рис. 21).

Предметы с утонченным корпусом – 2 экз. Один из них оформлен на отщепе размерами 122x66x16 мм. Вентрально обработана проксималь и левая латераль изделия с помощью плоско-проникающих скальваний, которые удалили ударную площадку отщепа. На дорсале имеются следы негативов биполярных снятий (рис. 22). Второй экземпляр также обработан из отщепа размерами 88x75x33 мм. Этот широкий отщеп на проксимале имеет негативы проникающих сколов со стороны вентрала, которые убрали ударную площадку. Негативы сколов на дорсале имеют центростремительный характер (рис. 23).

Кукаяз 7. В наборе индустрии Кукаяз 7 обнаружен резец—1 экз., предметы с утонченными корпусами—3 экз., анкоши—5 экз. и комбинированные орудия—4 экз.

В коллекции имеется один экземпляр отщепа, проксималь которого был снят с помощью двугранных *рецовых* сколов. Размеры отщепа 153x73x23 мм, на дорсале имеются негативы ортогональных снятий, частично покрыт известковым натеком (рис. 24).

Предметы с утонченным корпусом—3 экз. Один из них размерами 85x67x17 мм, оформлен на отщепе типа комбева. Утончения производились с двух сторон с помощью сколов со стороны ударной площадки. Сохранилась часть ударной площадки, покрытая известковым натеком. Негативы на дорсале отщепа носят ортогональный характер (рис. 25). Второе изделие из этой категории также оформлено на отщепе размерами 95x70x9 мм. С помощью двусторонних снятий была утончена проксималь отщепа. На дорсале отщепа имеются негативы сколов униполярных снятий. Большая часть дорсала покрыта известковым натеком (рис. 26).

Анкоши—5 экз. Один из них оформлен на левом дистальном углу со стороны вентрала с помощью трех ординарных анкошей. Один из анкошей находится на медиале и два на дистале левого латерала. Отщеп был снят с борта нуклеуса и имеет размеры 80x78x22 мм. Ударная площадка отщепа покрыта известковым натеком, на дорсале имеются следы ортогональных снятий (рис. 27). Второй ординарный анкош расположен на дистальном медиале массивного отщепа со стороны дорсала. Ударная площадка отщепа сломана. На дорсале имеются следы ортогональных снятий частично покрытые известковым натеком. Отщеп имеет размеры 120x85x25 мм (рис. 28). Третий ординарный анкош оформлен на медиале правого латерала отщепа типа комбева со стороны вентрала. Ударная площадка отщепа усеченная, на дорсале имеются следы ортогональных снятий (рис. 29). Оставшиеся два анкоша коллекции являются ординарными.

Скребло+зубчатое—1 экз. Одно из них—поперечное скребло и зубчатое на отщепе размерами 80x109x30 мм. Скребло оформлено на поперечном дистале отщепа со стороны дорсала с помощью полукрутой ретуши. Форма рабочего края выпуклая. Зубчатость оформлена на правом латерале со стороны вентрала при помощи ординарных анкошей, форма этого рабочего края зигзагообразная. На дорсале отщеп имеет негативы сколов униполярного направления. Ударная площадка отщепа покрыта известковым натеком (рис. 30).

Скребло+анкош—1 экз. Это изделие сработано на массивном отщепе размерами 108x107x23 мм. Ударная площадка отщепа покрыта известковым натеком, на дорсале имеются негативы ортогональных сколов. Скребло оформлено на дистале отщепа с

помощью чередующейся обработки. Левая половинка дистала обработана с помощью полукрутой ретуши со стороны дорсала, а правая дисталь - со стороны вентрала с помощью ординарной ретуши. На проксимале и медиале правого латерала отщеп имеются два изолированных ординарно анкошей. Правый дистальный угол отщепа утончен с помощью плоской параллельной ретуши (31).

Скребок+ординарный анкош+ретушированный анкош—1 экз. Орудие оформлено на отщепе размерами 67x47x13 мм. Ударная площадка отщепа покрыта известковым натеком, на дорсале имеются негативы сколов униполярных снятий. На медиале правого латерала отщеп имеет анкош с микроретушью, направленный дорсально. Скребок оформлен на левом дистальном углу вентрально при помощи крутой ретуши и охватывает часть дистала отщепа. На левом латерале со стороны вентрала скребок смыкается с двумя ординарными анкошами (рис. 32).

Скребок+ординарный анкош - 1 экз. Это изделие сделано на отщепе размерами 73x79x25 мм. Скребок оформлен на левом дистале со стороны вентрала с помощью крутой ретуши. На медиале правого латерала отщеп имеет ординарный анкош, направленный вентрально. Ударная площадка отщепа гладкая, негативы сколов на дорсале имеют ортогональный характер (рис. 33).

Кукаяз 8. Каменный топор (Hachereau) - 1 экз. В коллекции Кукаяз 8 одним экземпляром представлен каменный топорик размерами 167x90x40 мм. Он обработан на плитке из кварцита и имеет подчетыреугольную форму. Один из его широких концов обработан с помощью односторонней плоско-проникающей полукрутой ретуши, что позволяет, определить предмет как топорик. Его поверхность покрыта известковым натеком и негативами термических скальваний (рис. 34).

Концевой скребок—1 экз. Он обработан на левом дистале отщепа со стороны дорсала. Ударная площадка отщепа фасетирована и слегка скошена к тылу. Характер негативов на дорсале заготовки ортогональный. Скребок оформлен с помощью полукрутой ретуши, форма рабочего края выпуклая (рис. 35).

Зубчатые орудия - 2 экз. В наборе индустрии Кукаяз 8 зубчатые изделия представлены двойными (1 экз.) и тройными (1 экз.) зубчатыми орудиями. Двойное зубчатое орудие размерами 140x118x30 мм, является конвергентным. В качестве заготовки послужило массивный отщеп, с усеченной ударной площадкой. Обработана левая латераль и поперечная дисталь изделия с помощью ординарных анкошей со стороны дорсала. Конвергентность образуется на левом дистальном углу. Негативы сколов на дорсале изделия ортогональные. Форма рабочих краев зигзагообразная (рис. 36). Тройное зубчатое орудие обработано на отщепе размерами 132x56x20 мм. Правая латераль и левая дисталь изделия обработана с помощью зубчатой ретуши со стороны дорсала. Формы этих рабочих краев зигзагообразные. Проксималь изделия также обработана с помощью зубчатой ретуши, но со стороны вентрала, что срезало ударную площадку отщепа-заготовки. Форма рабочего края зигзагообразная. На дорсале отщепа имеются следы негативов ортогональных снятий (рис. 37).

Анкоши—1 экз. В наборе индустрии Кукаяз 8 одним экземпляром представлен клетонский анкош, оформленный на медиале левого латерала со стороны вентрала. Заготовкой послужила пластина размерами 129x49x38 мм. Ударная площадка пластины фасетированная и слегка скошенная к тылу. Негативы сколов на дорсале пластины униполярные (рис. 38).

Все вышеуказанные каменные орудия еще раз доказывают существование на Кукаязских пунктах специализированных мастерских. В коллекции, хотя в малом количест-

Тип-лист каменных орудий Кукаязских (1-8) комплексов
(в таблице комбинированные орудия приводятся в разложенном виде).

№	Наименование	К-1	К-4	К-5	К-6	К-7	К-8	Всего:
1	Зубчатые	7	-	8	5	1	5	26
2	Анкоши	-	-	-	-	9	1	10
3	Клювовидные	-	-	2	-	-	-	2
4	Скребки	-	2	-	-	2	1	5
5	Проколки	-	1	-	-	-	-	1
6	Топоры	-	-	-	-	-	1	1
7	Резцы	-	-	-	-	1	-	1
8	Скребла	-	-	-	-	2	-	2
9	Предметы с утонченным корпусом	-	-	2	2	3	-	7
Всего:		7	3	12	7	18	8	55

ве собрано 9 разновидностей каменных орудий. Среди них доминируют зубчатые изделия. Видимо, древние мастера приходили к выходам кварцитов у берегов Кукаяздари не только ради расщепления первичных заготовок, но и на месте изготавливали каменные орудия путем вторичной обработки. Зубчато-выемчатый состав изделий использовался для обработки дерева на месте. Об этой деятельности свидетельствует серия бифасов, найденная в этих комплексах. Листовидные бифасы после их изготовления вкладывались в концы деревянных палок, чтобы затем использовать их на охоте или же для рыбной ловли. Что касается аналогий, то Кукаязские комплексы пока являются первыми открытыми на территории Средней Азии специализированными мастерскими эпохи энеолита, хотя вышеописанные мелкие орудия встречаются во многих памятниках эпохи камня Узбекистана. Об энеолитическом возрасте свидетельствуют бифасы листовидной формы и техника расщепления типа «ком сливочного масла» в Кукаязских комплексах.

Сноски

¹ Эпанеллажом считаются боковые сколы, расщепленные с нуклеуса типа «ком сливочного масла».

Использованная литература:

1. Хужсаназаров М., Сайфуллаев Б. Новые палеолитические памятники на северо-востоке Кызылкумов. ИМКУ, вып. 35. Ташкент, 2006.
2. Сайфуллаев Б.К. Палеолит долины реки Зарафшана и Северо-Восточных Кызылкумов // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 2003.
3. Jean-Luc Piel-Desruisseaux. Outils Préhistorique. Du galet taillé au bistouri d'obsidienne. 4e édition. Dunod. Paris, 2002.
4. Brézillon. La dénomination des objets de pierre taillée. CNRS, IVe supplément à Gallia préhistoire. Paris, 1983.

НОҚИСОЙ ЯНГИ ҚОЯТОШ РАСМЛАРИ

А.Н. Холматов

ЎзР ФА Археология институти аспиранти

Ўзбекистон ҳудуди, нафақат Ўрта Осиё, балки Шарқ дунёсида қадимги цивилизация бешикларидан бири ҳисобланади. Буни тарихий-маданий ёдгорликлар сероблиги ва улар тадқиқоти натижалари исботлаб турибди. Ушбу ёдгорликлар жумласига қоятош расмлари ҳам киради ва улар ўз мазмун моҳиятига кўра, аجدодларимиз маданий, маънавий ҳаётини ўрганишимизда ўзига хос манба ҳисобланади. Ўрта Осиё, хусусан Ўзбекистон микёсида қоятош расмларига эътибор XIX аср охирларида Н.А. Наследов, Н.С. Ликошин, Д.М. Граменицкий, Н.И. Веселовский каби олимлар тадқиқоти билан бошланган бўлсада, лекин том маънода мазкур турдаги ёдгорликларнинг илмий асосда ўрганилиши ишлари ўтган асрнинг 40-50 йилларидан бошланди. Бу изланишлар М.Е. Массон, М.Э. Воронец, Х.А. Алписбаев, Б.В. Лунин, А.А. Формозов каби олимлар фаолияти билан боғлиқ. Кейинги йилларда қоятош расмларини ўрганишда Ж. Кабилов, В.А. Оськин, М. Хўжаназаров каби тадқиқотчилар томонидан амалга оширилган изланишлар муҳим аҳамият касб этди (Кабилов, 1974. 2-3 бетлар; Хўжаназаров, 1985. 3-бет; Оськин, 1985. 3-бет).

Ҳозирги кунда Ватанимиз тарихи, аجدодларимиз маданий меросига эътибор кучайди. Аждодларимиз яратган юксак маданиятни жаҳон ҳамжамиятига кўрсатиш шу куннинг долзарб масаласидир. Шу нуқтаи назардан биз қуйидаги сатрларда Ноқисой қоятош расмлари асосида янги маълумотларни келтирмоқчимиз.

Маълумки, Нурота тоғ тизмаси Октоғ ён бағриларида кўплаб қоятош расмлари ўрганилган. Лекин, унинг Қоратоғ йўналиши жанубий ён бағрида бу турдаги ёдгорликлар яқин кунларгача фанга номаълум бўлиб келмоқда эди. Шу сабабли, 2010 йил бошида Окчопсойнинг бошланиш қисми, яъни Қоратоғнинг жанубий ён бағридаги Ноқисой, Устуксой, Савраксой ён даралари қоя тошлари синчиклаб ўрганилди. Бу илмий археологик қидирув ишимиз кутилган натижани бериб, зикр этилган сой ён дараларида кўплаб қоя тош расмлари мавжудлиги аниқланди. Янги қоятош расмлари ёдгорлиги Самарқанд вилояти, Қўшработ тумани ҳудудидаги Ноқи қишлоғидан 500 м шимолий-шарқда, денгиз сатҳидан 1000-1500 м баландликда жойлашган.

Ноқисой қоятош расмлари маҳаллий гранодиорит (SiO_2 -55-65%) қоятошларига чўкичлаш, ўйиш ва тирнаб чизиш технологиялари асосида ишланган. Уларни ишлашда соя, контур, соя-контур,

1-расм. Ибтидоий буқа

[⁰ ____ ¹⁰]

схематик ва чизик тортиш (граффит) услублари қўлланилган. Бу тасвирларнинг қуёшда куйиш ҳолатлари ҳар хил: қалин, кучсиз ва ёрқин. Қоятош расмларидаги уриб чўкичланган жойларнинг ўртача чуқурлиги 1-1,5 миллиметрни ташкил этади. Юқорида келтирилган жиҳатлар қоятош расмларининг хронологик, даврий чегараларини билишимизда аҳамиятли ҳисобланади.

Ноқисой қоятош расмлари мазмун моҳиятига келганимизда, тасвирларнинг кўпчилиги ҳайвонлар расми билан боғлиқлигининг гувоҳи бўламиз. Ибтидоий буқа, тоғ эчкиси, архар, буғу, кийик, от, туя, ит, бўри, тулки каби ҳайвонлар тасвирлари, шунингдек, одам (овчи), суворий, ўқ-ёй, от узангилари, араб ёзувлари ҳамда бир канча тушунарсиз белги тасвирлари ишланган.

Мазкур қоятош ёдгорлиги расмлари 20 см 1,5 м.ча бўлган ҳажмда чизилган. Қоятош расмлари чизилиш услублари, ишланиш техникаси ва мазмун моҳиятига кўра кишилиқ тарихи тараққиётининг турли босқичларига оидлиги маълум бўлди. Масалан, катта қоятошдаги йирик ўлчамли (0,5x1,3 м) буқа тасвирини милоддан аввалги 2 минг йилликда, яъни жез даврида чизилган деб тахмин қилиш мумкин. Бу буқа 1,2-2,0 м ўлчамли яхлит қоятошга уриб чўкичлаш техникаси асосида, контур-соя услубида чизилган. У тўрт оёқда тасвирланган бўлиб, олдинги оёқлари таранг тортилган ва гўё бирон нарсага тираб турган ҳолда кўрсатилган. Узун шохлари эса олдинга чўзилган бўлиб ҳамлага тайёрланган ҳолатни эслатади, (1-расм). Бундай тасвирлар бошқа кўплаб қоятош ёдгорликларида, хусусан, Сармишсой, Қорақиясой расмлари орасида ҳам учрайди (Кабиров, 1976, 34, 35-расмлар; Хўжаназаров, Кондрикова, 1992, 45-46-бетлар; Хўжаназаров, 2008, 81-83-бетлар). Шунингдек, ушбу тарихий даврга оид тоғ эчкиси, архар каби ҳайвонлар тасвирлари ҳам мавжуд.

Мазкур ёдгорлик қоятош расмлари орасида тарихий тараққиётнинг сак-скиф даврига оид расмлар кўпчилиқни ташкил этишини кузатдик. Бундай расмлар ов маназаралари, тўда ёки якка тартибда чизилган тоғ эчкиси, кийик, буғу, туя, от, архар, ит каби ҳайвонлар ҳамда маҳаллий аҳолининг турмуш буюмлари билан боғлиқ мазмунга эга. Бу расмлар ўз ўлчамлари билан нисбатан кичик, лекин аниқ, равшан кўриниб турувчи маълум услубларда чизилган.

Ноқисой қоятош расмлари орасида буғу, тоғ эчкиларининг тасвирлари киши диққатини ўзига тортади. Сабаби, бу расмларда ҳайвон танаси аъзоларининг ҳолатлари жонли, табиий ҳолатда, моҳирона тасвирланган. Хусусан, буғу тасвирлари тик қоматли гавда билан бошини юқорига тик кўтарган ҳолда кўрсатилган. Унинг шохлари аслидаги каби тар вақайлаган, думи эса калта чизилган. Буғи афтидан бирор хавфни сезгандек чунки унинг кулоқлари дикрайган, оёқларининг баққувватлиги шундай билиниб турган ҳолатда чизилган. Тоғ эчкиларининг бошлари

юқорига кўтарилган, шохлари орқага қайрилган ва оёқлари узун ҳолда чизилган. Улар чизилиш услубининг нафислиги билан одамни ўзига ром этади (2-расм).

Сак-скиф даврига оид расмлар бўйича ў т к а з и л г а н

[⁰ ___ ¹⁰]

2-расм. Буғу ва тоғ эчкилари

тадқиқотларнинг кўрсатишича, уларни уриб чўкичлашда металл қуроллар ишлатилган. Буни расмларда қолдирилган изларга қараб ажратиш олиш мумкин. Расмларнинг айрим жойлари ўта нозиклик билан ишланганки, буни фақатгина темирдан ясалган асбоблар билан чизиш мумкин бўлган. Бу фикрлар ўтган асрнинг 70-йилларида соҳа мутахассисларидан бўлган Ж. Кабиров, Т. Мирсоатовлар томонидан Сармишсой ёдгорлигида ўтказилган синов амалий тажрибалари жараёнида ўз исботини топган (Мирсоатов, Кабиров, 1974. 45-50-бетлар). Шундай тасвирлар Ўрта Осиё ва Қозоғистон қоятош расмлари орасида жуда кўп, уларнинг ёши мил.авв. 1 минг йиллик билан белгиланади. Шунингдек, тоғ эчкиси тасвирланган бу даврга оид археологик топилмалар ёки ҳайкалчалар ўз кўриниши ва бошқа жиҳатлари билан қоятош тасвирларига жуда ўхшашдир (Хўжаназаров, Кондрикова, 1992. 45-46-бетлар).

Кишилиқ тарихининг кейинги тараққиёти босқичларига оид Ноқисой қоятош расмлари орасида уриб-чўкичланган, графит(тирнаш) ва схематик усулларда ишланган одам, суворий, от, бир ва икки ўрқачли туя, ит, от узангиси, араб ёзувлари ҳамда бир қанча тушунарсиз шаклдаги белги, тасвирлар учрайди (3-расм).

Бу расмларнинг сақланиш даражаси, ишланиш техникаси ва чизилиш усулларига асосланиб уларни илк ўрта асрларга оид деб хулоса чиқариш мумкин. Улар кўпол қилиб ўйиб-чўкичланган ва баъзи ҳолларда қадимги расмлар устига чизилган. Расмлар кўзга яққол ташланиб, ажралиб туради. Шу жиҳатлар янги топилган Ноқисой суратларининг ўзига хос хусусиятини белгилайди.

Агар Нурота тоғ тизмасидаги Сармишсой, Қорақиясой расмлари сирти текис, силлиқ сланец ва қум тошларга ишланган бўлса, Ноқисой қоятош расмлари сирти унчалиқ текис бўлмаган, кварцли гранадоридларга битилган. Бундай қоятошларнинг баъзи жойлари нураган, чатнаган ва бу ҳолат расмлар сақланишига сўзсиз салбий таъсир кўрсатган.

Ноқисой қоятош расмлари таҳлили қуйидаги дастлабки хулосаларни беради:

1. Ноқисой қоятош расмлари ёдгорлиги ватанимиз сарҳадларида ибтидоий давр ва кейинги тарихий даврлар жамоаларининг тарихи, маънавий маданиятини ўрганишда янги саҳифа ҳисобланади.

2. Нурота тоғ тизмаси мажмуасига кирувчи Қоратоғнинг жанубий ён бағридаги Ноқисой, Устуксой, Савраксой ён дараларида илк бор қоятош расмларининг кашф этилиши, мазкур ҳудудлар ибтидоий даврдан одамзод томонидан ўзлаштирилганлиги ва кейинги тарихий даврларда ҳам узлуксиз маданият яратилиб келинганлигини билдиради.

3. Ноқисой қоятош расмларининг хронологик чегараси кишилиқ тарихининг жез

3-расм. Суворий, тоғ эчкиси, туя ва от тасвирлари

асридан бошлаб кейинги тарихий таракқиёт даврлари, хусусан ўрта асрнинг сўнги босқичлари билан белгиланади.

4. Ноқисой ҳамда Устуксой, Савраксой қоятош расмларининг кейинги узвий тадқиқотлари уларнинг хронологияси, ишланиш техникаси, мазмуни ва аҳамиятига шубҳасиз ойдинликлар киритади ва мазкур худуднинг аجدодларимиз маданиятини ўрганишдаги истикболини белгилайди.

Фойдаланилган адабиётлар:

Кабиров Ж. Исследование наскальных изображений в Узбекистане // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1974.

Кабиров Ж. Сармишсойнинг қоятошларидаги расмлар. Тошкент, 1976.

Мирсоатов Т., Кабиров Дж. Экспериментальное изучение техники нанесения петроглифов в ущелье Сармичая // ИМКУ, вып. 11. Ташкент, 1974.

Оськин В.А. Петроглифы Центральных Кызылкумов—как исторический источник для изучения архаических культов // Автореф. дисс. к.и.н. М., 1985.

Хужаназаров М. Наскальные изображения Северо-Восточного Узбекистана // Диссертации канд. ист. наук. Л., 1985.

Хужаназаров М., Кондрикова М. Новые наскальные рисунки Тусинся // Палеоэкология и проблемы первобытной археологии Центральной Азии. Самарканд, 1992.

Хужаназаров М. Қоятошда муҳрланган тарих // Фан ва турмуш, № 3-4. Ташкент, 2008.

ИККИ ХИЛ ХЎЖАЛИК - ЯГОНА ИҚТИСОДИЙ ТИЗИМ
(кўчманчи чорвадор ва ўтроқ деҳқон аҳоли муносабатлари масаласига доир)

Ф.Э. Тошбоев

Жиззах Давлат педагогика институти

Ўрта Осиё ҳалқлари қадимги тарихининг айна пайтдаги фундаментал муаммоларидан бири кўчманчи ва ўтроқ аҳолининг ўзаро муносабатлари масаласидир.

Ушбу масалани таҳлил қилишда, деҳқончилик ва чорвачилик соҳасидаги ютуқлар, ўтроқ манзилгоҳларнинг пайдо бўлиши ва уларнинг шаҳарларга айланиши каби тарихий жараёнларни ҳисобга олиш зарур. Ўрта Осиёда бу жараёнлар саклар давридан ўрта асрларгача (милоддан аввалги V асрдан милодий XIV аср) ва ундан кейинги, сўнгги ўрта асрлар (XV-XIX) ни ўз ичига олган узоқ даврий сана миқёсида кўрилади.

Маълум бир ҳудудда ўтроқ ва кўчманчи аҳолининг ўзаро муносабатларини таҳлил қилишда, бу икки хил хўжалик турининг қайси бири, қайси даврда етакчи рол ўйнаганлигини, жамият тараққиётида улардан қай бирига қачон мойиллик кучли бўлганлигини ва “кўчманчиликдан шаҳарлар сари” шаклдаги асосий фикрнинг қанчалик тўғри талқин этилишини эътиборга олиш зарур. У кўпчиликти ташкил этадиган кўчманчи чорвачилик устун бўлган бир шароитда, аҳоли бир қисмининг ўтроқлашиб деҳқончилик, хунармандчилик ва савдо билан шуғулланиши натижасида шаҳарлар сонининг ортишига сабаб бўлиши каби концепцияга таянган (Массон, 1989. С. 90-93).

Бу хўжалик, фақат қулай кенг яйловли жойларда мавжуд бўлиб, яйловларнинг қисқариб бориши эса кўчманчилик доираси торайиб (уларнинг ўтроқлашиб) боришига сабаб бўлган. Кўп чорваси бор кишилар молларини боқишда қийналиши уларнинг ҳали чорва оёғи етмаган кенг даштликларни ўзлаштиришини тақозо этган. Улкан машаққат ва қурбонлар талаб қиладиган бу жараён секинлик билан ўн ва юз йиллар мобайнида кечган.

Икки хил хўжалик аъзоларининг ўзаро муносабатларини ўрганаётганда, уларни бир-бирига қарама-қарши бўлган икки хил ҳаёт тарзига эга бўлган жамоалар сифатида эмас, балки ишлаб чиқаришнинг ихтисослашуви ёки кенг маънода меҳнат тақсимоти туфайли иккига бўлинган жамоалар сифатида қараш лозим. Уларнинг бир-бирига иқтисодий жиҳатдан боғлиқлиги алоқаларнинг доимий бўлишини тақозо этган (Байпаков, 2008, 53с.).

Ўрта асрнинг буюк адиби Юсуф Болосоғуний ҳукмдорларнинг кенгашлардаги “на шаҳарда, на чўлда зарур маҳсулотларни айрибош қилмасдан яшаб бўлмайди, ниманики улар сўрашса бер ва ўзинг учун зарурини ол”- деб уқтиришганини таъкидлайди (Юсуф Хас Хаджиб, 1971. С. 127).

Кўчманчи ва ўтроқ деҳқон аҳолининг ўзаро алоқаларини ўрганишда ягона этник жамоага мансуб бўлган, соф кўчманчиларнинг баъзи гуруҳларида чорвачилик билан

бирга ўтроқлик ва деҳқончилик элементлари мавжуд бўлганлигини ҳисобга олиш зарур (Руденко, 1961. С. 5-9).

Деҳқон аҳоли билан чорвадорлар ўртасидаги фарқ мавжуд шароитдан келиб чиқиб, маълум бир гуруҳ аҳолининг ўтроқ ҳаёт тарзига ўтиши билан йўқолиб борган ёки аксинча ҳолатлар ҳам кузатилган. Бироқ, маълум бир ҳудуддаги баъзи ўзгаришларга қарамай Евросиё аҳолисининг хўжалигида ўтроқ деҳқончилик катта аҳамият касб этиб, деҳқончилик воҳаларида урбанизация жараёнлари кучайиб борган.

“Чўл цивилизацияси” динамикасига эътибор қаратиб унинг тараққиётидаги кўчманчиликдан шаҳарлашувга ва қабила иттифоқларидан давлатчилик сари борган босқичларни кўриш мумкин. Бунда деҳқончилик ва чорвачиликнинг таркиб топиш базаси, жамиятнинг ижтимоий бўлиниши, савдо ва хунармандчиликнинг пайдо бўлиши, этник бирликнинг таркиб топиши, кучли бошқарув ҳокимиятига асос солиниши, ягона мафкура, ёзув, диний удум ва тасаввурларнинг ёйилиши қабила муҳим рол ўйнаган.

Сирдарё бўйи ва унга туташиб кетган чўл ва тоғ ландшафтлари ўзининг географик хусусияти билан кўчманчи чорвачилик ва ўтроқ деҳқончилик хўжалигининг аралаш ҳолда ривожланишини таъминлаган. У ёки бу хўжаликнинг кўпроқ тараққий этиши ўша жойнинг табиий хусусиятига боғлиқ бўлган. Бунинг оқибатида икки хил хўжалик, жануб ва ғарбда деҳқончилик, шимол ва шарқда эса чорвачилик интенсив ривожланиб борган.

Сўнги бронза ва илк темир даврига келиб, Фарғона водийсидаги Чуст, Эйлатан, Шўробашат маданиятларига ўхшаш, Бурғулик, Қовунчи ва Ўтрор–Қоратов маданиятлари шакллана бошлаган. Иккинчи томондан эса Авесто яштлири ва Эрон битикларида таъкидланган кўчманчи чорвадорларнинг хўжалиги таркиб топган. Бу чорвадор қабилалар ҳамиша Ўрта Осиёнинг жанубига кўчманчилар таъсирини ёйувчи мақомида бўлишган (Пардаев, 2005. 68-б.). Сирдарё бўйи археологик маданияти бу ердаги тарихий-географик, хўжалик-маданий ва этник белгиларнинг шаклланишини ўзида акс эттирган.

Бу қайсидир бир вақтда бутун аҳолининг ҳаракатчан кўчманчи чорвачиликка, кейинчалик эса маълум табиий ва ижтимоий омиллар туфайли ўтроқ деҳқончиликка ўтиш ҳолатини кўрсатади. Агар, Ўрта Сирдарё бўйи ҳудудининг ўрта асрларгача бўлган тарихий тараққиётига эътибор қаратсак, у қуйидаги тартибда кўринади.

1. Палеолит ва энеолит – термачилик ва овчилик даври, деҳқончилик ва чорвачилик хўжалиги белгиларини пайдо бўлиши.

3. Ўрта ва сўнги бронза – ўтроқлашув ва деҳқончилик билан шуғулланиш.

4. Милоддан аввалги VIII-VII асрлардан, милоддан аввалги V асргача бўлган илк кўчманчилар (сак) даври.

5. Милоддан аввалги III ва милодий III асрлар - Қанғ даври.

6. Илк ўрта асрлардан VI-VIII асрларда ички ва ташқи омиллар сабабли кўчманчилар ўтроқлашувининг кўчайиши.

Кўчманчи чорвачиликнинг келиб чиқиши ва ўтроқликкача бўлган тараққиёт босқичлари, табиий географик ва экологик ҳолат, ижтимоий-иқтисодий омиллар ва сиёсий вазиятга боғлиқ ҳолда жуда мураккаб кечган.

Евросиё аҳолиси маълум қисмининг ўтроқ деҳқончиликдан кўчманчи чорвачиликка (ёки аксинча) ёппасига ўтиши тўғрисидаги фикрларга кўшилиб бўлмайди. Ҳақиқий кўчманчилар ҳамиша ҳаракатда (кўчиб юришда) бўлишган.

Баъзи географик омилларгина уларнинг у ёки бу даражада ўтроқ аҳоли билан алоқада бўлишига сабаб бўлган (Руденко, 1967. С. 10). Кўчманчилар ва ўтроқ аҳоли тинч муносабатларининг бузилишига бир қанча сабаблар бўлган (1-жадвал).

Биринчидан, кўчманчилар ҳеч ким эгалламаган, ўзлаштирилмаган дашт ва чўллар бўйлаб ҳаракат қилишган, вақт ўтиши билан ўзлаштирилмаган ерларнинг кам қолиши, чорвани экин ерларига ҳайдашга ҳам сабаб бўлган. Ўтроқ ва кўчманчи аҳолининг яйлов, ўтлоқ ва экинзорларга бўлган қизиқиши улар ўртасидаги тўқнашувларга асосий сабаб бўлган. Бу чорвани ва ўз ҳаётини сақлаш билан боғлиқ иқтисодий манфаатдорлик эди. Бундай ҳолат нафақат кўчманчилар ва ўтроқ аҳоли ўртасида балки кўчманчиларнинг ўзлари ўртасида ҳам содир бўлган. Шундай зиддият пайдо бўлмаслиги учун чорвадорлар низоли масалаларни қаттиқ назоратга олишган. Иложи борича уларни ижобий ҳал қилган. Ўзларининг кўчиш чегараларига қаттиқ риоя қилишган. Бундай ҳолат уларнинг тинч яшаши ва фаровонлиги учун ҳам зарур эди. Бу қабилалар имкон қадар ҳарбий босқинчилик юришларидан тийилишга ҳаракат қилган (Мирзааҳмедов, Одилов, Пардаев, 2000. 56 б.). Бироқ, кўчманчиларнинг ҳарбий иттифоқлари уларни бундай босқинларда иштирок этишларига мажбур этган.

Иккинчидан, анъанавий кўчманчи тарзидаги экстенсив хўжалик қўшимча босқинлар уюштиришни ҳам тақозо этган. Бунга, баъзи пайтлардаги кўрғоқчилик ёки қишнинг меъёрдан ортиқ совуқ бўлиши ва чўзилиши натижасида чорванинг қирилиб кетиши сабаб бўлган. Муҳаммад Рўзбеҳон қаҳатчилик йилларида Дашти Қипчоқ

Кўчманчиларнинг ўтроқлашуви босқичлари

аҳолисининг на кийими, на кафанлиги борлигини таъкидлаган эди. Бу аҳволга тушган кўчманчилар ўз жонини сақлаш учун, йирик хонларга тобелик билдириб, етакчи иттифоқчилар мададида, кўшни худудлар ва ўтроқ воҳалар томон ҳаракатлана бошлашган. Кўчманчилар томонидан уюштирилган кўпгина юришлар нафақат ўтроқ воҳага, балки уларнинг ўзлари устига ҳам бўлган. Сахро кўчманчилари қипчоқлар, мўғулларга қарши қарийиб икки юз йил кураш олиб бордилар.

Учинчидан, ўтроқ воҳаларга юриш кўчманчиларнинг эмас, балки ҳарбий бирлашмаларнинг ҳаракати эди. С.А. Плетневанинг ёзишича, юришларга ҳамиша иқлим шароитининг ноқулай келиши ва демографик портлашлар сабаб бўлган (Плетнева, 1982. С. 117). Йирик чорвадорларнинг кўплаб хотин ва фарзандлари бўлиб, уларни ҳам чорва, яйлов ва янги яшаш худудлар билан таъминлаш зарур эди. Ибн Холдун “дашт бу оддий бўлмаган ҳаёт генератори”, - деб ёзган эди. Нисбатан даҳлсиз ва қулай худудларда жойлашган кўчманчиларда мунтазам демографик портлаш кузатилади. Аҳолининг мунтазам суратда кўпайиши марказдан қочиш ва янги ерларга келиб жойлашишни юзага келтирган. Бу кўчманчиларнинг янги ерларга келиб жойлашиши ҳолати кўчманчиликнинг йўқ бўлиши дегани эмас, балки, яшашга янгича мослашувдир. Яна шунга қўшимча иқтисодий ва сиёсий инкироз даврида кўчманчиларнинг ёппасига ўтроқ аҳолига айланиши ҳамдир.

Шу тарзда, чорванинг қирилиши натижасида, озик-овқат ва ҳунармандчилик маҳсулотларининг етишмаслиги сабабли, бир неча гуруҳ аҳолининг хўжалик юритиш шакллари ўзгартириши содир бўлади. Янги кўчманчилар ёки ўтроқлашганига кўп бўлмаган келгиндилар ўзларининг даштдаги қариндош қабилалари билан алоқа боғлаб, янги худуддаги савдо ва сиёсий ишларда имтиёзли рол ўйнай бошлайди. Чегаралардаги бундай воситачилик ёки ўтказувчанлик икки хил хўжалик вакилларининг алоқаларини кучайтиради. Икки томон учун ҳам бошқа хил кўпгина (мавсумий) шакллари қабул қилишга имкон беради. Кўчманчилар бўш пайтлари воҳаларга келиб дала фаолиятида ўз ишчи кучларини сотиши ҳам мумкин бўлган.

Айрибошлашнинг бош манбаи (пули) чорва ҳисобланган. Кўплаб чорва маҳсулотлари ўтроқ воҳаларга келтириб сотилган. Дехқон аҳоли ҳамиша чорвачилик маҳсулотларига (гўшт, ёғ, жун ва жундан тўқилган буюмлар, тери ва х.) кучли эҳтиёж сезарди. Ўз навбатида, ўтроқ воҳа усталари томонидан таёрланган ип-газлама, кийим-кечак, хўжалик буюмлари ва дехқончилик маҳсулотлари (буғдой, ун, мева-сабзавот ва х.к.)га даштда ҳамиша талаб катта бўлган.

Чорвадор ва дехқон аҳолининг ўзаро мол айрибошлаши одатда кўчманчи ва ўтроқ аҳолининг чегара худуди бўйлаб кечган. Бу ердаги қарвонсарой, ярмарка ва бозорлар доимо гавжум бўлиб савдо қизғин амалга ошган. Бундай жойларда йирик аҳоли пунктлари маданият ўчоқлари бунёд этилган. Шу асосда Сирдарёнинг ўрта ва қуйи қисмида кўплаб шаҳарлар вужудга келган.

XVI асрда яшаган Фазлуллоҳ Рўзбехон ўзининг “Меҳмонномаи Бухоро” асарида Сигноқ Сирдарёнинг қуйисидаги энг чекка шаҳар. Шу ерда дехқончилик-маданий воҳа тугалланиб у ёғига қумлик сахро бошланганини таъкидлаб, Сигноқни “Бандари дашти Қипчоқ”, - деб атайди.

Абу Наср Ал-Ўтбий ва Ибн Хавкал каби араб тарихчилари ўғузларнинг Ўрта Сирдарё бўйи чап сохилларида яшаб, дехқон аҳоли билан қизғин алоқада бўлганликлари ҳақида маълумот беради (Утби, 1988. С. 43-44).

Қадимда Ўрта Осиёда ўтроқ ва кўчманчи аҳолини қамраб олган (бирлаштирган)

ягона иктисодий тизим (конфедерация) бўлган. Икки томон ҳам (ягона иктисодий тизимнинг икки бўлмаси) бир-бирисиз нормал фаолият кўрсата олмаган. Баъзи ҳолларда чет эл босқинчилиги натижасида маданий соҳа аҳолиси босқинчилар асоратига тушиб қолар ва ўтроқ аҳолининг кўчманчи-чорвадорлар билан алоқалари сунъий равишда узиб қўйилар эди. Айнан шу сабабли ҳам чет эл босқинчиларига қарши ҳар икки томон биргаликда кураш олиб борган. Александр Македониялик бошчилигидаги юнон-македон қўшинларига ўтроқ аҳоли (суғдлар, бактрияликлар) билан бир сафда саклар, массагетлар ҳам қарши курашганлиги, араблар босқинига қарши курашда дашт аҳолисининг ёрдамга келиши кабилар фикримизнинг исботидир.

Бу халқлар сиёсий соҳада ҳам ҳамкорлик қилганлар. Бу ҳамкорлик турли даврларда турлича маъно касб этган. Баъзи ҳолларда кўчманчилик билан шуғулланган халқлар ўтроқ аҳоли томонидан барпо қилинган давлатларга ярим қарам ҳолда кириб, маълум мажбуриятларни олган бўлсада (масалан, ҳарбий ёрдам), баъзи ҳолларда эса, кўчманчи-чорвадорлар водийларни босиб олиб, у ерларда ўз ҳукмронликлари остида йирик давлатлар тузганлар. Кўчманчи-чорвачилик билан шуғулланган Парнлар қабиласига ҳукмронлик қилган аршакийлар сулоласи асос солган Парфия давлати, Турк ва Қанғ ҳоконлиги ҳукмронлиги даврида деҳқончилик воҳаларида ташкил топган давлатларни мисол ўрнида келтириш мумкин. Худди шундай ҳолат Бактрияда ҳам юз беради. Бу ерда кўчманчи – юечжилар маҳаллий халқларни бўйсундириб Кушон давлатини тузганлар.

Тадқиқотлардан маълумки, кўчманчиларда бир кишининг яшаш таъминоти учун деҳқон аҳолига қараганда кўпроқ ер талаб қилинган. Кўчманчи аҳоли яшаши учун жон бошига 1,5 десятина ер керак бўлса, деҳқон аҳоли жон бошига ҳатто у ердан примитив фойдаланганда ҳам 0,78 десятина ер зарур бўлган. Яъни, кўчманчиларга деҳқон аҳолига қараганда ер икки баравар кўп талаб қилинган. Ўртача чорвадор оиланинг 24-25 та оти бўлса шу миқдордаги от учун 2-3 км. кв яйлов керак бўлган (Кшибеков, 1980. С. 124). Доимий кўчишлар олдидан ўтли жойлар кўп бўлиши учун, кўчманчилар бир-биридан 10-15 км узоқликда жойлашган ва ўзларига маълум ҳудудларни бўлиб олишган.

Кўчманчи чорвачиликда ишлаб чиқарувчи кучлар фақат табиий имкониятлар-чорванинг маҳсулдор турларини яратиш, меҳнат курулларини такомиллаштириш ва яйловларни кенгайтиришлар ҳисобига оширилган. Бу ҳўжаликдаги ишлаб чиқариш кучларини ривожлантиришга бўлган қизиқиш, тинимсиз кўчишларни тақозо этган.

Баъзи олимлар, кўчманчиларнинг ҳаракатчан табиатига қараб, улар ҳамиша ўзларининг қўшниларига тазйиқ ўтказиб келган деб таъкидлайди Тўғри, кўчманчи-чорвадорлар ва ўтроқ деҳқонлар ўртасидаги муносабатлар доимо ҳам силлик кечавермаган. Улар ўртасида ишчи кучи, ишлаб чиқариш ва маҳсулот тақсимоти устидан ҳукмронлик ўрнатиш учун урушлар ҳам бўлиб турган. Кўчманчи халқларнинг яшаш тарзи ва жамият тузилишини таҳлил қиладиган бўлсак, улар табиати босқинчилик юришлари уюштиришга мос эмас. Бундай юришлар фақат яйловлар учун бўлиши мумкин.

Феодал-патриархал тарзидаги кўчманчи чорвадорлар учун ер ва чорва энг муҳим ҳисобланган. Бироқ кўчманчиларнинг асосий яшаш тарзи чорвага боғлиқ. Кимнинг чорваси кўп бўлса, у яйловларнинг эгаси бўларди. Шунинг учун ер учун кураш хусусий чорвани сақлаш ва кўпайтириш учун бўлган (Сулейманов, 1989. С. 67).

Улар асрлар мобайнида чорвани сақлаш ва маҳсулдорлигини ошириш борасида,

кўплаб ютуқларни кўлга киритиб, яшаш учун қулай имкониятлар яратишди. Рашид ад-дин, ер юзининг турли қисмларида алоҳида ҳалқлар яшайди, бири ўтрок, бошқалари кўчманчи. Асосан, кўп озуқа ва ўтлоқлари бор, шаҳар ва қишлоқлардан узоқроқ жойларда кўчманчилар кўп бўлади, деб ёзган эди.

Бу хўжаликдаги ихтисослашувни, ишлаб чиқарувчи кучларни ривожлантиришнинг алоҳида шакли деб қараш мумкин. Чорва, улар яшаш тарзининг ягона манбаи, унинг кам ё кўплиги аҳолининг ижтимоий мавқеини белгилаган.

Шубҳасиз, қадимги аҳоли яшаш тарзига иқлимдаги ўзгаришлар ҳам катта таъсир кўрсатган. Табиат ва жамият, табиат ва инсоннинг ўзаро боғлиқлиги, ҳозирги замон фанининг асосий мавзусидир. Унинг долзарблиги, экологик инқирознинг маҳаллий ва глобал тарзда кучайиб бораётганлиги билан янада ошмоқда.

Кейинги йилларда табиатнинг ўзгариши кишилик жамиятига қандай таъсир этиши, инсон фаолияти натижасида ландшафтларнинг антропогенлашиб бориши, инсониятнинг табиатга таъсир кўрсатиши оқибатида, инсон ва жамият тараққиётида ўзгаришлар бўлганини таъкидловчи илмий қарашлар кучайди. Бу таъсирни миграция муаммоларини таҳлил қилиш орқали ишончли асослаш мумкин. Бунда, баъзи илмий ғоялар, хусусан кўчманчиларнинг яйловлар етишмаслиги натижасида ғарбга томон оммавий кўчиши ҳақидаги фикрлар чиппака чиқади.

Антропоген кўринишдаги географик омиллар билан боғлиқ озиқ-овқат ва яйлов муаммосининг бирдан пайдо бўлиши ва натижада кўплаб аҳолининг ғарбга кетиши каби фикрлар оддий шунчаки жўн ҳодиса эмас. У илмий ҳақиқатга тўғри келмайди. Бунда, кўчманчилар бир қисмининг Марказий Осиёнинг озиқ-овқат ва серут яйловлари кам, қуруқ чўл ва дашт минтақаларидан ўтларга бой яйловлар сари ҳаракати таъкидланмоқда.

Албатта, бу миграцияни ижтимоий омиллар сабаб бўлган агрессив миграциядан фарқлаш зарур. Ғарбий Европа мўғул-татар босқинидан титраб турган, уларнинг бу юртларни босиб эҳтимоли бўлган бир пайтда, мўғуллар у томонга боришмади. Улар ҳам олдинги хунларга ўхшаб, Дунай бўйи чўлларида бориб тўхташди. Кўчманчилар бу ерларни ташлаб кетиши мумкин эмасди. Чунки, ундан ғарбдаги ерлар уларнинг хўжалик юритишига мос келмас, у ёқдаги ўлкаларга бориши эса уларнинг хўжалик турини ўзгартиришига олиб келарди. Сабаби, Ғарбий Европада Марказий Осиёдаги каби чўллар (табиий ўхшашлик) йўқ эди.

Шарқий Европанинг чўлларида келиб жойлашган бошқа (кипчок, турк, қрим татар, гагауз каби) ҳалқлар ҳам ўз хўжалик юритиш шаклини сақлаб қолишди. Энди, географик омилларнинг ёки табиатнинг жамиятга таъсир кўрсатиши жамият тараққиётига замин ҳозирлаганлиги ойдинлашмоқда. Географик омиллар кишилик тарихий тараққиётида бошқа ҳар қандай сабабларга қараганда ҳал қилувчи рол ўйнаган.

С.А. Плетневанинг ёзишича, кўчманчилар ўтроклашишга, юксак маданиятга, шаҳарлар қуришга улгурмадилар. Кутилмаган (табиий ва ижтимоий) вазиятлар тарихий ҳолатни ўзгартириб юборди. Шу сабабли ҳам улар яшаш жойларини йўқотдилар, ташлаб кетдилар ва янги этник ва сиёсий тузилмаларга асос солдилар (Плетнева, 1967, С. 79).

Инсоният саноатлашган давргача бутунлай ёки маълум тарзда табиий шароитга қарам бўлган ва бу ҳолат хўжалик тури ва унинг ривожланишини таъминлаган. Қанчалик қадимийликка борган сари, географик омиллар, кишиларнинг жамият ва хўжалик тараққиёти ва маданиятида ҳал қилувчи рол ўйнаганлигини кузатамиз.

Айнан, Евросиё чўлларидаги табиий шароит кўчманчи чорвадорларнинг хўжалик юритиш шакли ва унинг босқичларини юз йилликлар мобайнида – янги давргача сақлаиб қолиши ва етиб келишини таъминлади. Фақат ўзига хос табиий шароитлар, “Қадимги Шарқда”, дарё ва тоғ олди ҳудудларидаги унумдор воҳаларда илк деҳқончиликнинг тараққий топиши ва жамиятнинг баравж ривожига сабаб бўлган.

Кейинги вақтларда илмий адабиётларда “Ноосфера” термини ва тушунчаси кенг ёйилди. Бу сўз, кенг қўлланувчи «географик муҳит» маъносини ифодалайди. В.И. Вернадскийни фикрича, ноосфера бу, ўзгарган ва ўзгарувчан жамиятни – жамият муҳитини, айниқса кейинги 10-20 минг йиллик тараққиётида муҳим воситалардан бири ҳисобланган биосферадир (Вернадский, 1988. С. 20-33). Ёзма ва археологик манбалар, кўплаб қулай табиий шароит мавжудлиги туфайли мўғулларнинг яйловларни эътибордан қочирмаган ҳолда, деҳқон аҳоли яшайдиган маданий воҳалар орқали ҳаракат қилганлигини кўрсатади (Путешествие..., 1993. С. 143).

Кишилиқ тарихини ўрганиш, ҳамиша тараққиёт табиат билан боғлиқликда фақат ундаги бойликлар ва табиий эҳтиёжлардан фойдаланишдан иборат бўлмаганлигини кўрсатади.

Сирдарё бўйида ҳам мавсумий яйловлар кўп. Булардан қишда – чўлли минтақа, ёзда-альп ўтлоқлар (яйлов) минтақасидан алмашилиб фойдаланилган. Шунингдек, тоғолди ҳудудларда ҳашак жамғариб уй – чорвачилиги билан ҳам шуғулланилган.

Қадимги Сирдарё бўйи ҳудудида ўрганилган кўплаб кўчманчиларга мансуб манзилгоҳларда яшаш ва хўжалиқ юритиш учун қурилган иншоотлар, кичик тоғ дарёлардан келтирилган ирригация қолдиқлари, чорва қўралари, шунингдек деҳқончилик билан боғлиқ бронза ўроқ, тош мотиға, ер ўчоқ, кичик тоғ дарёлари асосидаги ирригация қолдиқлари ўрганилган.

Л.М. Левина тадқиқотларида чўл ва даштликлардан тоғ водийларига алмашинадиган жойларда кўчманчиларнинг стационар манзилгоҳлари қайд қилинган (Левина, 1971. С. 214). Ўрта Сирдарё бўйларида ҳам аҳоли ўтроқлашуви ва юксак ривожланган шаҳар маданиятига асос солиниши айнан юқоридаги хусусиятлар билан мос келади. Ҳудуддан топилган кўплаб манзилгоҳлар ва шаҳар қолдиқлари асосан, табиий ҳимояланган деҳқончилик водийлари билан чўл минтақаси чегарасида, анҳорлар ва савдо йуллари бўйига яқин жойларда қўпайиб боради.

К.А. Акишев Еттисувдаги Бешатир мазорқўрғонларини ўрганишда ёғочдан ясалган сағанага дуч келиб, қабр яшашдаги стационар уйларга хос аломатларни аниқлаган. Бунга таяниб, Еттисув сак ва усунлари совуқ кунларини стационар қишлоқларда ўтказган ва улар фақат чорвадор бўлмаган деган фикрга келади (Акишев, 1970. С. 72-78).

Оролбўйи саклари ҳам юқори даражадаги қурувчилик санъатига эга бўлиб, улар мураккаб ирригация тармоқлари шунингдек, қишлоқ ва шаҳарлар ҳам бунёд этишган (Толстов, 1960. С. 139-184).

К.М. Бойпақов, сак ва усунлар даврига оид манзилгоҳларда ўтказилган археологик тадқиқотлар натижаларини эълон қилиб, уларнинг хўжалигида кўчманчи чорвачилик билан бирга деҳқончилик ҳам муҳим аҳамият касб этганлигини таъкидлайди (Байпақов, 2008. С. 57-75).

Демак, Сак ва Қанғ давлатлари иқтисодида чорвачиликнинг турли хил кўринишлари-яйлов, ҳайдама чорвачиликдан то кўчманчиликкача ва деҳқончиликнинг лалми ва суғорма шакллари кенг ёйилган. Манбалар, мавжуд шароитга қараб барча кўчманчиларнинг деҳқончилик билан ҳам шуғулланганлигини

кўрсатади. Бирок, у барча кўчманчиларда бир хил кечмаган.

А. Бернштам ҳам Ўрхун-Енисей туркларининг ижтимоий-иқтисодий ҳаётига оид асарларда уларнинг деҳқончилик билан ҳам шуғулланганлигини ёзади. Мавжуд ёзма ва этнографик манбалар ҳам VI-VIII асрларида ҳақиқий тоза кўчманчилар бўлмаганлигини уқтиради. Кўчманчилар ҳамisha деҳқончилик ва овчилик билан шуғулланиб келган. Маълумки, кўчманчиларнинг катта қисми қишловларда ётади (ётоғ) баъзида кийимлари ҳам ўтроқ аҳолига хос кўринишда бўлган.

Минтақадаги, антик ва илк ўрта асрларига оид кўплаб манзилгоҳлар қишловоууллари, стационар манзилгоҳлар, ҳунармандчилик ривожланган йирик марказ (поселение)лар эканлиги маълум бўлди. Атрофи саҳролардан иборат бўлган бу аҳоли манзилгоҳлари ва шаҳарларни маҳсулот билан таъминлаш қийин эди. Одам омили ресурсларининг атрофда йўқлиги сабабли, кучли сиёсий ҳокимиятнинг емирилиши билан бу манзилгоҳлар ҳам инқирозга юз тутган. Шунингдек, сув балансининг бузилиши ҳам манзилгоҳларнинг йўқ бўлиб кетишига ёки аҳолининг бошқа жойга кўчиб ўтишига олиб келган.

Ўрганилган ёдгорликлар тақдири ҳақида тўғридан-тўғри бундай хулоса чиқариш ҳам тўғри эмас. Айтилганидек, бу манзилгоҳлар кўчманчи ва деҳқончилик воҳалари чегараларида пайдо бўлганлигидан улар учун зарур маҳсулотлар савдо алоқалари орқали келтирилган. Фақат у ёки бу сабаб орқали қурилган савдо алоқалари эса бу шаҳарларга ҳаёт бағишлаган. Иккала томон ўртасидаги алоқаларнинг бузилиши эса уларнинг инқирозига сабаб бўлган (Пардаев, 1995. С. 114). Бу ҳолат кўчманчилар учун ҳам тааллуқли. Кўчманчилар дашти ва деҳқончилик воҳаси туташиб кетадиган ҳудудда жойлашган Ғулбо мазоркўрғонларида кўплаб кўчманчилар моддий маданиятига тааллуқли ашёлар билан биргаликда шаҳар ҳунармандлари томонидан юксак дид билан ясалган сопол идишларнинг ҳам учраши фикримизни тасдиқлайди (Тошбаев, Пардаев, Грицина, 2008. С. 184-188).

Шундай қилиб, Ўрта Осиё шароитида иқтисодиётнинг узлуксиз ривож топиши фақат ўзига хос меҳнат тақсимоти ва икки хил хўжалик юритувчи аҳоли маданий алоқалари фаолиятининг интеграциялашуви билан белгиланади. Икки томон ҳам бир-бирисиз нормал ҳаёти фаолият кўрсата олмаган.

Кўчманчилар маданий тараққиёти эса, асосан уларнинг узлуксиз ўтроқлашиб бориши билан характерланади. Кўчманчиларнинг ёзги яйловлари қишловларидан қанча узоқ бўлмасин барибир улар қишлоқларида кўп вақт ўтказган. Бу уларнинг ўтроқликка ўтиши ва деҳқончилик билан шуғулланишига, ўрта асрларда урбанизация жараёнларининг кучайиши ва шаҳарлар пайдо бўлишига имкон яратган. Улар фаолияти туфайли, тоғ, тоғолди, дашт ва чўл ҳудудлари ҳеч қачон бўшаб қолмаган. Бундай қабилалар чўл ва даштлардан то, узоқ шимолдаги ўрмонларининг жанубий қисми-тайгагача, яъни қаердаки чорва учун қулай жойларда яшаб, у ерлардаги мавжуд имкониятларни ишлаб чиқаришга жалб қилишган ва бу орқали дунё цивилизацияси тараққиётига ўз ҳиссаларини қўшиб келишган.

Фойдаланилган адабиётлар:

- Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1964.
- Байпаков К.М. Город и степь в древности: оседлость и земледелие у саков и усуней Жетысу // Культура номадов Центральной Азии. Самарканд, 2008.
- Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.

- Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первой половине первого тысячелетия н.э. М., Наука, 1971.
- Массон В.М. Номады и древние цивилизации: динамика и типология // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, Наука, 1989.
- Мирзаахмедов Ж., Одилов Ш., Пардаев М., Максудов Р. Қазилтепа қадимиятидан лавҳалар. А. Қодирий номидаги Халқ меъроси нашриёти. Ташкент, 2002.
- Пардаев М.Х. Северо-западная Уструшана в эпоху раннего средневековья (по материалам нижнего течения Сангзара) // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1995.
- Пардаев М.Х. Жиззах воҳаси қадим ва ўрта асрлар тарихини ўрганишнинг истиқболлари ва муаммолари. Тошкент, 2006.
- Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982.
- Путешествие в Восточные страны Плана Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.
- Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по отделению этнографии. Ч. 1. Географическое общество СССР. Л., 1961.
- Сулейманов Р.Х. Формационная природа кочевого общества: проблема и методы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, Наука, 1989.
- Тошбаев Ф.Э., Пардаев М.Х., Грицина А.А. Изучение Гульбинского могильника. Культура кочевников Центральной Азии. Самарканд, 2008.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1960.
- Утби абу Наср Мухаммад ибн Абд ал-Джаббар. Тарихи Йамани // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X- XIX вв. Ташкент, 1988.
- Бетгер Е.К. Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касима ибн Хаукаля // Труды САГУ. Ташкент, 1957.
- Хотинский Н.А. Климат и человек в голоцене аридных и гуманидных зон северной Евразии // Аральский кризис. М., 1991.
- Юсуф Хас Хаджиб. Кутадгу Билиг. Ташкент, 1971.
- Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Доклады отделения этнографии. Вып. 1. М., 1967.

ХАЛҚАРО ҲАМКОРЛИК

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ КИНДИКЛИТЕПЕ

К. Рапэн, М. Хасанов

Узбекско-французская археологическая экспедиция

Контекст и цели раскопок

Исследование протогородского и городского комплекса Коктепа тесно связано с изучением его геоэкономической окружающей среды. Однако, происхождение ирригационной сети канала Булунгур, который проходит вдоль северных предгорий в долине Зарафшана, остается еще выяснить. Рекогносцировки, проведенные Мухаммаджаном Исамиддиновым, Пьером Жантелем и Клодом Рапэном, позволили более детально остановиться на изучении места разветвления этого канала, примерно в 9 км от Коктепа, на два рукава – Булунгур и Пайарык, близ которого возвышаются руины крепости Киндикли-тепе. Это разветвление в настоящее время отмечено бетонной дамбой, которая представляет собой один из ключевых элементов водораспределительных устройств ирригационной системы широкой каймы долины Зарафшана к северу от Самарканда.

Начиная от этого устройства, верхний Булунгур разделяется на два канала: справа первый канал под названием Пайарык орошает террасу, которая возвышается на севере от городища Коктепе, в то время как слева второй канал ниспадает примерно на два метра ниже уровня Пайарыка и продолжает свое течение под тем же названием Булунгур. Он проходит к югу от Коктепе вдоль крепостной стены центральной части городища, на расстоянии примерно 600 м.

Раскопки Киндикли-тепе

Раскопки тепе проводились Узбекско-французской археологической экспедицией с 10 мая по 11 июня 2007 года под руководством Муталиба Хасанова и Клода Рапэна при участии докторантов Ташкентского и Ферганского университетов, а также Университета Сарбонны – Париж IV.

Городище, вершина которого находится на высоте 632,0 м, использованной здесь для всех уровней от нулевой точки, представляет собой искусственный холм высотой чуть более 10 м над уровнем окружающей поверхности. Оно состоит из руин крепости, включающей возвышенный центральный замок и огражденное поселение с понижениями в пяти местах, где находились помещения хозяйственного назначения. Возможно, одно из этих понижений на западе изначально служил воротами, это видно из сложного извилистого характера современного рельефа¹. Весь комплекс окружен широким рвом, выкопанного в материковом слое. В процессе этих строительных работ образовалась насыпь в виде искусственного холма, на котором и была возведена крепость.

Центральная часть замка раскопана Муталибом Хасановым в сотрудничестве с Элизой Люно и Юлией Валле-Раевски, а настенные росписи расчищались совместно

с реставраторами Института археологии (поверхность, занятая раскопом составляет примерно 60% от всей площади здания, исключая башни).

На месте западных, очень сильно поврежденных ворот круглого огражденного пространства Виктором Мокрородовым был заложен шурф. Второй шурф был заложен в хозяйственном помещении восточной части того же ограждения Фаррухом Арслан-заде.

Центральный замок

Замок, образующий ядро крепости, был построен в два этапа. Здание, изначально представлявшее собой в плане почти правильный квадрат со сторонами 18 м., усилено круглыми полыми башнями на всех четырех углах. Толщина стен варьируется от 1,80 м для внутренних стен до 3,30-3,50 м в куртинах. Стены ориентированы по странам света, с отклонением около полутора градусов. Это связано с использованием строителями особой техники, состоящий в нанесении на земле чертежа с целью получить почти прямые углы квадратного здания с соотношением сторон к диагонали 5 к 7 (цифра округлена для удобства, точное значение – 7,0711).

Наблюдения, сделанные на внутренних стенах юго-восточной башни, показали, что кладка выведена из сырцовых кирпичей толщиной 10 см, сторона кирпича на поверхности стены равна 30 см. Вход в замок осуществлялся с юга.

Не намного позднее, на втором этапе строительства, здание было дополнено пристройкой с юга зала с суфами (7), удлинившего весь комплекс на 27 м по оси север-юг.

Южная пристройка

Удлиненный зал (7), через который на последнем этапе осуществлялся вход в замок, имел размеры 11х7,5 м. Подобные размеры помещения привели к тому, что потолок подпирали четыре деревянных устоя, вытянутых по оси восток-запад. Пол выявлен на глубине около 2,2 м от вершины холма. Суфы (высотой около 0,5 м и шириной 1 м) вытянуты вдоль восточной, северной и, вероятно, исходя из соображений симметрии, также и западной стен. Стены над суфами были украшены сюжетной живописью, из которой к настоящему времени открыта и перенесена только восточная часть. После того как здание было покинуто, цвета и рисунок по большей части стерлись из-за долгого пребывания стен на открытом воздухе в период запустения и, отчасти, были повреждены корнями растений. Единственные хорошо сохранившиеся в цвете фрагменты находились в зоне порогов. Среди тех, что были открыты в проходе между залом с суфами и вестибюлем первого этапа жизни замка, обнаружен фрагмент лица на бежевом фоне. Сохранился лишь лоб с аркой бровей, увенчанный прической черного цвета. На финальном этапе жизни замка этот зал с суфами (7) одновременно выполнял роль монументального вестибюля и пиршественного зала.

Центральный корпус здания

Ядро замка составляют пять помещений расположенных почти симметрично по отношению к оси здания направленной с севера на юг.

До возведения южной пристройки доступ в здание осуществлялся через широкую дверь, которая вела непосредственно в вытянутый вестибюль 1 (размерами 12,1х2,9 м). Внутри, с одной и с другой стороны от входа этот вестибюль был оснащен суфами, без сомнения предназначенными для посетителей, ожидающих приема хозяином

дома. Снабженный системой запоров, от которой на полу осталась дыра от балки косяка, проход между залами **1** и **7** был шириной около 1,85 м с южной стороны (расстояние, оставленное между северными суфами зала **7**) и 2,25 м с северной стороны (расстояние между двумя суфами внутреннего вестибюля **1**).

В свою очередь, вестибюль **1** давал доступ в жилой сектор здания. Ядро этого сектора состояло из двух анфиладных залов **5** и **3**. Зал **5** (размером около 4,45x3,10 м) слева сообщался через дверь – гипотетически существовавшую – с малым залом-коридором (**4**), через который можно было пройти в северо-западную башню замка. В самую отдаленную жилую комнату **3** (размером около 4,45x3,0 м) давала доступ широкая дверь (1,65 м) в северной стене, снабженная порогом, окрашенным в красный и белый цвета. Довольно узкая дверь (1,15 м) справа позволяла пройти из вестибюля **1** в длинную коридорообразную комнату получастного характера (**2**), как позволяет думать отпечаток утраченной деревянной рамы, предполагающий существование здесь системы запоров. Эта комната, в свою очередь, сообщалась с северо-восточной башней и была также досягаема из жилой комнаты **3**, посредством узкого сводчатого прохода (шириной 0,65 м), который возможно был уже забутован на этапе основного обживания здания.

Башни, в которые можно было попасть из вестибюля **1** или из боковых комнат-коридоров **4** и **2**, включали прямоугольные помещения, ориентированные под углом ко всему комплексу (см. единственную раскопанную юго-восточную башню с помещением размерами около 2,85x1,90 м). Из-за ограниченности раскопок невозможно узнать, был ли внешний фасад снабжен бойницами.

В юго-восточной башне, раскопанной в большей части, замечено наличие потайной двери, которая, вероятно, служила второстепенным выходом, позволявшим проходить, минуя большой пиршественный зал-вестибюль. В юго-восточном углу внутреннего помещения башни кроме того находилась ниша, ориентированная по диагонали, возможно, бывшая раньше дверью или замурованной бойницей.

Главные помещения центрального ядра были почти полностью перерыты, вероятно в средние века, что привело к разрушению большей части поверхности стен, относящейся к этому периоду обживания здания.

Несмотря на это, можно заметить, что после того как в древности здание было покинуто, его вновь обживали, что видно по красноватым пятнам на стенах. О том, что пиршественный зал на короткое время был вновь обжит, свидетельствуют многочисленные небольшие очаги, которые были достаточно быстро впоследствии завалены остатками упавшей кровли. Однако, в отличие от таких городищ как Джартепе II (см. ниже), крепость Киндикли-тепе перестала существовать уже к VI в., хотя восстановить историко-экономические обстоятельства этого исчезновения невозможно.

Хозяйственная зона и внешнее огражденное пространство

Тогда как самая большая часть центрального замка с его частным сектором и настенным декором составляла возвышенную представительную часть крепости, внизу хозяйственные помещения лепились друг за другом к внешней крепостной стене².

Судя по рельефу местности вал этой стены нарушен в пяти местах провалами и нельзя понять какой из них остался от ворот. Одно из помещений (шириной в 3,10 м и длиной в 4,30 м), выявленное в разрезе стены к востоку было доступно лишь со стороны соприкасающихся помещений. В отличие от замка стены здесь были выложены из пахсовых блоков разной высоты (80 см в нижнем ряду и 97–100 см во вто-

ром ряду). Уровень пола представлял различные этапы использования помещения (около 1,20 м и 1,50 м от сохранившейся верхушки стен, либо 6,69 м и 6,99 м от нулевой точки на вершине центрального замка).

Архитектурная традиция и датирующие элементы

Очевидно, что замок был местопребыванием персоны, достаточно могущественной, чтобы осуществлять свой контроль над соседней плотиной, распределяющей воду. Добавление к первоначальному плану пиршественного зала, украшенного настенной живописью³, и анфиладных залов придают ансамблю бесспорно торжественный характер.

Время строительства этого здания еще не может быть с уверенностью определено. Комплекс раскопанных помещений (особенно **1, 2, 4 и 5**), к сожалению слишком пострадал от больших лазов, выкопанных после того как городище было окончательно заброшено. Керамический материал в силу этого сильно перемешан, начиная от современной поверхности до уровней древних полов. Этот слой включает черепки разновременные фрагменты черепков, которые трудно связать с этапами функционирования замка. Вероятно, самые ранние формы происходят из слоев, образующих цоколь замка, то есть из грунта, взятого из окружающей равнины, когда насыпали холм. Для уточнения будут нужны новые целенаправленные шурфы в фундаменте здания и в хозяйственной зоне.

В архитектурном плане центральный замок входит в ряд местных крепостей с еще недостаточно известной строительной традицией, которую можно наблюдать в Средней Азии в период между поздней античностью и ранним средневековьем. Как мы это отмечали в иных культурно-географических контекстах (Mantellini, Rapin, Rondelli et Stride, 2009; Rapin, 2010), организация, подобная Киндикли-тепе, прослеживается в ряде похожих топографически ситуаций и представлена в архитектурных комплексах Джартепе II (до его превращения в святилище) расположенных между Самаркандом и Пенджикентом (Бердимуратов, Самибаев, 1999), Актепе Чиланзар в Ташкенте⁴ и в здании в Беграме к югу от Гиндукуша⁵.

Несмотря на проблемы с датировкой и разнообразием встречаемых размеров, эти ансамбли были задуманы в связи с задействованными в системе водоснабжения каналами и реками. Как ясно видно по доминантному расположению холма Киндикли-тепе с его замком, обведенным почти кольцевой стеной, эти памятники обладали всеми необходимыми характеристиками военного свойства, чтобы осуществлять политико-экономический контроль над каналами.

Как показали наблюдения, сделанные на городищах Кафыр-кала и Джартепе, долина Зарафшана переживала экономическое возрождение с начала согдийской независимости до рубежа III и IV веков. Однако, сложение обширной сети монументальных построек, представленных на таких городищах как Джартепе II, Киндикли-тепе и цитадель Афрасиаба, можно отнести скорее к эпохи кидаритов, ко времени около V века. Роскошь, свойственная обитателям деревенских замков, показывает, что их социальный статус не намного отличался от городского уровня жизни, отмеченного в таких центрах, как Афрасиаб или Пенджикент, которые вскоре войдут в длительный период подъема активной городской жизни, связанного с подъемом хозяйственной деятельности, как в торговле, так и земледелии.

Большие каналы Зерафшана

Недавние исследования, проведенные Самаркандской Итало-Узбекской экспедицией, позволили выдвинуть проблематику, касающуюся времени строительства крупных каналов, таких как Даргом и Булунгур. В датировке, предложенной недавно археологами МАФУз, отдается предпочтение ахеменидскому времени или даже более ранним этапам, что связано с большими программами архитектурного строительства, выявленного, например, на Коктепе. Однако исследования, проведенные в южной половине долины в рамках программы ГИС, склоняют к более поздней датировке этих каналов: концу античности или раннему средневековью (Stride, Rondelli et Mantellini, 2009; Mantellini, Rapin, Rondelli et Stride, 2009).

Близость Киндикли-тепе к разветвлению Булунгура (около 500 м) вынуждает, однако, высказать некоторые дополнительные соображения по проблеме хронологии.

Булунгур и Пайарык, которые никогда не могли функционировать отдельно, без сомнения, были вырыты в одно время. И сегодня, и в древности разветвление этих каналов невозможно без постоянного поддержания плотины или дамбы, регулирующих объемы водостока в соответствующие долины. Как видно из серии фотографий, сделанных в 1889-1990 гг. швейцарским инженером Генри Мозером, окружающая среда за 120 лет мало изменилась. Это позволяет предположить, что контекст и месторасположение регулирующего гидротехнического устройства не должны были значительно меняться с течением времени.

Однако, исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных, строительство этих отдельных, но взаимозависимых каналов и всего ирригационного узла, сложного в своем функционировании, пока трудно датировать. С одной стороны, находки керамики античного периода или даже раннежелезного века в зоне городища Киндикли-тепе, к сожалению не подтверждены содержанием культурного слоя на месте. С другой стороны, крепость Киндикли-тепе существовала лишь в относительно короткий период около V в. н.э. Наличие этого замка не является обязательным условием существования каналов, которые, по всей видимости, непрерывно поддерживались на протяжении столетий. Для средних веков, например, это установлено. Наши разведывательные работы выявили следы обживания на полдороге между плотиной и замком в том месте, которое должно было быть укрепленным плато, в частности монеты. Однако, рассеянность и малочисленность монетных находок не позволила нам открыть здесь отдельный шурф. Помимо этого, разведки к востоку от Киндикли-тепе открыли наличие древнего укрепленного города, почти полностью исчезнувшего в рельефе к настоящему времени, но бывшее богатство которого подтверждается наличием многочисленных гравированных надгробных камней шейбанидского времени (XVI в.), к сожалению, сейчас активно разрушающихся.

Разведочное исследование равнины по течению Булунгура в настоящее время выполнено еще не в той мере, чтобы дать датировку строительству этого канала. Большинство обнаруженных здесь городищ датируется, по меньшей мере, ранним средневековьем, в то время как самые ранние слои предположительно исчезли под толщей аллювиального слоя. Напротив, городища вдоль Пайарыка на верхней террасе, расположенные в более степной зоне, возможно могли сохраниться почти у современной поверхности почвы.

Разведочные работы в этом регионе могли бы дать ответ на многие актуальные вопросы, в частности: можно ли приписать введение в строй Булунгура (и исходя из правил симметрии и Даргома) централизаторской власти Ахеменидов или надо свя-

зывать его с повышением плотности населения долины тысячелетием позже, между III и V вв. н.э.

Сноски

¹ Как показал шурф в этой зоне археологические слои оказались сильно перемешаны и до такой степени глубоко, что обнаружить гипотетические ворота замка не представилось возможным.

² В святилище Джартепе II хозяйственные помещения были вытянуты вдоль ограждающей стены здания 3-го периода, затем оказались прижатыми к центральному ядру на 4-м периоде.

³ Тот же тип укрупнения здания отмечается в 4-й фазе архитектурного оформления Джартепе II, когда, в отличие от Кидныктепе, памятник приобрел религиозное значение.

⁴ Древний Ташкент, 1973. С. 114-140; Алимова и Филанович, 2009. С. 92-93 и 140: памятник, определенный как храм.

⁵ О замках Беграма см., например, Kuwayama, 2002. p. 162-199, с поздней датировкой Беграма III около рубежа VII и VIII вв.

Использованная литература:

Алимова Д.А., Филанович М.И. История Ташкента (с древнейших времен до наших дней). Ташкент. Art Flex, 2009.

Бердимуратов А.Е., Самibaев М.К. Храм Джартепа-II (к проблемам культурной жизни Согда в IV-VIII вв.). Ташкент, 1999.

Древний Ташкент. Ташкент, 1973.

Kuwayama S. Across the Hindukush of the First Millenium. A Collection of Papers. Kyoto, 2002.

S. Mantellini, C. Rapin, B. Rondelli, S. Stride, 2009: "Pouvoir et grands travaux dans la plaine de Samarkand de l'Âge du Fer au haut Moyen-Âge (nouvelles données pour la comparaison avec le site d'Aktepe-Chilanzar de Tashkent)" // Роль Ташкента в развитии мировой цивилизации. Материалы международной конференции, посвященной 2200-летию города Ташкента. 9 апреля 2009 года. Штаб-квартира ЮНЕСКО, Париж. Ташкент, «Фан», 2009.

Rapin C., 2010. "De Koktepe à Kindikli-tepe: nouvelles observations sur les origines de l'irrigation du nord de la plaine du Zerafshan", Civilizations and Cultures of Central Asia in Unity and Diversity, 7-8 September 2009, Samarkand, Uzbekistan (в печати).

S. Stride, B. Rondelli et S. Mantellini, 2009. "Canals versus horses : political power in the oasis of Samarkand". World Archaeology, 41:1, 2009.

ҲАМКАСБЛАРИМИЗ ТАБРИГИ

ПОЗДРАВЛЕНИЯ КОЛЛЕГ

Узбекистанは、過去約3000年間を通して、中央アジアの政治・文化の中心として栄えてきました。またサマルカンドを中心とする地域はシルクロードの十字路として東西の文明を結び、ユーラシアの社会文化の発展に貢献してきました。

東アジアにも、シルクロードを通じて西方から多くの文物がもたらされています。また多くのソグド人が東アジアを訪れて交易をおこない、その中には高い身分について立派な墓に葬られた人々がいたことがわかっています。シルクロード交流は、東アジアの社会的発展に大きな貢献をしたと言えます。

現代でもウズбекистанと日本との交流はますます強まりつつあります。私たちがウズбекистан考古研究所と協力して、シルクロード都市研究をおこなうことによって、学术交流の一翼をになう努力をしてきました。

このような中、ウズбекистан考古学研究所から考古学の論文集が刊行されることは大変に意義深いことと考えます。この論文集が今後のシルクロード研究を含む中央アジアの考古学研究に大きな貢献をすることを確信して、心より本書の刊行にお祝いの意を表します。

国際日本文化研究センター 教授 宇野隆夫

O'zbekiston o'tgan 3000 yil mobaynida o'rta osiyoning siyosiy va madaniy markazi sifatida gullab yashnab keldi. Samarqand markazi hisoblangan bu hudud, Buyuk Ipak Yo'lining qoq markazida joylashgan bo'lib, sharq va g'arbning tsivilizatsiyasini bir-biri bilan bog'lab, Yevroosiyoning madaniy rivojlanishida o'zining katta hissasini qo'shdi.

Sharqiy osiyoda ham Buyuk Ipak Yo'li orqali ko'p narsalar kirib kelgan. Hamda, ko'pgina so'g'dlar sharqiy osiyoga kelib, savdo-sotiq ishlari bilan shug'ullanishgan va ularning orasida mavqei baland bo'lgan kishilar yaxshi bezatilgan qabrlarga ko'milganligi bizlarga ma'lum. Buyuk Ipak Yo'lidagi munosabatlar sharqiy osiyoning ijtimoiy rivojlanishiga katta hissalarini qo'shdi.

Hozirda ham O'zbekiston va Yaponiya davlatlarining aloqalari rivojlanib bormoqda. Bizlar O'zbekistonning Arxeologiya Instituti bilan hamkorlikda Buyuk Ipak Yo'li shaharlarini o'rganish orqali Ilmiy aloqalarni yaxshilash uchun harakat qilib kelmoqdamiz.

Ana shunday vaqtda, O'zbekiston Arxeologiya Instituti Arxeologiya to'plamini chiqarishi o'zining katta ahamiyatiga ega deb o'ylayman. Manashu Ilmiy to'plam kelajakdagi Buyuk Ipak Yo'lini organishni ham o'z ichiga olgan O'rta Osiyo Arxeologiyasiga o'zining katta hissasini qo'shadi deb ishonaman va chin dildan tabriklayman.

Uno Takao

yapon madaniyatini o'rganish Halqaro ilmiy markazi professori

Творческому коллективу редакции,
археологам и читателям журнала
«Археология Узбекистана»

В научной и культурной жизни Узбекистана и всех, кто любит и интересуется историей своего Отечества, произошло важное событие – вышел первый номер журнала «Археология Узбекистана». Ученые Узбекистана сделали и продолжают делать очень много для выяснения истоков истории и истории культуры своей страны. Замечательные открытия прославили науку Республики Узбекистан, принесли ей всемирную известность. Это открытия в Тешик-Таше, раскопки Афрасиаба, исследования в Джаркутане и Термезе, в Канке и Дальверзинтепе, в Еркургане и на Топрак-кале.

За короткий срок независимости был совершен прорыв в изучении богатого прошлого Узбекистана, была проведена реабилитация исторической памяти народа.

Прошлое Узбекистана многими нитями связано с историей Центральной Азии, Евразии и всего мира. Многие страницы истории Казахстана и Узбекистана стали и становятся известными благодаря совместным исследованиям археологов наших государств.

Желаю коллективу редакции журнала творческих удач, высокого профессионализма, ученым Узбекистана – новых открытий, читателям – встреч с публикациями, которые будут нести информацию о Родной истории.

**Академик Национальной Академии наук
Республики Казахстан**

 К.М. Байпаков

“Ўзбекистон археологияси” таҳририяти
ижодий жамоасига, археологларга
ва журнал ўқувчиларига

Ўзбекистоннинг илмий, маданият ва ўз Ватани тарихини сеувчи, унга қизиқувчи барчанинг ҳаётида муҳим воқеа содир бўлди – “Ўзбекистон археологияси” журналининг биринчи сони нашрдан чиқди. Ўзбекистон олимлари ўз мамлакатлари тарихи ва маданиятлари илдизларини ўрганиш учун катта ҳажмдаги ишларни қилдилар ва бу ишларни давом эттирмоқдалар.

Олашимул кашфиётлар Ўзбекистон Республикаси фани шўхратини оширди, уни дунё миқёсида машҳур қилди. Тешик-Тош ва Афросиёбдаги қазималар, Жарқутон, Термез, Қанқа, Далварзинтепа, Еркўргон ва Тупроққалъадаги тадқиқотлар шулар жумласидандир.

Мустақилликнинг гоят қисқа даврида Ўзбекистоннинг бой ўтмишини ўрганишда катта саъй-ҳаракат ва гайрат қилинди, халқ тарихий хотирасининг пок номи тикланди.

Ўзбекистон қадимияти Марказий Осиё, Евроосиё ва бутун дунё билан чамбарчас боғланган. Ўзбекистон ва Қозоқистон тарихининг кўплаб саҳифалари мамлакатларимиз археологларининг ҳамкорликдаги тадқиқотлари тўғрисида маълум бўлмоқда.

Журнал жамоасига ижодий муваффақият, юқори касбий салоҳият, Ўзбекистон олимларига янги кашфиётлар, муштарийларга – жонажон тарихдан янги хабарлар берувчи мақолалар тилайман.

**Қозоғистон Республикаси
Фанлар Академияси академиги**

 К.М. Байпақов.

La parution du premier volume de la nouvelle revue Arkheologija Uzbekistana ne pourra que réjouir tous ceux qui s'intéressent à l'archéologie de ce pays et, plus généralement, à l'archéologie de l'Asie centrale. C'est un signe parmi d'autres de la vitalité scientifique de l'Institut d'Archéologie de l'Académie des Sciences d'Ouzbékistan, qui se manifeste aussi dans le nombre très importants de ses partenariats étrangers.

Depuis sa création en 1989, la Mission archéologique franco-ouzbèke de Sogdiane que je dirige avec M. Kh. Isamiddinov a, en plus de ses propres activités de fouille et de projection, tout particulièrement veillé à soutenir le centre de publications de l'Institut installé à Samarkand. Ce centre est unique dans le réseau scientifique de l'Asie centrale : de toutes les républiques devenues indépendantes en 1991 l'Ouzbékistan est la seule où la parution d'une revue archéologique paraissant à un rythme annuel – c'était alors Istorija material'noj kul'tury Uzbekistana – n'a jamais été interrompue, ce qui même dans les années les plus difficiles a permis de poursuivre la publication rapide des fouilles, des trouvailles fortuites et des documents accumulés dans les archives. Deux autres revues ayant chacune leur orientation spécifique se sont par la suite ajoutées : Arkheologicheskie issledovanija v Uzbekistane, et maintenant Arkheologija Uzbekistana. Il convient d'en saluer la parution et de lui souhaiter longue vie !

Frantz Grenet,
co-directeur de la MAFOUZ de Sogdiane

Выход первого тома научного сборника “Археология Узбекистана” только может радовать всех тех, кто интересуется археологией Узбекистана, а также археологией Центральной Азии. Это символ проявления значительного количества иностранных партнерских отношений. С 1989 года франко-узбекская археологическая миссия в Согдиане, которой я руковожу с М.Х. Исамиддиновым, имеет, помимо его собственной деятельности раскопок и изучения рынка сбыта, особенно старался, поддерживал центр публикаций института в Самарканде. Этот центр единственный без научной сети Центральной Азии: среди республик, ставших независимыми в 1991 году, Узбекистан единственен, где выход археологического журнала ежегодно и непрерывно появляется в свет, даже в трудные годы продолжалась публикация ИМКУ, где освящаются результаты раскопок, интерпретации случайных находок и документов, накопленных в архивах. Два других журнала, имеющие каждую свое специфическое направление, добавились впоследствии. Я желаю процветания и долгой жизни этим журналам.

Франц Грене
Содиректор Узбекско-Французской
археологической Согдийской Миссии

Congratulations on the publication of the first volume of Archaeology of Uzbekistan. Uzbekistan is a nation with an incredible wealth of history and archaeology is essential for understanding the development of strategies and ways of life that contribute to its great diversity through time. As the co-director of a recently initiated Uzbek-American mission in Uzbekistan I look forward to the future discoveries and scientific research that will emerge from productive international collaborations, research exchanges, and joint publications and presentations. The present journal reflects the aspirations of the open scientific atmosphere that prevails through the work of scholars in Uzbekistan and which enables the broader mission of historical inquiry to move forward toward greater discovery and a better understanding of humanities history and prehistory.

Dr. Michael Frchetti
Washington University in St. Louis

Узбекистан - республика невероятно богатой истории, и археология является существенной для понимания развития образов жизни, которые способствуют его большому разнообразию в течение времени. Как соруководитель недавно инициированной Узбекско-Американской миссии в Узбекистане, я с нетерпением жду будущих открытий и научного исследования, которые появятся в результате международного сотрудничества, обмена исследований, совместных публикаций и представлений. Поздравляю коллектив Института археологии с публикацией первого тома журнала «Археологии Узбекистана».

Данный журнал будет отражать стремление открытой научной атмосферы, которая проявится в работах ученых Узбекистана и которая позволит расширить миссию исторического развития и продвинуться к большому открытию и лучшему пониманию истории гуманитарных наук и предыстории.

Др. Майкл Фрачетти
Вашингтонский Университет в Сант Луисе

ТАНҚИД ВА ТАҲЛИЛ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б.Х. МАТБАБАЕВ. К ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ФЕРГАНЫ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ И ГОРОДСКИХ ПАМЯТНИКОВ)

(Ташкент: Tafakkur, 2009. 117 с., 8 табл., 98 илл.)

Тема, выбранная автором, безусловно, является и актуальной и интересной с точки зрения сравнения этой эпохи Ферганы с другими регионами Центральной Азии, где она изучена намного лучше. Ферганская долина в этом плане долгое время представляла собой исключение. При этом, как следует из названия работы, автор для обобщения привлек все основные категории археологических памятников: городища, поселения и погребальные комплексы. При этом он удачно использовал свои собственные материалы, накопленные им в течении почти трех десятков лет и которые существенно дополнили уже существующие. Основными объектами исследования являются памятники, расположенные на территории бассейна рек Гавы и Касаная с их притоками в Северной Фергане. Следует отметить, что эта часть Ферганы включает все основные природно-ландшафтные зоны: предгорья, адыры и равнины. Все это дало автору возможность на конкретных материалах показать вклад кочевников и земледельцев в сложение ферганской материальной культуры накануне арабского завоевания.

Монография состоит из введения, пяти глав, заключения, примечаний, списка литературы и списка сокращений, приложений, таблиц и иллюстраций.

В первой главе (с. 8-14) автор подробно останавливается на истории изучения Ферганской долины периода раннего средневековья. При этом, на наш взгляд, он несколько излишне углубляется в другие эпохи, в том числе в эпоху бронзы, что отвлекает, как нам кажется, читателя от основной темы.

Во второй главе (с. 15-29), посвященной крупномасштабным раскопкам городского центра Баландтепа (средневековый Баб), освещается ход археологических исследований на пяти раскопах, заложенных в различных частях городища. Подробно анализируются археологические комплексы, выделяются три основных периода его обживания и, что очень важно, достаточно уверенно выделяется малоизученный в Фергане комплекс периода V-VI вв. При этом полученные материалы сравниваются с двумя другими известными памятниками Северной Ферганы - городищем Эски Ахси (средневековый Ахсикет) и Мугтепа - Мугкала (средневековый Касан).

В третьей главе (с. 30-60) рассматриваются материалы из уникального не только для Ферганы, но всего центральноазиатского региона, могильника Мунчактепа. Впервые в полном объеме вводятся в научный оборот материалы, полученные в ходе многолетних полевых и камеральных работ. В результате кропотливых исследований, проведенных на очень высоком научном уровне, получены артефакты, которые дали огромное количество информации по истории и истории культуры Ферганы V-VIII вв.

В четвертой (с. 61-79) и пятой главах (с. 80-88) рассматриваются вопросы систематизации и хронологии раннесредневековых комплексов. В частности, выделен мунчактепинский археологический комплекс, который впервые выявлен и разработан автором и получил достаточно убедительную хронологическую и историческую интерпретацию.

Полученные автором, в ходе полевых и камеральных исследований результаты, обобщенные в данной монографии, с привлечением широкого круга письменных источников – безусловно, еще один большой шаг в понимании сложных исторических процессов, происходящих в Ферганской долине накануне арабской экспансии.

Книга, содержащая богатый иллюстративный материал, будет интересна не только специалистам, но всем увлеченным историей Ферганы и Узбекистана в целом.

А.А. Грицина

АХБОРОТ

ХРОНИКА

“ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ХУДУДИДА 2008-2009 ЙИЛЛАРДА ОЛИБ БОРИЛГАН АРХЕОЛОГИК ТАДҚИҚОТЛАР НАТИЖАЛАРИГА БАҒИШЛАНГАН ҲИСОБОТ СЕССИЯСИ” ЙИҒИЛИШИ ҲАҚИДА

Самарқанд, 25-26 март 2010 йил

Маълумки, археологик илмий изланишларнинг методикаси қидирув-қазув ишларининг бир неча турлари ва босқичларидан, хусусан, археологик кузатувлар, стратиграфик ва планиграфик қазув усуллари, топилмаларнинг дала шароитидаги илк таҳлили ҳамда лаборатория тадқиқотларидан иборатдир. Дала шароитидаги илк ишланмалар, лаборатория анализларидан кейин ушбу изланишларининг яна бир босқичи мавжудки, буни ҳеч иккиланмасдан тадқиқотлар илмий натижаларининг илк апробацияси сифатида қабул қилиш мумкин. Бу босқич муайян археологик дала қазув тадқиқотлари мавсуми натижаларига бағишланган йиллик ҳисобот сессиясидир. Худди шундай, 2008-2009 йиллар археологик дала мавсуми натижаларига бағишланган йиллик ҳисобот сессияси жорий 2010 йилнинг 25-26 март кунлари ЎЗР ФА Я. Ғуломов номидаги археология институтида бўлиб ўтди.

Институт директори, т.ф.н. Бердимуродов А.Э. сессияни очиб 2008-2009 йилларда Ўзбекистонда ўтказилган археологик тадқиқотлар, уларнинг асосий натижалари ҳақида қисқача маълумот берди ва сессия ишига муваффақият тилади.

А. Анорбоев раислигидаги эрталабки мажлис анъанага кўра, Ўзбекистон палеолитига оид ёдгорликларда олиб борилган қазув тадқиқотлари ҳисоботи билан бошланди. Жумладан, М. Жўрақулов Ўрта Зарафшон воҳаси тош даври ёдгорликларида, Б. Сайфуллаев Бухоро ва Навоий вилоятлари палеолит манзилгоҳларида, Н.Холматов Самарқанд вилояти, Нуробод туманидаги Очилғор маконида олиб борилган қазув-тадқиқотлари бўйича ҳисобот бердилар. Айниқса, Очилғор тадқиқотчиси Н. Холматов ҳисобот маърузаси натижалари диққатга сазовор бўлди. Хусусан, ғор маконнинг қуйи маданий қатламларидан мезолит даврига оид тош қуролларнинг қайд этилиши, ушбу ёдгорликни шу пайтгача фақат неолит даври манзилгоҳи сифатида қайд этилишини инкор этди. Очилғор макони неолит (устки) ва мезолит (пастки) жамоаларига тегишли манзилгоҳ бўлиб, унинг моддий-маданияти маҳаллий илдизларга эга, автохтон маданият эканлиги эътироф этилди.

Йиллик ҳисобот сессияси ишида Ўзбекистон республикаси ҳудудида фаолият кўрсатаётган бир қатор халқаро, қўшма экспедицияларнинг, хусусан, Ўзбекистон-Германия халқаро экспедициясининг Пошхўрд, Тиллабулоқ ёдгорликларида (Ш. Шайдуллаев), Ўзбекистон-Франция-Бактрия халқаро экспедициясининг Жарқўтон, Эски Термиз ёдгорликларида (С. Мустафоқулов, М. Ҳасанов), Ўзбекистон-Франция-Суғдиёна халқаро экспедициясининг Қашқадарё вилоятидаги Сангиртепа, Жиззах вилоятидаги Тўрткўлттепа, Самарқанддаги Афросиёб ёдгорликларида (М. Ҳасанов, А. Грицина, М. Исомиддинов), Ўзбекистон-Япония-Самарқанд халқаро экспедициясининг Добусия ёдгорлигида (А. Бердимуродов), Ўзбекистон-Италия халқаро

экспедициясининг Қофирқалъа, Сазағон, Қўйтепа, Уч-Кулоҳ ёдгорликларида (А.Бердимуродов, М. Мирзааҳмедов), Ўзбекистон-Польша халқаро экспедициясининг Сурхондарё вилоятидаги Жондавлаттепа ёдгорлигида (К. Абдуллаев), Ўзбекистон-Украина халқаро экспедициясининг Самарқанд вилояти Ургут туманидаги Сулаймонтепа ёдгорлигида (С. Мустафоқулов) олиб борган тадқиқотлари ҳисоботлари билан қатнашдилар. Таъқидлаш жоизки, барча ҳисоботлар замонавий техник жиҳозлар, сифатли кўрсатма материаллар ёрдамида берилди ва натижада сессия иштироқчилари, мутахассислар орасида қизиқарли савол-жавоблар ва мунозараларга сабаб бўлди. Хусусан, сессиясининг биринчи куни кечки музокараларда сўзга чиққан А. Анорбоев, К. Абдуллаев, А. Бердимуродов, А. Грицина, Г. Иванов, Ж. Мирзааҳмедов, Б. Матбобоев ва М. Пардаевлар томонидан республика ҳудудида ўтказилаётган археология тадқиқотларининг аҳволи, саъвийси ҳақида ижобий баҳо берилди. Музокарага чиққанлар томонидан баъзи, хусусан, Тилла-Булоқ (Ш. Шайдуллаев), Сангиртепа (М. Ҳасанов), Қофирқалъа (А. Бердимуродов), Тўрткўлтпепа (А. Грицина), Уч-Кулоҳ (Ж. Мирзааҳмедов) ёдгорликлари ҳисоботлари натижаларига алоҳида урғу берилди. Жумладан, Тиллабулоқ топилмаларидаги Сополли ва Жарқўтон маданияти ягона илдизлари ва улардаги узвий ворисий давомийлик, Сангиртепадан топилган ўзига хос, оригинал, тўрт оёқли орастадон ва унинг антик давр маънавий ҳаётидаги ўрни, Самарқанд ихшидларининг дипломатияси тарихига оид Қофирқалъа буллаларига тааллуқли фикрлар, Тўрткўлтпепа карвонсаройи локализацияси бўйича билдирилган танқидий мулоҳазалар ҳисобот муаллифлари томонидан қабул қилинди.

Т.ф.д. М.Ҳ. Исомиддинов раислигида ўткан ҳисобот сессиясининг иккинчи куни кундузги мажлисида У. Раҳмоновнинг Хоразм вилояти Мешекли кўҳна қабристонини тадқиқотлари, М. Реутованинг Сармишсой қоятош суратларини сақлаб қолиш бўйича изланишлари, Ж. Мирзааҳмедовнинг Пойкенд шаҳар харобаларида ўтказилган қазув ишлари, А. Райимқуловнинг Қашқадарё вилоятидаги Ялпоқтепа ёдгорлигида олиб борган қазималари ҳисоботлари эшитилди. Ушбу маърузалардан, айниқса М. Реутованинг петроглифларнинг консервациясига бағишланган тадқиқотлар ҳисоботи мутахассисларда катта қизиқиш уйғотди.

У. Раҳмонов раислигида ўтган кечки мажлисда Сўғднинг иккинчи пойтахти сифатида илмий муомалага кирган Кўктепа (М. Исомиддинов), Самарқанд вилояти, Нуробод туманидаги Улустепа ёдгорлигида ўтказилган стратиграфик қазув тадқиқотлари (А. Ёркулов), Жиззах вилояти, Зомин туманидаги Қоратепа шаҳар харобасида (А. Грицина), Фарғона вилоятидаги Қува ва Шоҳимардон ёдгорликларида (Г. Иванов), Қўқон шаҳри ва Наманган вилоятидаги ёдгорликларда (А. Анорбоев) ва Андижон вилоятида олиб борилган археологик тадқиқотлар (Б. Матбобоев) ҳисоботлари берилди. Мазкур ҳисоботлардан, айниқса Мешекли, Кўктепа, Пойкенд ва Қўқонда ўтказилган тадқиқотлар сессия қатнашчилари эътиборини тортди. Хусусан, Қўқон шаҳрининг тарихий ёшени аниқлашга қаратилган археологик изланишлар натижаси бўйича баҳс ва мунозаралар бўлиб ўтди. Тадқиқотлар раҳбари А. Анорбоев томонидан тақдим этилган ашёвий топилмалар Қўқон шаҳрига янги эранинг бошида асос солинган деган илмий хулосани беришга асос бўлиши қайд этилди.

Илмий ҳисобот сессияси сўнггида Археология институти дала тадқиқотлари бўлими ҳисоботи тингланди. Ҳисобот берувчи, бўлим бошлиғи Б. Матбобоевнинг таъқидлашича, икки кун мобайнида ўтган ҳисобот сессиясида 2008-2009 йилларда

“Очиқ варақа” асосида иш олиб борган 38 та отряднинг 28 таси амалдаги қоидаларга мувофиқ ҳисобот берган, 6 та отряд ўз ҳисоботлари матнини, фотосурат ва чизмалар жадвали билан институт дала тадқиқотлари қўмитасига тақдим этган. Ўтказилган 4 та отряд тадқиқоти бўйича сабабсиз равишда ҳисобот берилмаган, ҳисобот матни ҳам тақдим қилинмаган.

Илмий ҳисобот сессиясининг якуний ҳужжатлари хулосасида республикамизнинг барча вилоятлари ва Қорақалпоғистонда режали равишда археологик тадқиқотларнинг ўтказилаётгани таъкидланди ва бу тадқиқотларнинг натижалари қониқарли деб топилди. Сессия сўнггида Археология институти дала тадқиқотлари бўлими ва эксперт гуруҳи таркиби қайта тузилди.

М.Ҳ. Пардаев

МУНДАРИЖА

Т.Ш. Ширинов, А.Э. Бердимуродов, М.Х. Пардаев Ўзбекистонда археология фанининг шаклланиши ва ривожланиши тарихидан	4
А.Р. Муҳаммаджонов Яхё Ғуломов илмий фаолиятининг асосий йўналиши борасида (Академик Яхё Ғуломов таваллудининг 100 йиллигига бағишланади)	16
Я.Ф. Ғуломов Нур Бухорий	20

ИЛМИЙ ХАБАРЛАР

Р.Х. Сулаймонов Оби-Раҳмат ғори ва Марказий Осиё палеолити муаммолари	25
Б.Қ. Сайфуллаев Ўзбекистон палеолитининг айрим хусусиятлари	30
Н.О. Хушвақов Кулбулоқ маданий қатламларининг талқини масаласига доир	33
Н.Ў. Холматов Очилғор макони тадқиқотининг дастлабки натижалари хусусида	37
В.Д. Рузанов Ўзбекистонда қалай олиш тарихига доир янги маълумотлар	49
А.А. Анорбоев Яна Фарғона (Давань-Дайюань) пойтахт шаҳарларининг локализацияси ва у билан боғлиқ мунозарали масалалар ҳақида	65
Ж.К. Мирзааҳмедов, Б.Х. Матбобоев, М.Н. Султонова Андижоннинг ўрта аср сопол идишлари	73
А.А. Грицина Култепанинг IX-XI асрнинг биринчи ярмига оид моддий маълумотлар	86
А.А. Раимқулов, Б.Б. Мамадиев Қарши қалъасининг тарихий топографиясига доир	95
Ш.Б. Шоназаров Нахшабнинг дафн этиш анъаналари ва Мозори Мир қабристони	99
А.Р. Ботиоров Ўзбекистон антропогенда териофауна	107

МУНОЗАРА

Н.А. Аванесова Сополли маданиятининг нисбий даврий санаси ва даврлаштириш муаммосига доир	110
А. Асқаров Мархаматга ташриф ва Эрши мудофааси ҳақида мулоҳазалар	144

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

А.М. Омонов Ангиллак ғори топилмалари талқини масаласига доир	153
О.Т. Эргашев Кукаёз устахоналари (1-8) тош қуроллари	158
А.Н. Холматов Ноқисой янги қоятош расмлари	166
Ф.Э. Тошбоев Икки хил хўжалик - ягона иқтисодий тизим (кўчманчи чорвадор ва ўтроқ дехкон аҳоли муносабатлари масаласига доир)	170

ХАЛҚАРО ҲАМКОРЛИК

К. Рапен, М. Ҳасанов Киндиклитепи шаҳар ёдгорлиги қазилмалари	179
---	-----

ҲАМКАСБЛАРИМИЗ ТАБРИГИ

	185
--	-----

ТАНҚИД ВА ТАҲЛИЛ

А.А. Грицина Б.Х. Матбобоев. Фарғонанинг илк ўрта асрлар маданияти тарихига доир (шаҳар ва мазорқўрғонлар моддий манбалари асосида)	189
---	-----

АХБОРОТ

М.Х. Пардаев “Ўзбекистон Республикаси ҳудудидида 2008-2009 йилларда олиб борилган археологик тадқиқотлар натижаларига бағишланган ҳисобот сессияси” йиғилиши ҳақида	191
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	
<i>Т.Ш. Ширинов, А.Э. Бердимуратов, М.Х. Пардаев</i> Из истории формирования и развития археологической науки в Узбекистане	4
<i>А.Р. Мухамеджанов</i> Об основном направлении научной деятельности Яхья Гулямова (посвящается 100 летнему юбилею академика Яхья Гулямова)	16
Я.Г. Гулямов Нур Бухарский	20
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ	
<i>Р.Х. Сулейманов</i> Грот Оби-Рахмат и проблемы палеолита Центральной Азии	25
<i>Б.К. Сайфуллаев</i> Некоторые особенности палеолита Узбекистана	30
<i>Н.О. Хушваков</i> К вопросу интерпретации культурных слоев Кульбулака	33
<i>Н.У. Холматов</i> О предварительных результатах исследования грота Очилгор	37
<i>В.Д. Рузанов</i> Новые данные к истории добычи олова в Узбекистане	49
<i>А.А. Анарбаев</i> Еще раз о локализации столичных городов Ферганы (Давань - Дайюань) и некоторые спорные вопросы, связанные с ними	65
<i>Д.К. Мирзаахмедов, Б.Х. Матбабаев, М.Н. Султанова</i> Средневековая керамика Андижана	73
<i>А.А. Грицина</i> Материалы IX - первой половины XI в. с городища Культепа	86
<i>А.А. Раимкулов, Б.Б. Мамадиев</i> К исторической топографии крепости Карши	95
<i>Ш.Б. Шоназаров</i> Эволюция погребальных традиций Нахшаба и могильник Мазари Мир	99
<i>А.Р. Батыров</i> Терниофауна Узбекистана в антропогене	107
ДИСКУССИЯ	
<i>Н.А. Аванесова</i> К проблеме относительной хронологии и периодизации сапаллинской культуры	110
<i>А. Аскарлов</i> Городище Мархамат и некоторые суждения об обороне Эрши	144
Трибуна молодого исследователя	
<i>А.М. Омонов</i> К вопросу интерпретации материалов грота Ангиллак	153
<i>О.Т. Эргашев</i> Каменные орудия Кукаязских (1-8) мастерских	158
<i>А.Н. Холматов</i> Новые петроглифы Нокисая	166
<i>Ф.Э. Ташбаев</i> Два типа хозяйства - единой экономической системы (к проблеме взаимосвязей кочевнико-скотоводческого и оседло-земледельческого населения)	170
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО	
<i>К. Рапен, М. Хасанов</i> Раскопки на городище Киндикли-тепе	179
ПОЗДРАВЛЕНИЯ КОЛЛЕГ	
185	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>А.А. Грицина</i> Б.Х. Матбабаев. К истории культуры Ферганы в эпоху раннего средневековья (по материалам погребальных и городских памятников)	189
СООБЩЕНИЯ	
<i>М.Х. Пардаев</i> О заседании «Отчетной сессии посвященной результатам археологических исследований проведенных на территории Республики Узбекистан в 2008-2009 гг.»	191

CONTENTS

<i>T.Sh. Shirinov, A.E. Berdimuradov, M.H. Pardaev</i> From History of Forming and Development of Archaeological Science in Uzbekistan	4
<i>A.R. Muhammedjanov</i> On Major Fields of Scientific Activity of Yahya Gulamov (Devoted to 100 th anniversary of Academician Yahya Gulamov)	16
<i>Y.G. Gulamov</i> The Bukhara Nur	20

RESEARCH

<i>R.H. Suleymanov</i> The Obi-Rahmat Grotto and Problems of the Paleolithic in Central Asia	25
<i>B.K. Sayfullaev</i> Some Features of the Paleolithic in Uzbekistan	30
<i>N.O. Hushvaktov</i> The Issue of Interpretation of Kulbulak Cultural Layers	33
<i>N.U. Holmatov</i> On Initial Results of Study at the Achylghar Site	37
<i>V.D. Ruzanov</i> New Data on History of Tim Mining in Uzbekistan	49
<i>A.A. Anarbaev</i> Once More on Localization of Capital Towns of Ferghana (Davan-Tayuan) and Some Related Disputable Issues	65
<i>D. K. Mirzaahmedov, B.H. Matbabaev, M.N. Sultanova</i> Medieval Pottery of Andijan	73
<i>A.A. Gritsina</i> Data from Kultepa of 9 th – early 11 th centuries	86
<i>A.A. Raimkulov, B.B. Mamadiev</i> On Historical Topography of the Qarshi Castle	95
<i>Sh.B. Shonazarov</i> Evolution of Funeral Traditions of Nahsheb and the Mazari-Mir Burial	99
<i>A.R. Batyrov</i> Tera-fauna of Uzbekistan in the Anthropogenic Era	107

DISCUSSIONS

<i>N.A. Avanesova</i> On Problem of Relative Chronology and Periodization of the Sapalli Culture	110
<i>A. Askarov</i> Marhamat and some thoughts about defenses of Ershi	144

TRIBUNE OF YOUNG RESEARCHER

<i>A.M. Omonov</i> On Interpretation of Data from the Angillak Grotto	153
<i>O.T. Ergashev</i> Stone Tools of Kukayaz (1-8) Workshops	158
<i>A.N. Holmatov</i> The New Naqisay Rock Paintings	166
<i>F.E. Toshboev</i> Existing Views and New Interpretations on Political Order of Nomadic Cattle-Breeder People	170

INTERNATIONAL COOPERATION

<i>K. Rapen, M. Hasanov</i> Excavations at the Kindiklitepe Site	179
---	-----

COLLEAGUES' CONGRATULATIONS

185

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

<i>A.A. Gritsina</i> B.H. Matbabaev. On History of Culture of Ferghana during Early Medieval Period (data example from burial and urban sites)	189
---	-----

MESSAGES

<i>M.H. Pardaev</i> About Reporting Session on Results of Archaeological Investigations Conducted During 2008-2009 in Uzbekistan	191
---	-----

Академия наук Республики Узбекистан

№1 - 2010

Журнал основан в сентябре 2010 г.
Выходит 3 номера в год

Учредитель: Институт археологии им Я. Гулямова
Академии наук Республики Узбекистан

Адрес редакции: 140151, Самарканд, ул. В.Абдуллаева, 3
Телефон: (366) 232-15-13; E-mail: uzarchae@yahoo.com, uzarchae@mail.ru

©Институт археологии им Я. Гулямова Академии наук Республики Узбекистан, 2010

ISSN 2181-032X

Редакторы:

Ж.К. Мирзаахмедов, М.Х. Пардаев

Компьютерная верстка:

Т.Х. Очиллов

Компьютерный набор:

М.В. Кондрикова, Ё. Рашидова

Журнал зарегистрирован Агентством по печати и информации
Республики Узбекистан 30 сентября 2010 г.
Регистрационный номер № 0592

Сдано в набор 10.05.2010. Подписано в печать 07.12.2010.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 15,3.
Тираж 500 экз. Заказ 275.

Отпечатано в типографии Института археологии АН РУз.
140151, Самарканд, ул. В. Абдуллаева, 3.
Телефон: (366) 232-12-90

ISSN 2181-032X